

Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

Проблемы становления гражданского общества

*IX Международная научная студенческая
конференция*

Иркутск, 19 марта 2021 года

Часть III

Иркутск, 2021

УДК 340
П 78

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. Протокол от 17 марта 2021 года № 1.

П 78 Проблемы становления гражданского общества : сборник статей IX Международной научной студенческой конференции, Иркутск, 19 марта 2021 г. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. – Часть III. – 366 с.

В настоящий сборник помещены статьи участников IX Международной научной студенческой конференции «Проблемы становления гражданского общества» (Иркутск, 19 марта 2021 г.) по актуальным вопросам теории и истории государства и права, гражданского, уголовного, конституционного, трудового, семейного, экологического права, уголовного и гражданского процесса и др.

Материалы предназначены для студентов юридических вузов.

УДК 340

© Университет прокуратуры
Российской Федерации, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовное право

<i>Базардашиева Е. П.</i> Руководители организаций, дочерних и зависимых от государственных корпораций, как субъект служебных преступлений	10
<i>Батракова В. Д.</i> Криминологическая характеристика лиц, совершающих преступление, предусмотренное ст. 317 УК РФ	13
<i>Башкова П. С.</i> Актуальные вопросы применения ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии»	15
<i>Бронникова Е. В.</i> К вопросу о необходимости трансформации понятия и признаков предмета хищения в условиях цифровизации современного общества	18
<i>Валява Д. В.</i> Роль гражданского общества в противодействии коррупции ...	21
<i>Воронин А. А.</i> Некоторые вопросы квалификации контрабанды культурных ценностей	25
<i>Габидуллин Э. С.</i> Проблема единства подходов к трактовке уголовно-правовых понятий в Федеральном законе «О противодействии терроризму» и Уголовном кодексе Российской Федерации	28
<i>Ганжа М. В., Старащук Д. Ю.</i> Возможности искусственного интеллекта в предупреждении преступлений	32
<i>Гокунь Ю. С.</i> 3D-печать в уголовном праве: вызовы и угрозы безопасности	35
<i>Гурко А. К.</i> Система мер уголовно-правового воздействия в уголовном праве Российской Федерации	38
<i>Даншаев Б. А.</i> Юридическая оценка вреда в спортивных состязаниях	42
<i>Довгань М. А.</i> Мошенничество в сфере кредитования: новые преступные схемы	44
<i>Доржиева А. Д.</i> Некоторые проблемы квалификации преступления, предусмотренного, ст. 228 УК РФ	48
<i>Дубовкина А. С.</i> Криминализация распространения заведомо ложной информации (ст. 207.1, ст. 207.2 УК РФ)	52
<i>Земкина И. Ю.</i> Схемы совершения мошенничества в сфере предпринимательской деятельности	54
<i>Казаков А. В.</i> Актуальные проблемы применения судебного штрафа	57
<i>Козулина Д. В.</i> Необходимая оборона при защите от посягательств, направленных на половую свободу и половую неприкосновенность: проблемы уголовно-правовой оценки	60

Колесникова А. В. Моделирование в исследовании причинного комплекса правонарушаемости в области рыболовства на примере Байкальского региона	64
Копылова Е. Е. Проблема декриминализации побоев.....	67
Коробейникова М. С. История развития правовой нормы об ответственности за прикосновенность к самоубийству в российском законодательстве	70
Корольков Д. В., Гугнин Р. Д. Особенности коррупции в образовательной сфере	73
Кочеткова К. П. Некоторые вопросы квалификации убийств, предусмотренных ч. 1 ст. 108 УК РФ (на основе судебной практики).....	76
Крючков Д. А. Отдельные вопросы определения крупного ущерба в составах преступлений против интеллектуальных прав.....	80
Кузнецова Д. В. Критерии отграничения преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, от административного правонарушения (ст. 8.28 КоАП РФ).....	84
Кулаков В. О. К вопросу о необходимости конструирования специальных составов пособничества преступлению в Особенной части уголовного закона.....	87
Ломовская А. В. Доведение до самоубийства и склонение к совершению самоубийства несовершеннолетних как квалифицирующий признак	90
Лыков И. И. О некоторых вопросах квалификации доведения до самоубийства.....	94
Махлай А. М. Обеспечение права на жизнь до рождения ребёнка в рамках уголовно-правовой охраны.....	97
Миникеева Е. Р. Вопросы квалификации убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны.....	100
Мусатова В. В. Понятие и цели принудительных мер медицинского характера	104
Некрасова А. А. Проблемы определения предмета нарушения правил обращения экологически опасных веществ и отходов.....	107
Пальчикова А. Е. Некоторые проблемы определения двойной формы вины в уголовном праве	110
Пахомов Д. М. Понятие и виды обстоятельств, отягчающих наказание, и их особенности	113
Радов В. В. Расчет врача в ятрогенном преступлении.....	117
Романова Е. Р. К вопросу о трансакционной природе судебного штрафа ..	122

Самойличенко Д. С. Становление и классификация речевых преступлений в уголовном законодательстве России	125
Сенчура М. В. Об особенностях назначения уголовного наказания несовершеннолетним	129
Ситник В. Н. Перспективы введения уголовной ответственности за использование технологии Deepfake (дипфейк) в Российской Федерации .	132
Тарчокова М. А. Развитие уголовной политики России в противодействии коррупционной преступности	135
Тользак А. Е. Соотношение понятий «время совершения преступления» и «момент окончания преступления»	137
Тютрина А. П. Вопросы квалификации терроризма в уголовном праве России	140
Ушаков А. А. Влияние поправок к Конституции Российской Федерации 2020 года на применение отдельных статей Уголовного кодекса Российской Федерации	143
Филатова С. С. Некоторые проблемы в определении понятия покушение на преступление.....	146
Хахалов В. П. Деятельность правоохранительных органов и образовательных учреждений в сфере противодействия террористической и экстремистской идеологии в молодежной среде	150
Хныков Е. Р. оборот транспортных средств как объект уголовно-правовой охраны.....	154
Цветкова Д. А. Добыча подземных вод для питья, бытового и производственного назначения без лицензии: проблемы квалификации	158
Чичёв А. А. Некоторые вопросы уголовно-правовой характеристики деяния как части объективной стороны легализации (отмывания) преступных доходов.....	161
Шабловская Д. А. Клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности: анализ законодательных изменений.....	165
Шамкий В. В. Особенности уголовно-правовой оценки аварии с тяжкими последствиями	168
Шибалкина Х. В. Некоторые проблемные вопросы квалификации незаконной пересылки наркотических средств	171

Уголовный процесс

<i>Аксёнова А. А.</i> К вопросу о необходимости возбуждения производства о применении принудительных мер медицинского характера.....	174
<i>Башкова П. С.</i> Некоторые особенности производства допроса несовершеннолетних потерпевших, свидетелей.....	177
<i>Боровик О. С., Rogozina Я. С.</i> Медиация в уголовном судопроизводстве...	181
<i>Бурмакин Е. А.</i> Проблема регламентации процессуального статуса лица, в отношении которого производится проверка сообщения о преступлении	184
<i>Владимиров Е. Ю.</i> Целесообразность отказа от статуса обвиняемого в пользу статуса подозреваемого.....	187
<i>Головатинская И. А.</i> Отдельные актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении	190
<i>Данилина В. Е., Носырев Р. В.</i> Залог как мера пресечения в уголовном процессе.....	193
<i>Иванушкина В. С.</i> Гуманизм как принцип уголовного процесса	197
<i>Каплунов А. С.</i> Проблема методологического критерия оценки доказательств присяжными заседателями	199
<i>Кожемякина А. С., Кряжева Ю. И.</i> О проблемных вопросах применения домашнего ареста	202
<i>Конопля Я. А.</i> К вопросу о существенности нарушений, влекущих недопустимость доказательств	205
<i>Крючков Д. А.</i> Отдельные вопросы процессуального статуса лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве	208
<i>Куликов А. Ю.</i> Некоторые вопросы правового регулирования и толкования обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве	211
<i>Лумбунова В. В.</i> Проблемные вопросы уголовно-процессуального задержания в порядке ст. 449 УПК РФ	214
<i>Матвеева Е. С.</i> Актуальные проблемы избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого	217
<i>Миргородская Э. Р.</i> Полномочия прокурора при судебном рассмотрении жалоб на действия и решения органов предварительного следствия.....	220
<i>Муратова С. С.</i> Проблема выбора оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры	

уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и в связи с примирением сторон	223
Немеров А. В. Некоторые проблемы особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением	226
Олейник А. Д. К вопросу о правовых последствиях признания доказательств недопустимыми	229
Павлуцкая А. А. Влияние постановлений Европейского Суда по правам человека на судебную практику об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу	232
Потапова С. С. Проблема ограничения и запрета на передвижение при назначении домашнего ареста	235
Черепанов С. А. К вопросу о применении средств видеофиксации как альтернативы понятым в уголовном судопроизводстве	238

Криминалистика и юридическая психология

Абузова Е. А. К вопросу о назначении ситуационной экспертизы при расследовании некоторых видов убийств.....	242
Алексеева Т. В., Снетков Д. А. Социально-психологическая характеристика женской преступности	245
Антипова М. С. Некоторые проблемы назначения и производства судебных почерковедческих экспертиз	249
Базарова И. О. Проблемные вопросы назначения и производства дендрохронологической экспертизы при расследовании уголовных дел.....	252
Бурзалова А. О. Следственные версии по уголовным делам о разбойных нападениях, совершенных в отношении инкассаторов.....	255
Ветров Э. П. Судебная экспертиза материалов экстремистско-террористической направленности: актуальные вопросы методики проведения	259
Воробьева Е. Ю., Шуплецов Н. С. Виртуальные следы: место в классификации криминалистических следов и некоторые проблемы их изъятия и фиксации.....	263
Гомзякова Е. М. К вопросу об интуиции при выдвижении следственной версии	266
Грига Е. А. О некоторых особенностях религиоведческих экспертиз, проводимых при ритуальных убийствах	269

<i>Дебалуя А. Р.</i> Интеграция биометрических технологий в процесс криминалистической идентификации: историко-правовой аспект	273
<i>Егорова С. С.</i> Актуальные проблемы анализа рукописной подписи: судебно-почерковедческая экспертиза	275
<i>Ераксина Е. Р.</i> Первоначальный этап расследования дорожно-транспортных преступлений: типовые ситуации и версии.....	277
<i>Заиграева В. И.</i> О некоторых способах подделки денежных знаков	281
<i>Заиграева Е. И.</i> Личность взяточполучателя как элемент криминалистической характеристики взяточничества	285
<i>Казакова А. А., Чипизубов Д. А.</i> К вопросу о психологическом портрете личности киберпреступника.....	288
<i>Кароба Л. А.</i> Цифровые (виртуальные) следы в криминалистике и уголовном процессе	292
<i>Киянов А. Д.</i> Особенности методики расследования убийств, сопряженных с безвестным исчезновением потерпевшего	295
<i>Краснослабодцева В. А.</i> Информационные технологии в криминалистике: использование возможностей 3D-фотосъемки	299
<i>Логачёва Е. Д., Щедрова А. А.</i> Возможности использования гипноза для получения доказательств по уголовным делам.....	302
<i>Мальчук Д. А.</i> Виртуальные следы в криминалистике и их значение в расследовании преступлений	306
<i>Монгуш Ю. Ш.</i> Некоторые психологические аспекты несовершеннолетних правонарушителей	309
<i>Мусатова В. В.</i> К вопросу о невменяемости и ее критериях	312
<i>Нагорнов В. А.</i> Проблемы расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ).....	316
<i>Паклина О. М.</i> Психологическая характеристика суицидального поведения лиц, осужденных и заключенных под стражу	319
<i>Пахомов Д. М.</i> Онлайн груминг: основные этапы и их особенности	322
<i>Райкова А. В.</i> Формирование психологической устойчивости как профессионально важного качества в процессе обучения в образовательной организации системы МВД России	326
<i>Роднёнок А. А.</i> Психологические особенности виктимного поведения потерпевших по делам о половых преступлениях.....	329
<i>Рыкзынова Ц. Б.</i> Возможность использования мобильных телефонов как средства фиксации при производстве следственных действий.....	333

Савина Ю. А. Ближайшее окружение и его влияние на формирование преступного поведения несовершеннолетнего	335
Сенчура М. В. Психологические особенности лиц, совершивших насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних.....	339
Степанова И. А. Особенности расследования убийств на железнодорожном транспорте, замаскированных инсценировками как проявление противодействия расследованию.....	342
Трушина Д. А. Проблемы аутентичности фонограммы при производстве судебной фоноскопической экспертизы.....	345
Фетисова А. А. Психологические особенности деятельности организованных преступных групп.....	349
Феттер М. В. Положительные девиации и критерии их допустимости	353
Филимонов А. Д. Кибер-аддикция у подростков: последствия и меры профилактики	356
Чобан М. П. Адвокат как субъект противодействия расследованию	360
Шишкин Р. О. Вандализм как форма девиантного поведения молодежи: причины возникновения и меры профилактики	363

УДК 343.35
Б 17

Е. П. Базардашиева,

студент 3 курса
ИЮИ (ф) УП РФ

Руководители организаций, дочерних и зависимых от государственных корпораций, как субъект служебных преступлений

В статье поднимается вопрос о необходимости расширения понятия должностного лица путем внесения в перечень, который закреплен в примечании к ст. 285 УК РФ, дочерних организаций государственных корпораций.

Ключевые слова: должностное лицо, государственные корпорации, дочерние организации, дочерние компании.

В 2015 г. в примечание 1 к ст.285 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹ были внесены изменения, предусматривающие отнесение руководителей государственных компаний, государственных и муниципальных предприятий, акционерных обществ с государственным участием к категории должностных лиц. В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» указывается, что законопроект направлен на усиление мер ответственности руководителей организаций, созданных государством и муниципальными образованиями, за ненадлежащее исполнение должностных обязанностей, повлекшее за собой причинение существенного вреда охраняемым законом интересам государства и общества².

В настоящее время Государственная Дума РФ во втором чтении рассматривает законопроект о внесении изменений в статьи 201 и 285 УК РФ, суть которого заключается в отнесении руководителей дочерних организаций хозяйственных обществ, подконтрольных Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям в примечание 1 ст.285 УК РФ, т.е. к категории должностных лиц³.

Данная тенденция расширения понятия «должностное лицо» всецело поддерживается нами, поскольку направлена на совершенствование правовых основ противодействия коррупции и повышения эффективности в сфере исполнения государственных и муниципальных задач. Наблюдая положи-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30 дек. 2020): принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

² Пояснительная записка к проекту федерального закона № 394011-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/57708215/> (дата обращения: 09.02.2021).

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 1013018-7 «О внесении изменений в статьи 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации в части уточнения понятия «должностное лицо». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1013018-7> (дата обращения: 09.02.2021).

тельные законодательные инициативы в данной сфере, мы хотели бы рассмотреть этот вопрос на примере статуса в уголовном праве руководителей дочерних и зависимых организаций, созданных государственными корпорациями.

Как известно, в государственном секторе экономики важное место помимо крупнейших акционерных обществ с государственным участием занимают и государственные корпорации. Госкорпорации относятся к юридическим лицам со специальной правоспособностью, пределы которой определяются не уставом, а федеральным законом, предусматривающим ее создание. В нашей стране государственная корпорация рассматривается как субъект хозяйствования и управления, связанный с государством, на нее возлагаются управленческие функции по осуществлению государственной политики в той или иной сферах деятельности (космическая деятельность, атомная промышленность и др.). Соответственно госкорпорации аккумулируют значительные материальные и финансовые ресурсы и проблема повышения эффективности использования данных средств, их преумножения является важной государственной задачей.

Госкорпорации могут быть исполнителями (участниками) профильных государственных программ Российской Федерации, поэтому к реализации государственной политики привлекаются и многочисленные дочерние организации, созданные для этих целей уже самими корпорациями. Однако в настоящее время невозможно привлечь руководителей таких дочерних и зависимых юридических лиц к уголовной ответственности за халатность, т.е. за неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности, даже если это повлекло причинение крупного ущерба или существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, руководителей таких организаций, и даже за смерть человека.

Если мы проанализируем госкорпорации с позиции того, как они создают юридические лица, в том числе дочерние компании, то обнаружим, что такие организации в примечании 1 к ст. 285 УК РФ не упомянуты и не могут быть признаны должностными лицами. Следовательно, ответственность для руководителей в таких организациях наступает по гл. 23 УК РФ как для лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях. Это в свою очередь имеет свои последствия – в гл.23 УК РФ санкции мягче в сравнении с гл.30 УК РФ, процессуальный порядок возбуждения дел иной⁴ и как мы уже отметили – нет ответственности за неосторожное причинение вреда вследствие ненадлежащего использования управленческих полномочий.

4 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08 дек. 2020): принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г.: одобр. Советом Федерации 5 декабря 2001 г. // Рос. газ. 2001. 22 дек. № 249. Ст. 20, 23.

Необходимость внесения новых изменений объясняется тем, что руководители таких организаций наделены организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями аналогично должностным лицам, а негативные последствия для общества и государства от совершенных ими общественно опасных деяний по своей тяжести соответствуют преступлениям, предусмотренным главой 30 УК РФ. Кроме того, правовая природа осуществляемых этими руководителями полномочий (управление государственной или муниципальной собственностью, выполнение ряда государственных задач и функций, оказание государственных и муниципальных услуг и т.п.), порядок их назначения на должность позволяют говорить о целесообразности приравнивания таких лиц к должностным, раз уж должностными лицами теперь признают топ-менеджмент самих госкорпораций.

В настоящее время в Российской Федерации существуют 5 госкорпораций. На официальном сайте Росатома указано, что он имеет 151 зависимую организацию⁵, а на сайте Ростеха указано, что только ключевых компаний имеется в количестве 24 штук⁶. Например, у госкорпорации Росатом есть следующие крупные дочерние компании: Техснабэкспорт, Атомэнергопром, Атомстройэкспорт и др., а у госкорпорации Ростех: Рособоронэкспорт, Технодинамика, Росэлектроника, Концерн «Калашников» и др. Перечисленные организации сами по себе значительны по участию в государственной экономике, некоторые даже выходят за пределы российского рынка и имеют ряд собственных дочерних зависимых обществ. Учитывая такое значительное число и вес дочерних организаций госкорпораций, безусловно, необходимо предотвращать злоупотребления и бесхозяйность со стороны их руководителей в сфере исполнения государственных и муниципальных задач и привлекать их за неосторожное причинение вреда вследствие недобросовестного отношения к службе.

Таким образом, несмотря на то, что сейчас путем внесения законодательных инициатив проводится работа по расширению перечня должностных лиц, пройдет достаточно времени пока федеральный закон с изменениями пройдет весь законодательный процесс и вступит в законную силу. Очевидно, ещё в 2015 году при внесении изменений в примечание 1 к ст. 285 УК РФ были допущены серьёзные просчёты, вследствие чего правовой режим для самих госкорпораций, а также их зависимых и дочерних организаций оказался различным.

Полагаем, что в настоящее время существует очевидная недоурегулированность в части контроля деятельности руководителей организаций, зависимых от госкорпораций, со стороны уголовного закона. Считаю целесообразным внести следующие изменения – в примечание 1 к ст. 285 УК РФ добавить упоминание дочерних организаций государственных корпораций.

⁵ Государственная корпорация «Росатом» : сайт. URL: <https://rosatom.ru/about/factories/> (дата обращения: 09.02.2021).

⁶ Государственная корпорация «Ростех» : сайт. URL: <https://rostec.ru/about/companies/> (дата обращения: 09.02.2021).

Заметим, что новая редакция примечания 1 к ст. 285 УК РФ (в случае принятия упомянутого законопроекта) не будет иметь обратную силу, следовательно, прошлые огрехи, если они имели место, останутся вне сферы уголовно-правового внимания.

Информация об авторе

Базардашиева Елена Пурбуевна – студентка 3 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 664022 г. Иркутск ул. Семена-Лагоды, 4/2, 89955530911, bazardashievale@mail.ru

**УДК 343.9
Б 28**

В. Д. Батракова,

*слушатель 5 курса, ФГКОУ ВО
Омская академия МВД России*

Криминологическая характеристика лиц, совершающих преступление, предусмотренное ст. 317 УК РФ

В статье анализируются данные судебной статистики¹ за период с 2017 по 2019 гг., отражающие криминологические особенности лиц, совершающих преступление, предусмотренное ст. 317 УК РФ. На основании этих данных составляется обобщенная характеристика лица, что в последующем сможет рассматриваться законодателем при совершенствовании указанной уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: уголовное право, посягательство, криминологическая характеристика, сотрудник правоохранительного органа.

Изучение личности преступника, а в частности лиц, совершающих преступное посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, позволит привести положения ст. 317 УК РФ под современные реалии.

По статье 317 УК РФ за период с 2017 по 2019 гг. было осуждено 121 лицо, из которых в 2017 г. – 38 лиц, в 2018 г. – 42 лица, в 2019 г. – 41 лицо. Рассмотрим криминологическую характеристику указанных лиц по следующим основаниям:

1) по половой принадлежности: из общего числа осужденных на долю совершения преступления по ст. 317 УК РФ женщин приходится лишь 2 лица, 1 из которых имеет ребенка в возрасте до 3-х лет. Таким образом, подавляющее число приходится на лиц мужского пола (119 лиц).

2) возрастная категория лиц, совершающих указанное преступление

¹ Данные судебной статистики за 2017 – 2019 гг. // Официальный интернет-портал Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, 2009-2021. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 14.02.2021).

также разнообразна. Так на долю лиц в возрасте 14-17 лет приходится всего 2 человека; от 18 до 24 лет – 32; от 25 до 29 лет – 39; от 30 до 49 лет – 41; от 50 лет и старше – 7. Данный показатель свидетельствует о том, что наиболее часто совершают рассматриваемое преступление лица возрастных категорий от 25 до 49 лет.

3) наличие гражданства (РФ или иного государства). Подавляющее большинство лиц, совершающих преступное посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, конечно, приходится на долю граждан Российской Федерации – 114 лиц. Однако в число лиц, совершающих такое посягательство, входят также граждане государств СНГ – 7 лиц.

4) по месту жительства. Число лиц, совершающих преступное посягательство на той же местности, где и проживают, составляет 107 человек, а 14 человек совершают преступное посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа в отличной от места проживания местности.

5) по уровню образования лица, совершающие преступление по ст. 317 УК РФ, делятся на следующие категории: из общего числа лиц 13 имеют высшее образование, 38 лиц имеют среднее профессиональное образование, 54 лица имеют лишь школьное образование (среднее общее), а 16 лиц имеют неполное общее образование, либо не имеют его вовсе.

6) по роду занятий и сфере деятельности большая доля лиц приходится на категорию «трудоспособные лица без постоянного источника дохода» – 89 лиц, меньше приходится на категории «рабочие» – 16 лиц и «нетрудоспособные» – 7 лиц.

Таким образом, проведенный в рамках данной статьи анализ данных судебной статистики, отражающий демографические характеристики лиц, совершающих преступление, предусмотренное ст. 317 УК РФ, позволяет сказать о том, что усредненным эталоном лица, совершающего преступное посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, является лицо мужского пола (гражданин РФ), достигшее возраста 24-49 лет, постоянно проживающее на территории прописки, имеющее уровень среднего общего или среднего профессионального образования, являющееся трудоспособным, однако не имеющим постоянного источника дохода.

Информация об авторе

Батракова Виктория Дмитриевна – слушатель 5 курса, ФГКОУ ВО Омская академия МВД России, 644092, г. Омск, пр. Комарова, д. 7,

тел.: 89514134622,

электронный адрес: vikab-95@bk.ru

УДК 343.34
Б 33

П. С. Башкова,
*студентка 3 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

**Актуальные вопросы применения ст. 210.1 УК РФ
«Занятие высшего положения в преступной иерархии»**

В статье рассматриваются некоторые вопросы применения ст. 210.1 УК. Анализ нормы позволил выявить проблемы теоретического и практического характера применения ст. 210 УК РФ.

Ключевые слова: занятие высшего положения в преступной иерархии, преступная иерархия, криминальный статус, длящееся преступление, момент окончания преступления.

Федеральным законом от 01.04.2019 № 46-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации введена новая статья о лидерах преступных организаций. Исходя из диспозиции указанной нормы каждый криминальный авторитет может быть привлечен к уголовной ответственности вне зависимости от совершения им другого преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ.

Уголовный кодекс Российской Федерации не оперирует понятиями «лидер» или жаргонизмами, такими как «вор в законе», «законник» и т.д, поэтому для уяснения того, кто является субъектом преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, можно обратиться к Постановлению Пленума Верховного суда России от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» (далее – ПП ВС № 10).

В пункте 24 указанного постановления находим: «...решая вопрос о субъекте преступления, указанного в части 4 статьи 210 УК РФ, судам надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией) либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). О лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п. В приговоре необходимо указать, на основании каких из названных признаков суд пришел к выводу о наличии в действиях лица

состава преступления, предусмотренного частью 4 статьи 210 УК РФ»¹.

На наш взгляд, указанное разъяснение Пленума Верховного суда РФ следует применять к ст. 210.1 УК РФ, но с некоторыми различиями. Так для квалификации деяния по ст. 210 требуется установление характерных признаков объективной стороны (действия по организации преступного сообщества, конкретные управленческие действия), однако этого не требуется для применения ст. 210.1 УК.

В доктрине уголовного права ученые расходятся во мнениях об определении основных признаков субъекта преступления, предусмотренного в том числе ст. 210.1 УК. Так, А. Я. Гришко под лидером преступной организации понимает активных криминальных деятелей, доказавших свою верность преступным идеям, связям, соучастникам и выполняющим широкие организаторские функции в преступной среде. Говоря иными словами, если бы лицо не обладало каким-либо авторитетом в криминальных кругах, то не могло бы осуществлять функции руководителя².

В. В. Агильдин этот термин понимает в ещё более глобальном смысле, а именно: нахождение лица на самой высокой ступени, подразумевающей управление «профессиональной» преступной средой на всей территории Российской Федерации³. Полагаем, автор необоснованно объединяет субъекты из ст. 210.1 и ч. 4 ст. 210 УК, ведь диспозиции указанных статей не совпадают.

При исследовании данной нормы следует обратить внимания на такие дефиниции как «занятие высшего положения» (см. ПП ВС № 10 п. 24) и «преступная иерархия». В российском законодательстве нет нормы, которая бы давала разъяснение правоприменителю указанных норм и раскрывала бы их признаки, позволяющих квалифицировать деяние по указанной статье УК РФ.

Признаки преступной иерархии раскрывает А. Н. Мондохонов. По его утверждению это «система, определяющая структуру подчинения и взаимоотношений лиц, придерживающихся принятых в криминальной среде правил и традиций. Существующий негласный “табель о рангах” (стратификация) закрепляет положение в иерархии того или иного члена криминального сообщества»⁴.

Следовательно, для привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ необходимо установить его положение в «свободных» кри-

¹ О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) : постановление Пленума ВС РФ от 10 июня 2010 г. N 12 // Российская газета. 2010.

² Гришко А.Я. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (часть 4 статьи 210 уголовного кодекса Российской Федерации) // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3 (94). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristikalitsa-zanimayuschego-vysshee-polozhenie-v-prestupnoy-ierarhii-chast-4-stati-210-ugolovnogo-kodeksa> (дата обращения : 15.01.2021).

³ Агильдин В.В. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и реализации // Young Scientist. 2019. № 24 (262). С. 165-169.

⁴ Мондохонов А. Н. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовное право. 2010. N 5. С. 53-57.

минальных кругах.

Однако сложности с применением ст. 210.1 УК не исчерпываются неопределённостью терминологии, использованной для описания признака специального субъекта.

Так как все элементы состава преступления сохраняются и после заключения лица по стражу (лицо не утрачивает свой преступный статус), момент окончания деяния как однократного факта назначения в «верхи» преступной организации или же состояния с элементами длящегося состава преступления, установленного ст.210.1 УК, установить не представляется возможным.

Для определения момента окончания деяния обратимся к теоретическому аспекту определения длящегося преступления. Так, Н.С. Таганцев называл основные признаки длящегося преступления: «Преступное состояние, деяние раз совершившееся и непрерывно повторяющееся до наступления какого-либо противоположного события»⁵. В этом определении главное, что длящееся преступное деяние осуществляется непрерывно на стадии оконченого преступления, повторяется во времени и образует, по сути, преступное состояние.

Момент окончания рассматриваемого деяния остается неопределённым, т.к. не только УК РФ, но и Пленум ВС РФ не указывает на момент начала и окончания преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ. Исходя из смысла уголовного закона момент начала выполнения объективной стороны деяния связан с началом занятия высшего положения в преступной иерархии, независимо от продолжительности обладания таким статусом, а момент окончания можно установить исходя из доктрины права – момент прекращения негативного воздействия на охраняемые уголовным законом общественные отношения.

Основания прекращения негативного воздействия также остаются неясными. Думается, что к ним можно отнести смерть лица, занимавшего высшее положение в преступной организации; лишение его такого статуса криминальными кругами, а также самовольное оставление преступной деятельности или отказ от статуса (после пребывания в нем). Установление момента начала совершения указанного преступления и его окончания необходимо, в первом случае, как основание для привлечения лица к уголовной ответственности, во втором – для исчисления сроков давности.

Конечно, законодательное определение понятия «высшего иерархического положения в преступном мире» вряд ли реализуемо. Правоприменителю для привлечения лица к ответственности нужно установить момент окончания преступления, а для деяния, предусмотренного ст. 210.1. УК, момент окончания не определен, следовательно, преступление не прекращается моментом пресечения правонарушения и продолжает длиться независимо от отбывания наказания за указанное преступление, пока упомянутый статус не будет прекращён.

⁵ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Тула : Автограф, 2001. С.351-(442с).

Информация об авторе

Башкова Полина Сергеевна – студентка 3 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1. Электронный адрес: polinabaskova03@gmail.com Телефон: 89519295898

УДК 343.7
Б 88

Е. В. Бронникова,

студентка 2 курса
ИЮИ (ф) УП РФ

К вопросу о необходимости трансформации понятия и признаков предмета хищения в условиях цифровизации современного общества

В статье анализируется проблема правовой охраны некоторых разновидностей цифровых прав от неправомерного их использования неуполномоченными лицами. Автор преломляет такие случаи через учение о предмете хищения, через категорию «право на имущество», через доктрину гражданского права, предлагает варианты совершенствования теории и закона.

Ключевые слова: имущество, имущественные права, предмет преступления, хищение, цифровые технологии, цифровые права.

На данном этапе развития современного мира жизнь человека нельзя представить без электронных средств. Человек XXI века активно реализует свои права и исполняет обязанности, используя цифровые технологии. Но система права в России сейчас, на наш взгляд, в недостаточной мере позволяет защитить и восстановить права гражданина в случае посягательства злоумышленников.

Нередко люди сталкиваются с тем, что их накопления и возможности, которые были получены путем долговременной работы, одновременно могут исчезнуть усилиями правонарушителей посредством доступа к счетам, сертификатам, аккаунту, тем самым присваивают привилегии, принадлежащие лицу, при этом они получают возможность обратить их в свою пользу и получить выгоду.

Логически рассуждая, деяние следует рассматривать как кражу, но тогда возникает проблема, которая кроется в понятии хищения и в особенности понимания предмета и объекта преступления. Так как предмет посягательства в приведённых случаях носит нематериальный характер, то возникает сомнение в возможности его изъятия у лица. Проблемой является и характер нарушаемых общественных отношений: объектом всех составов хищения являются отношения собственности, однако в случае посягательств на различные цифровые накопления говорить о правомочиях собственника в вещно-правовом смысле весьма затруднительно. Поэтому состава хищения в условиях действующего законодательства и в соответствии с существующей практикой в случае посяга-

тельства на цифровые активы не усматривают. Исключения сделаны только для безналичной валюты на банковских счетах и бездокументарных ценных бумаг.

Суть проблемы кроется в том, что общественные отношения, возникающие в сфере цифровых технологий, не в полной мере согласуются с классическим учением о собственности и хищении.

Если говорить о хищении безналичных денежных средств, то речь идет о посягательстве на отношения права собственности. Но отношения, которые складываются в условиях цифровой сферы, нередко являются обязательственными. В этом случае объектом посягательства является не право собственности, что как раз и усложняет механизм защиты прав граждан либо ведёт к применению уголовного закона по аналогии.

Несмотря на то, что в ст. 128 Гражданского Кодекса Российской Федерации имущественные права входят в перечень объектов гражданских прав, вопрос о том, являются ли они объектом, доступным для передачи и отчуждения (в том числе противоправного завладения), остается дискуссионным. Мы придерживаемся точки зрения Д. Е. Меньшикова, который указывает на возможность отчуждения, залога, доверительного управления обязательственными правами с некоторыми ограничениями (например, ввиду связи права с конкретной личностью)¹. На наш взгляд, именно такой подход является наиболее правильным, так как права требования так же могут способствовать к увеличению имущественной сфере лица.

А. И. Бойцов в своей работе рассуждает о том, что необходимо достичь согласования между нормами гражданского и уголовного права². Эта позиция актуальна до сих пор, так как единство понятия имущества в гражданском и уголовном праве позволит правовой системе функционировать эффективнее. Следовательно, учитывая, что гражданское право признает имущественные права в качестве объекта, то под имуществом в уголовном праве следует понимать вещи, деньги, ценные бумаги, имущественные права и обязанности.

Проблема узкого понимания предмета посягательств на отношения собственности нашла свое отражение и в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 27 декабря 2007 г. №51³.

Изначально, ВС РФ рассматривал имущественное право исключительно как права собственника⁴. При таком подходе есть те, кому согласно действующему законодательству не предоставлено право на защиту с помощью гл. 21 Уголовный Кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ). Но в постановлении Пленума ВС РФ от 30 января 2017 г. № 48 утрата права пользования квалифицируется уже как мошенничество. Таким образом, ВС РФ признал обяза-

¹ Меньшиков, Д. Е. Имущественные права как объекты гражданских прав // Уральский журнал правовых исследований. 2019. №2. С. 419.

² Бойцов А. И. Преступления против собственности. Санкт-Петербург, 2002. С. 66.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 дек.2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».

⁴ Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность: монография. Москва : Норма, Инфра-М, 2012. С. 113.

тельство в качестве разновидности права на имущество (имущественного права) и отнес его к объекту «отношения (право) собственности».

С этим же согласуются позиции И. В. Ильина, который включает право требования в содержание имущественных прав⁵ и Н. А. Лопашенко, которая приходит к выводу, что виновное лицо может обратить имущество (в том числе имущественные права) в свою пользу⁶.

Исходя из сказанного, следует, что имущественными правами как объектом гражданского права можно владеть, пользоваться и распоряжаться. Но ввиду невозможности возникновения права собственности на права, и смешения вещных и обязательственных прав, здесь надлежит поступить по аналогии с недвижимостью.

Следуя по пути единства правовой системы, на наш взгляд, в отрасли как гражданского, так и уголовного права необходимо оперировать единообразной терминологией и применять однородные правила. В гражданском праве ввиду невозможности установления права собственности на имущественные права и их активного использования в обороте прибегают к фикции и, не устанавливая режима собственности нематериального объекта, используют правила, которые действуют относительно права собственности. Соответственно, в уголовном праве посягательство на имущественные права необходимо рассматривать через призму «права на имущество». Тогда хищение имущественных прав, которое существует *de facto*, облекается в правовую форму и приобретает защиту *de jure*.

Говоря об имущественных правах в сфере использования цифровых технологий как о предмете хищения, назревает вопрос: каким способом происходит хищение? Так как права и обязанности закрепляются и существуют в целом в виде некой записи, то и хищение будет происходить в такой форме (например, путем внесения, изменения, удаления соответствующих данных)⁷.

То, что давно стало возможно *de facto*, требует закрепления *de jure*. Когда общественные отношения из материальной среды переместились в нематериальную сферу, а точнее в сферу цифровых технологий, от законодателя не последовало соответствующей правовой реакции. Такой подход создал у населения ощущение нежелания правоприменителя помогать им, что подрывает доверие граждан к власти.

На наш взгляд для более полной правовой защиты, которая смогла бы найти поддержку во всех сферах, необходимо скорректировать классические признаки предмета хищения для расширения его содержания. Если в классическом понимании предмет материален⁸, то сейчас следует говорить о том, что предмет может быть как материальным, так и нематериальным.

⁵ Ильин И. В. Теоретические основы борьбы с мошенничеством, совершаемым в экономической сфере (уголовно-правовые и криминологические проблемы) : автореф. дис. ... доктора юрид. наук. Москва, 2011. С. 12.

⁶ Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность. С. 113.

⁷ Винокуров В. Н. Право на имущество и имущественное право как способы описания предмета преступления против собственности // Уголовное право. 2011. № 4. С. 25.

⁸ Борисов И. Д. Понятие и признаки предмета хищения // Отечественная юриспруденция. 2019. № 1 (33). С. 43.

Необходимо также учесть, что в условиях широкой распространенности цифровых технологий, защите подлежат те имущественные права, которые имеют стоимостную оценку и могут быть частью экономического оборота⁹. В таком случае под защиту подпадают и обязательственные права, которые имеют денежный эквивалент.

Предмет преступления в привычном понимании имеет юридический признак, который заключается в относимости имущества к чьей либо собственности. Квалификация имущественных прав, как предмета, приводит к возникновению такого явления как «право на право». На наш взгляд, данная теория напрямую относится к имущественным правам и находит свое практическое подтверждение в существовании прав на права требования, на бездокументарные ценные бумаги, возможности цессии и др.

Таким образом, содержание понятия предмета преступления будет расширено, что позволит разрешить противоречия в гражданском и уголовном законодательстве, обеспечить должную защиту прав граждан. При этом будут раздвинуты границы правоприменения, что предоставит большому числу людей гарантию правовой защиты, а также предотвратит множество правонарушений в цифровой среде, немалое количество из которых оставались без рассмотрения по сей день.

Информация об авторе

Бронникова Елена Вячеславовна – студентка 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1. Электронный адрес: milena.1.3@mail.ru

УДК 343.848.5

В 15

Д. В. Валява,

студентка 4 курса

Ростовский филиал РТА

Роль гражданского общества в противодействии коррупции

В статье анализируется роль гражданского общества в формировании антикоррупционного поведения граждан, оценивается возможность его участия в законотворческой деятельности посредством формирования законодательных инициатив. Указывается на важную роль СМИ в деле борьбы с коррупцией, а также делается вывод о том, что эффективное взаимодействие институтов гражданского общества и государства возможно лишь тогда, когда и со стороны самих граждан не будет допускаться нарушения законодательства.

⁹ Шульга А. В. Объект и предмет преступлений против собственности в условиях рыночных отношений и информационного общества : автореферат дис. ... доктора юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 9.

Ключевые слова: гражданское общество, коррупция, противодействие коррупции, СМИ.

По данным международной организации Transparency International по итогам 2019 года Российская Федерация заняла 137-ое место из 180 в рейтинге государств по уровню коррупции¹. Таким образом, уровень коррупции в России по-прежнему остается весьма высоким, в связи с чем в нашей стране противодействие коррупции остается приоритетным направлением государственной политики. При этом, в принимаемых в рамках борьбы с коррупцией законодательных актах, важную роль в противодействии последней придают гражданскому обществу. Участие гражданского общества в антикоррупционной деятельности дает возможность увеличить результативность принимаемых законодателем мер. Оно возможно путем участия: в проводимых форумах по воспитанию правовой культуры граждан; в деятельности общественных советов, целью которых является выработка положений, способствующих минимизации коррупционных проявлений; в проведении социологических опросов по вопросам проводимой антикоррупционной политики и другие. Так, приведем результаты социологического исследования, проводимого институтами гражданского общества в Ростовской области. По результатам опроса уровень «бытовой» коррупции в 2019 году составил 0,41 (41 % жителей Ростовской области имели определенный опыт в коррупционных ситуациях); уровень «деловой» коррупции – 0,21 (21 % представителей бизнеса сталкивались в 2019 году с проявлениями «деловой коррупции»)².

На законодательном уровне участие гражданского общества в противодействии коррупции обозначено во многих нормативных правовых актах. Так, в Федеральном законе «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (далее - ФЗ № 273-ФЗ)³ указано, что противодействие коррупции включает в себя не только деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, но и институтов гражданского общества, организаций в пределах их полномочий. Кроме того, в числе основных принципов противодействия коррупции в Российской Федерации ФЗ № 273-ФЗ называет также сотрудничество государства с институтами гражданского общества.

Одним из институтов гражданского общества являются средства массовой информации (далее — СМИ). Они выступают своего рода посредниками между обществом и государством. Главным образом их деятельность нацелена на решение общественно-значимых задач, в числе которых, в частности, ос-

¹ Международная организация «Transparency International» // URL: <https://www.transparency.org/ru/press>. Дата обращения: 16.02.2021.

² Протокол заседания комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Ростовской области от 26.03.2020 № 1 // Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/> (дата обращения: 13.02.2021).

³ «О противодействии коррупции»: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета. 30.12.2008. № 266.

вещение происходящих в стране событий, просвещение граждан по вопросам принятия новых нормативных актов и т.д. Кроме того, в разрезе противодействия коррупции, им предоставлено право сбора информации с помощью, например, государственных баз данных, находящихся в общем доступе. Так, они могут обнаружить у государственного служащего какое-либо имущество, несоизмерное средствам оплаты его труда, и, как следствие, сделать вывод о возможной незаконности источника получения этого имущества. При этом основа взаимодействия СМИ и государства строится по схеме: сообщение в СМИ о нарушениях законодательства – начало прокурорской проверки по данному факту. Однако, в последнее время наблюдается ослабление сотрудничества последних. Главная цель СМИ как института гражданского общества — возможность открывать обществу скрытые механизмы коррупции, лишая последнюю возможности распространяться. В связи с этим, для повышения роли СМИ в борьбе с коррупцией, необходимо расширить сферу ее деятельности по следующим 2 направлениям: во-первых, инициировать и организовать проведение дискуссионных площадок для обмена мнениями с целью обсуждения проблемных вопросов антикоррупционной деятельности; во-вторых, внедрить описание положительного опыта и освещение эффективных практик противодействия коррупции в различных регионах.

СМИ следует освещать не только сам факт проявления коррупции (например, депутата задержали за взятку), но и дальнейшую деятельность государства по привлечению к ответственности такого лица. Это имеет решающее значение, поскольку деятельность современных СМИ направлена главным образом на освещение лишь расследования в отношении того или иного коррупционера. Вместе с тем, общество должно понимать, что следует за таким расследованием, вынесен ли такому лицу обвинительный приговор суда и какое последовало наказание. Только в таком случае в обществе будет формироваться мнение о том, что каждый случай коррупции получил должную оценку со стороны государства.

Далее, считаем, что в целях повышения прозрачности и открытости деятельности государственных органов необходимо обеспечить гражданам доступ к участию в проведении антикоррупционной экспертизы нормативных актов. Сегодня законодатель закрепляет право институтов гражданского общества проводить независимую антикоррупционную экспертизу нормативных актов, заключение которой носит рекомендательный характер. Вместе с тем, вышеуказанное предложение должно обеспечивать гражданам свободный доступ к процедуре антикоррупционной экспертизы. Это возможно путём размещения на официальном сайте государственного органа, проводящего антикоррупционную экспертизу, информации о дате её проведения. Затем, общественная организация в заявительном порядке информирует государственный орган о желании присутствовать на данной процедуре. По итогам экспертизы, общественные объединения составляют мотивированный отчет об их участии в процедуре проведения последней, который размещается на официальном сайте государственного органа, проводившего такую ан-

तिकоррупционную экспертизу. Подобное предложение считаем возможным рассмотреть на законодательном уровне.

Общественный контроль — форма участия граждан в противодействии коррупционным проявлениям. Он представляет собой деятельность представителей гражданского общества, способных, в силу своей компетенции, оценить состояние коррупции государственных органах власти, а также выработать комплекс мер по её противодействию. В целях повышения качества общественного контроля считаем возможным поставить вопрос о разработке и введении в действие на уровне субъектов Российской Федерации программ совместных действий институтов гражданского общества по противодействию коррупции. Основная цель последнего видится в осуществлении комплекса мер по формированию в обществе на территории субъекта РФ неприимимого отношения к любым проявлениям коррупции, консолидация усилий государства и институтов гражданского общества по устранению причин и условий, порождающих коррупцию. Результатами программы должны стать: 1) усиление взаимодействия институтов гражданского общества между собой и с органами государственной власти; 2) обеспечение общественного контроля за реализацией мер по противодействию коррупции; 3) совершенствование системы открытости и доступности информации о деятельности органов государственной власти по выработке и принятии решений по важнейшим вопросам жизнедеятельности населения⁴.

В целом подчеркнем, что эффективное взаимодействие институтов гражданского общества и государства в рамках противодействия коррупции будет эффективно лишь тогда, когда и со стороны самих граждан не будет допускаться нарушения законодательства. Действенная государственная политика по борьбе с коррупцией будет приносить результат, когда каждый из членов общества будет прилагать усилия к формированию общества «без коррупции», когда каждый будет бороться с проявлениями коррупции, когда каждый будет начинать с себя и формировать в своем окружении нетерпимость к коррупционному поведению.

Информация об авторе

Валява Дарья Вадимовна – студентка 4 курса, Ростовский филиал государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Российская таможенная академия» (Ростовский филиал РТА), 344002, г. Ростов-на-Дону, проспект Буденновский, 20.

Электронный адрес: darya.valyava@mail.ru

⁴ Доклад начальника отдела кадрового, документационного обеспечения и спецработы министерства жилищно-коммунального хозяйства Ставропольского края Московского В.В. в IV квартале 2018 года на общественном совете министерства // <https://docviewer.yandex.ru/view/>. Дата обращения: 16.02.2021.

УДК 343.359
В 75

А. А. Воронин,

*магистрант 1 года обучения
ИЮИ (ф) УП РФ*

Некоторые вопросы квалификации контрабанды культурных ценностей

В статье рассмотрены дискуссионные вопросы, связанные с контрабандой культурных ценностей. Автор анализирует отсутствие определения «культурные ценности» на законодательном уровне. Рассматривается вопрос о классификации предмета контрабанды культурных ценностей по степени значимости.

Ключевые слова: контрабанда, культурные ценности, вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 226¹ УК РФ.

Контрабанда культурных ценностей является одним из традиционных видов экономических преступлений, которое имеет явно превалирующую социально-культурную составляющую ввиду того, что предметом преступления выступает культурное наследие конкретного сообщества (народа, страны). Поскольку «черный рынок» антиквариата обладает транснациональным характером, проблемные вопросы, которые касаются контрабанды культурных ценностей, являются актуальными и обсуждаемыми среди ученых не только в Российской Федерации (далее – РФ), но и в государствах-членах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС).

Так, незаконное перемещение культурных ценностей через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕАЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕАЭС в настоящее время, являясь преступлением экономической направленности, признается посягательством на общественную и национальную безопасность.

В результате чего, опираясь на вышеназванную сущность данного вида контрабанды, законодателем была проделана работа по объединению контрабанды культурных ценностей с незаконным перемещением ряда иных предметов, которые закреплены в ст. 226¹ УК РФ (сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия и др.). Кроме того, в процессе пресечения контрабанды (согласно п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ) посредством конфискации и возвращения (или передачи) культурных ценностей в государственные и муниципальные учреждения культуры, восстанавливается нарушенное право каждого на доступ к культурным ценностям, которое закреплено в ч. 2 ст. 44 Конституции РФ¹.

¹ Пантелеева И. А., Бакшт Д. А. Проблемы уголовной ответственности за контрабанду культурных ценностей // Всероссийский криминологический журнал. 2017. №3. С. 577-586.

Доктрина уголовного права регулярно пополняется актуальными проблемами и вопросами, связанными как с контрабандой культурных ценностей, так и с уголовно-наказуемой контрабандой в целом. В результате чего, существует ряд проблем, которые наиболее активно обсуждаются учеными и правоприменителями:

– проблема включения предмета «культурные ценности», закрепленного в статье 226¹ УК РФ, в качестве преступления против общественной безопасности;

– отсутствие определения «культурные ценности» на законодательном уровне;

– проблема, в результате которой контрабанде культурных ценностей придается экономическое значение;

– проблема классификации предмета контрабанды культурных ценностей по степени значимости.

Рассмотрим каждую из проблем более подробно. Так, непонятно чем мотивировался законодатель при включении в качестве предметов контрабанды в статью 226¹ УК РФ, находящуюся в главе 24 «Преступления против общественной безопасности», предметов, которые не посягают на общественную безопасность и общественный порядок.

К таким предметам относятся культурные ценности, а также особо ценные дикие животные и водные биологические ресурсы, принадлежащие к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации. В результате чего, предлагается исключить культурные ценности в качестве предметов контрабанды из статьи 226¹ и предусмотреть ответственность в соответствующей статье главы 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», так как в данной главе уже имеется норма об ответственности за незаконное вывоз на территорию РФ культурных ценностей (ст. 190 УК РФ).

Однако М. Н. Урда утверждает, что культура и культурные ценности, как ее материальное воплощение, характеризуются, прежде всего, способностью продуцировать, сохранять и транслировать духовные ценности различных форм и типов. Главная функция культуры – сохранять и воспроизводить совокупный духовный опыт человечества, передавать его из поколения в поколение и обогащать его. В связи с этим автор полагает, что объектом посягательства при контрабанде культурных ценностей является общественная нравственность, поэтому оптимальным видится установление ответственности за контрабанду культурных ценностей в главе 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»².

Помимо этого, необходимо обратить внимание на отсутствие единой категории «культурные ценности» как предмета преступления, предусмотренного ст. 226¹ УК РФ. На данный момент отсутствует единое понимание

² Урда М. Н. О проблемах дифференциации контрабанды // Известия Юго-Западного Государственного Университета. 2018. № 3 (28). С. 91-99.

того, что включает в себя дефиниция «культурные ценности» как на уровне федерального законодательства РФ, так и на уровне международно-правовых актов.

Таким образом, в диспозиции статьи 226¹ УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за контрабанду культурных ценностей, отсутствует исчерпывающий перечень действий, который образует состав преступления. В результате чего, диспозиция названной статьи, предоставляет правоприменителю широкий объем свободы, что в соответствии с законодательством РФ может расцениваться как коррупциогенный фактор.

Кроме того, существует проблема, в результате которой контрабанде стратегически важных товаров (ресурсов) и культурных ценностей придается экономическое значение. Это обусловлено тем, что наступление ответственности связано с условием наказуемости, а именно с крупным размером контрабанды названных предметов, который имеет стоимостное выражение, определенное примечаниями к ст. 226¹ УК РФ. Относительно культурных ценностей примечанием 4 к ст. 226¹ УК РФ установлено – 100 тыс. рублей. Однако особое внимание следует обратить на то, что использование такого признака в качестве условия наказуемости контрабанды культурных ценностей вызывает некоторое противоречие. Так, в доктрине уголовного права культурные ценности рассматриваются как «...важнейший фактор сохранения национальной идентичности ...ее потеря равносильна гибели и полному разрушению»³. В таком смысле у культурных ценностей отсутствует цена. При наделении культурных ценностей экономической характеристикой пропадает их общесоциальное предназначение. Помимо этого, определение крупного размера контрабанды культурных ценностей представляется трудным, а то и невозможным. Данная проблема вызвана уникальностью таких предметов контрабанды.

В современных научных исследованиях высказывается аргумент в пользу отказа от использования экономического признака, такая позиция заключается в том, что названный признак отсутствовал в ч. 2 ст. 188 УК РФ, которая ранее включала ответственность за контрабанду культурных ценностей.

Кроме того, существует точка зрения ученых о том, что предмет, который был отнесен к культурной ценности на основании экспертного заключения, невозможно классифицировать по степени значимости, поскольку само определение «значимость» неопределенно. Помимо этого, следует учитывать такие признаки культурных ценностей, как невосполнимость и уникальность.

С другой стороны, представляется, что значимость предмета, равно как и его стоимость, может напрямую зависеть от времени изготовления предмета. Например, угроза утраты предмета нумизматики, изготовленного в XI-XII вв., является более серьезной, чем угроза утраты аналогичного предмета из

³ Клебанов Л. Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 47 с.

аналогичного металла XIX-XX вв. в силу того, что монеты периода Киевской Руси представляют собой единичные материальные памятники культурного наследия и используются в национальной исторической науке в качестве одного из источников. В то же время угроза утраты предмета нумизматики, изготовленного во время междуцарствия и мятежа декабристов 1825 г. (константиновский рубль), включает в себе не меньшую по значимости опасность. Вместе с тем, нет прямой зависимости между временем изготовления предмета, его стоимостью и художественной значимостью в отношении предметов искусства. Таким образом, формальный подход в этом вопросе затруднителен в силу сложности общественных отношений, складывающихся в данной области⁴.

Информация об авторе

Воронин Андрей Александрович – магистрант 2 года обучения, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

664035, г. Иркутск, ул. Шевцова,

Электронный адрес: soklov38irk@outlook.com

УДК 343.3/.7

Г 12

Э. С. Габидуллин,

адъюнкт 3-го курса

Восточно-Сибирского

юридического института МВД РФ

Проблема единства подходов к трактовке уголовно-правовых понятий в Федеральном законе «О противодействии терроризму» и Уголовном кодексе Российской Федерации

В статье проанализированы противоречия в толковании уголовно-правовых понятий, таких как «терроризм», «террористическая деятельность», «террористический акт», данных в УК РФ и профильном антитеррористическом законодательстве. Предложены меры по ликвидации указанных противоречий с целью гармонизации уголовного законодательства.

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, террористический акт, противодействие терроризму, преступления террористического характера.

Начиная с 2006 года, российскими законодателями проделана большая работа по развитию нормативно-правового обеспечения противодействия

⁴ Пантелеева И. А., Бакшт Д. А. Проблемы уголовной ответственности за контрабанду культурных ценностей // Всероссийский криминологический журнал. 2017. №3. С. 577-586.

терроризму, включая и разработку понятийного аппарата¹. Однако, наличие, помимо Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)², еще профильного закона «О противодействии терроризму» (далее – Федеральный закон)³, где законодатель счел нужным сформулировать, наряду с прочими, и понятия «*терроризм*», «*террористическая деятельность*», «*террористический акт*», использующиеся в УК РФ, что породило ряд несоответствий в проблем в правоприменительной практике.

В понятии терроризма, данном в п.1 ст. 3 Федерального закона, практика терроризма состоит только в «воздействии на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями». Это – одна из целей совершения террористического акта согласно ч. 1 ст. 205 УК РФ. При этом федеральным законом № 130-ФЗ от 05.05.2014 диспозиция ч. 1 ст. 205 УК РФ была дополнена указанием еще и на такую цель совершения террористического акта, как «дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций». Необходимая корректировка, соответственно дополняющая и практику терроризма, не была произведена, и теперь получается, что в Федеральном законе понятие «терроризм» в его практической составляющей уже, чем понятие террористического акта в УК РФ.

Пленум Верховного Суда РФ в своих рекомендациях в пределах одного Постановления «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»⁴ в разных местах опирается как на понятие, данное в Федеральном законе (например, в п. 18), так и на понятие, данное в УК РФ (например, в п. 16).

Разнятся в Федеральном законе и в УК РФ и понятия террористического акта. В понятии, данном в Федеральном законе (п. 3 ст. 3), к целям террористического акта относятся угрозы совершения взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий как с целью *воздействия на принятие решений органами власти и международными организациями*, так и с целью *дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций*, а в понятии, зафиксированном в ч. 1 ст. 205 УК РФ угрозы с целью дестабилизации не предусмотрены.

¹ Габидуллин Э. С. Конституционные основы уголовно-правового противодействия преступлениям экстремистского характера. В сборнике: Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования. Материалы всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 133-139.

² Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 года № 64-ФЗ (по состоянию на 1 марта 2021 года) // Доступ из справочно-правовой системы Консультант плюс

³ О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ (по состоянию на 8 декабря 2020 года) // Доступ из справочно-правовой системы Консультант плюс

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 3 ноября 2016 г. № 41) // Доступ из Информационно-правового портала Гарант

Понятие «террористическая деятельность» в Федеральном законе сформулировано в п. 2 ст. 3. В УК РФ прямо сформулированное определение террористической деятельности дается в примечании 2 к ст. 205.2 УК РФ, но оно справедливо лишь для этой статьи. Кроме того, в ст. 205.1 УК РФ, исходя из ее названия, весь комплекс деяний, ответственность за которые данная статья предусматривает, следует отнести к террористической деятельности. Немаловажно то, что состав статей УК РФ, относимых к понятию «террористическая деятельность», существенно отличается от состава деяний террористической деятельности в Федеральном законе, прежде всего, потому, что в Федеральном законе весь комплекс действий террористической деятельности ориентирован только на подготовку и совершение террористического акта⁵, а в УК РФ – на гораздо больший набор преступлений.

Судебная практика при рассмотрении вопросов, связанных с применением понятия «террористическая деятельность» (например, в делах по обвинению по ст. 205.4 УК РФ, в которой террористическая деятельность является элементом объективной стороны деяния) опирается на трактовку понятия, данную в Федеральном законе⁶. Очевидно, в силу того, что, как показано выше, здесь это понятие сформулировано прямо.

При этом следует отметить, что Федеральный закон как источник толкования уголовно-правовых понятий вызывает существенные сомнения.

Во-первых, прямых оснований считать данный закон источником трактовки понятий для УК РФ нет: прямая отсылка в УК РФ относительно того, что, «состав террористической деятельности определяется федеральным законодательством», отсутствует, а первый абзац ст. 3 Федерального закона недвусмысленно ориентирует на использование формулируемых в этой статье понятий только в самом Федеральном законе.

Если обратиться к более существенным проблемам, то необходимо обратить внимание на следующее. При изучении текста Федерального закона создается впечатление, что авторы и не стремились к системности применения понятий, требуемой УК РФ. По всему тексту закона «террористическая деятельность» полагается авторами практически синонимом понятия «терроризм», что с точки зрения УК РФ недопустимо. Кроме того, в п. 4 ст. 3 Федерального закона борьба с терроризмом сводится только к выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта и никаких иных преступлений террористического характера. Иными словами, с точки зрения Федерального закона весь терроризм (как и вся террористическая деятельность) сводится только к подготовке и совершению террористического актов. В то же время в УК РФ есть своя формулировка тер-

⁵ См.: Габидуллин Э. С. Об основном непосредственном объекте посягательства террористического акта и террористической деятельности // Российский следователь. 2019. № 1. С. 42-46.

⁶ См., например, п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 3 ноября 2016 г. № 41) // Доступ из Информационно-правового портала Гарант

роризма, хотя и косвенная: в примечании 1 к ст. 205.1 дается определение «финансирования терроризма», из которого можно определить составы преступлений, относимых к терроризму, и, конечно, этот состав деяний гораздо более широкий, чем в Федеральном законе.

Также в ст. 3 Федерального закона имеются и другие недоработки. Так, например в подп. «г» п. 2 (описывающего состав деяний террористической деятельности) используются неопределенные в уголовно-правовом смысле понятия «террористы», «использование террористов». В перечень организованных форм террористической деятельности (подпункт «в» п.2) забыли внести террористическое сообщество после того, как оно появилось в УК РФ⁷.

В связи с изложенным представляется целесообразным предложить следующие меры по корректировке законодательных норм с целью ликвидации противоречий и гармонизации законодательства.

1. Включить в понятие терроризма в п. 1 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» такую практику как «дестабилизация деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, международных организаций», и сформулировать его следующим образом: «терроризм - идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления, международными организациями или практика дестабилизации деятельности указанных органов и организаций, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

2. Примечание 2 к ст. 205.2 УК РФ, содержащее формулировку террористической деятельности, целесообразно перенести в ст. 205.1 УК РФ, где это понятие впервые встречается, и распространить его на весь УК РФ с целью переориентировать суды ссылаться на определение террористической деятельности, данное в УК РФ, а не в Федеральном законе «О противодействии террористической деятельности».

Информация об авторе

Габидуллин Эльдар Султанович – адъюнкт 3 курса, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации.

г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Электронный адрес: eloper2017@inbox.ru

⁷ См. Соловьев В. С. Особенности квалификации преступлений, совершенных в составе террористического сообщества // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. №4 (34). С. 18-22.

УДК 343.85
Г 19

М. В. Ганжа,

*курсант 711 учебной группы
Ростовского юридического
института МВД России*

Д. Ю. Старащук,

*студент 1 курса Южно-Российского
государственного политехнического уни-
верситета (НПИ) имени М. И. Платова*

Возможности искусственного интеллекта в предупреждении преступлений

В статье рассматриваются теоретические основы применения искусственного интеллекта в предупреждении преступлений. Раскрывается перспективность данного направления, а также поднимаются ранее не существовавшие организационно-правовые вопросы, связанные с исследуемыми инновационными технологиями.

Ключевые слова: нейронные сети, искусственный интеллект в ОВД, перспективные направления развития.

Мы живем в век великого потенциала. Он сможет принести для человека и общества как многочисленные плоды, заложить правильные перспективы развития, так и привести к краху того, что мы имеем. Недаром говорят, что чем больше сила, тем больше ответственность, в том числе перед самим собой. Имея огромные возможности в виде военной мощи, технологий, научных достижений человечество начинает представлять угрозу для себя самого. На данном этапе развития необходимо грамотно и точно подходить к вопросу использования научных достижений в различных сферах человеческой жизни, просчитывать возможные последствия и действовать на перспективу.

Действительно, сдерживать темпы роста технического прогресса очень тяжело, т.к. человек давно вышел за рамки одной лишь страны и развивается в межкультурном и межгосударственном пространстве, где каждая политическая держава преследует свои интересы в использовании имеющегося потенциала. Из этого следует несколько выводов.

1. Для наиболее эффективного регулирования тех или иных отраслей необходимо сотрудничать с наиболее развитыми в этом направлении странами.

2. В целях обеспечения безопасности стараться просчитать возможные пути развития событий (технологий) наперед, чтобы заранее определить механизмы для регулирования. В нашем случае это удастся использовать в том числе для разработки правовых норм, избежав больших задержек между

появлением преступного прецедента и вступлением нормативного правового акта в силу (а также дополнений и поправок).

Именно с этими аспектами мы и поработаем. На сегодняшний день одним из самых быстроразвивающихся технических и программных достижений является искусственный интеллект.

В 2018 и 2019 году Интерполом и ОБСЕ были проведены совещания, на тему использования искусственного интеллекта преступниками и преступными организациями, также были оговорены риски и угрозы, связанные с такой эксплуатацией. В качестве основных проблем были выделены следующие:

- увеличение использования искусственного интеллекта преступниками,
- низкий уровень подготовки и отсутствие опыта работы правоохранительных органов с искусственным интеллектом,
- недостаточное использование робототехники и дронов с искусственным интеллектом в целях патрулирования и ведения наблюдения за улицами городов,
- низкое качество переподготовки сотрудников правоохранительных органов, целью которой является формирование необходимых базовых знаний и навыков для работы с искусственным интеллектом,
- низкий уровень осведомленности об имеющихся продуктах и решениях рынка информационных технологий,
- отсутствие реально функционирующей международной инфраструктуры, связанной с обменом опытом и формированием программы подготовки кадров.

Помимо этого, хочется отметить недостаточную общую образованность кадров в сфере информационных технологий и робототехники. В первую очередь это связано с мизерным количеством ведомственных правоохранительных вузов, которые имеют возможность использовать необходимую техническую базу и способны дать достаточные и актуальные знания об ИТ (в том числе узконаправленные). Наряду с этим, отсутствуют специальные курсы, программы обучения, дающие общие знания об этой сфере любому другому штатному сотруднику (в том числе тем, кто не проходил обучение по программам высшего образования в ведомственных вузах правоохранительных органов).

Перспективы использования искусственного интеллекта уникальны: открывается масса возможностей в различных сферах, станет возможным замена массы оборудования одним техническим решением. Это то, что будет идти вместе с человеком и развиваться не просто параллельно с ним, а в разы быстрее. Благодаря современным алгоритмам, мощным процессорам и огромным скоростям интернет соединения искусственный интеллект может обучаться максимально быстро и практически неограниченно. Например, уже сейчас имеется европейский стартап, технологии которого вскоре позволят заменить такое многокомпонентное устройство, как детектор лжи. По-

мимо того, что для его корректного функционирования нужно считывать одновременно большое количество показателей (пульс, давление и пр.) необходимо иметь квалифицированного сотрудника со специальными познаниями, который и будет отслеживать все показания с датчиков, а после этого будет их анализировать. С новой системой все намного проще: в память может быть заранее загружена большая база с лицами и проанализированной информацией, что избавляет человека, использующего данный продукт от необходимости обработки этого материала «вручную». Система стартапа Facesoft работает по принципу распознавания микровыражений. Они практически не поддаются контролю и появляются независимо от воли объекта исследования. Следует отметить высокую скорость и точность определения лжи, нейронная сеть быстро обучается и начинает замечать то, что человеческий глаз может упустить¹.

Мы можем заметить, что система искусственного интеллекта вполне может заменить такое многокомпонентное техническое средство как полиграф. Времени с момента появления нейронных сетей прошло относительно немного, однако человеку уже удалось усовершенствовать ее на столько, что она способна замещать большое количество оборудования. Facesoft лишь одна фирма, занимающаяся данными разработками, а что если их будет несколько? Как было сказано ранее искусственный интеллект обладает огромным потенциалом и на примере замещения лишь только полиграфа нам удалось это доказать.

Естественно, все это порождает массу последствий, в том числе правовых. Любая, даже самая, полезная технология может быть использована злоумышленниками во зло. Как же регулировать все это? Необходимо будет не просто реформировать систему уголовного законодательства, но и создавать и внедрять абсолютно новые нормы, которые предусматривали бы ответственность за преступления, связанные с использованием искусственного интеллекта, учитывая специфику применения его в различных отраслях деятельности человека. Однако, как уже было сказано ранее, нейронная сеть может быть использована в различных сферах и взаимодействовать с множеством видов оборудования. Из-за этого появляются новые проблемы внедрения норм права и необходимости прибегать к помощи технических специалистов высокого уровня. Благодаря такому взаимодействию удастся наиболее комплексно подойти к вопросу разработки новых нормативных актов и реформированию уже имеющихся как в уголовном праве, так и в других его отраслях.

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3448; Киберполиция XXI века. Мировой опыт. М.: Международные отношения, 2020. 288 с.; Овчинский В., Ларина Е. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. М.: Книжный мир, 2018. 416 с.; Гаврилин Ю. В. Практика организации взаимодействия при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникативных технологий / Ю. В. Гаврилин // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4. С. 145–150.

Информация об авторах

Ганжа Максим Владиславович – курсант 711 учебной группы факультета подготовки специалистов по программам высшего образования Ростовского юридического института МВД России, рядовой полиции, 344015, Ростов-на-Дону, ул. Еременко 83, putrin.p@yandex.ru

Старашук Даниил Юрьевич – студент 1 курса факультета информационных технологий и управления Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова, 344015, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132, +7(952)-604-75-73

УДК 343.3/7

Г 57

Ю. С. Гокунь,

студентка 3 курса

ГОУ ВПО «ДонНУ», ЮФ

3D-печать в уголовном праве: вызовы и угрозы безопасности

Статья посвящена изучению 3D-печати с позиции уголовного права. Установлено, что 3D-принтинг ставит новые вызовы перед безопасностью и в некоторых случаях угрожает ей. Однако, при надлежащем нормативно-правовом регулировании и осуществлении контроля за распространением и применением трёхмерной печати, большую часть угроз возможно свести к минимуму, активно используя технологию 3D-печати.

Ключевые слова: 3D-печать, оружие, штамп, пробирное клеймо, органы, медикаменты, вызовы и угрозы безопасности.

3D-печать является универсальной и невероятно полезной технологией, т.к. она используется в архитектуре, машиностроении, проектировании, строительстве, маркетинге и рекламе, авиации, ювелирном деле, медицине и т.д. Поэтому, важность 3D-принтинга невозможно переоценить.

3D-печать формирует определённую проблематику с точки зрения уголовного права, что обусловлено её распространением быстрыми темпами и возможной криминализацией. Несомненно, трёхмерная печать является крайне полезной технологией, однако она, как и всё, что обладает высокой стоимостью и предоставляет огромные возможности, способна привлечь внимание преступников и начать использоваться в противоправных целях.

По нашему мнению, криминализация трёхмерной печати вызвана её способностью создавать практически любые объекты при минимуме затрат. Дорогостоящей будет являться только покупка 3D-принтера и некоторых материалов, необходимых для изготовления предметов. Стоимость напечатанных предметов будет значительно превышать понесённые затраты. Это привлечёт внимание со стороны преступников.

3D-принтинг вызывает интерес с позиции уголовного права, т.к. он может быть использован для печати оружия и его элементов. При печати оружия в качестве чернил для 3D-принтера могут выступать металлические сплавы (наиболее часто используемые – хром-кобальт, хром-кобальт-молибден, никель-хром, другие никелевые сплавы) и пластик¹. Значительную опасность представляет оружие, созданное из пластмассы, по причине его быстрого сбора², лёгкой утилизации, невозможности обнаружения с помощью металлодетектора³.

За изготовление оружия и его составных частей ответственность будет наступать по ст. 223 УК РФ⁴. Наступление уголовной ответственности связано с тем, насколько успешно пройдёт создание цифровой модели предмета. Так, если попытка создания трёхмерной модели не увенчается успехом, лицо не понесёт ответственности за приготовление к преступлению, т.к. деяние, предусмотренное ст.223 УК РФ, относится к категории преступлений средней тяжести. При успешном создании 3D-модели, равно как и в том случае, если лицо застигнуто в процессе печати, но оружие не создано полностью, и, если созданное оружие по техническим причинам неспособно произвести выстрел, ответственность будет наступать по ч.3 ст.30 УК РФ ч.1 ст.223 УК РФ как за покушение на преступление, т.к. лицо не выполнит все действия, непосредственно направленные на совершение преступления. В случае выполнения лицом всех действий, образующих объективную сторону рассматриваемого преступления, а также учитывая способность оружия стрелять, ответственность наступит за оконченное преступление.

Посредством использования 3D-принтинга заинтересованное лицо способно подделать штампы, печати и государственные награды т.е. совершить преступление, предусмотренное ч.1 ст.327 УК РФ. Под изготовлением реплик государственных наград, штампов и печатей понимается создание аналогичных объектов либо внесение в уже существующие корректировок, меняющих статус предмета, например, изменение «Ордена Отечественной войны» II степени на «Орден Отечественной войны» I степени. Для этого необходимо иметь лишь изображение ордена, медали или любой другой государственной награды, оттиск либо фото следа штампа и печати.

На 3D-принтере может быть напечатано и государственное пробирное клеймо, предназначенное для клеймения изделий, созданных из драгоценных

¹ Воробьёв Д. А. Актуальные проблемы исследования огнестрельного оружия, изготовленного с помощью 3D-печати // Актуальные исследования. 2020. №15 (18). С.57-61.

² Walther G. Printing Insecurity? The Security Implications of 3D-Printing of Weapons // Science and Engineering Ethics. 2014. № 21(6). pp. 1435-1445.

³ Медведицкова Л.В., Кочерова Л.А., Неупокоева И.А., Нестеренко А.В. Технологии 3D-печати при изготовлении огнестрельного оружия. Проблемы в расследовании преступлений // Закон и право. 2019. №3. С.121-124.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации : закон Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ : в ред. от 30.12.2020 // Компьютерная справочная правовая система. Москва, 1997-2021. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 27.01.2021).

металлов⁵. В Российской Федерации на опробование и клеймение государственным пробирным клеймом изделий из драгоценных металлов установлена государственная монополия, а значит, совершение указанных действий любым другим лицом запрещено ст. 181 УК РФ. Подделка государственного пробирного клейма осуществляется с корыстной целью либо личной заинтересованностью и имеет место при злоумышленном придании ювелирному изделию свойств, которые ему не принадлежат (указание на кольце из нержавеющей стали пробы, соответствующей серебру) либо намеренное увеличение существующего качества (проставление на золотом кулоне пробы высшего качества, чем свойственного ему).

Стремительно развивающимся направлением трёхмерной печати является 3D-биопринтинг, т.е. технология создания органов и тканей человека посредством использования человеческих клеток как чернил для 3D-принтера. За последние годы по всему миру были созданы и пересажены реципиентам десятки биопечатных органов и тканей. Данная технология является по истине революционной, т.к. позволяет не только пересадить здоровый орган нуждающемуся лицу, но и создать необходимый орган из его собственных клеток без обращения к услугам донора, а значит и намного быстрее. Приживаемость напечатанного на 3D-принтере биоматериала значительно выше приживаемости донорского, что в разы снижает риск его отторжения.

В сфере уголовного права по отношению к 3D-биопринтингу интерес вызывает открытие лабораторий, в которых незаконно будут создаваться человеческие органы, а также открытие взаимодействующих с данными лабораториями клиник, занимающихся трансплантацией напечатанного на 3D-принтере биоматериала. Уже в настоящий момент в Российской Федерации и по всему миру свою деятельность осуществляют десятки лабораторий, в которых создаются напечатанные на 3D-принтере органы, ткани, медикаменты и медицинские инструменты, т.е. криминализация трёхмерной печати возможна уже сейчас. С повсеместным распространением технологии 3D-биопринтинга возрастёт и спрос на напечатанные органы. Обратим внимание на тот факт, что создание органа с помощью трёхмерной печати не является быстрым процессом, в связи с чем лица, желающие быстрее создать и осуществить пересадку печатного органа, будут готовы заплатить любые деньги за ускорение процедуры, что привлечёт внимание людей, которые решатся нарушить закон, открыть лаборатории и начать печатать органы и ткани. Это вызовет необходимость в открытии клиник для пересадки биоматериала в ускоренном порядке, которые будут действовать незаконно. Операции в них будут проводиться не совсем качественно, что повлечёт за собой ухудшение здоровья и смерть пациентов. На наш взгляд, в перспективе возможно внесение в УК РФ статьи,

⁵ Об опробовании, анализе и клеймении ювелирных и других изделий из драгоценных металлов (вместе с «Правилами опробования, анализа и клеймения ювелирных и других изделий из драгоценных металлов») : Постановление Правительства РФ от 06.05.2016 N 394 : в ред. от 25.04.2020. // Компьютерная справочная правовая система. Москва, 1997-2021. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197716/ (дата обращения: 27.01.2021).

устанавливающей ответственность за незаконное создание на 3D-принтере органов и тканей, открытие лабораторий, в которых это будет происходить, и клиник, осуществляющих незаконную пересадку биоматериала.

3D-принтинг позволяет печатать и медицинские приборы, лекарства, протезы, наркотические вещества, за незаконное создание которых лицо должно нести уголовную ответственность.

В настоящий момент с помощью 3D-принтеров печатают объекты, которые находятся под защитой авторского и патентного права, что в некоторых случаях является нарушением прав автора, иного правообладателя и лица, запатентовавшего объект, и влечёт за собой уголовную ответственность по ст. 146 УК РФ и по ст. 147 УК РФ соответственно.

Несмотря на пользу, которую приносит 3D-печать и созданные посредством данной технологии предметы, она способна также оказывать и негативное влияние. Из этого следует, что 3D-принтинг ставит новые вызовы перед безопасностью и в некоторых случаях угрожает ей. Однако, при надлежащем нормативно-правовом регулировании и тщательном осуществлении контроля за распространением и применением трёхмерной печати, большую часть угроз возможно свести к минимуму, активно используя исключительно во благо и в соответствии с законом технологию 3D-печати.

Информация об авторе

Гокунь Юлия Сергеевна – студентка 3 курса, юридический факультет Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет».

83000, г. Донецк, ул. Ватутина, 1-а.

Электронный адрес: yulya.gokun@mail.ru

УДК 343.2

Г 95

А. К. Гурко,

студент 2 курса,

ИЮИ (ф) УП РФ

Система мер уголовно-правового воздействия в уголовном праве Российской Федерации

В статье анализируются существующие в уголовном законодательстве и доктрине уголовного права системы мер уголовно-правового воздействия. На основании обобщения законодательного материала и доктринальных положений делается вывод о существующей системе мер уголовно-правового воздействия.

Ключевые слова: меры уголовно-правового воздействия, иные меры уголовно-правового характера, Уголовный кодекс, наказание.

Система мер уголовно-правового воздействия в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) представлена системой наказаний и системой иных мер уголовно-правового характера, о чем говорят такие статьи УК РФ, как ч. 1 ст. 3, ч. 2 ст. 6, ч. 2 ст. 7¹. Однако, данный вопрос является дискуссионным, поскольку в доктрине выдвигаются различные понятия системы мер уголовно-правового воздействия.

Так, В. Ф. Ширяев включает в содержание системы мер уголовно-правового воздействия наказание, иные меры реализации уголовной ответственности и меры, не связанные с ее реализацией².

М. Ф. Гараев подразделяет систему мер уголовно-правового воздействия на три подсистемы: во-первых, наказание, во-вторых, иные меры уголовно-правового воздействия, в-третьих, другие уголовно-правовые меры, которые не являются формой реализации уголовной ответственности³.

М. В. Бавсун полагает, что меры уголовно-правового воздействия можно подразделить на три группы: 1) меры информационно-правового воздействия на общество, посредством которых обеспечивается решение задачи общего предупреждения преступлений; 2) меры, имеющие в себе карательную составляющую, то есть наказания; 3) меры, не имеющие ни информационно-правового воздействия, ни карательной составляющей, или иные меры уголовно-правового характера⁴.

С точки зрения некоторых авторов необходимо ориентироваться на позицию, высказанную законодателем, изложенную в УК РФ, то есть разделять систему мер уголовно-правового воздействия на наказания и иные меры уголовно-правового характера^{5,6}.

Вместе с тем, систему мер уголовно-правового воздействия стоит в первую очередь рассматривать в узком и в широком смысле.

В узком смысле система мер уголовно-правового воздействия ограничена действующим уголовным законодательством, поэтому она будет состоять из четырех элементов: 1) наказания; 2) иные меры уголовно-правового характера; 3) освободительные меры; 4) пассивные меры информационно-правового воздействия, то есть наличие в государстве уголовного законодательства само по себе способно влиять на поведение людей – несовершенство

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : в ред. от 30 декабря 2020 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Ширяев В. Ф. Наказание в системе мер уголовно-правового воздействия: теория и практика. Вологда : Вологодский государственный педагогический университет, 2004. С. 77.

³ Гараев М. Ф. Цели иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения по российскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.08. Казань, 2005. С. 15.

⁴ Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : монография. Омск : Омская академия МВД России, 2014. С. 15–16.

⁵ Звонов А. В. К вопросу о составе системы мер уголовно-правового воздействия // Актуальные вопросы развития современного общества : научно-практическая конференция, 18 апреля 2014 года. Курск : Университетская книга, 2014. С. 178.

⁶ Непомнящая Т. В. Система мер уголовно-правового воздействия // Право. Законодательство. Власть. 2015. № 1. С. 192.

преступлений в виду страха быть привлеченным к уголовной ответственности.

Система наказаний включает в себя, в первую очередь, соответствующий перечень, закрепленный в ст. 44 УК РФ, а также общую конфискацию.

Существующая конфискация в УК РФ на данный момент не удовлетворяет сложившейся обстановке. Необходимо развести специальную конфискацию, которая будет являться иной мерой уголовно-правового характера, и общую конфискацию, которая будет являться наказанием. Специальная конфискация – принудительное безвозмездное изъятие и обращение в доход государства на основании обвинительного приговора имущества, полученного преступным путем. Общая конфискация предусматривает принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора имущества, полученного законным путем. Общую же конфискацию имущества в зависимости от объема конфискуемого имущества можно подразделить на полную, то есть всего имущества, и частичную, то есть части имущества.

В систему иных мер уголовно-правового характера входят:

- 1) принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90–91 УК РФ (за исключением ч. 1 ст. 90 УК РФ));
- 2) принудительные меры медицинского характера;
- 3) специальная конфискация;
- 4) судебный штраф.

Система освободительных мер включает в себя две подсистемы: освобождение от уголовной ответственности и освобождение от отбывания наказания.

Первая подсистема включает в себя: во-первых, главу 11 УК РФ (освобождение от уголовной ответственности), во-вторых, ч. 1 ст. 90 (освобождение от уголовной ответственности с назначением принудительных мер воспитательного воздействия), в-третьих, ч. 2 ст. 84 УК РФ.

Вторая подсистема состоит из: во-первых, главы 12 (освобождение от отбывания наказания), во-вторых, ст. 92–93 УК РФ (освобождение от наказания несовершеннолетних; условно-досрочное освобождение от отбывания наказания), в-третьих, ч. 2 ст. 84 УК РФ, в-четвертых, ч. 2 ст. 85 УК РФ. Кроме того, отдельным институтом в данной подсистеме будет стоять ст. 73 УК РФ (условное осуждение), в виду того, что оно предполагает освобождение от реального отбывания наказания, признавая его условным. Если системы наказаний и иных мер уголовно-правового характера назначаются по усмотрению судьи и в виду предусмотренности УК РФ применения данной меры за соответствующий состав преступления, то система мер освобождения от уголовной ответственности имеет своей особенностью то, что их применение возможно при наличии определенных условий. К примеру, ст. 76² УК РФ, где говорится об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Для того, что применить меру освобождения от уголовной ответственности в данном случае, необходимо наступление

следующих условий: совершение преступления впервые, при том категории небольшой либо средней тяжести, лицо, совершившее преступление, должно каким-либо образом загладить причиненный вред. В широком смысле система мер уголовно-правового воздействия может выходить за рамки действующего уголовного законодательства, поэтому система мер уголовно-правового воздействия в данном случае будет представлена двумя подсистемами: во-первых, подсистема УК РФ, состоящая из четырех подсистем: 1) наказания; 2) иные меры уголовно-правового характера; 3) освободительные меры; 4) пассивные меры информационно-правового воздействия; и, во-вторых, подсистема, выходящая за рамки УК РФ, которая представлена активными и пассивными мерами уголовно-правового воздействия. Первые представлены различными действиями правоохранительных органов в сфере уголовно-правового просвещения. Например, сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации содержит раздел «Противодействие коррупции»⁷, а сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации – «Противодействие экстремизму и терроризму»⁸, также розыск лица, совершившего преступление. Пассивные меры уголовно-правового воздействия будут выражены и самим наличием правоохранительных органов, что оказывает влияние на поведение.

Таким образом, система мер уголовно-правового воздействия может рассматриваться в широком и узком смыслах – в зависимости от этого выделяются разные подсистемы в составе соответствующей системы. Система мер уголовно-правового воздействия в целом представляется как нормы уголовного законодательства Российской Федерации, так и деятельность правоохранительных органов в целях уголовно-правовой охраны общественных отношений.

Информация об авторе

Гурко Алексей Константинович – студент 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ),

664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: gurkoak@mail.ru

⁷ Противодействие коррупции // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/anticor/> (дата обращения: 31.07.2020).

⁸ Противодействие экстремизму и терроризму // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/нет-экстремизму> (дата обращения: 31.07.2020).

УДК 343.233
Д 17

Б. А. Даншаев,
студент 2 курса ЮИ ИГУ

Юридическая оценка вреда в спортивных состязаниях

В данной статье рассматривается возможность привлечения или освобождения лиц, занимающихся спортом, от уголовной ответственности при причинении различной степени тяжести вреда здоровью во время проведения спортивных состязаний.

Ключевые слова: уголовная ответственность, занятие спортом, причинение вреда жизни и здоровью лица, условия правомерности, обстоятельство, исключающее преступность деяния.

Во всех контактных видах спорта присутствует возможность причинения вреда спортсмену. В случаях воздействия одного спортсмена на другого возникает вопрос правомерности, подобного воздействия.

Как правило, лицо причинившее вред во время спортивных состязаний, не привлекается к уголовной ответственности. Непривлечение к уголовной ответственности при наличии внешних признаков нарушения общественного отношения, охраняемого уголовным законом, лежит в плоскости применения обстоятельств, исключающих преступность деяния. В главе 8 УК РФ, исчерпывающим образом перечислены эти обстоятельства и в них отсутствует причинение вреда в результате спортивных мероприятий.

Причинение какого-либо вреда здоровью или даже смерть во время проведения спортивного мероприятия нельзя признавать ни необходимой обороной, ни превышением пределов необходимой обороны, так как в этих случаях отсутствует такое условие их правомерности, как общественно опасное посягательство.

По мнению, А.Н. Берестового причинения вреда спортсменам в ходе проведения спортивных соревнований не подпадают и под другие обстоятельства, исключающие преступность деяния. В некотором смысле они соприкасаются с обоснованным риском, так как цель участников спортивных соревнований общественно полезная – выявление сильнейшего, определение предельных физических границ возможностей человека¹. Однако причиненный вред во время проведения спортивных мероприятий не может признаваться обоснованным риском, так как спортсмен, причиняющий вред, вряд ли задумывается об общественной полезности своего действия, его целью является личная, часто корыстная заинтересованность.

Решая вопрос об уголовной ответственности лица, причинившего вред

¹ Берестовой А.Н. Становление и перспективы развития уголовно-правового института обстоятельств, исключающих преступность деяния // Уголовная политика и правоприменительная практика. Санкт-Петербург: Астерион, 2019.С 84-92.

или смерть во время спортивного состязания, следует сказать, что, по мнению многих ученых, например, таких как, М.Д. Шаргородский, А.А. Пионтовский, А.Н. Красиков и др., уголовная ответственность должна исключаться, если лицо действовало в рамках правил вида спорта, который разрешен законом. Следует согласиться с данной точкой зрения, так как спортсмен, причиняющий вред оппоненту, имеет цель победить последнего. В случае, если такое лицо нарушает правила спортивного состязания, к нему применяются различного рода санкции. Действия спортсмена в рамках правил свидетельствует о его воле к победе и об отсутствии у него преступного умысла.

Данную позицию, также, доказывает судебная практика. Смидовичский районный суд указывает, что пределы возможного риска ограничены правилами спортивного состязания, и эти правила, с одной стороны – выступают пределами объективно возможного риска, а с другой – служат гарантией для лиц, участвующих в спортивных соревнованиях.

Так, же суд утверждает, исключить уголовную ответственность могут только такие обстоятельства, которые прямо предусмотрены уголовным законом. Из этого следует, что в систему обстоятельств, исключающих преступность деяния, предусмотренных действующим уголовным кодексом, причинение вреда жизни или здоровью в ходе проведения спортивных соревнований, не входит².

Таким образом, в УК РФ отсутствует нормы о правовой оценке преступности или правомерности вреда, полученного во время спортивных состязаний, что свидетельствует о необходимости пересмотра системы обстоятельств, исключающих преступность деяния, в аспекте уточнения правовой природы правомерности причинения такого вреда.

Рассмотрим вопрос об ответственности лица за причинение вреда во время проведения спортивных мероприятий в законодательстве зарубежных стран. Согласно УК штата Пенсильвания (п. b § 311), "когда поведение преследуется как преступление, поскольку оно причиняет вреде или грозит его причинением, согласие на такое поведение или причинение вреда является основанием для защиты, если: поведение или вред было разумно предвиденным риском совместного участия в законном атлетическом соревновании или спортивном состязании"³.

Таким образом, УК штата Пенсильвании закрепляет обстоятельство исключающее преступность деяния при проведении спортивных мероприятий при условии – согласия лиц участвующих в спортивном состязании и при этом причиненный риск был разумно предвещен.

Так, в свете данного вопроса В.А. Блинников утверждает, что спортсмен, готовящийся участвовать в соревнованиях, «должен давать явно выраженное согласие на возможное причинение ему вреда, что, впрочем, делают

² Приговор № 1-140/2017 1-2/2018 от 27 июня 2018 г. по делу № 1-140/2017// Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт).

³ Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты / Под ред. проф. О.А. Жидкова. М.: Издательская группа "Прогресс", "Универс", 1993. С. 656–657.

многие известные единоборцы в других странах»⁴. Представляется, что такое соглашение может быть оформлено в простой письменной форме. Содержать в себе правила проведения спортивного состязания, а также обязательное указание на возможность причинения вреда здоровью спортсменов.

Интересную форму закрепления обстоятельства, исключающего преступность деяния в УК РФ, предложили О. А. Михаль и Ю. А. Власов: по их мнению не является преступлением причинение вреда жизни или здоровью, вызванное спортивной борьбой или игровым моментом в ходе спортивных состязаний. Умышленное причинение вреда жизни или здоровью в ходе спортивных состязаний преследуется в уголовном порядке на общих основаниях⁵.

Резюмируя вышеизложенное, еще раз стоит обратить внимание на неурегулированность законодателем данного вопроса. Отсутствие в законе данного обстоятельства, исключающего преступность деяния, вызывает сложности для правоприменителя, поскольку причиненный вред, требует квалификации. В связи с этим правоприменитель, принимая решение об ответственности лиц, вынужден оценивать обстоятельства, правила спортивного состязания, в рамках которых был получен вред: если лицо причинило вред в рамках установленных правил, оно не понесет уголовную ответственность, вне зависимости от причиненного вреда. Соответственно, лицо, нарушившее правило, понесет ответственность в зависимости от причиненного ущерба.

Информация об авторе

Даншаев Базыр Александрович – студент 2 курса, Юридический институт Иркутского Государственного Университета (ЮИ ИГУ).

664003, г Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10. Номер телефона: +79140533760, электронный адрес: mr.danshaev@mail.ru

УДК 343.72

Д 58

М. А. Довгань,

студент 3 курса, Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Мошенничество в сфере кредитования: новые преступные схемы

В статье рассматриваются особенности уголовной ответственности за преступления, указанные в ст.159.1 УК РФ. Приводятся наиболее распространенные преступные схемы, связанные с завышением цены в договоре купли-продажи, выводом залогового имущества, предоставлением недостоверных сведений для получения кредитных денежных средств и дается

⁴ Блинников, А.В. Система обстоятельств, исключающих преступность деяния : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 378.

⁵ Михаль О.А., Власов Ю.А. Уголовно-правовое регулирование причинения вреда здоровью или смерти при спортивных занятиях // Современное право. 2014. № 9. С 4.

соответствующая правовая квалификация данных деяний.

Ключевые слова: залог, недостоверная информация, неисполненные обязательства, мошенничество, преюдиция.

Норма, устанавливающая ответственность за совершение мошенничества в кредитной сфере, предусмотренная ст. 159¹ УК РФ, была введена в 2012 г. из-за участившихся случаев невозврата кредитных средств. Наиболее распространенными деяниями, подпадающими под признаки такого преступления, могут являться:

использование целевого кредита частично для создания видимости добросовестности;

сокрытие информации о непогашенных кредитах;

перечисление кредитных денежных средств на счета фиктивных компаний, которые не ведут финансово-хозяйственную деятельность, с последующим выводом денежных средств путем перечисления индивидуальному предпринимателю кредитных средств и дальнейшим обналичиванием;

предоставление в банк поддельных документов о балансе, оборотных средствах, содержащих заведомо недостоверную информацию;

уклонение от регистрации договора ипотеки.

При доказывании вины в хищении кредита используются обстоятельства, установленные в ходе гражданского судопроизводства, однако в предмет доказывания по гражданскому делу не входит установление умысла на хищение и обстоятельства, свидетельствующие о недостоверных сведениях о финансовом положении, наличии и состоянии имущества, передаваемого в залог, и др. В свою очередь, в рамках уголовного судопроизводства не исследуются вопросы, входящие в предмет доказывания по гражданскому делу. Таким образом, наличие гражданско-правового спора, связанного со взысканием долга по кредиту, не подтверждает наличия умысла на хищение, поэтому решение по гражданскому делу вряд ли может иметь преюдициальный характер.

Приведем ряд типичных примеров мошенничества в сфере кредитования.

1. Предметом изучаемого преступления могут быть различные объекты недвижимости. Согласно ст. 334 ГК РФ ипотека является залогом недвижимости. Предметом может быть любое недвижимое имущество: земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей. Возникать ипотека может также в силу закона¹. Как правило, в ипотечных договорах есть условие, по которому часть стоимости оплачивает заемщик – первоначальный взнос (например, 30% от стоимости квартиры оплачивает за счет собственных средств, а 70% выдает банк в кредит). На практике получает распространение следующая схема: у заемщика отсутствуют денежные средства на первоначальный взнос, он договаривается с продавцом недвижимости о завышении цены в договоре купли-продажи недвижимости с отдельным соглашением, согласно ко-

¹ См.: Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 № 102-ФЗ; Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 № 218-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

тому продавец уже получил от заемщика часть денежных средств. Таким образом, у заемщика нет необходимости оплачивать первоначальный взнос и он может взять кредит на 70–90% от стоимости объекта недвижимости.

Недостоверными сведениями в данном случае будут являться положение в договоре купли-продажи о цене, а также оценка объекта недвижимости независимым оценщиком. В отличие от состава преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, умысел на хищение денежных средств возникает в данном случае до момента получения кредита. Кроме того, для квалификации деяния как преступного требуется установление размера причиненного ущерба (крупный размер – ущерб, превышающий один миллион пятьсот тысяч рублей; особо крупный – шесть миллионов рублей). Зачастую, данное преступление совершается группой лиц, поскольку объединяются усилия заемщика, независимого оценщика, сотрудника банка, риелтора и др.

Приговором Индустриального районного суда г. Перми К. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 159¹ УК РФ. К. заключила с М. договор купли-продажи, по которому она приобрела в собственность за счет частичного использования денежных средств в соответствии с кредитным договором здание, и земельный участок, расположенный под ним. М. внес в текст договора купли-продажи недостоверную информацию о получении им от Л. денежных средств в сумме 1 344 600 руб., в качестве первоначального взноса, которые фактически ему не передавались. Оставшиеся денежные средства в сумме 4 898 400 руб. должны были быть перечислены М. по договору ипотечного кредитования с К. После этого договор купли-продажи был сдан на регистрацию. При этом умысел на возврат денежных средств банку был установлен судом до совершения сделки по отчуждению объекта недвижимости.

Таким образом, К., М. и Л. совершили мошенничество путем представления в банк заведомо ложных и недостоверных сведений, причинив материальный ущерб в крупном размере на сумму 4 898 400 руб.². Данная преступная схема связана с предоставлением заемщиком договора купли-продажи недвижимости с завышенной стоимостью и предоставлением поддельных документов, а именно информацию от имени заемщика о месте работы и доходах последней, относительно уровня ее платежеспособности.

2. Обман может заключаться в представлении кредитору заведомо ложных или недостоверных сведений об обстоятельствах, наличие которых предусмотрено кредитором в качестве условия для предоставления кредита (например, сведения о месте работы, доходах, финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации, наличии непогашенной кредиторской задолженности, об имуществе, являющемся предметом залога).

Так, приговором Кстовского городского суда Нижегородской области директор ООО признан виновным в совершении мошенничества в сфере кредитования. Он заключил кредитное соглашение, подписав его и заверив печат-

² См.: Приговор Приговором Индустриального районного суда г. Перми № 1-3/2019 1-417/2018 от 22 января 2019 г. Режим доступа: sudact.ru (дата обращения: 14.02.2021).

тью ООО, зная, что условия данного договора им исполняться не будут. Л. предоставил в банк необходимые документы ООО, заверив их своей подписью и печатью, подписал договор о поручительстве от своего имени, а также убедил подписать договор о поручительстве В., не подозревающего о преступных намерениях Л. Последний также предоставил ложные сведения относительно обеспечения исполнения обязательств в виде предоставления залогового имущества – автомобилей учредителей Л. залоговой стоимостью 533 000 руб. и В. залоговой стоимостью 1 111 500 руб., подписав договор залога и акт приема-передачи оригинала паспорта транспортного средства, и убедив подписать договор о залоге и акт приема-передачи паспорта транспортного средства В., заверив его, что полученный кредит Л. будет оплачивать своевременно и не допустит оплату кредита за счет залогового имущества.

При этом Л. намеревался скрыть место нахождения транспортных средств, которые фактически оставались в пользовании Л. и В., и обратиться в ГИБДД с заявлением об утере оригиналов ПТС и получении их дубликатов для распоряжения автомобилями³. Таким образом, кредитору заемщик предоставлял недостоверные сведения об имуществе, являющимся предметом залога, и впоследствии выводил имущество из предмета залога, тем самым совершая мошенничество, предусмотренное ст. 159¹ УК РФ.

3. Другим вариантом обмана является оформление кредита на организации, в которых лица реально не числятся генеральным директором либо главным бухгалтером, однако осуществляют фактическое руководство, выполняя организационно-распорядительные и (или) административно-хозяйственные функции.

Так, согласно приговору Пушкинского городского суда установлено, что Л. вступил в преступный сговор с неустановленным лицом, которое изготовило документы необходимые для представления в банк для дальнейшего одобрения не возобновляемой кредитной линии, содержащие заведомо ложные сведения, относительно реального положения финансово-хозяйственной деятельности.

Банк принял документы на открытие кредита ЗАО в виде невозобновляемой кредитной линии, предназначенной на пополнение оборотных средств, под условием залога товара в обороте с установленным лимитом выдачи на общую сумму в рублях с целью кредита – на пополнение оборотных средств. В качестве обеспечения по кредиту в залог передавалась приобретенная за пределами Российской Федерации техника.

Л. не исполнил взятые на себя кредитные обязательства, в том числе в качестве поручителя, денежные средства банку не вернул, обратил их в свою пользу и распорядился по своему усмотрению, совершив преступления, предусмотренные ст. 159¹ УК РФ⁴.

³ См.: Приговор Кстовского городского суда Нижегородской области № 1-171/2015 1-6/2016 от 21 апреля 2016 г. Режим доступа: sudact.ru (дата обращения: 14.02.2021).

⁴ См.: Приговор №1-2/2018 от 2 марта 2018 г. URL: <http://pushkino.mo.sudrf.ru/> (дата обращения: 14.02.2021).

Общественная опасность рассмотренных деяний заключается в том, что в данных ситуациях причиняется вред не только отношениям собственности, но также отношениям, регулирующим нормальное функционирование кредитно-денежной системы. Полагаем, что изучение преступных схем, связанных с мошенничеством в сфере кредитования, позволит удовлетворить практическую потребность в выработке рекомендаций по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению данного вида мошенничества.

Информация об авторе

Довгань Максим Андреевич – студент 3 курса, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

123001, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., 9.

Электронный адрес: dovgan.maksim@list.ru

УДК 343.575

Д 69

А. Д. Доржиева,

студентка 4 курса

ИЮИ (ф) УП РФ

**Некоторые проблемы квалификации преступления,
предусмотренного, ст. 228 УК РФ**

В статье анализируются проблемы уголовно-правовой квалификации приобретения наркотических средств и психотропных веществ как признака объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ. Автором предпринята попытка обобщения судебной практики и предложены пути решения проблемы.

Ключевые слова: квалификация преступления, наркотические средства, психотропные вещества, незаконный оборот наркотиков.

Опасность незаконного оборота наркотиков заключается не только в причинении вреда здоровью населения, но и в том, что он обуславливает рост имущественных преступлений, организованной преступности, налаживание коррупционных связей, финансирование терроризма.

Эффективное противодействие незаконному обороту наркотиков во многом зависит от правильной квалификации. Однако при анализе судебной практике выясняется, что допускаются ошибки при применении уголовного закона, в том числе при квалификации деяния как незаконного приобретения наркотических средств и психотропных веществ (далее – НСПВ).

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ, характеризуется действиями: незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление и переработка НСПВ и их аналогов, а также растений, содержащих НСПВ, и частей таких растений в значительном размере.

Обязательным условием наступления уголовной ответственности за

указанные действия выступает отсутствие легального характера их совершения. Порядок, условия и субъекты законного оборота определены в ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»¹ и других нормативных правовых актах.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»² (далее – ПП ВС № 14) высшая судебная инстанция разъясняет, что под незаконным приобретением без цели сбыта НСПВ или их аналогов следует понимать «получение их любым способом, в том числе покупку, получение в дар, а также в качестве средства взаиморасчета за проделанную работу, оказанную услугу или в уплату долга, в обмен на другие товары и вещи, присвоение найденного, сбор дикорастущих растений или их частей, включенных в Перечень НСПВ и их прекурсорчастках граждан, если эти растения не высевались и не выращивались, сбор остатков находящихся на неохраняемых полях посевов указанных растений после завершения их уборки».

Вменение лицу признака незаконного приобретения возможно только при условии, что будут установлены и убедительно доказаны все имеющие значение для дела обстоятельства совершения преступления — время, место, способ и другие. Сам факт обнаружения у лица НСПВ при отсутствии законных оснований для его хранения, не является достаточным для привлечения его к ответственности за его незаконное приобретение.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ исключила из осуждения Т. по ч. 1 ст. 228 УК РФ «незаконное приобретение без цели сбыта наркотического средства в значительном размере», поскольку место и время приобретения Т. наркотического средства не установлены, что делает невозможными реализацию права обвиняемого защищаться от предъявленного обвинения и проверку исчисления сроков давности привлечения лица к уголовной ответственности³.

В правоприменительной практике возникают трудности при квалификации преступлений, связанных с оборотом НСПВ, в том числе при решении вопроса о необходимости дополнительного вменения признака незаконного приобретения при незаконном изготовлении НСПВ.

Под изготовлением НСПВ ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» понимает «действия, в результате которых на основе НСПВ или их прекурсоров получены готовые к использованию и потреблению формы НСПВ или содержащие их лекарственные средства» (ст. 1). Со-

¹ О наркотических средствах и психотропных веществах : федер. закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2015 г. по делу № 18-УД15-84. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

гласно этой дефиниции, основой для изготовления могут являться другие НСПВ или их прекурсоры.

Несколько иная трактовка незаконного изготовления содержится ПП ВС РФ № 14, согласно п. 9 которого изготовление рассматривается как совершение умышленных действий, в результате которых из наркотикосодержащих растений, лекарственных, химических и иных веществ получено одно или несколько готовых к использованию и потреблению НСПВ.

Основываясь на приведенных определениях, можно сделать вывод, что исходным материалом для незаконного изготовления могут быть как наркотикосодержащие растения, лекарственные, химические и иные вещества, в том числе прекурсоры, так и другие НСПВ.

Верховный Суд РФ отметил, что в случае, когда лицо изготавливает наркотическое средство, заранее не приобретая для его изготовления другие НСПВ, его действия не подлежат квалификации по признаку незаконного приобретения⁴.

Так, Судебная коллегия Астраханского областного суда изменила приговор суда первой инстанции, исключив признак незаконного приобретения в действиях В. Установлено, что В. изготовила наркотическое средство дезоморфин путем проведения химических реакций средств бытовой химии с веществами лекарственного препарата «Седалгин-Нео», т.е. изначально НСПВ не приобретались лицом⁵.

Для правильной квалификации преступлений кроме точного знания содержания и элементов состава необходимо также уметь отличать от иных смежных составов преступления.

При получении наркотических средств в результате хищения или вымогательства содеянное квалифицируется по специальной норме, предусматривающей ответственность за хищение или вымогательство НСПВ (ст. 229 УК РФ).

Так, М., имея умысел на хищение наркотического средства, в ходе переписки в программе для обмена сообщениями получил описание месторасположения тайника с наркотическим средством в значительном размере, а также указание извлечь из тайника наркотическое средство, после чего, расфасовать его, создать тайники для дальнейшего незаконного сбыта. М., действуя из корыстных побуждений с целью дальнейшего личного потребления, путем злоупотребления доверием похитил наркотическое средство. После чего М. осуществлял хранение без цели сбыта, то есть для личного потребления. Суд квалифицировал действия М. по п. «д» ч. 2 ст. 229 УК РФ, 1. 2 ст. 228 УК РФ⁶.

Однако в судебной практике встречаются иные способы квалификации

⁴ Определение Верховного суда Российской Федерации от 28 января 2012 г. по делу № 61-В02-6 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. №2. С. 14.

⁵ Апелляционное постановление Астраханского областного суда от 10 мая 2016 г. по делу № 22К-1009/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6o3q9zRimJdO>.

⁶ Апелляционное постановление Астраханского областного суда от 30 октября 2019 г. по делу № 3/1-17/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/b8LPSkRNmsWT>.

аналогичных ситуаций, представляющиеся неверными.

Судом было вменено подсудимым А. и П. помимо ч. 1 ст. 229 УК РФ также еще один состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 228 УК РФ – незаконное приобретение НСПВ. В последствие данное решение суда первой инстанции было отменено в апелляционном порядке. Как указал суд второй инстанции, согласно смыслу уголовного закона, приобретение НСПВ полностью охватывается составом хищения и не нуждается в дополнительной квалификации⁷.

Судом в обвинительном приговоре⁸ указано, что незаконное хранение НСПВ выступает способом обращения подсудимыми Л., Г. и П. похищаемого наркотического средства в свое общее распоряжение. Вместе с тем, подобная квалификация противоправного деяния представляется неверной ввиду неполноты вмененного объема обвинения действительной картины произошедшего, поскольку не дается уголовно-правовая оценка дальнейшим действия с похищенными НСПВ.

Отличие указанных составов преступления состоит в объективной стороне преступления, т.е. если преступник заполучает НСПВ или их аналог в момент, когда собирается совершить хищение или вымогательство, то квалификация преступления будет по ст. 229 УК РФ. Но, если будет совершено преступление, предусмотренное ст. 229 УК РФ, а затем последует дальнейшее хранение, переработка, перевозка, пересылка, сбыт, то тогда они образуют совокупность преступлений, предусмотренных ст. ст. 229 и 228 либо 228¹ УК РФ.

Таким образом, на основании изложенного отметим, что основным отличием состава ст. 228 УК РФ от смежных составов преступлений является объективная сторона. Связанные с квалификацией действия схожи между собой, что приводит к появлению вопросов в правоприменительной практике.

Вместе с тем, судебная практика свидетельствует об ошибках применения норм права в силу того, что преступление, предусмотренное ст. 228 УК РФ, характеризуется альтернативными действиями. В этой связи, предлагается внести в ПП ВС № 14 толкование, что конструкция состава подразумевает не совокупность преступлений, а единичное сложное преступление, и вытекающие из него соответствующие разъяснения.

Информация об авторе

Доржиева Александра Дандаровна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, Пограничный переулок, 4. Электронный адрес: alesis-d@mail.ru.

⁷ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Бурятия от 26 апреля 2016 г. по делу № 22-832/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IJK3ODGCGNS>

⁸ Приговор Завьяловского районного суда от 18 октября 2017 г. по делу № 1-48/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WCUTKQpGrKY>.

УДК 343.349
Д 79

А. С. Дубовкина,

студентка 3 курса СГЮА

Криминализация распространения заведомо ложной информации (ст. 207.1, ст. 207.2 УК РФ)

В статье обосновывается необходимость криминализации такого деяния как распространение заведомо ложной информации. Дается критическая оценка сущности обязательного признака «публичности» составов преступлений, предусмотренных ст. 207.1 и 207.2 Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова: общественная безопасность, криминализация, заведомо ложная информация, короновирусная инфекция.

Родовым объектом преступлений, расположенных в 24 главе УК РФ, выступает общественная безопасность. Из-за мирового экономического и социального кризиса появились новые виды негативного воздействия на данный объект. К ним относятся преступления, связанные с распространением заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан и публичным распространением заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207.1 и 207.2 УК РФ)¹.

Почему законодатель криминализировал распространение заведомо ложной информации именно сейчас? Дополнение УК РФ статьями 207.1 и 207.2 обусловлено повышением степени общественной опасности закрепленных в них деяний в условиях короновирусной инфекции. Распространение заведомо ложной информации представляет собой социальную опасность, проявляющуюся в дезорганизации деятельности органов власти, распространение панических настроений среди населения, отвлечение сил правопорядка, расходование средств на проверку ложных сообщений. В качестве примера можно привести один из громких «фейков» 2020 года, вызвавшая массовые недовольства – копия приказа Министерства обороны Российской Федерации о «введении в г. Москва комендантского часа».

Помещение новых составов после статьи 207, предусматривающей ответственность за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, не случайно: эти составы обладают похожим объектом преступления – информационные отношения, а именно право граждан на доступ к объективной информации. При этом санкции статей 207 и 207.1 УК РФ идентичны, то есть по общественной опасности новые составы, не уступают такому преступлению как терроризм. Подобная ситуация оправдана чрезвычайными современными условиями, видится логичным, по окончанию пандемии смягчить предусмот-

¹Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июля 1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.; Российская газета. 2020. 29 окт.

ренную статьей 207.1 санкцию.

Для статей 207.1 и 207.2 УК РФ характерно обязательное наличие признака «публичности» (применительно к этим составам, используется его интерпретация – «публичное распространение») будут обладать действия, направленные на распространение информации группе или неограниченному кругу лиц и выраженные в любой доступной для них форме. Верховный суд разъясняет, что в качестве способов распространения выступают «средства массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, мессенджеры (WhatsApp, Viber и других), в массовой рассылке электронных сообщений абонентам мобильной связи, распространении такой информации путем выступления на собрании, митинге, распространения листовок, вывешивания плакатов»². При рассмотрении данного признака, мы говорим не столько об одновременности восприятия информации двумя и более лицами, а о возможности ее распространения.

Среди представителей юридической науки можно встретить большое количество критических замечаний по поводу новых составов. Трахов А.И. и Бешукова З. М. отмечают, что «категориальный аппарат статьи 207.2 не обладает достаточной юридико-лингвистической определенностью для единообразной правоприменительной деятельности»³. Это подтверждается и активной ролью Верховного Суда Российской Федерации в решении проблем с трудностью правоприменения. Некоторые ученые говорят о несоответствии законодательных новелл конституционному праву на свободу самовыражения, а также об отсутствии как такового механизма сдержек и противовесов. В частности, это проявляется в ярко выраженном политическом характере нововведений, что подтверждается большим количеством случаев уголовного преследования публичных личностей – активистом, журналистов, блогеров и т.д. Подобная тенденция вызывает и у Международной правозащитной группы Агора, которая в своем докладе обозначила свою позицию – «легальная информационная монополия государства на правду не может оправдываться эпидемиологической ситуацией»⁴.

Таким образом, введение новых составов преступлений обусловлено резким ростом панических настроений в обществе и необходимостью повышения информационной безопасности в стране. Составы данных статей являются смежными и призваны обеспечить информационную безопасность в стране. Статьи 207.1 и 207.2 за достаточно короткий срок показали свою значимость и востребованность, мы считаем, что наряду с правовым регулиро-

²«Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 6. 2020.

³ Трахов А.И., Бешукова З.М. Распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1 и 207.2 УК РФ): новые составы преступлений с признаком публичности // Теория и практика общественного развития. № 6 (148). 2020. С. 79.

⁴Эпидемия фейков: борьба с коронавирусом как угроза свободе слова// Доклад Международной Агоры. URL: https://www.agora.legal/fs/a_delo2doc/190_file__2.pdf (дата обращения: 11.12.2020).

ванием данных отношений следует уделить особое внимание сетевому этикету и правовой культуре граждан, высокий уровень знаний которых позволит обезопасить себя и близких от «фейков» в Интернете.

Информация об авторе

Дубовкина Анастасия Сергеевна – студентка 3 курса, Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА). 410056 г. Саратов, ул. Вольская, дом 1. Электронный адрес: dubovkinaanastasia12@gmail.com

**УДК 343.72
3 51**

И. Ю. Земкина,
магистрант 2 курса ХГУЭП

Схемы совершения мошенничества в сфере предпринимательской деятельности

В статье обобщается судебная практика по составу мошенничества в сфере предпринимательской деятельности. Делается вывод о наиболее распространенных схемах совершения данного преступления в настоящее время в Российской Федерации. Аргументируется важность выявления таких схем для своевременного расследования мошенничества.

Ключевые слова: мошенничество, предпринимательская деятельность, гражданско-правовой деликт, обман, злоупотребление доверием, завладение.

На сегодняшний день состав мошенничества является одним из самых распространенных преступлений в России. Согласно ежегодному отчету Министерства внутренних дел России, более половины всех зарегистрированных преступлений (55,3%) составляют хищения чужого имущества. В частности, за 2020 год было совершено 335,6 тыс. мошенничеств, прирост которых составил 30,5% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года¹.

Кроме того, в последнее время учащаются случаи совершения мошенничеств в сфере предпринимательской деятельности, в результате появления новых схем совершения таких общественно опасных деяний. Законодатель сталкивается с определенными трудностями при совершенствовании законодательства, регулирующего ответственность за совершение указанных преступлений, в связи с тем, что представляется крайне затруднительным своевременно реагировать на быстро происходящие изменения в российском обществе.

Одним из наиболее актуальных вопросов на сегодняшний день является проблема постоянно изменяющихся схем совершения мошенничества в

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2020 года : МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184> (дата обращения : 05.02.2021).

сфере предпринимательской деятельности, что влечет возникновение определенных трудностей при отграничении такого состава мошенничества от гражданско-правового деликта в сфере предпринимательства.

В теории уголовного права уже были выработаны критерии разграничения мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в предпринимательской деятельности от гражданско-правовых деликтов.

Основной критерий отражен в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в п. 1 которого указано, что способами хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество выступают **обман** или **злоупотребление доверием**, в результате которых собственник или иной владелец, а также третье лицо передают имущество или право на имущество другому лицу либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом.

Соответственно, гражданско-правовые деликты в сфере предпринимательской деятельности исключают такие способы их совершения как обман и злоупотребление доверием. Обман подразумевает сообщение заведомо для виновного ложных сведений, либо умолчание об истинных фактах. Злоупотребление доверием включает в себя использование с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам.

Таким образом, именно критерий заведомости обмана и злоупотребления доверием является ключевым при разграничении преступления и гражданско-правового деликта. Это означает, что в случае, если сторона сделки заведомо знала и осознавала, что обязательства по такой сделке исполнены ею не будут – такое деяние подлежит квалификации, как мошенничество². Обстоятельствами, свидетельствующими о предумышленности деяния, являются, в частности, отсутствие у лица реальной возможности исполнить обязательство, при этом также может осознавать, что у него не было и не могло быть такой возможности. Кроме того, таким обстоятельством будет являться и сокрытие информации о наличии задолженностей по иным обязательствам или сокрытие информации о том, что передаваемое стороне сделки имущество уже является предметом залога по другой сделке. На практике к таким случаям, помимо указанных, относятся и распоряжение денежными средствами, полученными от стороны договора, в личных целях³.

В случае если сторона не исполняет обязательства по сделке из-за обстоятельств, которые возникли непосредственно после заключения такой сделки, и сторона заранее не знала и не могла знать о возможности наступле-

² Бархатова Е. Н. Вакутин А. А. Вопросы отграничения мошенничества в сфере предпринимательства от смежных составов преступлений и гражданско-правовых деликтов // Российский юридический журнал. 2019. № 5 (128). С. 82-90.

³ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. проф. Л. В. Иногамовой-Хегай. 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2021. С. 114. DOI 10.12737/520982.

ния таких обстоятельств в момент заключения сделки – квалификация по составу мошенничества исключается⁴.

На основании изложенного, особый интерес представляют собой схемы совершения мошенничества в сфере предпринимательства.

Анализ судебной практики показывает, что чаще всего мошенничество в сфере предпринимательской деятельности совершается генеральным директором хозяйствующего субъекта. Наиболее распространенными схемами совершения такого преступления являются следующие.

Уполномоченное на осуществление предпринимательской деятельности от имени Общества лицо, заведомо намеренное не исполнять обязательства по сделке, само выступает оферентом по такой сделке.

Одним из таких примеров является случай, когда гражданин, действуя умышленно, с целью хищения чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, используя доверительные отношения с другой стороной сделки, которые успели сложиться, например, в результате ряда иных сделок, похищает имущество такой организации.

Так, С. являлся директором ООО «К.». Имея умысел на хищение имущества ООО «П.», С. ввел в заблуждение руководителей ООО «П.», касаясь своих истинных намерений на исполнение договорных обязательств по договору поставки и не имея намерения по оплате товара, заключил с ООО «П.» договор поставки. Руководство ООО «П.», убежденное в истинности намерений С., произвело поставку имущества, определенного условиями заключенного договора. С. принял указанное имущество, однако свои обязательства по оплате поставленного товара по договору поставки не произвел. В результате таких действий ООО «П.» был причинен значительный ущерб⁵.

Другой распространенной схемой совершения мошенничества в сфере предпринимательства является ситуация, когда уполномоченное на осуществление предпринимательской деятельности от имени Общества лицо, получив оферту на совершение определенных действий в пользу других лиц, выражает акцепт, заведомо осознавая свою невозможность исполнить обязательства по поступившей ему оферте.

Так, Г., будучи руководителем ООО «С.», выразил акцепт на поступившее ему предложение от ООО «Э.» о продаже автомобиля марки Мерседес. В этот момент у Г. возник умысел на хищение денежных средств Общества «Э.» путем обмана при преднамеренном неисполнении договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Следуя задуманному, Г. связался с руководителем ООО «Э.» и сообщил, что в ООО «С.» имеется в наличии автомобиль нужный им автомобиль, который он сможет переоборудовать и предоставить им в течение 20 банковских дней после 100% предоп-

⁴ Бархатова Е. Н. Вакутин А. А. Указ. соч. С. 82-90.

⁵ Приговор Заводского районного суда г. Кемерово по делу № 1-714/2017 от 19 октября 2017 г. // Допуск из справочно-правовой системы «Консультант Плюс»

латы, при не имея в действительности указанного автомобиля в собственности ООО «С.» и не намереваясь в действительности исполнять обязательства в сфере предпринимательской деятельности со стороны ООО «С.»⁶.

Таким образом, указанные схемы являются наиболее распространенными при совершении мошенничества в сфере предпринимательской деятельности. Однако, можно предположить, что существуют и другие схемы совершения рассматриваемого преступления. Установление схем совершения мошенничества оказывает существенное влияние на своевременное расследование таких преступлений, что способствует последующему вынесению справедливого решения.

Информация об авторе

*Земкина Ирина Юрьевна – магистрант 2 курса, Хабаровский государственный университет экономики и права (ХГУЭП).
680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134.*

Электронный адрес: irina.zemkina1997@gmail.com

**УДК 343.27
К 14**

А. В. Казаков,
*курсант 4 курса ОрЮИ
МВД России им. В.В. Лукьянова*

Актуальные проблемы применения судебного штрафа

В статье анализируются особенности законодательного оформления судебного штрафа и проблем его применения. На основании анализа практики применения данной меры делается вывод о его специфике в группе мер освобождения от ответственности. Автор аргументирует необходимость корректив сроков и размера судебного штрафа, приведения их к единообразным пределам.

Ключевые слова: судебный штраф, уголовный закон, меры уголовно-правового характера, освобождение от ответственности, применение штрафа.

С развитием уголовного законодательства меры освобождения от ответственности виновных лиц определенным образом совершенствуются, расширяется их перечень, корректируются условия применения. Судебный штраф призван продолжить политику смягчения наказуемости за преступления небольшой и средней тяжести, он позволяет освободить виновного с минимальными для него последствиями.

⁶ Приговор Ленинского районного суда г. Нижний Новгород по делу № 1-104/2017 от 02 мая 2017 г. // Официальный интернет-портал «sudrf». URL: <http://leninsky.nnov.sudrf.ru/>

Судебный штраф представляет собой назначаемое судом денежное взыскание. Его сущность как меры уголовно-правового характера, связана с уплатой установленной суммы, исходя из ч. 1 ст. 104.4 Уголовного кодекса Российской Федерации (Далее УК РФ), он носит имущественный характер. Уплата виновным его стоимости освобождает его от уголовной ответственности, что следует из содержания ст. 76.2 УК РФ.

Он был введен в уголовный закон в июле 2016 года и с тех пор активно применяется судами в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести. Наблюдаемая тенденция роста данной группы преступлений в последние годы обосновывает дальнейший рост случаев применения судебного штрафа. Однако анализ практики его назначения демонстрирует отсутствие единообразия в определении его размера в схожих преступлениях, трудности в процедуре его применения.

Его отличием от других видов освобождения от уголовной ответственности является то, что согласно ч. 2 ст. 104.4 УК РФ он может быть отменен, а лицо все-таки привлечено к уголовной ответственности по соответствующей статье, в случае если он не будет уплачен в установленный судом срок.

По мнению М.А. Чуриновой, судебный штраф является «наиболее жесткой и нежелательной формой освобождения от уголовной ответственности ...», в связи с тем, что полностью избежать уголовной ответственности лицо может только в случае, если выплатит его в полном объеме в пользу государства в назначенный судом срок¹.

Для уплаты суммы назначенного штрафа лицу предоставляется соответствующий срок. Однако сегодня его пределы законом не предусмотрены. Это приводит к правоприменительным проблемам. Одной из них является трудность в оценке того, будет ли лицо, еще не уплатившее судебный штраф, не нарушившее установленный судом срок и совершившее новое преступление, оценено как совершившее его впервые. Соответствующее Постановление Пленум Верховного суда Российской Федерации не исключает возможности применения рассматриваемого вида штрафа сразу по нескольким преступлениям.

Проблема применения судебного штрафа по одному или нескольким преступлениям связана с незакреплением в законном порядке сроков его оплаты. Временной промежуток от недели до полугода является наиболее часто встречающимся на практике промежутком времени, в течение которого он уплачивается субъектом преступления.

Отсюда следует, что установление фиксированного срока не более шести месяцев для оплаты судебного штрафа было бы мерой юридически обоснованной, так же как и определение срока его продления по уважительной причине на тот же период, то есть не более, чем полгода.

Судебный штраф состоит в возложении обязанности, связанной с воз-

¹ Чуринова М.А. Судебный штраф как альтернатива освобождения от уголовной ответственности // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2017. № 17-2. С. 54-55.

мещением причинённого преступником ущерба. Он носит материальный, компенсационный характер, причем как в широком, так и узком смысле. С одной стороны, он выполняет вспомогательную функцию заглаживания вины в отношении потерпевшего лица. С другой стороны, его уплата обеспечивает пополнение государственного бюджета. Тем самым определенным образом достигается социальная справедливость, выполняется поставленная при введении данного института в уголовный закон государством задача недопустимости повышения численности лиц, которые будут иметь судимость.

В настоящее время в законе отсутствует указание на минимальный размер судебного штрафа, что порождает пробельность, приводит к неоднозначности выбора его суммы правоприменителями. Большинство из них стараются придерживаться минимального передела, составляющего пять тысяч рублей, либо двадцати пяти тысяч рублей при кратном его исчислении, либо назначают его в пределах заработной платы за период двух недель работы².

При исчислении нижней границы штрафа, судья основывается на положениях штрафа, применяемого как уголовное наказание, что противоречит принципу запрета применения аналогии в российском уголовном праве.

Целесообразным видится предложение об установлении минимального размера штрафа от двух с половиной тысяч рублей³.

Еще одной проблемой является определение размера судебного штрафа в случае, когда лицом совершаются два и более преступлений. Некоторые суды назначают сумму за каждое совершённое преступное деяние, другие – лишь за самое тяжкое преступление, совершённое в совокупности⁴.

В поддержку первой точки зрения ученые утверждают, что судебный штраф должен назначаться за каждое преступление в отдельности⁵. Однако, другие исследователи полагают, что поглощение менее строгого более строгим в анализируемом варианте будет самым оптимальным вариантом решения вопроса⁶. Такой способ, похожий на аналогию, запрещенную в кодексе, в ряде случаев возможен как выход из неопределенности уголовно-правовых предписаний, сопряжен с применением правила о поглощении менее строгого наказания более строгим.

Целесообразно установить несколько фиксированных сумм за каждое совершённое преступление, затем посчитать общую сумму полученных результатов. После этого подвести итог с учётом части первой статьи 104.5 УК, который не должен превышать половины максимального размера штрафа, который регламентируется санкцией определенной статьи, или 250 тысяч

² Соктоев З.Б. Проблемы применения норм о судебном штрафе // Уголовное право. 2017. №1. С. 90-94.

³ Полуэктов А.Г. Система правоограничений, применяемая в отношении освобожденных от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: краткий анализ // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 1 (27). С. 60.

⁴ Шалумов М.С. Применение судебного штрафа: краткий комментарий к разъяснениям Пленума Верховного суда РФ // Уголовный процесс. 2017. №7. С. 106-114.

⁵ Скрипченко Н.Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательства новелл // Журнал российского права. 2017. №7. С. 106-114.

⁶ Кудрявцева А.В., Сутягин К.И. Судебный штраф // Уголовной право. 2016. №6. С. 104.

рублей, в случае если штраф не является альтернативой наказания по статье⁷.

Применение института судебного штрафа не только призвано уменьшить число дел, направляемых в суд, о впервые совершенных преступлениях небольшой и средней тяжести, но и обеспечить фискальную функцию государства.

Институт судебного штрафа в настоящее время является активно развивающимся видом освобождения от ответственности, механизм его реализации довольно слажено работает исходя из судебной практики, хотя и имеет свои сложности.

Несмотря на утверждение, что при использовании судебного штрафа «уголовная ответственность остается нереализованной, она искусственно прерывается, не получив логического, естественного завершения»⁸, он является оптимальной мерой реагирования на нетяжкие преступления, имеет важный предупредительный потенциал.

Очевидно, что любые законодательные нововведения должны оцениваться в первую очередь с точки зрения их соответствия принципам уголовного права⁹, не является исключением и назначение судебного штрафа. Все существующие проблемы его применения необходимо будет учесть законодателем с целью модернизации и дополнения института судебного штрафа, поскольку с каждым днём его применение находится в списке востребованных мер уголовно-правового характера.

Информация об авторе

Казаков Александр Валерьевич – курсант 4 курса, Орловский юридический институт им. В. В. Лукьянова (ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова). 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2. Электронный адрес: sanuo57@mail.ru

**УДК 343.23
К 59**

Д. В. Козулина,

*магистрант 1 года обучения
СПбЮИ (ф) УП РФ*

Необходимая оборона при защите от посягательств, направленных на половую свободу и половую неприкосновенность: проблемы уголовно-правовой оценки

Автором поднимается проблема уголовно-правовой оценки необходимой обороны и превышения ее пределов при защите от посягательств, на-

⁷ Ветрова О.А. Актуальные проблемы современности в области применения судебного штрафа // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 3 (84). С. 49-53

⁸ Мартыненко Н.Э., Мартыненко Э.В. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 24-27.

⁹ Баранчикова М.В. Значение нормативности принципов уголовного права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 3 (9). С. 38.

правленных на половую свободу и половую неприкосновенность. На основании анализа теории и правоприменительной практики автором делается вывод о необходимости закрепления правомерности причинения любого вреда, в том числе смерти, посягающему в условиях обороны от преступлений, предусмотренных ст.ст. 131, 132 УК РФ.

Ключевые слова: превышение пределов необходимой обороны, половая свобода и половая неприкосновенность, обстоятельство, исключающее преступность деяния.

Реализация права на необходимую оборону, как одного из важнейших обстоятельств, исключающих преступность деяния, закономерно вытекает из присущего человеку от рождения права на жизнь. Иными словами, причинение вреда в результате правомерной обороны не преступно и не наказуемо, в связи с тем, что оно берет свое начало от естественного права, является социально значимым и общественно полезным.

Вместе с тем, Уголовным законом установлена ответственность за превышение пределов необходимой обороны, т.е. применение чрезмерных средств защиты, явно несоответствующих характеру и степени опасности посягательства¹.

Однако, в правоприменительной практике достаточно часто возникают затруднения при уголовно-правовой квалификации действий, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, что обуславливается наличием оценочного элемента в данном институте. Например, такие категории как «явное несоответствие», «соразмерность» причиненного вреда степени общественной опасности посягательства, «неожиданность» посягательства, являются предпосылкой принятия неоднозначных решений правоприменителями.

Отдельного внимания заслуживает вызывающая общественный резонанс практика квалификации убийства насильника обороняющимся в условиях необходимой обороны. Неоднозначность может проявляться в целом при решении вопроса о преступности или не преступности содеянного² при применении ст. 37 УК РФ. Она в определенной мере зависит от усмотрения органов предварительного следствия и суда. Усмотрение, в свою очередь, порождает определенные тенденции по квалификации превышения пределов необходимой обороны в зависимости от устоявшейся практики применительно к конкретному региону нашей страны, которые в определенной степени отличны друг от друга.

Обозначенная проблема, по справедливому замечанию И. Э. Звечаровского, объясняется несовершенством самого предмета

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в ред. 30 дек. 2020 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Пархоменко Д. А. Усмотрение в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. С. 9.

толкования – существующей редакции ст. 37 УК РФ³.

В частности, только лишь на основании детального и системного изучения положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» и норм УК РФ, регламентирующих право на необходимую оборону и ответственность за превышение ее пределов, возможно заключить, что превышением пределов необходимой обороны не являются и не влекут установленной законом уголовной ответственности, во-первых, причинение любого вреда по неосторожности в целях правомерной обороны; во-вторых, причинение вреда здоровью легкой и средней степени тяжести в условиях, установленных ч. 2 ст. 37 УК РФ.

Соответственно, отсутствие четкого нормативного закрепления в Уголовном законе всех условий правомерной необходимой обороны, конкретного перечня обороняемых благ, при которых возможна «беспредельная» оборона, разграничения превышения пределов необходимой обороны от деяний, не признаваемых таковыми, создают препятствия реализации простыми людьми, не обладающим специальными знаниями в сфере юриспруденции – потенциальными субъектами необходимой обороны – своего естественного права на самозащиту.

Конкретное указание на то, что половая свобода и половая неприкосновенность входят в круг обороняемых интересов (наравне с жизнью) при которых допускается причинение любого вреда, в том числе и смерти посягающему, в соответствии с ч. 1 ст. 37 УК РФ, отсутствует.

Квалификация причинения вреда как правомерной обороны в связи с неожиданностью посягательства по ч. 2¹ ст. 37 УК РФ также затруднительна, в связи с оценочностью понятия «неожиданность».

В случае, если посягательство не сопряжено с насилием, опасным для жизни, равно как и при угрозе применения такого насилия, действия обороняющегося могут квалифицироваться как превышение пределов необходимой обороны. Ввиду возможности усмотрения правоприменителей, лицо может привлекаться к уголовной ответственности.

Следовательно, исключается возможность применения ч. 1 ст. 37 УК РФ при защите от сексуального посягательства, а деяние в лучшем случае квалифицируется как превышение пределов необходимой обороны (ст.ст. 108, 114 УК РФ, в зависимости от последствий), в худшем – на общих основаниях по статьям Особенной части УК РФ. Таким образом, лицо, правомерно защищающее свое естественное право, ставится в затруднительное положение.

В подтверждение можно привести пример уголовного дела, включенного в Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах,

³ Звечаровский И. Кому необходима необходимая оборона? // Уголовное право. 2013. № 1. С. 28.

исключающих преступность деяния, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ от 22.05.2019 г.

Так, между Д. и Ш. возникла ссора, в ходе которой последний, повалив Д. на диван с применением силы, попытался раздеть и изнасиловать. При этом, Ш., взяв нож, высказывал угрозы жизни. В свою очередь, Д., воспринимая угрозу, как реальную, в ходе борьбы оттолкнула Ш. и нанесла с целью, чтобы Ш. ее отпустил, несколько ударов ножом в область шеи, в результате чего наступила смерть Ш.

Стоит заметить, что судом первой и апелляционной инстанции действия Д. квалифицированы по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Судом кассационной инстанции попытка изнасилования и примененная физическая сила Ш. в отношении Д. признана смягчающим обстоятельством, а уголовное дело передано на новое рассмотрение. В последствии, Д. осуждена приговором суда по ч. 1 ст. 108 УК РФ⁴.

На наш взгляд, такой подход нельзя назвать верным. Необходимость закрепления правомерности необходимой обороны от посягательств, направленных на половую свободу и половую неприкосновенность, именно на законодательном уровне (не в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, которые не носят обязательного характера) обусловлена следующими факторами:

Во-первых, характер самого посягательства – изнасилование нередко сопровождается угрозой убийства, применением физической силы. Никто не может дать гарантий, что после изнасилования не будет убийства жертвы с целью сокрытия преступления.

Во-вторых, исходить следует, прежде всего, из интересов и наиболее «комфортных» условий для главного адресата норм о необходимой обороне – обычного гражданина⁵, исключая при этом возможность неоднозначной оценки со стороны правоприменительных органов. Обороняющийся в целях защиты от преступлений, предусмотренных ст. ст. 131, 132 УК РФ, должен быть уверен в правомерности своих действий, не боясь необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

В-третьих, объект посягательства – половая свобода и половая неприкосновенность, неразрывно связан с жизнью и личной свободой человека. Поэтому нельзя сказать, что какая-либо из этих составляющих, неотъемлемых и присущих от рождения, является более или менее значимой, а потому все вышеперечисленные обороняемые интересы должны обладать одинаковой степенью защиты, допускаемой ч. 1 ст. 37 УК РФ.

⁴ Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния : утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 22 мая 2019 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Пархоменко С. В., Милоков С. Ф., Никуленко А. В. Векторы уголовной политики в сфере правовой регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 6. С. 995.

Информация об авторе

*Козулина Диана Владимировна – магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (СПбЮИ (ф) УП РФ). 191014, г. Санкт-Петербург, Литейный пр., 44.
Электронный адрес: diana_kozulina@mail.ru*

**УДК 343.9.018.3
К 60**

А. В. Колесникова,
*магистрант 1 курса ФГБОУ ВО
«Байкальский государственный
университет»*

**Моделирование в исследовании причинного комплекса
правонарушаемости в области рыболовства
на примере Байкальского региона**

В выполненном исследовании использован метод множественной корреляции, с помощью которого получены математические расчёты, позволившие выявить криминогенные факторы, оказывающие влияние на состояние правонарушаемости в области рыболовства на Байкале. Результаты системного анализа причинного комплекса экологической правонарушаемости Байкальского региона позволили говорить о том, что основными причинами правонарушаемости в области рыболовства на Байкале являются социально-экономическая ситуация, связанная со снижением уровня жизни населения, увеличением уровня бедности, безработицы, а также запрет на традиционные виды деятельности местного населения, уменьшение общедопустимого улова и ограничения на вылов байкальского омуля, а вследствие этого растущий спрос и увеличение цены на него.

Ключевые слова: экологическая правонарушаемость, байкальский омуль, математическое моделирование, криминогенные детерминанты.

Природные ресурсы Байкальского региона, особо охраняемые территории, эндемичные виды флоры и фауны всё чаще становятся объектами преступных посягательств. О высоком уровне экологической преступности данной территории свидетельствуют следующие цифры: за последние годы зарегистрировано более 3,5 тыс. преступлений.

Очень часто новости в средствах массовой информации, в том числе и криминальные освещают обострившуюся экологическую ситуацию в Байкальском регионе. Наиболее обсуждаемыми темами становятся лесные пожары, незаконные рубки леса, массовое браконьерство.

Согласно данным МВД РФ с 2013–2018 гг. количество преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 256 УК РФ (незаконная добы-

ча водных биологических ресурсов) увеличилось на 45 %¹. Незаконные действия в сфере добычи рыбных ресурсов оказывают негативное влияние на экосистему Байкала, которое, прежде всего, выражается в сокращении популяции эндемичных видов промысловых рыб, среди которых всем известный байкальский омуль. Известно, что в период нереста в дельте р. Селенги незаконно изымается до 80% нерестового стада².

Биомасса омуля сократилась с 18–20 тыс. т (2008 г.) до 6,8–7,1 тыс. т. (2017–2018 гг.)³. В связи с этим в октябре 2017 г. приказом Минсельхоза России от 29.08.2017 № 450 был введён запрет на промышленный вылов байкальского омуля и ограничен его любительский и спортивный лов.

Среди многих факторов, имеющих системное взаимосвязанное действие на процессы детерминации браконьерства, можно выделить наличие корыстной мотивации, отсутствие эффективной системы организационно-правовых мер контроля, проблемы экономической нестабильности, низкий уровень правовой и экологической культуры граждан. В качестве региональных факторов – рост туристического потока в Байкальском регионе⁴, растущий спрос на байкальский омуль и значительное повышение его цены (в 2–3 раза) в результате введенного запрета⁵.

В сложившихся условиях особенно остро встаёт вопрос о системном, аналитическом исследовании экологической преступности Байкальского региона, нацеленном на поиск оптимальных управленческих решений, способных снизить криминогенную обстановку и уменьшить риск дальнейшего обострения экологической ситуации.

Системный анализ криминогенных факторов, детерминирующих правонарушаемость и преступность в сфере рыболовства в Байкальском регионе основан на построении модели в виде уравнения множественной регрессии.

При исследовании криминогенной экологической обстановки полагаем недопустимым игнорирование анализа административных правонарушений, поскольку грань между экологическими преступлениями и правонарушениями очень тонкая и зачастую в криминологическом плане они являются родственными явлениями. Тем более, что разграничивать уголовную и админи-

¹О состоянии озера Байкал и мерах по его охране в 2018 году : гос. докл. URL: <http://baikalake.ru/security/info/reports/report2018/> (дата обращения: 1.02.2021).

²Базов А.В., Базова Н.В. Селенгинская популяция байкальского омуля: прошлое, настоящее, будущее. Улан-УдЭ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2016. С.240.

³Материалы, обосновывающие общие допустимые уловы водных биологических ресурсов в озере Байкал (с впадающими в него реками) на 2020 г.: материалы оценки воздействия на окружающую среду по объекту ГЭЭ. URL: <https://egov-buryatia.ru/sevbkkrn/docs/img/2020.pdf> (дата обращения: 3.06.2020).

⁴Потапова Е.В., Суходолов Я.А. Гармонизация рекреационных возможностей и растущего туристического потока на Байкальской природной территории // Известия БГУ. 2019. - Т. 29, № 1. С.19.

⁵Математическое моделирование оценки численности байкальского омуля в системе социально-экономических и правовых аспектов экологической правонарушаемости / А.П. Суходолов, А.П. Федотов, М.М. Макаров, П.Н. Аношко, Е.В. Губий, В.И. Зоркальцев, П.Г. Сорокина, И.В. Мокрый, А.В. Лебедева. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(5).757- 771 // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 5. — С. 765.

стративную ответственность на практики представляется весьма затруднительно, поскольку конструкции уголовно-правовых норм носят бланкетный и оценочный характер.

На первом этапе исследования нами было отобрано пять факторов. Через W зависимую (результатирующую) переменную обозначено количество дел об административных правонарушениях в области рыболовства в Иркутской области. В качестве независимых факторов, от которых предположительно зависит количество правонарушений, были выбраны: x_1 – количество инспекторов рыбоохранных подразделений (чел.), x_2 – численность безработных (тыс. чел.), x_3 – уровень бедности (%), x_4 – численность туристов (тыс. чел.), x_5 – общий допустимый улов омуля (ОДУ) (т.).

С помощью данных, представленных в государственных докладах «О состоянии озера Байкал и мерах по его охране» с 2004–2018 г.г., сформирована статистическая таблица по каждому фактору, детерминирующему правонарушаемость в сфере рыболовства.

При построении модели множественной регрессии установлены высокая интеркорреляция и незначимое влияние на результирующий показатель факторов x_1 и x_2 , поэтому для построения эконометрической модели использованы только x_3 , x_4 и x_5 .

Применяя к данным методы регрессионного анализа, получаем следующее уравнение регрессии:

$$W = -1944,03 + 73,51x_3 + 0,81x_4 + 0,32x_5$$

Данная модель по критерию Фишера является пригодной для дальнейшего исследования. Факторы x_3 , x_4 и x_5 являются статистически значимыми с вероятностью 95%. Коэффициент детерминации $R^2 = 0,7$ в модели регрессии показывает, что вариация количества правонарушений, связанных с незаконным выловом рыбы в Иркутской на 70 % объясняется изменчивостью уровня бедности, численностью туристов и ОДУ. При этом оставшиеся 30 % приходятся на неучтенные в модели факторы, выявление которых является дальнейшей целью.

Интерпретировать коэффициенты построенной модели можно следующим образом: при повышении уровня бедности на 1 % число правонарушений в сфере рыболовства на БПТ возрастает в среднем на 73,51 ед. Увеличение числа туристов на 1 тыс. чел. приводит к повышению количества правонарушений в среднем на 0,81 ед., уменьшение ОДУ на 1 т. влечет рост числа правонарушений в среднем на 0,32 ед. Заметим, что в полученной модели фактор «уровень бедности» имеет коэффициент существенно превосходящий остальные. Установленная математически значимость факторов x_3 , x_4 и x_5 трактуется и с практической точки зрения. Так, увеличение числа туристов на Байкале повышает спрос на местную рыбную продукцию, омуль становится своеобразным «брендом» Байкала. В условиях запрета на его масштабный промысел, возрастает доля незаконного вылова. Сокращение величины допустимых уловов не снижает интенсивности правонарушаемости, а

установленные ограничения на рыбную ловлю, традиционно являющуюся основным видом деятельности и источником дохода для местного населения, негативно влияют на социально-экономическую ситуацию.

Прямая связь между x_2 (уровень общей безработицы) и x_3 (уровень бедности) вполне очевидна, что означает интеркорреляцию этих переменных, поэтому в результате пошагового отбора факторов переменная x_2 была исключена как менее значимая. S – количество инспекторов (чел.) – дело обстоит несколько сложнее. В процессе регрессионного анализа установлено, что фактор x_1 незначим. Это может говорить о недостаточном количестве инспекторов, поскольку в последние годы идёт сокращение численности штата (в 2012 г. – 116 чел., а в 2018 г. – 45 чел.)⁶. Учитывая, что площадь акватории оз. Байкал составляет 31,5 тыс.⁷, на одного инспектора рыбоохраны в 2018 г. приходилось более 700 км² акватории.

Исходя из изложенного можно сделать вывод, что комплексное изучение процессов детерминации экологической правонарушаемости, в частности в сфере добычи водных биоресурсов, с применением математических методов системного анализа является элементом более глубокого статистического, социологического, сравнительного анализа криминологических данных в целях для разработки конкретных мер противодействия экологической правонарушаемости Байкальского региона.

Информация об авторе

Колесникова Алина Витальевна – магистрант 1 курса, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. Электронный адрес: alinal2020@mail.ru.

**УДК 343.61
К 65**

Е. Е. Копылова,

курсант 2 курса ВСИ МВД России

Проблема декриминализации побоев

В статье рассматривается проблема принятия изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, в результате которых были декриминализованы побои. Автор приходит к выводу о том, что решение о декриминализации побоев с установлением за их совершение впервые административной ответственности было преждевременным и недостаточно обоснованным, т.к. это, наряду с другими обстоятельствами может привести к росту домашнего насилия, а также к росту числа других насильственных преступлений против жизни и здоровья.

⁶ О состоянии озера Байкал и мерах по его охране в 2018 году: гос. докл. URL: <http://baikalake.ru/security/info/reports/report2018/> (дата обращения: 1.02.2021).

⁷ Там же.

Ключевые слова: побои, декриминализация, уголовная ответственность, административная ответственность, домашнее насилие, преступление.

Проведенные исследования свидетельствуют, что побои имеют свои особенности, в частности, такие как скрытость (неполнота их официального учета) и периодичность. Так, большинство случаев побоев, совершаемых со стороны близких, скрывается от правоохранительных органов, а также многие не доходят до суда, что связано с тем, что для того, чтобы привлечь виновного к ответственности потерпевшему необходимо написать заявление, представить доказательства.

Вначале обоснованием декриминализации преступлений небольшой и средней тяжести было расхождение степени общественной опасности преступлений с ответственностью за их совершение. Также отмечалось, что последствие в виде судимости несоразмерно с характером таких деяний. При единичном случае насильственных действий в семье, которые не повлекли за собой серьезных физических и психологических последствий, у человека, совершившего данные действия, была уголовная судимость, которая негативно влияла на его будущее. Аргументом перевода ряда преступлений небольшой тяжести в разряд административных правонарушений считалась судебная статистика, в которой отмечалось, что таких преступлений зарегистрировано в нашей стране около 45%¹, что означает нецелесообразность использования огромного количества технических, материальных и кадровых ресурсов.

Но, а самой главной причиной стала – разгрузка судебной системы, на которую приходится, помимо всего остального, триста тысяч данных преступлений ежегодно. Председатель Верховного суда В.М. Лебедев отметил, что более целесообразно будет судам сосредоточить свои силы на уголовных делах о более тяжких преступлениях².

Процесс обсуждения вопроса о декриминализации побоев начался еще до принятия федерального закона, вступившего в силу в июле 2016 года³, который не затронул уголовную ответственность за совершение побоев в отношении близких лиц. Однако в феврале 2017 поправки в уголовный закон исключили уголовную ответственность за совершение побоев в отношении близких лиц впервые⁴. Изначально уголовная ответственность за причинение побоев наступала независимо от мотивов и лиц, в отношении которых при-

¹Иванов А.Л. Криминологическая характеристика преступлений средней тяжести// Известия ТулГУ – Режим доступа: <file:///C:/Users/N/Downloads/kriminologicheskaya-harakteristikaprestupleniy-sredney-tyazhesti.pdf>

²Проблема декриминализации побоев /О.В. Кудряшев // На пути к гражданскому обществу - 2015 – Режим доступа: <http://government.esrae.ru/pdf/2015/3/341.pdf>

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4256.

⁴ О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2017. № 7. Ст. 1027.

менялись данные насильственные действия, но закон внес коррективы.

Причинение побоев «перешло» из УК РФ в КоАП РФ. Сейчас при отсутствии хулиганских побуждений или мотивов политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивов ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы гражданин будет нести ответственность по статье 6.1.1 КоАП РФ.

7 февраля 2017 года был принят Федеральный закон № 13-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»⁵, который установил меру наказания за побои, нанесенные представителям своей семьи в первый раз или спустя год от предыдущих, в виде административной ответственности.

Рассмотрим, что относится к понятию «побои», а также вопрос о том, справедлива ли была их декриминализация. Побои – это умышленное нанесение телесных повреждений, которые не влекут за собой явный вред здоровью, а также потерю трудоспособности при наличии данных повреждений (например, синяки, ссадины, царапины и т.д.).

На наш взгляд декриминализация побоев и установление за их совершение административной ответственности была не целесообразна, органы законодательной власти приняли поспешное решение, которое, как представляется, лишь увеличивает распространение правового нигилизма, безнаказанности, а также ощущение власти над людьми со стороны преступников, совершающих побои. При этом отметит, что необходимо принимать во внимание, что норма, которая устанавливала уголовную ответственность за побои, обладала двойной превенцией. Другими словами, она предупреждала совершение других более опасных насильственных преступлений.

В настоящее время, если рассматриваемое преступление совершено впервые, то нарушитель не будет подвергаться уголовной ответственности. Лицо будет привлечено к уголовной ответственности только при совершении побоев повторно.

Таким образом, можно сказать, что декриминализация побоев является недостаточно обоснованным и противоречивым решением. Известно, что пресечение преступлений небольшой тяжести результативно предотвращает совершение более тяжких деяний. Административная ответственность не всегда является сдерживающим правонарушителей фактором, а значит, обязательно возникнет рост числа побоев и уровень незащищенности пострадавших.

Информация об авторе

Копылова Екатерина Евгеньевна – курсант 2 курса, Восточно-Сибирский институт МВД России,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

⁵ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 7 февраля 2017 г. № 13-ФЗ // Российская газета. 2017. № 30.

УДК 343.614
К 68

М. С. Коробейникова,
магистрант 1 года обучения
ИЮИ (ф) УП РФ

**История развития правовой нормы об ответственности
за прикосновенность к самоубийству в российском законодательстве**

В статье поднимается вопрос процесса развития в российском уголовном законодательстве норм о прикосновенности к самоубийству, анализируются законодательные акты различных эпох, рассматривается их содержательное видоизменение.

Ключевые слова: самоубийство, уголовный закон, история развития.

В истории российского законодательства долгое время не было норм, устанавливающих ответственность за самоубийство или прикосновенность к нему, наказуемость за данные деяния предусматривалась только в церковных законах¹.

По историческим данным до принятия христианства на Руси существовала практика лишения воинами себя жизни в случае неминуемой опасности, так как тогда верили, что убитые врагами люди, станут их слугами². После 988 года отношение к самоубийцам и суициду меняется. Покушение на самоубийство и самоубийство стали признаваться тяжкими грехами, за которые следовали наказания в виде временного отлучения от церкви и лишения погребения по христианскому канону соответственно.

Важным нормативным документом в истории развития российского законодательства является Запись о душегубстве 1456–1462 гг., предусматривающая судопроизводство по тяжким преступлениям. Данный акт расширил понятие «душегубство», под ним в то время понималось не только убийство, но и самоубийство («от своих рук утерается»), а также внезапная («без покаяния в грехах») смерть в результате несчастного случая³.

Первый светский нормативный документ, устанавливающий уголовную ответственность за самоубийство и покушение на самоубийство, появился во времена Петра I. В Артикуле воинском артикул 164 устанавливал, что «ежели кто сам себя убьет, то надлежит палачу тело его в безчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам или обозу. Ежели салдат

¹ Алехин В.П., Голикова Е.Б. История развития уголовной ответственности за доведение до самоубийства в дореволюционной России // Достижения науки и образования. 2018. № 10 (32). С. 46.

² Нуркаева Т.Н., Артамонова М.А. Историко-правовые аспекты становления и развития российского уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с суицидом // Вестник ВЭГУ. 2018. № 4 (96). С. 79.

³ Алехин В.П., Голикова Е.Б. История развития уголовной ответственности за доведение до самоубийства в дореволюционной России // Достижения науки и образования. 2018. № 10 (32). С. 46.

пойман будет в самом деле, что хотел себя сам убить, и в том ему помешали, и того исполнить не мог, а учинит то от мучения и досады, чтоб более не жить, или в безпамятстве и за стыдом, оный по мнению учителей прав с безчестьем от полку отогнан быть имеет. А ежели ж кроме вышепомянутых притчин сие учинил, онаго казнить смертию»⁴.

Впервые деяние, связанное со склонением к самоубийству, нашло свое закрепление в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в главе второй, получившей название «О самоубийстве». Статья 1945 Уложения описывала, что «Кто склонит другаго къ самоубійству, или же чрезъ доставдевіе средствъ къ тому, или инымъ какимъ-либо образомъ будетъ участвовать въ совершеніи имъ сего преступленія, тотъ за сие подвергается: наказаніямъ, опредѣеннымъ за пособіе въ убійствѣ, учиненномъ съ обд уманеьшъ намѣревіе мъ или умысломъ, на основаніи постановленныхъ въ статьѣ 127 сего Уложенія правилъ о пособникахъ въ преступленіи»⁵. Этот же нормативный акт предусматривал ответственность за побуждение к самоубийству в отношении лиц обладающих какой-либо властью над потерпевшим. Однако наряду со всем этим Уложение всё ещё содержало статьи, запрещающие самоубийство и покушение на него.

Отказ от уголовного преследования самоубийства произошёл значительно позже, когда вместе с этим Уголовное уложение 1903 года установило ответственность в виде лишения свободы на 3 года за доставление средств к самоубийству, иными словами за пособничество в самоубийстве⁶.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года в ст. 148 предусматривал ответственность за «содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значение им совершаемого, или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали»⁷. Позднее Уголовный кодекс РСФСР 1926 в ст. 141 помимо состава, который был предусмотрен предыдущим Уголовным кодексом, добавил новый, а именно доведение до самоубийства: «доведение лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица, жестоким обращением последнего или иным подобным путем до самоубийства или покушения на него»⁸.

Уголовный кодекс СССР 1960 года в ст. 107, которая называлась уже «доведение до самоубийства» устанавливал санкцию в размере 5 лет лише-

⁴ Артикул воинский [1715]. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения: 15.03.2019).

⁵ Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Музей истории российских реформ им. П. А. Столыпина : сайт. Режим доступа: <http://museumreforms.ru/node/13654> (дата обращения: 16.03.2019).

⁶ Кобзев В. Н. История развития уголовно-правовых норм, квалифицирующих доведение до самоубийства // Молодежь и актуальные проблемы современной науки: сб. ст. Ставрополь., 2018. С. 122-124.

⁷ О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. : постановление ВЦИК от 01.06.1922. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. Редакции 1926 года : постановление ВЦИК от 22.11.1926. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ния свободы за «доведение лица, находившегося в материальной или иной зависимости от виновного, до самоубийства или покушения на него путем жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства»⁹. Здесь также впервые появились такие понятия как жестокое обращение и систематическое унижение личного достоинства.

В 1996 году с принятием нового Уголовного кодекса Российской Федерации появилась известная нам ст. 110 «доведение до самоубийства».

Позднее в связи с событиями, повлекшими рост числа криминальных самоубийств в 2015-2016 гг., в целях дополнительной уголовно-правовой защиты жизни человека Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ в УК РФ были введены ст. 110.1 «склонение к совершению самоубийства и содействие его совершению» и ст. «110.2. «организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства».

Таким образом, российское законодательство о самоубийстве имеет длительный период развития и становления, который прошел путь от криминализации суицида до отказа от норм, устанавливающих уголовную ответственность за самоубийство. Процесс декриминализации добровольного ухода из жизни происходил вместе с появлением новых составов преступлений. Так, нормы, запрещающие склонение и доведение до самоубийства, впервые нашли свое закрепление в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. В последующем на разных этапах истории развития уголовного законодательства нашей страны появлялись и исчезали нормы о доведении до самоубийства, склонении и подговору к самоубийству, а также содействии, пособничестве при самоубийстве. Весь этот процесс привел к тому, что современный Уголовный кодекс 1996 года изложил ответственность за прикосновенность к самоубийству в ст. 110 «доведение до самоубийства», ст. 110.1 «склонение к совершению самоубийства и содействие его совершению» и ст. «110.2. «организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства».

Информация об авторе

Коробейникова Мария Сергеевна – студентка 1 курса магистратуры, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: korobejnikova.mar@yandex.ru

⁹ Уголовный кодекс РСФСР. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.35
К 68

Д. В. Корольков,
Р. Д. Гугнин,
студенты 4 курса КемГУ

Особенности коррупции в образовательной сфере

В данной статье анализируются аспекты коррупции в образовательной системе России. Выявлен ряд особенностей, присущих коррупции в образовательной сфере: опасность для более широкого круга объектов, латентность деяний, предмет коррупционного деяния, безразличное отношение населения к проблеме коррупции. Авторы указывают на необходимость выработки финансовых и воспитательных мер по устранению коррупции в сфере образования.

Ключевые слова: образование, наука, коррупция, дача взятки, получение взятки, посредничество во взятке, коррупция в образовании.

Образование – это один из важных институтов современного общества, благодаря которому происходит приобретение знаний, умений и навыков в конкретной области деятельности. Человек, прошедший многолетнюю учебу в образовательных учреждениях, имеет большие возможности в трудоустройстве, потому что потенциальный работодатель заинтересован в наличии образования у своего будущего работника. Трудоустройство, в свою очередь, является путем к стабильной благополучной жизни.

Поскольку образовательная сфера представляется нашему обществу достаточно значимой, необходимым является устранение проблем, негативно влияющих на данную сферу. В образовательной системе России одной из таких проблем является коррупция.

Рассмотрение коррупции как преступного и социально-негативного явления является актуальным направлением в правовых и социальных науках. Учеными в области права предлагается определять коррупцию как явление, когда должностные лица намеренно пренебрегают своими обязанностями или действуют вопреки этим обязанностям ради определенного материального вознаграждения. В коррупцию всегда вовлечены две стороны: тот, кто покупает, и тот, кто, будучи подкуплен, действует вразрез со своим служебным долгом¹.

На практике коррупционные преступления являются достаточно распространенными. Так, по статистике за 2018 год, составленной Генеральной прокуратурой РФ и Следственным Комитетом РФ, в России стали почти на 1,9% чаще, чем в 2017 году, совершать преступления коррупци-

¹ Фиалковская И.Д. Коррупция: понятие, признаки, виды // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 139.

онной направленности, предусмотренные статьей 290 (получение взятки) и 291 (дача взятки) Уголовного Кодекса РФ, что составило 27 143 преступления².

Проблемным является вопрос статистических данных о коррупции в сфере образования. В. М. Алиев и Н. Н. Соловых писали, что открытой статистики коррупционных деяний в сфере высшего образования, которая бы велась правоохранительными органами, на сегодняшний день не существует. По их мнению, о преступлениях, совершаемых работниками образовательных учреждений, можно узнавать в средствах массовой информации³.

Данная разновидность коррупции обладает рядом особенностей. В первую очередь необходимо отметить, что коррупционные деяния в образовательной сфере представляют опасность для более широкого круга объектов. По мнению Н. А. Любкиной и Р. А. Лубского, «коррупционные практики, реализуемые в сфере высшего образования, во-первых, деформируют правовое сознание и мышление студентов, обучающихся в образовательных организациях высшего образования, во-вторых, порождают терпимость к коррупционным правонарушениям, в-третьих, вырабатывают готовность к нарушению закона ради получения сиюминутной выгоды»⁴.

В данной цитате можно усмотреть, что коррупционные деяния в сфере образования покушаются на два объекта, охраняемых уголовным законом: во-первых, государственная власть, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления; во-вторых, совершаемое деяние покушается также и на общественную нравственность, в случае его совершения преподавателем. Поскольку преподаватель обладает авторитетом среди студентов и поскольку организация его рабочего процесса должна строиться на основании должностных инструкций, принимаемых в соответствии с Трудовым Кодексом РФ и Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации», он обязан формировать у обучающихся положения об общей культуре, а также соблюдать их права и свободы. Но совершение коррупционных действий преподавателем можно считать нарушением прав студентов на справедливое рассмотрение и непредвзятое отношение⁵.

Следующей особенностью коррупции в сфере образования выступает ее латентность. Корни латентности коррупционных деяний в сфере высшего образования произрастают из активной вовлеченности и заинте-

² Генпрокуратура: в 2018 году в России стали на 10% чаще брать и давать взятки. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3826018> (дата обращения: 05.03.2020).

³ Алиев В.М., Соловых Н.Н. Преступления коррупционной направленности в сфере высшего образования: проблемы противодействия // Российский следователь. 2019. № 4. С. 46-50.

⁴ Любкина Н.А., Лубский Р.А. Коррупция в сфере высшего образования: основные проблемы и способы их разрешения в современном российском обществе // Юристъ – Правоведь. 2018. № 3 (86). С. 1-2.

⁵ Логунова О.А., Логунова Е.Г. Проблема коррупции в сфере образования: опыт социологического анализа // Дискуссия. 2016. № 5 (68). С. 1.

ресованности субъектов деяния в его успешном завершении. Поскольку наиболее распространенными деяниями в данной сфере являются дача взятки, получение взятки и посредничество во взяточничестве, причины столь высокой заинтересованности и вовлеченности лиц становятся ясны – преподаватель заинтересован в извлечении дополнительного дохода и улучшении своего финансового положения, а студент, в свою очередь, заинтересован в облегчении процесса своего обучения. То есть, обе стороны, как взяткодатель, так и взяткополучатель, заинтересованы в получении выгоды исключительно на коротком временном промежутке, но основной ущерб в экономическо-социальном плане наносится в долгосрочной перспективе. При этом, вред будет нанесен не только обществу, образовательному учреждению и его имиджу, но также самому студенту, поскольку он будет существенно отставать от своих коллег по уровню квалификации и профессиональных знаний.

Одной из немаловажных особенностей коррупции в сфере образования является предмет коррупционного деяния. В качестве предмета коррупционных преступлений могут выступать как имущественные, так и неимущественные блага⁶. Как правило, в качестве имущественного блага выступают какое-либо материальные ценности, например, денежные средства, ценные подарки (дорогой алкоголь) либо выполнение работ или оказание услуг на безвозмездной основе (строительство дома, стрижка в парикмахерской) и т.д. В качестве неимущественных благ могут выступать повышение уровня квалификации одного из педагогов, назначение на какую-либо должность и т.д.

В качестве еще одной особенности коррупции в системе образования можно выделить безразличное отношение населения к данной проблеме. Это связано с правовым нигилизмом граждан в отношении данных деяний. Отчасти этому может способствовать искаженное правосознание, привитое коррумпированными преподавателями в учебных заведениях, а иногда – особенностями социально-культурной среды, в которой живет гражданин. В качестве примеров можно привести институты подарков за хорошо выполненную работу, а также предоставление определенных услуг, работ или же льгот и скидок. Правовой нигилизм населения может влиять на проблему коррупции в двух направлениях, одним из которых является позитивное принятие коррупционных действий как нормы общественного поведения, а вторым – формирование в обществе негативного детерминизма и недоверия к государственной власти, проявляющееся в случаях, когда граждане разочаровались в силах и возможностях правоохранительной системы разрешить проблему коррупции в рамках закона. Поскольку в коррупционных действиях, происходящих в высших учебных заведениях заинтересованы и преподаватель, и студент, вариант позитивного принятия

⁶Бухарина Н.П. Коррупция в образовательных организациях: понятие и признаки // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 12 (73). С.140-141.

коррупционных действий как нормы общественного поведения, рассматривается как наиболее вероятный.

Подводя вышеизложенному итог, мы выяснили, что коррупция является сложным элементом современной системы высшего образования и для борьбы с ней необходимо разработать комплекс мер, направленных на финансовое вознаграждение преподавателей, поощряющее их научную и рабочую деятельность, а также выработать механизм, который позволит максимально эффективно повышать уровень правовой грамотности и правосознания среди обучающихся.

Информация об авторах

Корольков Дмитрий Витальевич – студент 4 курса, Юридический институт, Кемеровский государственный университет (КемГУ). 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6. Электронный адрес: *dima.korolkov.1999@mail.ru*

Гугнин Роман Дмитриевич – студент 4 курса, Юридический институт, Кемеровский государственный университет (КемГУ). 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6. Электронный адрес: *Gugme@yandex.com*

**УДК 343.6
К 75**

К. П. Кочеткова,
*студентка 3 курса
СПбЮИ (ф) УП РФ*

Некоторые вопросы квалификации убийств, предусмотренных ч. 1 ст. 108 УК РФ (на основе судебной практики)

В статье анализируются значимые вопросы применения и квалификации ч. 1 ст. 108 УК РФ. Автор рассматривает проблемы квалификации убийств, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, с точки зрения судебной практики, опираясь на конкретные уголовные дела. В завершении автор выделяет причины проблем квалификации преступлений, предусмотренных статьей 108 УК РФ.

Ключевые слова: превышение пределов необходимой обороны, необходимая оборона, вопросы квалификации, судебная практика.

Превышение пределов необходимой обороны – важнейшая, многогранная часть огромного института необходимой обороны. Александр Николаевич Попов называет упомянутый институт довольно парадоксальным, противоречивым: человек может причинить вред посягающему, однако эта возможность сильно ограничена¹. Парадоксы, сложности понимания и разграничения составов порождают множества проблем и дискуссий, которые

¹ Попов А.Н. О понятии «Превышение пределов необходимой обороны»// КриминалистЪ. 2015. №1 (16). с.3 URL: <http://www.procuror.spb.ru/k1603.html> (дата обращения: 02.02.2021)

яростно исследуются и обсуждаются научными деятелями.

Статья 108 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) является одной из спорных статей кодекса. Стоит согласиться с мнением А. Н. Попова, который объясняет это тем, что УК РФ не совсем удачно и полно регламентирует необходимую оборону. Основанием этого служат 2 фактора: не все вопросы института необходимой обороны должным образом освещены в юридической литературе и деятели, изучающие данную тему, не во всем пришли к единому мнению².

Хоть статья 108 УК РФ довольно спорная и противоречивая, за последние года (с 2017 года – по настоящее время) по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации наблюдается тенденция на обвинительные приговоры.

Наибольший перечень проблем превышения пределов необходимой обороны исходит именно в процессе квалификации убийства. При оценке убийства данной категории, суды не всегда принимают во внимание факт состояния человека в моменте, не проводят объективного исследования обстоятельств дела.

Постановление Пленума Верховного суда от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»³ разъясняет судам необходимость четко устанавливать все обстоятельства, при котором были совершены насильственные, угрожающие жизни обороняющегося действия, характер, обстановку, поведение посягающего. В соответствии с законом и с учетом судебной практики по ч. 1 ст. 108 УК РФ может квалифицироваться убийство, если обороняющееся лицо намеренно прибегнуло к защите таким методом, который очевидно не соответствуют характеру нападения и реальной обстановки. С юридической точки зрения, превышение пределов необходимой обороны – это ситуация, когда лицо без явной на то необходимости умышленно причинило нападающему смерть или тяжкий вред здоровью.

Важно учитывать, что уголовная ответственность за причинение вреда для оборонявшегося наступает только в ситуации, когда будет установлено, что он знал о вреде, который не был необходим для предотвращения или пресечения конкретного социально опасного действия. Ж.В. Виденькина отмечает: «Для качественной юридической оценки деяния судам надлежит проанализировать данные о личности нападавшего, личности обороняющегося, исследовать обстоятельства и мотивы противоправного деяния, обстановку, в которой оно произошло»⁴.

² Попов А.Н. Преступление, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч.1 ст.108 УК РФ, ч.1 ст.114 УК РФ)// СПб., 2001. С.3 URL: http://www.procuror.spb.ru/izdaniya/2001_01_04.pdf (дата обращения: 02.02.2021)

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» — URL: <https://rg.ru/2012/10/03/plenum-dok.html> (дата обращения: 29.01.2021).

⁴ Виденькина Ж.В. Басин Д.В. Актуальные проблемы квалификации убийств, предусмотренных статьей 108 УК РФ. На основе обзора правоприменительной практики // Закон и право, 2019. №5.

Для лучшего понимания и осмысления проблематики, необходимо анализировать данный вопрос относительно судебной практики и конкретных уголовных дел.

Зачастую в судебной практике возникают противоречия относительно убийств, предусмотренных ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 105 УК РФ. В 2017 году суд огласил приговор в отношении Л.⁵ Суд признал Л. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ. Обстоятельства дела были таковы: между Л. и потерпевшим Б. разгорелся крупный скандал. Б. в результате личных неприязненных отношений нанес Л. два сильных удара по лицу, тем самым причинив лишь ссадины на лице. Данные травмы не влекут вреда здоровью. Кроме того, дальнейших опасных действий от гражданина Б. не последовало, что говорит об окончании противоправного посягательства на обвиняемого. Можно сделать вывод о том, что в момент защиты посягательство Б. уже закончилось, не было связано с насилием и не представляло опасности для жизни и здоровья А.М.

Однако, Л. продолжал нападение: он повалил потерявшего на пол и стал с силой сжимать шею. Смерть Б. наступила в результате асфиксии. Предполагаю, что данная квалификация деяния, как убийство при превышении пределов необходимой обороны, не совсем точна, поскольку из материалов дела видно, что посягательство было завершено до противоправных действий обвиняемого. Данное положение подчеркивает А. В. Попов: «В случае завершения посягательства нападающим право на необходимую оборону теряется»⁶ и с этим нельзя не согласиться. Если нападение было окончено, и обороняющийся это понимал, то он утратил право на необходимую оборону. Л. действовал умышленно, осознавал, что его действия явно не соответствуют обстановке, понимал чрезмерность, агрессивность, противоречивость понятию «необходимая оборона». Убийство в подобных ситуациях следует квалифицировать по ст. 105 УК РФ.

Следующая проблема квалификации деяния – суды в ненадлежащей мере учитывают момент того, что обороняющееся лицо не всегда понимает момент окончания посягательства. Необходимая оборона имеет место быть в ситуациях, когда защита последовала после того, как действие было совершено, но в силу обстоятельств момент его завершения не был ясен защитнику, и человек ошибся. Право необходимой обороны сохраняется до тех пор, пока посягательство не окончено фактически⁷.

По приговору районного суда гражданка Д. была осуждена по ч. 1 ст. 105 УК РФ⁸. Между Д. и гражданином Ш. разговелась ссора. Эмоцио-

C.104 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-kvalifikatsii-ubiystv-predusmotrennyh-statyei-108-uk-rf-na-osnove-obzora-pravoprimeritelnoy-praktiki> (дата обращения: 02.02.2021).

⁵ Приговор от 10 ноября 2017 г. по уголовному делу № 1-963/2017 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pvnTNqP5xBZR/> (дата обращения: 05.02.2021)

⁶ Попов А.Н. Указ соч. С.60

⁷ Там же. С.4

⁸ Кассационное определение от 25.06.2018 года по уголовному делу №56-УД18-8 // — URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 05.02.2021)

нальная Д. оттолкнула потерпевшего от себя, взяла с пола нож и нанесла Ш. четыре смертельных удара в шею. В своей кассационной жалобе Д. оспорила квалификацию, поскольку, по его мнению, она совершила деяние, входящее в рамки понятия пределы самообороны, а не убийство. Обвиняемая рассказала подробности, из которых выяснилось, что Ш. повалил ее на диван и попытался раздеть и изнасиловать. На крики подсудимой прибежал сосед, но освободить девушку не удалось, так как Ш. взял нож и потребовал выполнять все его приказы, иначе убьет. Девушка восприняла его угрозу как реальную и очень испугалась за свою жизнь и жизнь соседа. Д. вновь попыталась убежать, но Ш. сбил ее с ног и стал угрожать. Д. нашла нож, и, находясь в состоянии необходимой обороны, стала наносить удары ножом в грудь Ш. У нее не было умысла на убийство, она действовала в целях самообороны, поскольку не понимала, окончено посягательства или нет.

В кассационном определении суд изменил квалификацию со ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 108 УК РФ. Однако, я не полностью согласна с данной квалификацией. Суд оценил вмешательство Ш. как посягательство, не угрожающее жизни и здоровью, обосновывая это тем, что она намеревалась именно умышленно убить Ш., поскольку могла выбрать другой способ защиты и прекратить его нападения, но не сделала этого. Не было никаких сомнений в том, было ли для Д. очевидным время окончания посягательства или она думала, что оно продолжается. Не обсуждался вопрос о том, был ли очевиден для Д. момент окончания посягательства, либо она полагала, что оно продолжается. В постановлении суд не указал на реальную, фактическую опасность для гражданки, не учел угрозу ее жизни и те действия, которые потерпевший совершал в отношении Д.: удерживал ее, пытался изнасиловать, угрожал ножом. Представляется, в этой ситуации необходимо применить ч. 1 ст. 37 УК РФ и отменить приговор в отношении Д.

В заключении, хотелось бы отметить, что именно неустойчивость, нестабильность, шаткость судебной практики является первопричиной судебных ошибок. В процессе квалификации убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны, судам следует более детально исследовать и уточнять объективные и субъективные факторы, способствующие причинению смерти посягающего. Характер, степень противоправного посягательства, обстановка, наличие оружия, эмоциональное и физическое давление, а также иные обстоятельства дела, которые играют существенную роль, должны в надлежащей форме учитываться судами в ходе уголовного разбирательства. В. Ф. Кириченко верно отметил, что вопрос о легитимности необходимой защиты — это вопрос факта. Только анализируя конкретные обстоятельства, условия и материалы дела, можно определить пределы защиты⁹.

⁹ Кириченко В.Ф. Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве / отв. ред. Б.С. Маньковский. М.: Изд-во АН СССР, 1948. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie10929.html> (дата обращения: 05.10.2020)

Информация об авторе

Кочеткова Кристина Петровна – студентка 3 курса, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (СПбЮИ (ф) УП РФ).

196240 г. Санкт-Петербург, ул. Костюшко, 3 к. 2

Электронный адрес: *Kristina.kochetckova12@mail.ru*

УДК 343.4

К 85

Д. А. Крючков,

студент 3 курса

ИЮИ (ф) УП РФ

**Отдельные вопросы определения крупного ущерба
в составах преступлений против интеллектуальных прав**

В статье рассматриваются вопросы определения крупного ущерба, в частности, применительно к составам преступлений против интеллектуальных прав. Анализируются некоторые актуальные проблемы, возникающие при квалификации деяния, направленного против интеллектуальных прав, как преступного. Предлагаются пути решения проблем теоретического и практического характера.

Ключевые слова: крупный ущерб, интеллектуальные права, состав преступления.

Вопрос защиты интеллектуальной собственности с каждым годом не теряет своей значимости. И у правоприменителя есть немало правовых инструментов для реализации данной защиты, в частности гражданско-, административно- и уголовно-правовых. Деяния, совершенные в уголовно-правовой сфере и посягающие на интеллектуальную собственность, требуют повышенного внимания, как со стороны законодателя, так и правоприменителя, что объясняется их наибольшим деструктивным воздействием на общественные отношения в данной сфере.

Но общеизвестность данной позиции к настоящему времени не привела к выработке однозначного понимания признака крупного ущерба применительно к соответствующим частям статей 146 и 147 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Это приводит к тому, что, согласно официальной статистике¹ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (далее – ВС РФ), число осужденных по соответствующим статьям ежегодно стремится к нулю. Кроме того, стоит отметить, что число осужденных по частям, не «обремененных» признаком крупного

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (07.02.2021)

ущерба, ежегодно снижается.

Причины данной ситуации представляются разными, помимо качества правовой регламентации, например:

1) преступления, предусмотренные частями 1 статей 146 и 147 УК РФ, являются делами частно-публичного обвинения, и подлежат уголовно-правовой охране на основании волеизъявления надлежащего потерпевшего или его представителя, что ограничивает защиту интеллектуальных прав, если потерпевшему даже не известно о их нарушении или он не желает осуществлять данную защиту;

2) стороны обвинения и защиты зачастую по-разному определяют признаки объективной стороны данных деяний, в частности речь идет о признаке крупного ущерба;

3) отсутствует единая методика расчета крупного ущерба, что оставляет вопрос о положительном исходе дела в каждой конкретной ситуации на усмотрение правоприменителя, из этого момента вытекает и следующая возможная причина;

4) дело решается отрицательным образом еще до его направления в суд, что выражается в решении об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении, причиной этому может служить недостаточная компетентность отдельных должностных лиц² или отказ в принятии заявления, мотивированный тем, что доказывать крупный ущерб должен сам заявитель³.

Перейдем же к непосредственному анализу проблем применения признака крупного ущерба относительно статей 146 и 147 УК РФ. Она заключается в том, что данный признак необходимо устанавливать в каждом конкретном деле, не имея для этого четких законодательных указаний о его стоимостном выражении, как, например, в случае с крупным и особо крупным размером.

Стоит отметить, что понятие «ущерб» и «размер» не синонимичны, это исходит из указания на особые обстоятельства, подлежащие учету при установлении крупного ущерба, например, согласно абз. 3 п. 24 постановления Пленума ВС РФ от 26 апреля 2007 г. № 14⁴ (далее – ПП ВС), к ним относятся наличие и размер реального ущерба, размер упущенной выгоды и размер доходов, полученных лицом в результате нарушения им прав на результаты интеллектуальной деятельности или на средства индивидуализации. Еще одним аргументом в пользу несовпадения значений данных понятий стоит привести

² Золотов А.И., Столбина Л.В. Актуальные проблемы реализации уголовно-правовой защиты авторских и смежных прав: новое время авторства // Актуальные проблемы частного и публичного права. 2018. № 1. С. 25.

³ Молчанов Д.В. К вопросу об уголовно-правовой природе преступлений, нарушающих авторские и смежные права // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2008. № 4. С. 80.

⁴ О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 26 апреля 2007 г. № 14 : Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

запрет применения такого способа преодоления законодательных пробелов как аналогия, которая имела бы место быть в случае толкования крупного ущерба как крупного размера. Но, тем не менее, уже в абз. 5 п. 25 ПП ВС пленум Верховного Суда «рекомендует» на практике руководствоваться крупным размером, что не представляется нам как прямое руководство к действию ввиду диспозитивной конструкции данного абзаца, выраженной в понятии «может», а не «должно» (подобные императивные указания могут даваться только законодателем).

Более подробно стоит остановиться на том, на какие части в рамках ст. 147 УК РФ распространяется признак крупного ущерба. Исходя из толкования, данного в ПП ВС, он наличествует в обеих частях, о чем нам говорит соответствующая выдержка из данного постановления (... применительно к части 1 статьи 146 и *статье* 147 УК РФ ущерб, который может быть признан судом крупным, в законе не указан ...). Нам же представляется, что результатом грамматического и систематического толкования должен быть иной вывод:

1) часть 1 абстрактно можно представить следующим образом (деяние и последствие в виде крупного ущерба), а часть вторую – (деяние, имеющее квалифицирующие признаки);

2) как промежуточный вывод из этого следует, что в ч. 1 закреплён материальный состав преступления, а в ч. 2 – формальный, что представляется логичным исходя из его повышенной общественной опасности, по сравнению с основным составом;

3) под «теми же деяниями», представляется, необходимо понимать незаконное использование, разглашение и т.д. без учета последствий в виде крупного ущерба – данный вывод исходит из сравнения законодательных конструкций «те же деяния» и «деяния, предусмотренные частью N ...». В первом случае, представляется, в объём понятия «деяние» необходимо включать только объективно выраженные действия или бездействия (без последствий и т.п.), во втором же – конструкция «..., предусмотренные частью...» (т.е. в полном объёме) говорит о том, что в понятие «деяние» также должны входить иные признаки элементов состава преступления, например, цель, как это предусмотрено в ч. 2 ст. 148 УК РФ (что, несомненно, является фикцией, ведь недопустимо включать в признак элемента объективной стороны иные признаки этого же элемента (последствие как признак объективной стороны) или иных элементов (цель как признак субъективной стороны)).

В этом нам и видится назначение разграничения конструкций «те же деяния» и «деяния, предусмотренные частью N ...», предусмотренные законодателем и не подлежащие иному пониманию за счёт толкования ВС РФ.

Некоторые авторы, сетуя на возникающие проблемы при расчёте размера крупного ущерба, высказывают предложения об исключении данного

признака хотя бы из ч. 1 ст. 146 УК РФ⁵. Тем не менее, признак крупного ущерба, как конституирующая часть соответствующих составов, необходим хотя бы для их отграничения от смежных составов, предусмотренных КоАП РФ (ст. 7.12), о чем также высказался ВС РФ в абз. 5 п. 25 ПП ВС.

Думается, решение данной проблемы возможно путем формализации признака крупного ущерба и привязки его к конкретной сумме, как это было предусмотрено в ст. 180 УК РФ (последней, из относящихся к посягательствам на интеллектуальные права), что говорит о том, что не всегда законодатель в подобных ситуациях считает необходимым применять особый порядок расчета и оценки ущерба общественным отношениям, и не видит принципиальной разницы между крупным ущербом и крупным размером. Иногда же данные понятия раскрываются одно через другое, например, в ст. 165 УК РФ: «Причинение имущественного ущерба ..., совершенное в крупном размере»; стоит отметить, что данная статья в соответствующих ситуациях была бы более удобной для применения, если бы статьи 146 и 147 УК РФ не носили по отношению к ней характер специальных ввиду особого объекта охраны.

Таким образом, стоит отметить, что законодательные акты и акты толкования права высшей судебной инстанции оставляют мало предпосылок для формирования единообразной и справедливой судебной практики в области уголовно наказуемых посягательств на интеллектуальные права, одним из признаков которых является крупный ущерб. Вариантов решений данной проблемы представляется два: избавиться от этого признака и провести иное разграничение со смежными составами административных правонарушений, например, с включением признака цели получения дохода или иного вознаграждения в крупном размере⁶; или же формализовать данный признак, путем указания конкретных его особенностей. Также, думается, что не в угоду компактности уголовного закона, но в угоду правовой определенности, законодателю следовало бы более детально формулировать составы преступлений и избегать излишних отсылок к другим частям в рамках одной статьи УК РФ во избежание неверного их толкования.

Информация об авторе

Крючков Даниил Алексеевич – студент 3 курса Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

664081, г. Иркутск, ул. Карла Либкнехта, 239А-42,
e-mail: marvel0987651@gmail.com

⁵ Толченова Ю.В. Уголовная ответственность за нарушение авторских и смежных прав : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2010. С. 12.

⁶ Шагиев Б. В., Миронова А. В. Проблемы уголовного законодательства при раскрытии преступлений в сфере интеллектуальной собственности следственными органами РФ // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 3. С. 115.

**УДК 349.6
К 89**

Д. В. Кузнецова,
*студентка 3 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

**Критерии отграничения преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ,
от административного правонарушения (ст. 8.28 КоАП РФ)**

В статье рассматриваются основные критерии разграничения уголовного и административного законодательства в области незаконной рубки лесных насаждений.

Ключевые слова: *лесные насаждения, ущерб, значительный размер, незаконная рубка, административная преюдиция, правонарушение, экологическое законодательство.*

Тематика незаконной рубки лесных насаждений в экологической преступности занимает, бесспорно, одну из лидирующих позиций. Ведь, Конституция Российской Федерации в статье 42 гарантирует каждому гражданину право на благоприятную окружающую природную среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением¹.

Согласно российскому законодательству, в частности ст. 99 Лесного кодекса РФ, незаконная рубка деревьев, кустарников и лиан может повлечь за собой как уголовную (ст. 260 УК РФ), так и административную ответственность (ст. 8.28 КоАП РФ)².

Следует отметить, что привлечение к ответственности за нарушение лесного законодательства не освобождает виновных лиц от обязанности устранить выявленное нарушение и возместить причиненный этими лицами вред. Кроме этого, правонарушитель обязан возместить причиненный лесному фонду ущерб, который рассчитывается в соответствии с требованиями Постановления Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2018 года № 1730 (с изменениями на 18 декабря 2020 года) «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства»³.

Статья 260 УК РФ устанавливает ответственность не за все виды нарушений правил лесопользования, а только за незаконную рубку, либо повреж-

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием от 12 декабря 1993г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Лесной кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 4 декабря 2006г. // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.

³ Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства : постановления Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2018 года № 1730 : с изменениями на 18 декабря 2020 года. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

дение до степени роста деревьев, кустарников и лиан в лесах, либо в особо защитных участках лесов, либо тех, которые не входят в лесной фонд или запрещены к рубке вообще.

Пункты 16, 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» от 18 октября 2012 г. № 21 содержат аналогичный вывод⁴. При этом имеются в виду деревья, кустарники, лианы, находящиеся в естественном природном состоянии, включая и те, которые высажены человеком для пополнения лесного и нелесного растительных фондов или для выполнения защитных функций.

Уголовное законодательство за незаконную рубку предусматривает несколько видов наказаний. Однако на практике суды чаще всего применяют только некоторые, а именно штраф и исправительные работы. По нашему мнению, государственным органам РФ следует принять меры на введение работ по обустройству лесов, лесопосадок, их культивированию, так как рабочих мест для трудоустройства таких лиц в сельской местности явно недостаточно.

Основным критерием разграничения уголовно наказуемой незаконной рубки лесных насаждений (часть 1 статья 260 УК РФ)⁵ и незаконной рубки лесных насаждений, за которую ответственность предусмотрена статьей 8.28 КоАП РФ,⁶ является значительный размер ущерба, причиненного посягательством, который должен превышать пять тысяч рублей (примечание к статье 260 УК РФ).

Так, согласно диспозиции ст. 260 УК РФ, когда незаконная рубка лесных насаждений совершена в значительном (крупном, особо крупном) размере - ответственность наступает по нормам этой статьи. Если размер ущерба ниже установленного в примечании к ст. 260 УК РФ – по нормам ст. 8.28 КоАП РФ. Часть 2 ст. 260 УК РФ содержит также криминообразующие признаки, не зависящие от размера ущерба. Например, при незаконной рубке лесных насаждений группой лиц либо лицом с использованием своего служебного положения, деяние охватывается составом преступления, предусмотренным ст. 260 УК РФ.

В то же время случаи привлечения виновных к уголовной ответственности по делам рассматриваемой категории только набирают оборот. Эта ситуация объясняется тем, что отсутствуют точные критерии отграничения уголовно наказуемых деяний, указанных в главе 26 УК РФ, от административных проступков, названных в главе 8 КоАП РФ. В таких условиях правоохрани-

⁴ Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 2012 г.

⁵ См. ст. 260: Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ : в редакции от 30 декабря 2020 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ См. ст. 8.28: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ : в редакции от 04 февраля 2021 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

тельные органы не всегда могут дать правильную правовую квалификацию противоправному деянию, предпочитая более «легкую» форму юрисдикции.

Данный подход о выборе вида ответственности характеризовался бы положительно, если бы диспозиции статей в УК РФ и КоАП РФ совпадали, за исключением, размеров причиненного ущерба от этих неправомерных действий. В уголовном законодательстве России в настоящее время отсутствуют составы с административной преюдицией, когда повторное или очередное привлечение к административной ответственности за определенное правонарушение составляло бы состав уголовного преступления⁷.

Но данное обстоятельство не означает, что аналогичные нормы УК и КоАП РФ не должны быть взаимосвязаны. Статьи могут иметь разные диспозиции, мало совпадающие или вообще не совпадающие друг с другом. Прежде всего, даже названия статей: 260 УК РФ «Незаконная порубка деревьев и кустарников» и 8.28 КоАП РФ «Незаконная порубка, повреждение либо выкапывание деревьев, кустарников или лиан» не совпадают, не говоря уже о их диспозициях.

Если обратиться к составам данных статей, то можно увидеть следующие различия.

1. Для административного правонарушения достаточно лишь наличие факта совершения одного из действий, таких как: незаконная порубка, повреждение деревьев, кустарников или лиан, уничтожение или повреждение лесных культур, молодняка естественного происхождения, подроста или самосева в лесах либо сеянцев в лесных питомниках, на плантациях, либо самовольное выкапывание деревьев, кустарников или лиан, лесных культур, молодняка естественного происхождения, подроста или самосева в лесах либо сеянцев и саженцев в лесных питомниках и плантациях. Размер причиненного ущерба для наступления административной ответственности значения не имеет.

2. Уголовное преступление составляют деяния в виде незаконных порубок, а равно повреждений до степени прекращения роста деревьев, кустарников и лиан в лесах первой группы либо в особо защитных участках лесов всех групп, а также деревьев, кустарников и лиан, не входящих в лесной фонд или запрещенных к порубке, если эти деяния совершены в значительном размере.

Совершение действий, указанные в 8.28 КоАП РФ, причиняющие значительный, крупный или особо крупный ущерб, не могут подпадать под действие ст. 260 УК РФ, хотя логика закона свидетельствуют об обратном. Если бы диспозиции уголовного и административного законодательства совпадали в своих основных чертах и разнились бы лишь величиной причиненного ущерба, то позиция законодателя была бы более четко выражена, что обеспе-

⁷ Травина И. Г. Особенности привлечения к административной ответственности за незаконную рубку деревьев и кустарников // Российский следователь. 2006. №12. С. 14–16.

чило бы единство политики по противодействию нарушениям лесного и экологического законодательства.

Таким образом, сложность отграничения уголовно наказуемых деяний от административных правонарушений в экологической сфере обусловлена тем, что диспозиция ст. 260 УК РФ не содержит точных критериев разграничения, при совпадении характера общественной опасности преступления и правонарушения. Разграничение происходит по степени общественной опасности, т. е. интенсивности воздействия на общественные отношения, которая проявляется во вредности наступивших негативных последствий. Но не всегда возможно точно провести «демаркационную» линию, используя данный критерий.

Информация об авторе

Кузнецова Дарья Викторовна – студентка 3 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664022, 89149544197, г. Иркутск, Семена Лагоды 4/2, 102. Электронный адрес: kuznezova5398@mail.ru

**УДК 343.2/7
К 90**

В. О. Кулаков,
студент 3 курса СГЮА

К вопросу о необходимости конструирования специальных составов пособничества преступлению в Особенной части уголовного закона

В статье рассматриваются проблемы, возникающие в связи с конструированием специальных составов пособничества в Особенной части уголовного закона. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, действующего уголовного законодательства России и практики его применения обосновывается необходимость регламентации отдельных видов пособничества в Особенной части Уголовного кодекса РФ. Поднимаются проблемы соответствия наказания, назначаемого за пособничество отдельным видам преступлений, принципу справедливости.

Ключевые слова: пособничество преступлению, соучастие в преступлении, принцип справедливости, специальный состав преступления, специальные виды пособничества.

Пособничество преступлению – один из наиболее распространённых видов соучастной деятельности, который прежде всего регламентируется нормами Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Согласно ч. 3 ст. 34 УК РФ, «уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на ст. 33 настоящего Кодекса, за исключением случаев, когда они одновременно являлись соис-

полнителями преступления».

Казалось бы, в процитированной норме чётко и однозначно определено, как необходимо квалифицировать действия соучастников преступления, однако в Особенной части УК РФ хорошо просматривается тенденция самостоятельной криминализации отдельных видов пособничества преступлению. Так, в 2016 г. ст. 205¹ УК РФ была дополнена нормой о пособничестве в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, ч. 3 ст. 206, ч. 1 ст. 208¹. В УК РФ появились ст. 291¹ и ст. 204¹ о посредничестве, соответственно, во взяточничестве и в коммерческом подкупе, а ст. 184 была дополнена частью 5 о посредничестве в совершении преступлений, связанных с оказанием противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса².

Почему же законодатель вводит подобные нормы, когда существуют общие правила уголовно-правовой оценки пособничества (ст. 33, 34 УК РФ)? Является ли это необходимым?

С. А. Ершов полагает, что подобная тенденция ведет к разнообразной уголовно-правовой оценке судами схожих по своему характеру преступных действий. Кроме того, автор критикует введение в действие ст. 173² УК РФ, которая, по его мнению, является грубой ошибкой, приравнивающей фактического пособника к исполнителю³.

Если обратить внимание на примечание 1¹ к ст. 205¹ «Содействие террористической деятельности» УК РФ, становится понятно, что оно полностью дублирует положения ч. 5 ст. 33 УК РФ. При этом санкция за пособничество в совершении террористического акта (ч. 3 ст. 205¹ УК РФ) предусматривает более строгое наказание (лишение свободы на срок до 20 лет), чем предусмотрено за совершение самого террористического акта в отсутствие квалифицирующих признаков (лишение свободы на срок до 15 лет). Данная ситуация, когда пособник наказывается строже, чем исполнитель, является недопустимой.

Ст. 291¹ УК РФ устанавливает наказание за посредничество во взяточничестве, которое по своей природе является пособничеством преступлению. Из диспозиции ч. 1 ст. 291¹ УК РФ следует, что посредник, хотя и выполняет функцию взяткополучателя или взяткодателя, остается второстепенным лицом. При этом непонятно, зачем лишь одно из возможных проявлений пособничества предусматривается как отдельное преступление в Особенной части уголовного закона, если его совершенно беспрепятственно можно было бы квалифицировать через ст. 33 и ст. 290 (291) УК РФ. Следует также отметить, что наказание за посредничество во взяточничестве (ч. 1 ст. 291¹ УК

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 28, ст. 4559.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 27, ст. 4257.

³ Ершов С. Пособничество в Особенной части УК // Законность. 2012. № 6. С. 55.

РФ) строже, чем за основные составы получения и дачи взятки (ч. 1 ст. 290, ч. 1 ст. 291 УК РФ). Данное обстоятельство так же, как и в случае с пособничеством террористическим преступлениям вступает в противоречие с принципом справедливости. Кроме того, Верховный Суд России поясняет, что посредник в передаче предмета взятки на сумму, не превышающую 25 000 рублей, «не может нести ответственности как соучастник в получении и даче взятки, мелком взяточничестве или мелком коммерческом подкупе со ссылкой на статью 33 УК РФ»⁴. Это правило квалификации, как представляется, носит вынужденный характер, обусловленный самостоятельной криминализацией посредничества во взяточничестве и коммерческом подкупе (ст. 291¹ и ст. 204¹ УК РФ). Однако с общих уголовно-правовых позиций исключение преступности именно посредничества во взяточничестве на сумму менее 25000 рублей, при сохранении преступности всех иных пособнических действий указанным преступлениям, представляется несправедливым.

Регламентация законодателем пособничества отдельным видам преступлений в Особенной части УК РФ, по мнению А. И. Рарога, является бесспорным свидетельством принципиального отказа законодателя от отношения к роли пособника как к фигуре в значительной мере второстепенной⁵. И это, как ни странно, оправданно. Действующий УК РФ, хотя в целом и не воспринял акцессорную теорию соучастия, все же содержит в своем тексте положения, в значительной мере ограничивающие основание уголовной ответственности субъектов, фактически причастных к совершению преступлений другими лицами (например, ч. 5 ст. 34). При конструировании специальных составов пособничества законодатель стал рассматривать некоторые преступления, совершенные в соучастии, больше с позиции теории самостоятельности (солидарности)⁶, согласно которой ответственность соучастников является строго индивидуальной и наступает лишь за те деяния, которые они совершили лично⁷.

Предпочтение данной теории прослеживается в положениях ч. 3 ст. 205¹ УК РФ, согласно которым действия пособника будут считаться оконченным преступлением даже тогда, когда исполнителю по не зависящим от него причинам не удалось довести преступление до конца. В случае если данная ситуация рассматривалась бы законодателем с позиции ч. 5 ст. 34 УК РФ (т.е. в отсутствие положений ч. 3 ст. 205¹ УК РФ), действия пособника расценивались бы как приготовление к преступлению или как покушение на преступление.

⁴ О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 59 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.

⁵ Рарог А.И. Актуальные проблемы уголовного права // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 93.

⁶ Шарапов Р.Д., Минин Р.В. Пособничество преступлению: закон, теория, практика // Известия Алтайского Государственного Университета. 2018. № 6. С. 145.

⁷ Чиняков О.Е. Организатор преступления: теории акцессорной и самостоятельной ответственности // Мир науки и образования. 2015. № 4. С. 23.

Ввиду напряженной террористической обстановки в стране и мире законодатель осознанно пошел на применение теории самостоятельности ответственности соучастников при конструировании специального состава пособничества некоторым наиболее опасным террористическим преступлениям.

По мнению А. Москвичева, в Особенной части уголовного закона необходимо закрепить составы пособничества в незаконной организации и проведению азартных игр, незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов и т.д. Во всех этих случаях, считает автор, «ответственность должна наступать по статье Особенной части УК РФ без дополнительной ссылки на ч. 5 ст. 33 УК РФ, что в сущности будет способствовать реализации принципа неотвратимости и соразмерности уголовной ответственности за совершенное преступление»⁸.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы. Вектор развития уголовного законодательства, заключающийся в конструировании в Особенной части УК РФ специальных составов пособничества террористическим, коррупционным и некоторым иным преступлениям, обусловлен изъятиями привлечения их к уголовной ответственности в рамках института соучастия в преступлении. Однако наказуемость отдельных специальных видов пособничества нуждается в корректировке. Уголовное наказание за пособничество не должно превышать наказания за основные преступления, пособничество которым осуществляется, поскольку это не соответствует принципу справедливости.

Информация об авторе

Кулаков Владислав Олегович – студент 3 курса Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии (ИП СГЮА), 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

Электронный адрес: v.o.kulakov@yandex.ru. Телефон: 89022069905.

**УДК 343.3 + 343.614
Л 75**

А. В. Ломовская,

курсант 4 курса факультета

подготовки следователей

ОрЮИ МВД РФ им. В. В. Лукьянова

Доведение до самоубийства и склонение к совершению самоубийства несовершеннолетних как квалифицирующий признак

Авторы данной статьи рассматривают подростковый суицид как особую категорию в силу особенностей личности несовершеннолетних. Подробно характеризуются причины и обстоятельства, приводящие к суициду. Особое внимание уделяется интернет-угрозам.

⁸ Москвичев А.А. К вопросу о криминализации специальных видов пособничества в преступлении // Общество и право. 2015. № 3. С. 108.

Ключевые слова: самоубийство, несовершеннолетние, интернет-угрозы, сети Интернет, кибербуллинг.

В настоящее время Россия занимает одно из лидирующих мест в мире по количеству совершаемых самоубийств несовершеннолетними. В связи с этим ученые провели работу в области выяснения причин, по которым совершаются данные деяния, и пришли к выводу, что существуют несколько причин. Первой причиной является окружающая обстановка лица, а именно дезадаптация, т. е. нарушение взаимодействия с ближайшим окружением, чаще всего с семьей, о чем в большинстве случаев свидетельствует судебная практика. Второй причиной совершения самоубийства подростками является психическое давление, связанное с унижением и оскорблением человеческого достоинства.

В уголовном законодательстве России ответственность за совершение несовершеннолетними самоубийства предусмотрена п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ и п. «а» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ.

В связи с тем, что в большинстве случаев потерпевшим в рассматриваемом преступлении являются несовершеннолетние, то данный состав преступления является актуальным.

Объективная сторона указанных выше составов преступлений заключается в следующем: ст. 110 УК РФ – действия, выраженные в угрозах, жестоким обращении или систематическом унижении человеческого достоинства несовершеннолетнего. Состав по конструкции является материальным. Данное преступление окончено с момента совершения самоубийства либо покушения на него. Объективная сторона ст. 110¹ УК РФ заключается в угрозах, предложениях, подкупе, обмане или иных способах при отсутствии признаков доведения до самоубийства;

На наш взгляд, главным обстоятельством доведения до самоубийства несовершеннолетнего является то, что потерпевший должен в полной мере отдавать отчет своим действиям и руководить ими. Исходя из этого, ими не могут быть малолетние и психически нездоровые люди, а также граждане, имеющие такие заболевания психики, которые не позволяют правильно воспринимать сложившуюся обстановку.

Несмотря на то, что в диспозиции ст. 110 УК РФ отсутствует обстоятельство, согласно которому лицо должно находиться в какой-либо зависимости от виновного, в приговорах суда в обязательном порядке указывается степень и характер такой зависимости. Основываясь на вышеизложенном, можно сказать, что самоубийство несовершеннолетнего является отклонением в поведении человека, и совершается оно в результате какой-либо сложной жизненной ситуации, а также в результате влияния особенностей личности.

В настоящее время значительную роль на подростков оказывает информация, размещаемая в сети Интернет, которая может спровоцировать несовершеннолетнего на суицидальные действия. Преступления совершаемые с

использованием сети Интернет в большинстве случаев направлены на несовершеннолетних, так как подростки подвержены сильному влиянию от получаемой информации в силу несформированности их психического состояния. Открытый доступ к информации, размещаемой в сети Интернет, в значительной степени способствует совершению преступных действий в отношении несовершеннолетних при доведении их до самоубийства. Именно поэтому необходимо «фильтровать» информацию, публикуемую в Интернете, а также проводить работу по выявлению сайтов с вредоносной информацией.

В 2016 году в Средствах массовой информации (далее – СМИ) был опубликован материал, касающийся, так называемых, «Группы Смерти». Согласно данному материалу, в России были совершены более ста самоубийств подростками, которые состояли в одних и тех же группах в сети Интернет. В связи с этим Следственный комитет Российской Федерации предлагает внести изменения в ст. 110 УК РФ, касающиеся добавления такого квалифицирующего признака, как «доведение до самоубийства и пропаганда самоубийства среди несовершеннолетних».

Говоря об ответственности за преступления, совершаемые с помощью социальных сетей, необходимо отметить, что в 2017 году в УК РФ были внесены изменения в части, касающейся самоубийства, направленные на ужесточение наказания за совершение указанных преступлений, появились квалифицирующие признаки, закрепленные в ч. 2 ст. 110 УК РФ, а также был добавлен новый состав преступления, предусматривающий ответственность за склонение или содействие к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ).

Некоторые ученые, например, М. А. Ментюкова и М. М. Дубровина предлагают дополнить УК РФ статьями, которые предусматривали бы ответственность владельцев сайтов, на которых размещается информация, способствующая совершению самоубийства¹.

На практике достаточно часто сталкиваются с проблемой, связанной с квалификацией преступлений по ст. 110 УК РФ, так как диспозиция данной статьи не проработана до конца на законодательном уровне. Это связано с тем, что объективная сторона включает в себя исчерпывающий перечень способов совершения данного преступления.

Доверчивость несовершеннолетних делает их наиболее уязвимыми пользователями сети Интернет перед лицом киберпреступности, к которой относятся различные виды преступлений, начиная от кражи, заканчивая доведением до самоубийства.

Говоря о преступлениях в сети Интернет, необходимо отметить, что интернет - угрозы имеют свою структуру. С появлением различных социальных сетей, которые позволяют анонимно общаться с другими людьми, появилось такое противоправное деяние, как травля. В настоящее время используют специальный термин, характеризующий данное явление – «кибербул-

¹ Ментюкова М.А., Дубровина М.М. Эволюция уголовной ответственности до самоубийства с использованием сети Интернет // Вопросы современной науки и практики. 2013. №44. С. 83.

линг». Так же выделяются еще несколько терминов, характерных для травли – «троллинг», «аутинг» и другие.

Каким же образом происходит травля в Интернете? На данный вопрос нельзя дать конкретный ответ, т. к. травля осуществляется различными способами: создаются специальные сообщества или страницы, содержащие информацию, связанную с издевательствами над конкретным человеком (одноклассником, однокурсником, коллегой по работе и т. д.). В данных сообществах могут размещаться различные смешные изображения с данным человеком, унижающие его человеческое достоинство, могут публиковаться различные видео, распространяться оскорбительные слухи.

Подростки достаточно часто используют следующий вид кибербуллинга: размещают на странице фотографию и номер своего одноклассника с подписью, что он оказывает сексуальные услуги. Но кибербуллинг, связан, не только с созданием страниц, но и с комментариями или личными сообщениями с оскорблениями и угрозами. К кибербуллингу так же относится и опубликование сведений о лице вопреки его воле. Взлом страницы и отправка оскорбительных сообщений близким потерпевшего, также относится к одному из способов.

В уголовном законодательстве РФ отсутствуют нормы, регулирующие данное явление. В науке так же нет всестороннего описания кибербуллинга. Мы полагаем, что кибербуллинг – это преследование жертвы одним лицом или группой, с использованием телекоммуникационных технологий, с целью унижения, запугивания и иного морального вреда, наносящего ущерб личности человека.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать следующий вывод. Россия занимает лидирующую позицию по поводу подросткового суицида. Причинами совершения самоубийства несовершеннолетними являются: окружающая обстановка и психическое давление. Совершению преступления способствует информация, размещаемая в сети Интернет, а также различные игры суицидальной направленности. Таким образом, мы пришли к выводу, что особенности личности несовершеннолетнего необходимо оценивать как обстоятельства, повышающие общественную опасность.

Информация об авторе

Ломовская Алина Вячеславовна – курсант 4 курса факультета подготовки следователей, Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова.

302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Электронный адрес: lomovskayaa@yandex.ru

УДК 343.2 + 343.614
Л 88

И. И. Лыков,

*магистрант 1 года обучения
ИЮИ (ф) УП РФ*

О некоторых вопросах квалификации доведения до самоубийства

В статье рассматриваются проблемные вопросы квалификации доведения до самоубийства, проводится анализ научно-исследовательской литературы и устанавливаются критерии разграничения составов преступления, предусматривающих уголовную ответственность за доведение до самоубийства несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости и убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии.

Ключевые слова: доведение до самоубийства, беспомощное состояние, убийство лица, заведомо находящегося в беспомощном состоянии, несовершеннолетний.

Состав преступления, закрепленный в ст. 110 УК РФ и предусматривающий уголовную ответственность за доведение до самоубийства традиционно является предметом научных дискуссий. В настоящее время по-прежнему существуют связанные с ним сложные квалификационные вопросы, представляющие научный интерес и не имеющие единого подхода к их разрешению.

Так, одним из актуальных вопросов квалификации, является вопрос проведения верного разграничения составов доведения до самоубийства и убийства. Универсального ответа о наличии четких критериев в доктрине уголовного права до сих пор нет.

Интересным для рассмотрения представляется вопрос отграничения составов преступлений, предусмотренных п. «а» ч.2 ст. 110 УК РФ, (доведение до самоубийства несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от него) и п. «в» ч.2 ст. 105 УК РФ (убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии).

Статья 110 УК РФ была пополнена указанным отягчающим обстоятельством в 2017 году¹, и основной целью его введения было ориентирование судебных органов на применение ст. 110 УК РФ во всех случаях, когда потерпевший, обладающий одним из вышеперечисленных признаков, совершает самоубийство либо покушение на него.

Тем не менее, Артамонова М. А. приводит пример из судебной практи-

¹ Федеральный закон от 27 июля 2009 г. N 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»

ки, когда деяние, формально попадающее под все признаки состава п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ, было квалифицировано как убийство (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ), вследствие наличия у потерпевшей психического расстройства, побудившего её поддаться уговорам покончить жизнь самоубийством².

Шарапов Р. Д. предлагает относить психические расстройства личности потерпевшего к разновидности «беспомощного состояния». Обосновывая свою позицию, автор объясняет, что такое лицо не обладает свободой воли и не может руководить своим поведением³.

Поддерживая вышеприведенную точку зрения, основываясь на примечании к ст. 131 УК РФ, Егорова Н. А. дополняет, что к числу лиц, попадающих в категорию «находящихся в беспомощном состоянии», следует относить также потерпевших, не достигших 12 лет, с формулированием для данной подгруппы специального особо квалифицирующего признака⁴.

В целом, можно заметить, что все вышеназванные мнения исследователей обозначенной проблематики опираются на разъяснения, содержащиеся в п. 7 Постановления Пленума ВС РФ от 27 января 1999 г. № 1, ориентирующего, помимо прочего, на то, что к находящимся в беспомощном состоянии могут быть также отнесены тяжелобольные и престарелые.

Продолжая исследование актуальных вопросов разграничения рассматриваемых составов преступления, представляется необходимым изучение форм вины при их совершении.

Считаем, что очень важное замечание делает В. И. Тюнин, подчеркивающий, что для верной квалификации важна причинно-следственная связь между совершенным деянием (действием или бездействием) и состоянием потерпевшего, а не причинная связь между поведением виновного и причинением смерти⁵.

Соответственно, продолжая линию рассуждений автора, можно предположить, что единственно верная квалификация совершенного деяния как убийства, возможна только в одном случае – когда виновный осознавал общественную опасность своих действий, предвидел реальную неизбежность наступления общественно-опасных последствий и желал их наступления (т.е. обладал прямым умыслом на причинение смерти потерпевшему). Во всех остальных случаях совершенное деяние надлежит квалифицировать по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ.

Из разъяснений, содержащихся в п. 7 Постановления Пленума ВС РФ от 27 января 1999 г. №1, очевидно, что при совершении убийства, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, виновному заведомо известно о нахожде-

² Артамонова М.А. Некоторые проблемы квалификации доведения до самоубийства и склонения к совершению самоубийства // Вестник УЮИ. 2017. №3. С. 63-66

³ Шарапов Р. Д. Квалификация преступлений, связанных с вовлечением в самоубийство и иное опасное для жизни поведение // Уголовное право. 2017. № 6. С. 78–84.

⁴ Егорова Н. А. Новое в уголовно-правовой охране жизни человека // Уголовное право. 2017. № 6. С. 11–17

⁵ Тюнин В. И., Огарь Т. А. Доведение до самоубийства и сопряжённые с ним преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. С. 91-97.

нии потерпевшего в беспомощном состоянии (что еще раз является подтверждением наличия у него прямого умысла). Соответственно, если виновный не желал наступления общественно-опасных последствий в виде смерти потерпевшего, либо относился к ним безразлично, квалификация деяния по вышеуказанному пункту невозможна. В противном случае, действия правоприменителя будут аналогичны объективному вменению.

Несмотря на то, что некоторые авторы высказывают мнение о возможности наличия неосторожной формы вины в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ⁶, судебная практика идет по пути признания возможности совершения данного преступления только с виной в форме умысла⁷.

При этом, интересна точка зрения Пучниной М. Ю., отмечающей, что установление истинного вида умысла представляется весьма затруднительным, вследствие того, что отношение виновного к смерти потерпевшего может меняться на протяжении времени, в течение которого совершается преступление (обычно – продолжаемое)⁸.

Наиболее предпочтительной выглядит точка зрения Малинина В. Б., считающего, что совершение данного преступления возможно только с косвенным умыслом⁹.

Полагаем, что для верной квалификации совершенного преступления правоприменителю в первую очередь следует учитывать вид и направленность умысла виновного и механизм реализации преступных намерений. В целях предотвращения квалификационных ошибок считаем верным мнение Огаря Т.А., отмечающего, что законодателю следует предусмотреть специальные случаи склонения к самоубийству лиц, заведомо для виновного страдающих психическими расстройствами, влекущими их неменяемость, а также лиц, не достигших возраста 12 лет, приблизив указанные преступления по своей тяжести к составу убийства¹⁰.

Информация об авторе

Лыков Илья Игоревич – магистрант 1 года обучения, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: lik-off@yandex.ru

⁶ Бородин С. В. Преступления против жизни. М.: Юристъ. 1999. 356 с.

⁷ Постановление Президиума Московского городского суда от 04.04.2002. Приговор в отношении лица, осужденного по ст. 110 УК РФ // СПС «КонсультантПлюс»

⁸ Пучнина М.Ю. Криминальный суицид: основные элементы и характерные черты // Международный научный журнал «Инновационное развитие». 2019. № 1 (28). С. 63-66.

⁹ Малинин В. Б. Убийство – общая характеристика: монография. СПб.: МИЭП при МПА ЕвразЭС. 2013. С.78.

¹⁰ Тюнин В. И., Огарь Т. А. Указ. соч.

УДК 343.41
М 36

А. М. Махлай,

студентка 4 курса
Филиал АНО ВО «ИДК»
в Тюменской области

Обеспечение права на жизнь до рождения ребёнка в рамках уголовно-правовой охраны

В статье проведён анализ правового положения жизнеспособного плода, а также выделены основания необходимости введения уголовно-правовой охраны его жизни. Выведены теоретические, практические проблемы и соответствующие пути решения по данному вопросу, которые позволили прийти к выводу о необходимости защиты права на жизнь человека, находящегося во внутриутробном развитии, на законодательном уровне.

Ключевые слова: право на жизнь, жизнеспособный плод, уголовно-правовая охрана, уголовная ответственность за посягательство на жизнь человека.

В соответствии со статьёй 38 Конституции РФ защита детства является одним из приоритетов государства, требующая особого внимания в области правовой охраны прав ребёнка как на уровне законодательства, так и в правоприменительной практике. Можно констатировать, что действующее российское законодательство не признаёт ребёнка, находящегося на стадии внутриутробного развития, в качестве самостоятельного субъекта правовой охраны, следовательно, право на собственную жизнь, у него отсутствует.

Разрешение этой проблемы неизбежно упирается в вопрос о моменте начала уголовно-правовой охраны жизни.

Согласно толкового словаря, жизнь – это физиологическое существование человека¹.

С точки зрения медицины, биологическая жизнь человека начинается с момента зачатия, которое является первой стадией (этапом) жизни человека. Образование жизнеспособной клетки происходит на 6–7 дней после оплодотворения² – с этого момента клетка готова к развитию и уже можно говорить о начале жизни, о зарождении человека. Если рассматривать данный вопрос с позиции права, то действующее законодательство не определяет точного момента возникновения биологической жизни человека, тогда как, например, в законодательстве Афганистана, Венесуэлы, Колумбии и ряде других стран

¹Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Токовый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений // Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова – 4-е изд., дополненное. Москва : ЭЛПИС. 2003. С. 194.

²Священник В.Д., Молчанов А.Ю. Начало жизни и внутриутробное развитие человека: от биологии к биоэтике // Учебное пособие для священнослужителей и мирян. Москва : Лепта Книга, 2013. С. 15.

моменты возникновения биологической жизни и права на жизнь совпадают, то есть возникают с момента зачатия. Отсюда логически вытекает соответствующий законодательный запрет на прерывание беременности на любой стадии внутриутробного развития ребёнка.

Право на жизнь – это неотъемлемое право человека на существование в мире, обществе. В соответствии с Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» «моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов»³, то есть отрезание пуповины между матерью и плодом служит основанием считать, что ребёнок приобрёл право на жизнь.

Можно констатировать, что в отечественной юриспруденции нет единой точки зрения на момент начала правовой охраны жизни.

Ряд авторов считают, что право на жизнь возникает с момента начала родового акта (А. А. Пионтковский, С. В. Бородин), другие настаивают на том, что расположение плода: внутри или за пределами утробы матери является моментом рождения, а соответственно приобретением правом на жизнь (С. Бояров, В. Д. Набоков, И. Я. Фойницкий) либо связывают это с работой какого-либо органа: сердца, головного мозга, лёгких и таких теорий множество⁴.

Преобладающей точкой зрения в отечественном уголовном праве является теория, что право на жизнь у человека возникает с момента его физиологического рождения, то есть когда тело физически осязаемо, как, например, установлено в России. На наш взгляд, такая позиция не учитывает, что до начала родового акта, плод уже является жизнеспособным и готовым функционировать вне тела матери, а биологическая жизнь возникает намного раньше его жизнеспособности.

Так, современное медицинское оборудование позволяет спасти плоду же на 24 недели беременности (при достижении эмбриона веса 500 грамм), что является показателем его жизнеспособности. К данному периоду внешне (с 13 недели беременности) и внутренне ребёноку уже сформирован, но он не может самостоятельно функционировать без поддержки его лёгких, отсюда низкий показатель спасённых детей – 20 %⁵.

Следовательно, благодаря научно-техническому прогрессу в области медицины у детей, рождённых на 24 недели развития, есть шанс к выживанию, отсюда вытекает необходимость правовой защиты со стороны государства плода на данных стадиях беременности, который не в силах осуществить это самостоятельно. Поскольку умерщвление плода матерью либо иным

³ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ : в ред. от 22 декабря 2020 г. № 438-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴Снигирев А.А. Об уголовно-правовой защите человеческого плода в процессе внутриутробного развития и родов // Медицинское право. 2009 г. № 4. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».

⁵Проценко С.В. К вопросу об уголовно-правовой защите в российском законодательстве права внутриутробного ребенка на жизнь // Российский следователь. 2009. № 5. С. 15-18.

лицом не будет квалифицировано как убийство ввиду негодного объекта посягательства.

В правоприменительной практике принято считать негодным объектом посягательства – плод человека, как, например, и труп. Данный подход не позволяет квалифицировать указанные деяния по ст. 105 УК РФ, так как фактически лишить жизни того, кто ей не обладает, нельзя. Действия виновного расцениваются как причинение тяжкого вреда здоровью матери ребёнка (статьи 111 и 118 УК РФ). Здесь следует подчеркнуть, что из буквального толкования легитимной дефиниции «убийство – это умышленное причинение смерти другому человеку»⁶ не следует указания, что речь идёт об уже родившемся человеке. Тогда, с такой позиции, вышеприведённая квалификация будет неверна.

Помимо этого, по действующему законодательству беременная женщина не может быть привлечена к уголовной ответственности за умерщвление жизнеспособного плода, так как по российскому уголовному праву плод является частью матери, его умерщвление – это собственноручное причинение вреда здоровью самой женщины. Тем самым умерщвление не сформировавшегося ребёнка, который не может существовать вне организма матери, не является убийством. Поэтому признания права на жизнь за жизнеспособным плодом видится наиболее верным решением данной проблемы (основание для привлечения к уголовной ответственности).

Необходимо отметить, что уголовная ответственность за прерывание беременности самой беременной предусмотрена в УК Швейцарии, Польши, штата Нью-Йорк Соединённых Штатов Америки и во многих других странах⁷, то есть такая практика не является чем-то новым для современного общества и её введение в России не будет ограничивать беременную женщину в праве на совершение прерывания беременности (аборт).

Как представляется, представляется возможным установить уголовную ответственность за умышленное прерывание беременности сроком от 24 недель с целью обеспечения уголовно-правовой охраны ребёнка по признаку наличия жизнеспособности плода.

Что касается социальных показателей прерывания беременности, которые позволяют совершить данную процедуру до 22 недель, так как плод является последствием преступных действий, то здесь спорный вопрос о необходимости выделения специальных критериев. Для принятия решения у женщины есть по общему правилу 13 недель, на основании этого нет необходимости убивать внешне сформированного ребёнка, который уже близок к стадии жизнеспособности позднее установленного срока.

Таким образом, вышеизложенное позволяет прийти к выводу о необходимости введения уголовной ответственности за лишение жизни жизнеспособного

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации : ФЗ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : в ред. от 30 декабря 2020 г. № 543-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Куфлева В.Н. Уголовно-правовая охрана плода человека: Международный и национальный аспекты // Теория и практика общественного развития. 2019. №5 (135).

собного плода, при условии признание такого права за ним, то есть объектом преступления изначально должна выступать ценность человека, а лишь потом «научная абстракция»⁸. Такое отношение к плоду исходит из положений Конституции РФ, провозгласившей, что «Каждый человек имеет право на жизнь»⁹. Соответственно, необходимо уважительное отношение к ребенку и до его рождения, что характеризует состояние гражданского общества к высшим ценностям человека – жизни.

Информация об авторе

Махлай Алена Марковна – студентка 4 курса, Филиал автономной некоммерческой организация Высшего Образования «Институт деловой карьеры» в Тюменской области (Филиал АНО ВО «ИДК» в Тюменской области).

625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75.

Электронный адрес: makhlay508@yandex.ru

УДК 343.611

М 61

Е. Р. Миникеева,

студентка 3 курса

ИЮИ (ф) УП РФ

Вопросы квалификации убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны

В статье отражен вопрос о квалификации убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны, а также ограничение данного состава от смежных составов преступлений.

Ключевые слова: необходимая оборона, превышение пределов, убийство.

Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, традиционно относится к привилегированным составам убийства. Основанием смягчения ответственности в данном случае выступают противоправное поведение потерпевшего.

⁸Лосев С.Г. К определению объекта преступления в отечественной уголовно-правовой доктрине // Академический вестник. 2009. №2 (8). С. 180-185.

⁹Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием от 12 декабря 1993 г. : с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования от 01 июля 2020 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Убийство при превышении пределов необходимой обороны предполагает, что виновный действовал, имея право на необходимую оборону, однако превысил ее пределы¹.

Уголовная ответственность за причинение вреда наступает для оборонявшегося лишь в случае превышения пределов необходимой обороны, то есть только тогда, когда оборонявшийся прибегнул к защите от посягательства, указанного в ч. 2 ст. 37 УК РФ, такими способами и средствами, которые явно не соответствовали характеру и опасности посягательства, и без необходимости умышленно причинил посягавшему тяжкий вред здоровью или смерть².

Смежными составами по отношению к убийству, совершенному при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ), выступают: убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), «простое» убийство (ст. 105 УК РФ), убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания (ч. 2 ст. 108 УК РФ).

При убийстве, совершенном при превышении пределов необходимой обороны, и убийстве, совершенном в состоянии аффекта, наличествует предшествующее убийству провоцирующее поведение потерпевшего.

В аффективном состоянии лицо под влиянием сильного душевного волнения, вызванного такими эмоциями как обида, ярость, гнев теряет над собой контроль и причиняет вред потерпевшему, преступая тем самым закон. При превышении пределов необходимой обороны виновный действует с одной стороны в общественно полезном направлении (защита себя или других лиц), а с другой – его действия носят общественно опасный характер (превышение пределов необходимого, чрезмерный вред, совершение преступления). Иногда виновный под влиянием противозаконных действий потерпевшего, его нападения, приходит в состояние аффекта и в таком состоянии отражает нападение, причиняя явно несоразмерный вред.

В таком случае предпочтение отдается тому составу, санкция которого меньше, содеянное должно быть квалифицировано по ч. 1 ст. 108 УК РФ, а назначая наказание, суд на основании ч. 2 ст. 61 вправе учесть в качестве смягчающего обстоятельства аффективное состояние виновного в момент совершения преступления.

Следует также заметить, что согласно Постановлению № 19 «судам надлежит иметь в виду, что обороняющееся лицо из-за душевного волнения, вызванного посягательством, не всегда может правильно оценить характер и опасность посягательства и как следствие: избрать соразмерные способ и средства защиты. Если суд установит, что в момент посягательства обороняющийся перенес душевное волнение, то его действия могут быть признаны

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Университет прокуратуры Российской Федерации; под общ. ред. О. С. Капинус; научн. ред. В. В. Меркурьев. М, 2018. С. 580.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Рос. газ. 2012. № 227.

не превышающие установленные пределы обороны, а посягательство будет рассматриваться как неожиданное, вследствие чего исключается преступность деяния данного лица³.

Отграничение ч. 1 ст. 108 УК РФ от ст. 105 УК РФ основывается на правильном отграничении превышения пределов необходимой обороны от того, что ими не является. Осуществляя право на необходимую оборону лицо, превышающее пределы необходимой обороны, должно при этом иметь своей целью защиту своих интересов, интересов других лиц, общества, государства от общественно опасного посягательства. Если лицо действует, исходя из этого мотива, то причинение смерти посягающему в таком случае квалифицируется по ч.1 ст.108 УК РФ. Но, если же необходимая оборона является преждевременной, запоздалой или вообще не было реальной угрозы нападения, и несмотря на все это, обороняющейся осознано и преднамеренно причинил смерть нападавшему лицу, то в таком случае его действия квалифицируются по ч.1 ст.105 УК РФ (при отсутствии отягчающих обстоятельств)

Наличие иных отягчающих обстоятельств ч. 2 ст. 105 УК подразумевает отсутствие состояния необходимой обороны.

Постановление Пленума ВС РФ №19 от 27 сентября 2012 года в п. 10 разъясняет судам о том, что: «При защите от общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия (часть 1 статьи 37 УК РФ), а также в случаях, предусмотренных частью 2 статьи 37 УК РФ, обороняющееся лицо вправе причинить любой по характеру и объему ущерб посягающему лицу». В качестве примера можно рассмотреть приговор Дзун-Хемчикского районного суда Республики Тыва от 10 декабря 2014 года по делу № 1- 50 148/2014, в котором следственные органы дали неправильную квалификацию действиям обвиняемой. С., вечером вернувшись домой, беспричинно стал избивать М. Пытаясь вырваться из его рук, М. выбежала из дома за ней побежал С., повалив ее, стал наносить ей удары по всему телу, угрожая при этом убийством. Тогда М., обороняясь, сняла шнурок со своих брюк, обмотала вокруг шеи С., и стала тянуть, причинив С. механическую асфиксию, повлекшую смерть. Следственные органы возбудили уголовное дело в отношении М. по ч.1 ст.105 УК РФ. Затем суд переквалифицировал действия М. на ч.1 ст.108 УК РФ, как убийство при превышении пределов необходимой обороны⁴. Но я считаю, что в данном случае имеет место так называемая беспредельная оборона, поскольку осуществлялась защита от общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося, с непосредственной угрозой применения такого насилия, ведь угрозы убийством в данном случае были высказаны, и М. имела все основания для того чтобы опасаться за свою

³ Герасимова Е. В. К вопросу об условиях правомерности необходимой обороны // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 2 С. 9.

⁴ Приговор Дзун-Хемчикского районного суда Республики Тыва от 10 декабря 2014 года по делу № 1- 148/2014//Росправосудие

жизнь, соответственно она была вправе причинить любой по характеру и объему вред посягающему лицу. Поэтому я считаю, что в данном случае в действиях М. отсутствует состав преступления, предусмотренного ч.1 ст. 108 УК РФ, так как она действовала в соответствии с ч.1 ст.37 УК РФ, а именно в состоянии необходимой обороны.

При разграничении преступления, предусматривающего ответственность за превышение пределов необходимой обороны, и преступления, предусматривающего ответственность за превышение мер, необходимых для задержания преступника, необходимо исходить из того, что задержание лица, совершившего преступление, не предполагает наличия состояния необходимой обороны.

При этом задержание такого лица осуществляется с целью доставить его в органы власти и тем самым пресечь возможность совершения им новых преступлений.

На практике нередко возникают сложности при квалификации действий оборонявшегося лица при решении вопроса о наличии либо отсутствии превышения пределов необходимой обороны. Это обусловлено наличием оценочных признаков (таких как, «явность», «соответствие защиты характеру и опасности посягательства» и др.). В связи с этим, в науке уголовного права существует точка зрения о необходимости формализации пределов необходимой обороны. Так, например, Р. Д. Шарапов предлагает использовать шкалу пределов допустимого вреда, установив минимально и максимально допустимый вред⁵. И. Э. Звечаровский же думает, что необходимо указать в законе наиболее типичные ситуации, в которых действия обороняющегося, причинившего любой вред посягающему, признавались бы всегда правомерными⁶.

Предложенные варианты решения проблемы способствовали бы устранению ошибок, основанных на субъективной оценке, при квалификации необходимой обороны. Также, важное значение имеет правильное толкование имеющихся положений ст. 37 УК РФ в их взаимосвязи со статьями Особенной части уголовного закона, а также отграничение убийства при превышении пределов необходимой обороны от смежных составов преступлений.

Информация об авторе

Миникеева Елизавета Равильевна – студентка 3 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: elizaveta.minikeeva@yandex.ru

⁵ Шарапов Р. Д. О формализации предела допустимой защиты при необходимой обороне // Уголовное право на рубеже тысячелетий : м-лы регион. науч.-практич. конференции. Тюмень, 2007. С. 57-58.

⁶ Звечаровский И. Э. Ответственность за нарушение условий правомерности необходимой обороны // Законность. 1998. №8. С. 10-11.

УДК 343.268
М 91

В. В. Мусатова,

студентка 2 курса
ИЮИ (ф) УП РФ

Понятие и цели принудительных мер медицинского характера

В статье рассматривается важный в теоретическом и практическом плане вопрос о принудительных мерах медицинского характера, их целях. Обсуждаются различные подходы к определению данного понятия. Сопоставляются цели принудительных мер медицинского характера с целями и задачами уголовного права. Делается вывод о юридически значимых целях.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера, цели принудительных мер, психические расстройства.

В российской правовой науке применение многообразных мер принуждения в отношении психически нездоровых лиц прослеживается на протяжении всей ее многовековой истории. В Церковном уставе Ярослава Мудрого содержались сведения о более гуманном отношении к душевнобольным лицам. Судебник 1497 года не устанавливал наказания для такой категории людей. По мнению К. Н. Петрова, законы Средневековья освобождали психически нездоровых лиц от уголовной ответственности, однако принудительное лечение для них не предусматривалось¹. Свод законов 1832 г. впервые установил принудительное лечение лиц, совершивших убийство в состоянии безумия. В дальнейшем институт принудительных мер медицинского характера получил большее развитие.

Современный Уголовный кодекс РФ (далее УК РФ) содержит отдельную главу, регламентирующую основания, цели применения принудительных мер медицинского характера, их виды и другие важные вопросы. Однако понятие принудительных мер медицинского характера не закреплено законодательно. Это порождает различные взгляды ученых о том, что следует понимать под данным институтом, какие характерные особенности можно выделить.

Так, по мнению В. В. Кузьминского, принудительные меры медицинского характера – это назначаемые помимо воли лица, совершившего преступление, меры государственного принуждения, которые влекут ограничение свободы больного, назначаются, прекращаются и изменяются только судом². Е. В. Шпынова полагает, что принудительные меры медицинского ха-

¹ Петров К. Н. Исторические аспекты формирования института принудительных мер медицинского характера в российском уголовном праве // Закон и право. 2019. №11. С. 108.

² Кузьминский В. В. Цели принудительных мер медицинского характера и их отличие от целей уголовного наказания // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № 20. С. 84.

рактера – это предусмотренные законом меры, основанием которых являются указанные в законе юридические факты³. Мы полагаем, что данное определение является поверхностным, поскольку автор не вкладывает в него никаких признаков, более того не сказано о том, какие именно юридические факты являются основанием для применения данных мер. По мнению А. И. Рарога, принудительные меры медицинского характера – это предусмотренные законом меры, которые применяются к страдающим психическим заболеваниями лицам, совершившим общественно опасное деяние, с целью излечения или улучшения их психического состояния и безопасности общества⁴.

Обобщая позиции ученых можно сказать, что принудительные меры медицинского характера – это предусмотренные уголовным законом меры государственного принуждения, имеющие особые основания применения, используемые в качестве социальной безопасности, излечения или улучшения психического состояния душевнобольных, совершивших преступления.

В представленном определении затрагивались цели применения принудительных мер медицинского характера. Согласно ст. 98 УК РФ, таковыми являются: излечение лиц или улучшение их психического состояния, а также предупреждение совершения ими новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части⁵. Следует отметить, что законодатель не указывает конкретно, для каких категорий лиц достижение указанных целей вполне осуществимо. Между тем, на сегодняшний день «излечение», выздоровление лиц, страдающих хроническим психическим расстройством (такие люди занимают абсолютное большинство среди лиц, направленных на принудительное лечение) весьма затруднено. Однако современная наука дает основания утверждать, что излечение временного психического расстройства реально.

В уголовно-правовой науке является дискуссионным вопрос о согласовании целей принудительных мер медицинского характера с целями и задачами уголовного права.

Некоторые авторы выделяют следующие особенности целей принудительных мер медицинского характера, не присущие уголовно-правовым: они не несут отрицательную оценку со стороны государства к лицу, совершившему преступление; не влекут судимости; зависят от медицинского заболевания⁶.

По мнению А. А. Малыгиной, общим для указанных мер является то, что они направлены на предупреждение совершения новых преступлений.

³ Шпынова Е. В. Принудительные меры медицинского характера: теоретические и правоприменительные проблемы. Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4. С. 66.

⁴ Уголовное право России. Общая часть / под редакцией А. И. Рарога. 3-е изд., с изм. и доп. Москва : Эксмо, 2009. С. 444.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Кузьминский В. В. Цели принудительных мер медицинского характера и их отличие от целей уголовного наказания // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № 20. С. 84.

Автор отмечает, что для некоторых категорий лиц, к которым применяются принудительные меры медицинского характера, возможно улучшение состояния, стойкая ремиссия (для лиц, страдающих наркоманией)⁷.

В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина полагали, что указанные меры совпадают с мерами медицинского характера⁸. Мы считаем, что данный подход узок, поскольку принудительные меры медицинского характера носят и уголовно-правовой характер – направлены на предупреждение совершения лицом, обладающим психическим расстройством, новых преступлений.

Многие авторы отмечают, что важной целью является охрана прав и законных интересов лиц, имеющих психические расстройства⁹. Стоит отметить, что охрана прав и свобод человека и гражданина предусмотрена ст. 2 УК РФ, поэтому нет необходимости ее выделения.

Таким образом, принудительные меры медицинского характера – особые меры государственного принуждения, предусмотренные уголовным законом, имеющие свои собственные основания применения. Принудительные меры медицинского характера преследуют различные цели, которые направлены на обеспечение социальной безопасности, излечение или улучшения психического состояния душевнобольных, совершивших преступления. Вместе с тем, цели принудительных мер медицинского характера являются особенными, поскольку не несут отрицательную оценку со стороны государства к лицу, совершившему преступление; не влекут судимости; зависят от медицинского заболевания. По-нашему мнению, законодательное определение целей указанных мер является верным лишь отчасти, поскольку не содержит данных о том, каких душевнобольных лиц возможно излечить. Анализ существующих научных подходов позволил сделать вывод о том, что целей, указанных в действующем уголовном законе – достаточно.

Информация об авторе

Мусатова Влада Васильевна – студентка 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: vladamusatova01@gmail.com

⁷ Малыгина А. А. Назначение наказания и мер медицинского характера лицу, признанному больным наркоманией : 12.00.08 : дис. канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2016. С. 31.

⁸ Кудрявцев В. Н., Келина С. Г. Уголовный Закон. Опыт теоретического моделирования : монография. Москва, 1987. С. 206.

⁹ Курс уголовного права. Общая часть. В 2 т. Т. 2. Учение о наказании / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Москва, 2002. С. 353.

УДК 349.6
Н 48

А. А. Некрасова,

*студентка 2 курса магистратуры
ЮИ ФГБОУ ВО «ИГУ»*

**Проблемы определения предмета нарушения правил обращения
экологически опасных веществ и отходов**

В статье анализируются недостатки законодательной формулировки предмета преступления, предусмотренного ст. 247 УК РФ (нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов). На основе анализа доктрины и практики правоприменения делается вывод о несовершенстве законодательного определения данного состава преступления. Аргументируется необходимость внесения изменений в формулировку состава, предусмотренного ст. 247 УК РФ.

Ключевые слова: предмет преступления, опасные отходы, бактериологические вещества, химические вещества, нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов.

Одной из наиболее актуальных проблем современности является охрана окружающей среды. Особенно остро стоит вопрос о накоплении отходов производства и потребления на территории России, связанном с их незаконным обращением.

Несмотря на общественную опасность рассматриваемого преступления законодательная конструкция его состава, в частности объективной стороны, сложна и казуистична, что не способствует ее эффективному применению в судебной и следственной практике.

Норма статьи предусматривает достаточно большой перечень деяний, совершение которых будет признаваться преступлением: производство запрещенных видов опасных отходов; транспортировку, хранение, захоронение, использование или иное обращение радиоактивных, бактериологических, химических веществ и отходов с нарушением установленных правил.

Несмотря на кажущуюся определенность и продуманность нормы, при ее применении на практике не может не возникнуть ряд вопросов, как, например: что следует понимать под опасными отходами?

Определение отходам производства и потребления (далее - отходы), содержится в федеральном законе от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» и звучит следующим образом: отходы - это вещества или предметы, которые образованы в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг или в процессе потребления, которые удаляются,

предназначены для удаления или подлежат удалению в соответствии с Федеральным законодательством¹.

Однако, легального определения опасных отходов нет. Законодатель лишь вводит классификацию отходов по степени опасности на 5 классов: 1) чрезвычайно опасные; 2) высокоопасные; 3) умеренно опасные; 4) малоопасные; 5) практически неопасные².

При это степень опасности отхода для окружающей среды определяется в соответствии с одной из формул, приведенных в Приказе Минприроды России от 04.12.2014 № 536 «Об утверждении Критериев отнесения отходов к I – V классам опасности по степени негативного воздействия на окружающую среду», исходя из значений опасности отхода приведенных в самом приказе, по сумме степеней опасности веществ, составляющих отход для окружающей среды.

В доктрине термину «опасные отходы» имеются различные определения.

Профессор Бриллиантов А. В. считает, что опасные отходы – это «отходы, содержащие вредные для здоровья человека и окружающей среды вещества, обладающие токсичностью, пожарной опасностью, высокой радиоактивностью, взрывоопасностью или содержащие возбудителей инфекционных болезней»³.

Есаков Г. А. склоняется к тому, что это «отходы, которые содержат вредные вещества, обладающие опасными свойствами (токсичностью, взрывоопасностью, пожароопасностью, высокой реакционной способностью) или содержащие возбудителей инфекционных болезней либо которые могут представлять непосредственную или потенциальную опасность для окружающей природной среды и здоровья человека самостоятельно или при вступлении в контакт с другими веществами»⁴.

Как можно заметить, определения по своему содержанию схожи и выделяют ряд признаков опасных отходов: 1) содержание вредных для человека и окружающей среды вещества; 3) вещества содержат возбудителей инфекционных болезней или обладают опасными свойствами: токсичность, взрывоопасность, пожароопасность, радиоактивность.

С учетом вышеизложенного и исходя из используемой законодателем терминологии все же стоит прийти к выводу, что к опасным отходам относятся лишь те отходы, которые при определении степени их опасности оказались отнесенными к одной из 5 категорий, в том числе к категории «практически неопасные».

¹ Об отходах производства и потребления: Федеральный закон Российской Федерации от 24.06.1998 № 89-ФЗ // Российская газета - 30.06.1998 - № 121

² Там же.

³ Уголовное право Российской Федерации. Части общая и особенная : учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. С. 752.

⁴ Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. С. 518.

Вместе с тем, в ст. 247 УК РФ предусмотрены и иные неопределенные категории, такие как бактериологические и химические вещества.

Законодательного определения ни том ни другому термину нет, что не может не способствовать осложнению правоприменению данной нормы, особенно с учетом неюридической специфики охраняемых правоотношений.

К бактериологическим веществам в доктрине относят «вещества, содержащие болезнетворные бактерии – возбудители различных болезней растений, животных и человека, обращение с которыми требует особой осторожности»⁵, например, паразитарных, инфекционных возбудителей заболеваний.

Голубев С.И. при определении данного термина использует медицинскую энциклопедию, выводя, что бактериологическое вещество - вещество, содержащее патогенные бактерии, вызывающие болезни человека, животных или растений⁶.

Химические вещества часто определяют как «соединения различных химических элементов, обладающие высокой токсичностью и оказывающие вредное воздействие на здоровье людей и экологические системы»⁷.

Или же, как «устойчивую совокупность частиц (атомов, ионов или молекул), обладающих определенными химическими и физическими свойствами»⁸.

В связи с неопределенностью понятий «опасный отход», «бактериологическое вещество», «химическое вещество» у правоприменителей возникают серьезные трудности.

Так, неоднозначна судебная практика по загрязнению природы хозяйственными стоками. Приговором Новошахтинского районного суда Ростовской области от 28.02.2014, директор Новошахтинского филиала «Донская водная компания» осужден по ч. 2 ст. 247 УК РФ из-за произошедшего прорыва напорного канализационного коллектора на участке земель сельскохозяйственного назначения, повлекшее затопление прилегающих земель и загрязнение почвы по химическим, бактериологическим и паразитологическим показателям⁹. Однако в большинстве своем бытовые отходы на практике не относятся к бактериологическим или химическим.

В Иркутской же области произошел уникальный случай. Лицо, являясь владельцем мини-отеля, без проведения обеззараживания и обезвреживания

5 Уголовная ответственность за нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов. URL: <http://procppb.ru/explain/explain/1258>

6 Голубев, С.И. Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов: характеристика предмета преступления // Вестник Алтайской академии экономики и права – 2020 - №6-2.- С.324

7 Уголовная ответственность за нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов. URL: <http://procppb.ru/explain/explain/1258>

8 Голубев, С.И. Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов: характеристика предмета преступления // Вестник Алтайской академии экономики и права – 2020 - №6-2.- С.324

9 Попов, И. В. Некоторые проблемы квалификации преступлений против природной среды // Уголовное право – 2016 - №1 – С. 52.

отходов в водоохранной зоне давало указания на несанкционированный сброс жидких бытовых отходов, отходов (осадков) из выгребных ям, в результате чего произошло загрязнение почвы неочищенными жидкими бытовыми отходами, повлекшего превышение по химическим показателям потенциально опасных веществ в почве¹⁰.

В прениях сторон прокурор исключил из обвинения вмененный вид отходов – «химические», оставив в обвинение «захоронение и иное обращение отходов», за что лицо и было осуждено. Очевидно, что при исключении термина «химические» деяние лица перестает подпадать под диспозицию ч. 1 ст. 247 УК РФ. Данные действия прокурора оценены Президиумом Иркутского областного суда как отказ от обвинения.

Как видно из выше представленного примера, предмет преступления на настоящий момент нуждается в значительной доработке, поскольку несмотря на общественную опасность преступления, реализация принципа неотвратимости наказания не будет обеспечена до тех пор, пока правоприменитель будет вынужден гадать о значении того или иного термина.

Информация об авторе

Некрасова Анна Андреевна – студентка 2 курса магистратуры, юридического института Иркутского государственного университета (ЮИ ФГБОУ ВО «ИГУ»). 664082, г. Иркутск, м-рн Университетский, ул. Улан-Баторская. д.10. Электронный адрес: aniuta.nekrasova2012@yandex.ru

**УДК 343.2
П 14**

А. Е. Пальчикова,
*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Некоторые проблемы определения двойной формы вины в уголовном праве

В данной статье рассматривается вопрос о двойной форме вины, рассматриваются основные подходы к определению понятия и основные признаки. Автором проводится анализ проблемы понимания правовых категорий, в частности двойной формы вины и предлагаются примерные варианты их разрешения.

Ключевые слова: вина, двойная форма вины, неосторожность, умысел.

Бывают случаи, когда, совершая одно преступление, наступают допол-

¹⁰ Постановление Президиума Иркутского областного суда от 15 января 2018 г. N 44у-3/2018 URL: <http://www.consultant.ru>

нительные последствия, которые не охватываются первоначальным умыслом лица. Тогда следует говорить о том, что деяние совершено не с одной, а с двумя формами вины.

Выполняя объективную сторону преступления, лицо может выйти за нее и совершить деяния, которые приведут к дополнительным последствиям. В таком случае необходимо установить психическое отношение лица к совершенному деянию и наступившим последствиям. При таком раскладе следует учесть, что преступления могут быть квалифицированы как два самостоятельных состава, либо как один сложный состав с двумя формами вины.

Самостоятельные составы объединены в рамках одной статьи ввиду того, что лицо не всегда охватывает умыслом все совершенные деяния, а квалификация по разным статьям УК РФ может привести к излишнему назначению наказания.

На данный момент наличие дополнительных последствий, которые хоть и не усматриваются прямым умыслом лица, но охватываются в рамках неосторожной формы вины, рассматриваются в качестве квалифицирующего признака состава преступления¹.

Отсюда следует вывод, что двойную форму вины можно встретить только в квалифицированных составах. На наш взгляд данный подход является наиболее правильным, так как в первую очередь необходимо рассматривать умышленное деяние как основное, а все последующие последствия как дополнительные к нему. Двойная форма вины является законодательно-признанной категорией, которая нашла свое отражение в УК РФ.

Так, ст. 27 УК РФ гласит, что если в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий². В целом такое преступление признается совершенным умышленно.

Из смысла данной нормы видно, что само преступление должно быть совершено умышленно, а последствия нет. Признать все преступление совершенным с одним умыслом неправильно, так как тогда при признании совершения деяния в целом умышленно, будет нарушен принцип субъективного вменения³. А в случае признания, что подобное деяние, совершено только по неосторожности будет пренебрежение степенью общественной опасности. Как в одном, так и в другом случае это приведет к несоразмерному назначе-

¹ Волобуева Е. С. Преступления с двойной формой вины в российском уголовном праве // Аллея науки. 2018. Т. 1. № 9 (25). С. 704.

² См. ст. 27 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в редакции от 30 декабря 2020 г.). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Волобуева Е. С. Преступления с двойной формой вины в российском уголовном праве. С. 704.

нию наказания, что недопустимо в современном развитом обществе.

Преступления, совершенные с двумя формами вины, не имеют законодательно закрепленного разделения. Но в научных работах правоведов выдвигаются некоторые предложения видового разделения. Так, А.И. Рарог предлагает разделение двойной формы вины на преступления двух типов.

Первый тип характерен для материальных составов и более тяжких дополнительных последствий по сравнению с теми, которые предусматривает основной состав.

Так, например в ч. 4 ст. 111 УК РФ основной состав – это причинение тяжкого вреда здоровью, а в качестве дополнительных последствий выступает деяние, «повлекшее по неосторожности смерть⁴». В данной статье усматривается материальный основной состав и дополнительные более тяжкие последствия, так как основной состав (ч. 1 ст. 111) не предусматривает смерть лица.

Второй тип относится к преступлениям с формальным составом. При этом последствия так же характеризуются тяжестью, но они уже наступают по отношению не к основному объекту преступления, а к дополнительному, что отличает их от преступлений с двойной формой вины первого типа, где объект един.

В судебной деятельности определение двойной формы вины часто вызывает очень много вопросов, особенно это касается тех случаев, когда рассматриваются дела с участием присяжных заседателей. Лица, выступающие в качестве присяжных, не могут в полной мере осознать особенность подобных преступлений и, следовательно, не могут должным образом оценить виновность лица. Это приводит к тому, что с точки зрения юриспруденции виновному лицу может быть вынесено несоизмерное наказание.

В апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации описан пример реализации двойной формы вины⁵. Так, гр. Я. при нападении на гр. Р. первоначальным и основным умыслом имел нападение в целях хищения чужого имущества с применением насилия. Но при выполнении объективной стороны наступили общественно-опасные последствия, которые изначально умыслом не охватывались. На первый взгляд можно ошибочно квалифицировать деяние как убийство, но беря во внимание первоначальный умысел лица и наступившие последствия, данное преступление следует рассматривать как единое деяние с двумя формами вины. В результате Судебная коллегия рассмотрела материалы дела и квалифицировала деяние гр. Я по ч. 4 ст. 111 УК РФ, как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью опасного для жизни, по-

⁴ См. ст. 27 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в редакции от 30 декабря 2020 г.). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Апелляционное определение по делу № № 85-АПУ13-8сп от 17 июля 2013 г. // <https://sudact.ru/vsrf/doc/9rdnH9Xa9brC/> (дата обращения : 25.02.2021).

влекшее по неосторожности смерть потерпевшего⁶. Следовательно, при совокупности различного психического отношения лица к совершаемому деянию необходимо учитывать все юридически значимые моменты и назначать соразмерное наказание.

Как уже было сказано выше, установление преступлений с двойной формой вины имеет важное практическое значение с точки зрения разграничения смежных составов преступлений и должной оценки общественной опасности совершенного деяния⁷.

Но, не смотря на столь необходимое для всего общества и, казалось бы, очевидное практическое значение рассматриваемой нами двойной формы вины, проблема реализации данной категории на практике все еще остается.

Подводя итог, можно сказать о том, что двойная форма вины достаточно многогранное явление в правовой науке. Его не следует отождествлять и рассматривать наравне с умыслом и неосторожностью, выделяя ее как некую новую форму. Это в первую очередь синтез уже имеющихся правовых категорий, и ввиду своей специфики достаточно сложный для понимания и восприятия.

Информация об авторе

Пальчикова Алина Евгеньевна – студентка 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: alinapalchikova@mail.ru

**УДК 343.2
П 21**

Д. М. Пахомов,
*студент 2 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Понятие и виды обстоятельств, отягчающих наказание, и их особенности

В статье рассмотрены доктринальные понятия отягчающих обстоятельств, проанализированы основания классификации обстоятельств, закрепленных в 63 статье Уголовного кодекса Российской Федерации. Автором сформулирована собственная точка зрения по некоторым дискуссионным вопросам, а также выделены особенности и значение отягчающих наказание обстоятельств.

⁶ См. ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в редакции от 30 декабря 2020 г.). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Полякова О. В. Субъективная сторона в преступлениях с двойной формой вины // Право и государства: теория и практика. 2010. № 7 (67). С. 115.

Ключевые слова: обстоятельства, отягчающие наказание, общие начала назначения наказания, состав преступления, преступление, наказание.

Закрепленные в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, занимают особое место в общих началах назначения наказания. Проведенные исследования показывают, что суды в 40,3% случаев мотивировали назначенное ими наказание за убийство только ссылкой на смягчающие и отягчающие обстоятельства без указания на какие-либо другие, вытекающие из ст. 60 УК РФ признаки¹. Это свидетельствует о том, какое значение придают судьи указанным обстоятельствам при назначении наказания.

Согласно ч. 3 ст. 60 УК РФ устанавливается, что при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Вместе с тем, в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» отмечается, что часто приговоры отменяются в связи с нарушением требований ст. 60, 61, 63 УК РФ. Суд не учитывает наличия установленных смягчающих или отягчающих обстоятельств (около 57% приговоров), характера (9%) и степени общественной опасности преступления (12%), данных, характеризующих личность преступника (22%)².

Выделение смягчающих и отягчающих обстоятельств в отдельную группу обусловлено тем, что законом регламентирована их строго определенная направленность влияния в сторону понижения или повышения меры наказания. На протяжении длительного времени в юридической литературе, не было единого мнения по вопросу о роли смягчающих и отягчающих обстоятельств. Одни представители уголовно-правовой доктрины считали, что смягчающие и отягчающие обстоятельства влияют на степень вины, что видится нам более практически обоснованным, другие же рассматривали эти обстоятельства в качестве смягчающих или отягчающих определяемое судом наказание³.

Не смотря на огромную роль при назначении наказания, действующее законодательство не содержит понятия обстоятельств, отягчающих наказание, законодатель ограничивается только подробным их перечнем.

Понятие данного института выделяется на уровне уголовно-правовой доктрины. Так Г. К. Буранов считает, что отягчающие обстоятельства в уго-

¹ Кротов С. Е. Дифференциация уголовной ответственности в зависимости от категоризации преступлений, квалифицирующих признаков и обстоятельств, отягчающих наказание: диссертация. Москва, 2005. С. 27.

² Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.supcourt.ru> (дата обращения: 20.03.2021).

³ Плотникова Э. Д. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание в уголовном законодательстве России // Бюллетень науки и практики. № 1. 2017. С. 271–281.

ловном праве – это юридические факты и состояния, которые требуют назначить виновному более строгое наказание ввиду того, что они отрицательно характеризуют его личность, либо увеличивают степень общественной опасности деяния⁴. Л. В. Горбунова определила отягчающие обстоятельства как, предусмотренные ч. 1 ст. 63 УК РФ обстоятельства дела, которые законодатель наделил свойством влиять на избираемое судом наказание в сторону его усиления⁵.

Не смотря на то, что предложенные этими авторами понятия дают возможность сформировать представление об отягчающих обстоятельствах и сделать элементарное разграничение с другими уголовно-правовыми институтами, они не раскрывают всей сущности исследуемого института.

Наиболее точным по нашему мнению является понятие, предложенное В. И. Зубковой, которая понимает под отягчающими наказание обстоятельствами находящиеся за пределами состава преступления юридические факты или состояния, которые прямо или косвенно относятся к преступлению или личности преступника, повышающие степень общественной опасности совершенного деяния, и обязательные при назначении наказания⁶.

Наличие правового института отягчающих обстоятельств и его законодательное закрепление в УК РФ можно объяснить тем, что в ряде случаев при совершении конкретного преступления присутствуют отдельные признаки, влияющие на степень общественной опасности преступления и характеризующие личность виновного, совершившего преступление как лицо, несущее большую общественную опасность, нежели личность виновного, совершившая общественно-опасное деяние при отсутствии таких обстоятельств. Наличие обстоятельств отягчающих наказание обстоятельств объясняется ещё и тем, что в особенной части уголовного закона имеет место избытие альтернативных санкций.

В юридической литературе классификация обстоятельств, отягчающих наказание, причисленных в ст. 63 УК РФ, разными учеными проводится по различным основаниям.

В зависимости от влияния указанных обстоятельств на объективные и субъективные признаки совершенного лицом преступления высказываются разные точки зрения по вопросу их классификации. Большинство авторов предлагают классифицировать отягчающие наказание обстоятельства на две группы: характеризующие степень общественной опасности преступления (совершение преступления по мотивам расовой ненависти) и характеризующие личность виновного (рецидив, активная роль). Мы считаем данную классификацию наиболее подходящей, позволяющей учитывать как индиви-

⁴ Буранов Г. К. Отягчающие наказания обстоятельства в уголовном праве России: учебник. Ульяновск: Юрайт. 2002. С 143.

⁵ Горбунова Л. В. Обстоятельства, отягчающие наказание. Их значение и соотношение с квалифицирующими признаками // Марийский юридический вестник. 2015. № 1. С 40–47.

⁶ Курс уголовного права. Общая часть. Т. 2: Учение о наказании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и Н.М. Тяжковой М. А. : Изд-во ЗЕРЦАЛО, 1999.

дуально-психологические особенности личности виновного лица, так и обстоятельства при которых было совершено преступление.

Один из исследователей юридической природы отягчающих обстоятельств профессор Л. Л. Кругликов справедливо отмечает, что как смягчающие, так и отягчающие обстоятельства, ведут свое происхождение от данных, характеризующих преступление и личность преступника. А те обстоятельства, которые не проявились в преступлении, характеризуют только личность, но не преступление⁷.

Другая группа авторов классифицирует отягчающие обстоятельства на три группы: относящиеся к объективным и субъективным свойствам совершенного общественно опасного деяния, относящиеся к личности субъекта, относящиеся к причинам и условиям, с которыми связано данное преступное проявление.

А. А. Герцензон и ряд других ученых классифицируют обстоятельства, отягчающие наказание, на две основные группы: относящиеся к объективным свойствам деяния и к субъективным свойствам деяния, т.е. к объекту, объективной стороне, субъекту и субъективной стороне⁸. Стоит сказать, что данная точка зрения в доктрине уголовного права критикуется за её условность и отсутствие практического значения, хотя и несет в себе логический смысл.

Некоторые исследователи, в рамках данной классификации, выделяют и третью группу: обстоятельства выражающие гуманизм (его отсутствие) по отношению к потерпевшему и которые направлены на то, чтобы обеспечить права личности⁹. К примеру, таким обстоятельствам относят: состояние беременности потерпевшей, которое заведомо известно для виновного или привлечение к совершению преступления лиц. Выделение среди классификации отягчающих обстоятельств данной группы считается нами логичным и обоснованным, так как они дополнительно гарантируют защиту граждан данных категорий со стороны государства.

Стоит сказать, что в отличие от обстоятельств, смягчающих наказание, в уголовном законе, а именно в ст. 63 содержится закрытый перечень обстоятельств, повышающих общественную опасность преступного деяния, который не может быть дополнен по решению суда. Однако, закрытый перечень не получил одобрения со стороны некоторых ученых, так как он, по их мнению, не учитывает динамики меняющихся условий общественной жизни¹⁰. Основным аргументом с их стороны является открытый перечень обстоятельств, смягчающих наказание, в ст. 61 УК РФ.

⁷ Кругликов Л. Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве (Вопросы теории): учебник. Воронеж. ВГУ. 1985. С. 18.

⁸ Герцензон А. А. Уголовное право : учебник. Москва, 1958. С. 458

⁹ Плотникова Э. Д. Указ соч. С. 271–281.

¹⁰ Кузнецов А.П. Обстоятельства отягчающие наказание // Юридические науки. С. 2019. №2. С.153–162.

По нашему мнению учет при назначении наказания обстоятельств, в нем не предусмотренных в качестве отягчающих наказание, в отличие от учета смягчающих, представляет собой скрытую форму недопустимой аналогии закона, противоречащей основам уголовно-правового регулирования общественных отношений. В след за тем, это неоправданно широко расширят компетенцию судей при назначении уголовного наказания. Мы полагаем, что в целях поддержания принципа гуманизма уголовного законодательства перечень отягчающих обстоятельств должен оставаться закрытым.

Очевидно, что вопрос изучения института отягчающих обстоятельств в доктрине уголовного права вызывает активную дискуссию. У исследователей нет единого мнения как при определении понятия отягчающих наказание обстоятельств, так и при определении их сущности и их классификации. Можно сказать, что данные признаки играют важную роль при определении вида и размера наказания. Суд, учитывая обстоятельства каждого конкретного преступления, индивидуализирует наказание по каждому уголовному делу. В связи с тем, что большинство норм особенной части УК РФ имеют альтернативные санкции, большое значение необходимо придать и указаниям закона, регламентирующим необходимость более строгого вида наказания, из числа тех, которые предусмотрены за преступление только в тех случаях, когда менее строгое наказание не может обеспечивать достижение целей самого наказания. Для того чтобы назначить наказание, соразмерное совершенному деянию, необходимо отталкиваться от обстоятельств, а также от личности виновного в совершении преступления и степени опасности, которую оно представляет для общества и государства.

Информация об авторе

Пахомов Дмитрий Михайлович – студент 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1. Электронный адрес: Pakmovdm@mail.ru

**УДК 340.6
Р 15**

В. В. Радов,

*магистрант 2 года обучения
СПб ЮИ (ф) УП РФ*

Расчет врача в ятрогенном преступлении

Рассмотрен расчет как критерий разграничения легкомыслия и косвенного умысла в преступлениях против жизни и здоровья. В статье тщательно проанализировано единственное «дошедшее» до Верховного Суда РФ дело о неказании медицинской помощи больному, изучены правовые позиции высшей судебной инстанции и достижения доктрины по теме.

Ключевые слова: ятрогенное преступление, вина, преступное легкомыслие, косвенный умысел, неоказание медицинской помощи больному.

Проблемы вины в преступлениях против жизни и здоровья значительно актуализируются в процессе квалификации ятрогенных преступлений. Напомним, что к последним целесообразно относить только те преступления против жизни и здоровья, которые совершаются медицинским работником вследствие ненадлежащего исполнения или неисполнения своих профессиональных обязанностей¹.

Известные трудности в уголовно-правовой доктрине и практике применения уголовного закона вызывает разграничение легкомыслия и косвенного умысла. Разница между ними, с одной стороны, значительна – от правильной оценки зависит признание преступления умышленным или неосторожным со всеми имманентно связанными с этим уголовно-правовыми последствиями. С другой стороны, в доктрине и из буквы уголовного закона отличия представляются не такими существенными. В частности, профессор С. В. Складовский вообще предлагает считать легкомыслие видом умышленной вины, разумеется, *de lege ferenda*². Более того, профессор В. И. Гладких даже *de lege lata* настаивает, что легкомыслие охватывает косвенный умысел, на основании чего и следует отказаться от последнего³. Ранее подобные идеи неоднократно выдвигались в отечественной доктрине, в том числе В. Я. Лившицем, который был убежден, что легкомыслие и косвенный умысел целесообразно объединить в самостоятельную форму вины – «заведомость»⁴.

В условиях имеющихся конструкций такое разграничение на практике проводить всё ещё трудно, что подтверждается полярными оценками одних и тех же фактических обстоятельств в делах об ятрогенных преступлениях.

В частности, интерес представляет рассмотренное высшей судебной инстанцией дело о разграничении косвенного умысла и легкомыслия в деле о неоказании медицинской помощи больному. Заметим, что это единственный случай оценки Верховным Судом Российской Федерации (далее – ВС РФ) преступления, квалифицированного по ст. 124 УК РФ⁵. Так, Приговором Калужского областного суда от 19 декабря 2018 года по делу Халиловой (акушер-гинеколог ЦРБ, зав. отделением), Васильевой (педиатр ЦРБ), Ругина

¹ В частности, это составы преступлений, предусмотренные ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122, ч. 1 и ч. 2 ст. 124 Уголовного кодекса Российской Федерации.

² Складовский С. В. Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 10.

³ Гладких В. И. Приглашение к дискуссии: все ли нас устраивает в современных формах вины и практике их применения? // Российский следователь. 2016. № 3. С. 29.

⁴ См.: Лившиц В. Я. К вопросу о понятии эвентуального умысла // Советское государство и право. 1947. № 7.

⁵ Справедливости ради заметим, что хотя Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ выносила в порядке надзора Определение от 28.03.2006 по делу № 41-Д06-8, где обжаловались судебные акты по преступлению, предусмотренному ч. 2 ст. 124 УК РФ, упоминание аспектов вины или разъяснение иных признаков состава преступления в нем отсутствует.

(заместитель главного врача областной больницы), первая была осуждена, остальные – оправданы. Фабула дела проста: в результате бездействия Халиловой рожденный живым недоношенный ребенок вскоре (от 1 до 20 минут) умер от гипоксии. Доказано, что в случае оказания Халиловой экстренной реанимационной медицинской помощи новорожденному, имелась возможность сохранения ему жизни. Мотив убийства, с позиции стороны обвинения, состоял в желании избежать ухудшения статистических показателей, так как «за плохую статистику докторов ругают» – речь идет о статистике неонатальной смертности⁶. Примечательно, что судом установлена прямая причинно-следственная связь между бездействием врача и смертью ребёнка⁷. Об марта 2019 года Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ согласилась с выводами суда первой инстанции⁸. Представляется, что желание избежать ухудшения статистики неонатальной смертности со всей очевидностью подтверждает предвидение наступления общественно опасных последствий в конкретном случае и их допущение. Врач должна была незамедлительно провести реанимационные мероприятия, дать оценку по Апгар, произвести интубацию, применить аппарат ИВЛ, вести непрерывный мониторинг оксигенации с первой минуты жизни⁹.

Камнем преткновения при оценке содеянного стал вопрос вины. Государственный обвинитель усматривал признаки косвенного умысла и настаивал на квалификации содеянного как убийства (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Суд же установил наличие легкомыслия и оценил содеянное как неоказание помощи больному, повлекшее по неосторожности его смерть (ч. 2 ст. 124 УК РФ). Переквалификацию суд обосновал наличием у виновной **самонадеянного расчёта на то, что, помимо нее, эту помощь должны и будут оказывать другие лица**. Суд подчеркивает: «Халилова не оказала помощь ребенку, так как легкомысленно рассчитывала на то, что это сделают другие медики».

Характер расчета является главным критерием разграничения легкомыслия и косвенного умысла, ибо иные признаки интеллектуального и воле-

⁶ Приговор Калужского областного суда от 19 дек. 2018 г. по делу № УК-2-11/2018 // Официальный сайт Калужского областного суда (дата обращения: 10.07.2020)

⁷ Отдельные сомнения вызывает возможность наличия собственно причинной связи при бездействии врача, поэтому полагаем, что и в обсуждаемом казусе имела место обуславливающая связь между неоказанием помощи больному и наступлением смерти больной. См. подробнее: Радов В. В. Конфигурация причинной связи при бездействии обязанного лица // Вестник КемГУ. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 4. С. 278-286.

⁸ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 06 марта 2019 г. по делу 85-АПУ 19-1 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации (дата обращения: 10.07.2020)

⁹ О направлении методического письма Минздравсоцразвития РФ «Первичная и реанимационная помощь новорожденным детям»: Письмо Минздравсоцразвития РФ от 21.04.2010 № 15-4/10/2-3204 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

вого моментов, в сущности, могут совпадать¹⁰. При легкомыслии имеет место расчет на конкретные обстоятельства, сопровождаемое предвидением способности этих обстоятельств предотвратить наступление последствий (как обоснованно писал профессор П. С. Дагель¹¹). Такое понимание отражается и в решениях ВС РФ по конкретным делам: «При преступной самонадеянности в отличие от косвенного умысла, при котором лицо также не стремится к наступлению последствий (допускает их или относится к ним безразлично) лицо полагается на конкретные и реально существующие фактические обстоятельства, в силу которых оно имеет основания считать, что преступные последствия не наступят»¹².

В связи с чем такой «необоснованный самонадеянный расчет на то, что младенцу помогут иные медики» трудно признать расчетом вообще. Ибо рассчитывать медик должен на реальные обстоятельства, тогда как Халилова достоверно знала, что медицинские сестры не проводят такую реанимацию, подчиняются ей как профильному врачу (на основании должностной инструкции), а врач-педиатр (оправданная Васильева) не обладала компетенцией к производству реанимационных действий новорожденным, ведь их проведение относится к компетенции иного специалиста – врача-неонатолога. Говорить о неосмотрительном поведении Халиловой при таких обстоятельствах не представляется возможным.

Важно, что расчет Халиловой на действия иных медиков отнюдь не создавал и не мог создавать уверенности в предотвращении смерти младенца, так как Халилова даже не сообщила медицинским работникам о необходимости проведения реанимационных мероприятий и о живорождении младенца(!). В. Г. Макашвили замечал, что к косвенному умыслу относятся и случаи, когда виновный надеется на определенные обстоятельства, содержащиеся, по его мнению, некоторые шансы на предотвращение последствий, если эта надежда не достигает степени уверенности¹³.

Халилова не предпринимала никаких мер. Данное пассивное волевое отношение свидетельствует об отсутствии расчета у врача на предотвращение последствий, в том числе ввиду их допущения. Такое основание разграничения обосновано в теории, в частности профессором А. Н. Поповым¹⁴, и

¹⁰ См.: Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений : монография. М., 2001. С. 46; Нерсесян В. А. Ответственность за неосторожные преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 16.

¹¹ Дагель П. С. Проблемы вины в советском уголовном праве // Ученые записки ДВГУ. Вып. 21. Ч. 1. Владивосток, 1966. С. 113.

¹² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17.08.2017 по делу № 9-АПУ17-13 // Верховный Суд РФ : официальный сайт. URL : <https://vsrf.ru> (Дата обращения: 12.02.2021)

¹³ Макашвили В. Г. Волевой и интеллектуальный элемент умысла // Советское государство и право. 1966. № 7. С. 110.

¹⁴ См.: Попов А. Н. К вопросу об эвентуальном умысле // КриминалистЪ. 2012. № 1. С. 5-12.

подтверждается практикой высшей судебной инстанции¹⁵.

Резюме. Характер расчета является определяющим в разграничении умышленного и неосторожного, в связи с чем его установление имеет важное квалификационное значение. Тогда как правильная оценка расчета должна быть основана на достижениях уголовно-правовой доктрины и правовых позициях высшей судебной инстанции. Самонадеянный расчет медицинского работника может опираться только на те реальные обстоятельства, которые своей способностью предотвратить наступление неблагоприятного результата вызывают у него уверенность, однако оказывающуюся самонадеянной ввиду его неосмотрительности.

Информация об авторе

Радов Владислав Владимирович – магистрант 2 года обучения, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (СПб ЮИ (ф) УП РФ), vv-radov@mail.ru

¹⁵ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.03.2019 по делу № 78-АПУ 19-4 // Верховный Суд РФ : официальный сайт. URL : <https://vsrf.ru> (Дата обращения: 12.02.2021)

УДК 343.01
Р 69

Е. Р. Романова,

*магистрант 1 года обучения
ИЮИ (ф) УП РФ*

К вопросу о транзакционной природе судебного штрафа

Появление судебного штрафа в уголовном законодательстве Российской Федерации вызвало многочисленные споры по поводу определения его правовой природы. В настоящей статье судебный штраф рассматривается как разновидность транзакционной процедуры: проводится изучение аналогичных мер, распространенных в зарубежных странах в детальном сравнении с российским аналогом.

Ключевые слова: судебный штраф, транзакция, иные меры уголовно-правового характера, основания отмены уголовного преследования.

Внедрение в российскую правовую систему института судебного штрафа породило активные дискуссии в научном сообществе. Одним из наиболее обсуждаемых вопросов стало определение его правовой природы и места в отечественном уголовном законодательстве.

Так, многие авторы, сходясь во мнении об идентификации судебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера, абсолютно по-разному определяют его сущность. Среди популярных подходов – рассмотрение данного института через призму компромиссного метода решения возникшего конфликта между его заинтересованными участниками¹, утверждение о детальном сходстве решения о назначении судебного штрафа и решения о признании лица виновным в совершении преступления², а также с освобождением от уголовной ответственности несовершеннолетних (ввиду его условности и дискреционности)³.

Интересным для рассмотрения представляется подход, обосновывающий транзакционную природу судебного штрафа. Сторонниками данного подхода являются Смирнова И.Г., Шестакова С.Ф., Реховский А.Ф. и другие.

Непосредственно под транзакцией (от лат. *transactio* – соглашение, договор) принято понимать политическое либо юридическое соглашение, со-

¹ Маркелов А. Г. О компромиссе при прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Уголовно-правовая превенция в сфере оборота наркотических средств или психотропных веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции (региональный аспект). 2015. С. 505-509.

² Мазюк Р.В. Судебный штраф как альтернатива приговору в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2. С. 23-35.

³ Плаксина Т.А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Алтайский юридический вестник. 2016. № 4. С. 78-82.

провожаемое взаимными уступками⁴.

Институт трансакции широко распространен в зарубежном уголовном праве: в частности, среди стран, активно её применяющих – Франция, Бельгия, Германия, Нидерланды и так далее.

Сущность указанной процедуры заключается в отказе государства от уголовного преследования лица, совершившего преступное деяние, в случае, когда это лицо добровольно оплатило в государственную казну определенную денежную сумму либо выполнило одно (или более) финансовое условие, поставленное прокурором⁵.

В ходе изучения научно-исследовательской литературы, а также сравнительно-правового анализа уголовного законодательства стран континентальной Европы, удалось выявить отличительные признаки, характерные для трансакции.

1. Исключение потерпевшего и суда из круга участников правоотношений. К субъектам, обладающим правом на волеизъявление и определение условий освобождения от уголовного преследования относятся только уполномоченное должностное лицо (в качестве представителя государства) и лицо, подлежащее уголовному преследованию.

2. Обязательность уплаты в государственный бюджет определенной денежной суммы в качестве главного условия освобождения от уголовного преследования⁶.

Кроме того, считаем возможным отнести к отличительным характеристикам трансакции направленность на взаимодействие лица, совершившего преступление, с государством, а не с потерпевшим, в чем заключается её принципиальное отличие от процедуры медиации.

Как уже было отмечено ранее, в 2016 году российское уголовное законодательство пополнилось новым элементом системы альтернатив уголовному преследованию – судебным штрафом (ст. 76², гл. 15² УК РФ, ст. 25¹, гл. 51¹ УПК РФ).

Согласно ст. 104⁴ УК РФ под ним понимается денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных ст. 76² УК РФ.

Анализ вышеприведенного определения позволяет предположить, что судебный штраф, в той форме, в которой он нашел закрепление в российском законодательстве, действительно схож с процедурой трансакции (напомним, что главным условием освобождения от уголовного преследования при её применении является обязанность лица, совершившего преступление, уплатить государству определенную денежную сумму).

Усматривается в судебном штрафе и второй отличительный признак

⁴ Словарь иностранных слов: [более 4500 слов и выражений] / Н. Г. Комлев. Москва: Эксмо, 2006. С. 469

⁵ Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб. 2002. С. 123.

⁶ Там же. С. 134-135.

транзакции – незначительная роль потерпевшего при решении вопроса о его применении.

Так, анализ ст. 25¹ УПК РФ и практики её применения, свидетельствует о том, что при возмещении виновным ущерба или заглаживании вреда не требуется согласие потерпевшего на прекращение уголовного дела.

Кроме того, не является обязательным и его участие в судебном разбирательстве. Данное утверждение основано на анализе п. 25.4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее по тексту – ПП ВС РФ) от 29.11.2016 г. № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности», разъясняющего, что в силу положений ч. 4 ст. 446² УПК РФ судья обязан обеспечить своевременное извещение о месте, дате и времени судебного заседания подозреваемого или обвиняемого, защитника, потерпевшего (его законного представителя), прокурора. Неявка в судебное заседание надлежащим образом извещенных лиц не препятствует рассмотрению ходатайства⁷.

Кроме того, данный вывод закреплен в п. 7 Обзора судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, утвержденного Президиумом ВС РФ от 10.07.2019 г.

Можно предположить, что это обосновано направленностью института транзакции прежде всего на защиту интересов государства и общества.

Возвращаясь к вопросу рассмотрения судебного штрафа как разновидности транзакции, интересным представляется вопрос его соотношения с фактом возмещения или заглаживания вреда перед потерпевшим.

Так, например, Уголовным кодексом Шотландии предусмотрено, что в случае наличия возможности компенсировать потерпевшему причиненный ущерб, транзакция не применяется (без учета мнения потерпевшего)⁸.

Иной подход закреплен в законодательстве Бельгии: транзакция применяется после возмещения потерпевшему причиненного ущерба⁹.

Наиболее предпочтительной представляется точка зрения Смирновой И. Г., полагающей, что факт уплаты штрафа и возмещение вреда потерпевшему нецелесообразно рассматривать как сочетание обязательных условий для прекращения уголовного преследования или отказа от него, так как подобный подход нивелирует институт примирения с потерпевшим¹⁰.

На наш взгляд, наиболее оправдано применение транзакции по катего-

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Реховский А.Ф. Транзакция в российском уголовном процессе // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. №4. С. 94-99.

⁹ Реховский А.Ф. Указ. соч.

¹⁰ Смирнова И.Г. Транзакция – действенное средство устранения вредных последствий совершенных преступлений: быть ли ей в российском уголовном процессе? // Российский судья. 2011. №10. С. 14-16.

риям дел, в которых отсутствует потерпевший. При этом, в качестве дополнительных условий будут выступать уже закрепленные законодательством положения: совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести. А также дискуссионное положение, часто рассматриваемое в науке, о возможности назначения штрафа как самостоятельного вида наказания за совершенное преступление (закрепление штрафа в санкции статьи).

Таким образом, придя к выводу о трансакционной природе судебного штрафа, считаем необходимым ограничить область его применения категорией преступлений, в которых отсутствует потерпевший.

Представляется, что предложенные изменения будут способствовать эффективному применению данного института без ущемления интересов потерпевших, а также исключит конкуренцию норм, предусмотренных ст. 76 и 76² УК РФ.

Информация об авторе

Романова Екатерина Руслановна – студентка 1 курса магистратуры, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1. Электронный адрес: Ekaterina_rom98@mail.ru

УДК 343.3/7

С 17

Д. С. Самойличенко,

студентка 3 курса ВГУЭС

Становление и классификация речевых преступлений в уголовном законодательстве России

В статье анализируются нормы Уголовного кодекса Российской Федерации с целью выделения и классификации речевых преступлений.

Ключевые слова: речевые преступления, речевые правонарушения, речевая агрессия.

Актуальность исследования связана с различным пониманием оскорбления в быденном и правовом сознании, что осложняет классификацию речевых правонарушений. Проблема речевого оскорбления до сих пор не получила конкретного толкования. Ситуация не исчерпывается использованием вербальных средств как источника самого факта оскорбления; таким источником будет осознание адресатом оскорбленности¹.

Задачи работы: проанализировать исторический аспект возникновения состава речевых правонарушений; исследовать теоретические источники по данной теме; вывести классификацию речевых преступлений.

Исторически речевые правонарушения можно отнести к «привилегиро-

¹ Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. Квалификация оскорбления в контексте правовой культуры // Правовая культура. 2017. № 4 (31). С. 43-50.

ванным»², поскольку изначально потерпевшими могли быть субъекты, имеющие определённый статус. Так, информацию о речевых правонарушениях можно обнаружить уже в тексте Русской правды, однако оскорбить словом можно было только князя. В Судебнике 1497 г. появляется термин «ябедничество», который А. В. Снигирев интерпретирует как ложное обвинение с целью получения выгоды, например, вознаграждения³. Следует отметить, что наказание за указанное выше преступление наступало вне зависимости от статуса субъекта.

В связи с усложнением общественных отношений и, как следствие, развитием права происходит диверсификация речевых преступлений. Так, в Судебнике 1550 г., Соборном уложении 1649 г., Артикуле воинском 1715 г. появляются новые виды речевых правонарушений, такие как «крамола», «бесчестье», «хула», наказание за совершение которых ужесточается.

Помимо этого, в Артикуле воинском 1715 г. унифицируется терминология, используемая в последующем законодательстве, например, в нормах КоАП РФ (ст. 5.61), а также ГК РФ (ст. 152). Вместо применявшихся в нормативных правовых актах допетровских времён как равнозначных терминов «лай», «непригожие слова», «грубые речи» используется только один – «брань». К особенностям Артикула воинского 1715 г. следует также отнести 1) закрепление двух форм совершения речевых преступлений – устную и письменную и 2) активное использование понятия «честь», диверсифицируемого на личную, семейную и военную⁴.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. составы речевых преступлений не имеют чёткой классификации и в основном закрепляют уголовную ответственность за оскорбление Императора и Императорской семьи. Напротив, в Уголовном уложении 1903 г. прослеживается явная систематизация речевых преступлений в зависимости от родового объекта посягательства. Увеличивается количество вербальных преступлений против правосудия, впервые закрепляются положения о нарушении общественного спокойствия, особое внимание уделяется оскорблению чести и достоинства лица, а также запрету разглашения личной, государственной и производственной тайны.

Сравнительно-правовой анализ Уголовного уложения 1903 г. и Уголовных кодексов РСФСР 1926 г. и 1960 г., а также Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) позволяет сделать вывод о том, что Уголовное уложение повлияло не только на советское, но и на постсоветское уголовное законодательство. Это проявляется в структуре нормативных правовых актов, а во-вторых, в способе систематизации уголовно-правовых за-

² Рылова Е.В. Категории вербальных преступлений в УК РФ // Юристингвистика. 2014. С. 11.

³ Снигирев А. В. Отражение правонарушений, вызванных речевыми конфликтами, в юридических документах периода создания единого московского государства // Юристингвистика. 2017. № 6. С. 58-67.

⁴ Снигирев А. В. Фиксация преступлений, вызванных речевыми конфликтами, в «Артикуле воинском» Петра I // Юристингвистика. 2018. № 7-8. С. 64-74.

претов, в том числе речевых, т.е., в зависимости от родового объекта посягательства. Законодатель продолжает увеличивать количество составов преступлений, объективная сторона которых включает вербальную агрессию. Говоря об уголовном законодательстве советского периода, можно отметить, что в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. процентное соотношение речевых преступлений ко всем остальным уголовно-правовым запретам составляло 13%, что, примерно, на 1% меньше, чем в действующем УК РФ⁵.

Как видно из вышеизложенного, криминализация речевых правонарушений появилась с началом институализации права и по мере усложнения организации общества, развития правоотношений, система речевых правонарушений детализируется, а также происходит упорядочивание терминологии.

Критерием систематизации уголовно-правовых запретов в Особенной части УК РФ, как указывалось выше, являются подлежащие защите общественные отношения (родовой объект), причём в каждом разделе Особенной части УК РФ есть речевые преступления. Причиной того, что эти преступления законодателем не объединены в самостоятельный структурный компонент уголовного закона является то, что «фактор вербальности может в разных составах быть признаком либо объективной, либо субъективной стороны» преступления⁶.

Нами была предпринята попытка классифицировать речевые правонарушения, содержащиеся в УК РФ. С этой целью мы попытались сформулировать понятие речевого преступления, под которым мы понимаем виновно совершённое посредством речевой деятельности общественно опасное деяние, запрещённое УК РФ под угрозой наказания.

Речевая деятельность может считаться противоправной только тогда, когда она содержит в себе признаки агрессивного поведения. Некоторые авторы пишут, что речевая агрессия заменяет физическую, тем самым, выполняет компенсирующие функции. В своей работе Ю. В. Щербинина отмечает, что акт речевой агрессии стоит рассматривать как «интериоризацию поступка», то есть как формирование внутренних процессов, связанных с речемыслительной деятельностью⁷.

В юридической литературе классификации, в основном, опираются на разграничение речевых преступлений в зависимости от феномена речевой агрессии. Так, Е. В. Рылова предлагает разделить вербальные преступления на 4 категории: речевое насилие (агрессия), противоправное информирование, ложное информирование и информация с низменными мотивами, сопровождающая деяние⁸. Критерием систематизации по мнению Ю. В. Щербининой может быть способ проявления человеческой активности: угроза, ос-

⁵ Рылова Е.В. Категории вербальных преступлений в УК РФ // Юристлингвистика. 2014. С. 13.

⁶ Биндюков И.В. Квалификация составов языковых правонарушений // Юрислингвистика: юридические аспекты языка: Межвуз. сб. научн. тр. / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Алт. ун-та, 2004. С. 197-201.

⁷ Щербинина. Ю. В. Вербальная агрессия. Москва: КомКнига, 2006. С. 355.

⁸ Рылова Е.В. Категории вербальных преступлений в УК РФ // Юристлингвистика. 2014. С. 10-25.

корбление, насмешка, порицание, грубое требование, грубый отказ.

На наш взгляд, речевые преступления можно классифицировать в зависимости от того, является речь объектом правонарушения, способом совершения преступления или предметом:

1) как объект, т.е. как общественные отношения, которым непосредственно причинен вред, может являться только информация (объекты патогенных прав, произведение, товарные знаки и знаки обслуживания и т.д.). Сюда можно отнести следующие составы: ст. 155, 310, 311, 320 УК РФ;

2) как способ совершения правонарушения, т.е. как некое преступное действие, осуществляемое субъектом для достижения цели. Ко второй категории относятся ст. ст. 110 – 110.2, 119, 120, 128.1, 133 и др. УК РФ. В данном случае речь может быть элементом или составной частью способа совершения преступления. Например, вымогательство – это не только словесная манипуляция, но и действия, сопровождающие словесную угрозу (демонстрация фотографий, жесты, произнесение угрозы в определенных обстоятельствах: поздно ночью, в укромном месте и т.д.);

3) как предмет, т.е. как элемент материального мира или интеллектуальная ценность, на которую осуществляется воздействие в процессе совершения преступления: виновный не воздействует непосредственно на материальный носитель, а просто озвучивает сведения, находящиеся на нём. Например, разглашение государственной (ст. 283 УК РФ) или коммерческой (ч.2 ст. 183 УК РФ) тайны.

Объективная сторона речевых преступлений предполагает использование вербальной репрезентации как способа совершения преступления. Таким образом, вербальная репрезентация становится обязательным элементом состава речевых преступлений. В иных преступлениях вербальная репрезентация будет сопровождающей по отношению к основному деянию.

Итак, под речевыми преступлениями, по нашему мнению, понимается процесс представляющее общественную опасность использование человеком речевых оборотов, предполагающий нарушение этических и коммуникативных норм с целью причинения вреда, унижение чести и достоинства лица, понуждения его к определённым действиям против воли.

Информация об авторе

Самойличенко Дарья Сергеевна – студентка 3 курса, Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 690000, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Электронный адрес: dasha.samoylichenko@mail.ru

УДК 343.24

С 31

М. В. Сенчура,

*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Об особенностях назначения уголовного наказания несовершеннолетним

В статье рассматриваются особенности назначения уголовного наказания несовершеннолетним, специальные обстоятельства, учитываемые при назначении наказания, виды наказаний, применяемых к несовершеннолетним.

Ключевые слова: несовершеннолетние, наказание, уголовная ответственность.

Для современной России характерно стабильное состояние преступности несовершеннолетних: по данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации ежегодно доля несовершеннолетних в числе преступников составляет около 4-5 процентов¹.

Как и другие преступники, несовершеннолетние подвергаются уголовному наказанию, однако в силу своего возраста и уровня психического развития назначение наказания данным лицам имеет некоторые особенности. Поэтому, как отмечает Пленум Верховного суда Российской Федерации, уголовные дела по преступлениям, совершенным несовершеннолетними, должны рассматриваться наиболее опытными, ответственными и квалифицированными судьями².

Согласно ч. 1 ст. 89 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) при назначении наказания несовершеннолетнему учитываются условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности личности, а также влияние на него старших по возрасту лиц³. Эти обстоятельства выясняются во время проведения предварительного расследования и судебного разбирательства⁴.

Для назначения наказания несовершеннолетнему несомненно важно учитывать условия его жизни, социальную среду, в которой ребенок рос и воспитывался. На совершение преступлений несовершеннолетних зачастую толкает низкий уровень жизни, а существенное влияние на их психику оказывает негативное отношение родителей друг к другу и к самим детям, антиобщественный образ жизни родителей, иных близких родственников и лиц, с которыми общается несовершеннолетний. Именно поэтому необходимо изу-

¹ Социальный протрет преступности России // Портал правовой статистики.URL: http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 20.02.2021).

² О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 01 февраля 2011 года № 1. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63–ФЗ : в редакции от 30 декабря 2020 года. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 № 174–ФЗ : в редакции от 08 декабря 2020 года. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

чение референтных групп несовершеннолетнего: семьи, друзей, соседей, которые имеют непосредственный контакт с лицом на протяжении длительного времени, могут помочь установить положительное отношение ребенка к учебе или работе и окружающим его людям. Кроме того, как справедливо отмечает Е. В. Рогова, необходимо учитывать и материально-бытовые условия семьи несовершеннолетнего, а также тот факт, что наказание не должно ухудшать их⁵. Для выяснения этих обстоятельств сотрудникам правоохранительных органов следует брать характеристики несовершеннолетнего по месту жительства и учебы, выяснять необходимую информацию у органов опеки и попечительства, участковых уполномоченных, запрашивать информацию касательно приводов несовершеннолетнего в полицию.

Вторым специальным обстоятельством, учитываемым при назначении наказания несовершеннолетнему, является уровень его психического развития. Несовершеннолетний может отставать в психическом развитии от своих сверстников, что непременно зависит от условий его жизни и воспитания, сказывается на его поведении. В силу этого ребенок может быть излишне подвергнут негативному влиянию взрослых, не способен контролировать свои эмоции и чувства, управлять поведением, осознавать фактический характер собственных действий и предвидеть их последствия. Для выяснения уровня психического развития несовершеннолетнего назначается комплексная психолого-психиатрическая экспертиза.

К иным особенностям личности, учитываемым судом, можно отнести характер несовершеннолетнего, его темперамент, уровень интеллекта и другое.

Кроме того, необходимо установление влияния на несовершеннолетних старших по возрасту лиц. Как уже отмечалось, антиобщественный образ жизни родителей, их алкогольная или наркотическая зависимость, поощрение подобного аморального поведения, совершения противоправных деяний оказывает существенное влияние на детей. Несовершеннолетних проще увлечь, запугать, принудить к совершению каких-либо действий, чем взрослых, поэтому совершеннолетние лица могут непосредственно вовлекать несовершеннолетних в совершение преступлений, за что УК РФ предусмотрена уголовная ответственность (ст. 150).

В качестве особенностей уголовной ответственности несовершеннолетних можно отметить существенное сужение круга наказаний, применяемых к несовершеннолетним. Согласно ст. 88 УК РФ к таким наказаниям относятся штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы и лишение свободы на неопределенный срок. Таким образом, из предусмотренных уголовным законом тринадцати видов наказаний, применяемых в отношении взрослых, несовершеннолетним могут назначаться только шесть, что

⁵ Рогова Е. В. Уголовная ответственность несовершеннолетних : учебное пособие. Иркутск, 2017. С. 50.

является проявлением принципа гуманизма, характерного для уголовного права. На наш взгляд, сокращение перечня применяемых к подросткам наказаний можно объяснить тем, что несовершеннолетние в силу их более гибкой психики легче подвергаются исправлению, чего можно достичь и с помощью данных мер, не прибегая к более жестким.

К. Е. Сунчугашева справедливо отмечает, что несовершеннолетним наказание назначается, только если исправление не может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия⁶. Об этом говорит и Пленум Верховного суда Российской Федерации, отмечая, что «в случае, когда суд придет к выводу о возможности его исправления путем применения мер воспитательного воздействия, уголовное дело по указанному основанию подлежит прекращению как на стадии подготовки к судебному заседанию по результатам предварительного слушания, так и по итогам судебного разбирательства с вынесением решения о применении к несовершеннолетнему таких мер»⁷. К несовершеннолетним могут применяться следующие принудительные меры воспитательного воздействия:

- а) предупреждение,
- б) передача под надзор родителей или лиц их заменяющих, либо специализированного государственного органа,
- в) возложение обязанности загладить причиненный вред,
- г) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего (ст. 90 УК РФ).

Исходя из этого, принудительные меры воспитательного воздействия являются некой альтернативой наказанию и направлены на исправление и перевоспитание несовершеннолетнего преступника без применения уголовного осуждения, предупреждение дальнейших правонарушений со стороны данного лица. Но следует отметить, что перечисленные меры могут назначаться только при совершении несовершеннолетним преступлений небольшой и средней тяжести. Однако в науке высказываются мнения относительно внесения изменений в данное положение, некоторые ученые говорят о возможности освобождения от наказания лиц, совершивших тяжкие преступления, и применения к ним принудительных мер воспитательного воздействия⁸. И также следует отметить, что при повторном совершении несовершеннолетним преступления применения принудительных мер воспитательного воздействия уже недостаточно, так как при этом значительно повышается общественная опасность деяния⁹.

Кроме того, сроки и размеры назначаемых несовершеннолетним на-

⁶Сунчугашева К. Е. Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних // ScienceTime. 2014. № 11. С. 364.

⁷О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних ...

⁸Бузанов К. А. Особенности назначения наказаний несовершеннолетним : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.08. Москва. 2000. С. 101.

⁹Рогова Е. В. Меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним : учебное пособие. Москва, 2018. С. 24–25.

казаний также сокращены. Например, исправительные работы назначаются на срок только до одного года, а максимальный размер штрафа составляет пятьдесят тысяч рублей.

Таким образом, российская уголовная политика в отношении несовершеннолетних характеризуется преобладанием принципа гуманизма, главными целями наказания является исправление правонарушителя, общая и частная превенция, а назначение наказания несовершеннолетним имеет ряд существенных особенностей, обусловленных спецификой личности подростков, связанной с их возрастом.

Информация об авторе

Сенчура Маргарита Викторовна – студентка 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: senchura_rita@mail.ru

УДК 343.3/.7

С 41

В. Н. Ситник,

студент 3 курса СГЮА

Перспективы введения уголовной ответственности за использование технологии Deepfake (дипфейк) в Российской Федерации

В статье конструируется возможная модель уголовной ответственности за преступления, совершаемые с использованием дипфейка, в уголовном законодательстве России.

Ключевые слова: Deepfake (дипфейк), информационные технологии, преступление, средство совершения преступления, способ совершения преступления, уголовная ответственность.

В последнее время все большую огласку получают преступления, совершаемые с использованием информационных технологий, которые обладают повышенной общественной опасностью по сравнению с аналогичными преступлениями, совершаемыми без применения указанных средств¹.

Необходимость выработки адекватных мер уголовно-правового противодействия киберпреступлениям актуализируется тем, что, согласно отчетам We Are Social и Hootsuite о глобальном состоянии цифровых технологий на 2019 год, сегодня в мире аудитория Интернета насчитывает 4,39 млрд человек, что составляет 57 % от общей численности населения Земли; в социальных сетях зарегистрировано 3,48 млрд пользователей; при этом 3,26 млрд че-

¹ Буз С.И. Киберпреступления: понятие, сущность и общая характеристика // Юристъ-Правоведь. 2019. № 4 (91). С. 78.

ловек заходят в социальные сети с мобильных устройств².

Формы совершения киберпреступлений весьма разнообразны, и их спектр постоянно растёт. Одной из относительно новых, но получающих всё большее распространение в криминальной среде является технология дипфейка, представляющая собой методику синтеза аудио и/или видео, основанную на искусственном интеллекте.

Широкую огласку технология дипфейка приобрела в последние пару лет благодаря крупным скандалам с участием ведущих американских политиков. Так, в 2018 г. медиапространство буквально «разорвало» видео, где Барак Обама якобы нецензурно выразился в отношении Дональда Трампа. Этот и аналогичные ему скандалы породили в профессиональном юридическом сообществе дискуссии относительно уголовно-правовой оценки использования дипфейков.

Первыми на опасные проявления развивающихся технологий дипфейка среагировали законодатели США и КНР. Так, в штате Калифорния приняли два закона: АВ № 602, который запретил использование технологий синтеза изображений человека для изготовления порнографического контента без согласия изображаемых, и АВ № 730 о запрете подделки изображений кандидатов на государственные должности в течение 60 дней перед выборами. В КНР в целях решения проблемы распространения дипфейков предписано, что все созданные при помощи данной технологии видеоматериалы должны иметь соответствующую пометку. Иначе ответственность будет возложена как на того, кто опубликовал дипфейк, так и на Интернет-платформу, не уследившую за исполнением законодательства Республики³.

Применительно к отечественному уголовному праву представляется возможным предложить две модели уголовной ответственности за преступления, совершаемые с использованием дипфейков. Первая модель заключается в признании создания и распространения дипфейка без согласия изображаемого лица, создавшего угрозу причинения вреда его жизни или здоровью, порочащего его честь и достоинство или подрывающего его репутацию, либо создавшего угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности, самостоятельным преступлением и в дополнении Особенной части уголовного закона соответствующей статьей. Вторая модель сводится к тому, чтобы предусмотреть использование дипфейка в качестве квалифицирующего признака в ряде составов преступлений, то есть рассматривать его в качестве способа совершения преступлений конкретных видов.

Сравнивая две представленные модели, полагаем, что первая модель имеет существенные недостатки, которые будут служить препятствием при ее реализации на практике. Во-первых, само по себе создание и распространение дипфейков, которые могут иметь различное содержание, не обладает

² Digital 2020: глобальный обзор трендов и цифр за 2019 год от We Are Social и // Cossa. URL: <https://www.cossa.ru/news/252951/> (дата обращения: 11.02.2021).

³ В Китае публикацию дипфейков отнесли к уголовным преступлениям. URL: <https://habr.com/ru/news/t/478362/> (дата обращения: 04.02.2021).

общественной опасностью. Более того, дипфейк может быть использован и в благих целях. Поэтому абстрактное установление уголовной ответственности за сам факт создания и распространения дипфейков, без учета обстоятельств их совершения, не будет отвечать требованиям социальной обусловленности и юридической обоснованности.

Во-вторых, в ряде случаев, которых становится все больше, дипфейки, действительно, могут использоваться для совершения преступных деяний, тем самым повышая степень их общественной опасности. Примером таких общественно опасных действий, которые могут выполняться с использованием дипфейков, является незаконный оборот материалов порнографического характера. Количество дипфейков, создаваемых для этих целей, удваивается каждые шесть месяцев. По оценкам экспертов, летом 2021 г. их количество достигнет 180 тыс., а в 2022 г. – более 720 тыс.⁴

В-третьих, в случае введения самостоятельной уголовной ответственности за создание и распространение дипфейков возникнут проблемы квалификации таких преступлений. Так, очевидно, что данное деяние будет необходимо квалифицировать по совокупности с преступлениями, которые совершены с использованием технологии дипфейка (ст. 128¹, ст. 242¹ и др. УК РФ), что обесценит значимость вновь созданного самостоятельного состава преступления, а также приведет к двойному учету одного и того же деяния и, как следствие, к необоснованному усилению уголовной ответственности.

В-четвертых, если обратиться к Уголовному кодексу штата Калифорния, то можно увидеть, что он не содержит самостоятельной статьи, которая предусматривает ответственность за использование технологии дипфейка. Указанные технологии, например, в § 595 Кодекса США, рассматриваются в качестве способа, повышающего общественную опасность деяния, т.е. как признак квалифицированного состава преступления⁵. Данное обстоятельство является очередным подтверждением правильности выбора второй модели.

Приведённые аргументы не оставляют сомнений относительно конечной модели уголовно-правовой оценки использования технологии дипфейка. Использование дипфейка при совершении преступления должно рассматриваться в качестве квалифицирующего признака состава преступления, а в случае если квалифицированный состав преступления уже содержит признак, указывающий на совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (в т.ч. сети Интернет), то использование дипфейка должно рассматриваться в качестве особо квалифицирующего признака. В обоих указанных случаях использование при совершении преступления дипфейка будет выступать способом его совершения, который является неотъемлемой частью объективной стороны соответствующего преступления и существенно повышает степень его общественной опасности.

⁴ Восход дипфейка в 2020: как маргинальная технология стала медианормой // Теплица социальных технологий. URL: <https://te-st.ru/2020/12/25/2020-deepfake-era/> (дата обращения: 04.02.2021).

⁵ California Penal Code // Justia. URL: <https://law.justia.com/codes/california/2009/pen.html> (дата обращения: 04.02.2021).

Таким образом, в результате проведенного исследования выявлено, что динамически развивающееся информационное общество заставляет серьезно озаботиться перспективами уголовно-правовой оценки и регламентации киберпреступлений, к которым, бесспорно, в недалеком будущем будут отнесены преступления, совершенные с использованием технологии дипфейка. С каждым днем дипфейки и иные информационные технологии становятся дешевле, доступнее и качественнее, что напрямую создает потенциальную угрозу для совершения противоправных действий. Законодателю необходимо исходить из того, что, озаботившись проблемой дипфейков сейчас, удастся избежать обусловленных ими неблагоприятных последствий в будущем.

Информация об авторе

*Ситник Владислав Николаевич – студент 3 курса, Саратовской государственной юридической академии Институт прокуратуры (СГЮА ИП), 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1. Электронный адрес: vladdsitvl@mail.ru
Тел: 89378758959*

**УДК 34/343
Т 19**

М. А. Тарчокова,
*курсант 2 курса
ФГКОУ ВО РЮИ МВД России*

Развитие уголовной политики России в противодействии коррупционной преступности

В статье рассматривается эффективность современной уголовной политики государства применительно к противодействию коррупционной преступности. Формулируется вывод о том, что в следственно-судебной практике не всегда соблюдается принцип равенства всех перед законом и судом. Данное обстоятельство, в свою очередь, не позволяет достичь цели восстановления социальной справедливости.

Ключевые слова: государство, уголовная политика, практика, законодательство, принципы, концепция

Актуальным вопросам формирования современной уголовной политики, под которой понимается стратегия борьбы с преступностью и направления деятельности государства в деле разработки и реализации оптимальных средств, форм и методов борьбы с преступностью, посвящено достаточно много солидных монографических трудов¹.

Уголовно-правовая политика реализуется путем уголовного и уголов-

¹ Мониторинг российской уголовной политики / ред. С.В. Максимова. М.: ИГП РАН, 2014; Третьяков И.Л. Уголовная политика современной России: Монография. СПб., 2017; Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М., Проспект, 2018.

но-процессуального законодательства в области правотворчества и практики применения правовых норм, вырабатывает новые средства и методы борьбы с преступностью, а также управления этой практикой².

Однако, правоприменительная деятельность свидетельствует о том, что реализация уголовной политики по пресечению преступлений, в частности коррупционной направленности далека от совершенства. Это проявляется в существовании лояльных мер пресечения и судебных приговоров в отношении крупных расхитителей, в том числе в сфере оборонного комплекса (в частности, дело Е. Васильевой)³. Между тем наряду с восстановлением социальной справедливости и исправлением осужденного, государством решаются такие не менее важные задачи, как предупреждение совершения новых преступлений неограниченным кругом лиц.

Последние десятилетия обращает на себя внимание не только прирост количества лиц, совершивших взяточничество и освобожденных от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, но и их соотношение с количеством осужденных по ст. 291.2 УК РФ. Согласно официальной статистике это соотношение достигало почти четверти (2019 г.) и даже половины (1 полугодие 2020 г.). Так по мелкому коммерческому подкупу в 2019 г. на 15 осужденных пришлось 10 освобожденных, в 1 полугодии 2020 г. количество освобожденных превысило количество осужденных, и хотя цифры эти незначительны, они ярко иллюстрируют либеральную направленность правоприменительной практики. Полагаем, что названные меры уголовной ответственности не соответствуют общественной опасности данных преступлений, противоречат задачам антикоррупционной политики государства.

Следует учесть, что «мелкое взяточничество» относится к уголовно-правовым нормам с «двойной превенцией». В них заложен мощный профилактический потенциал, в том числе с целью выполнения международных обязательств в сфере противодействия коррупции (см., например: Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г.⁴, Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г.)⁵.

Для повышения уровня эффективности отечественного антикоррупционного законодательства считаем необходимым включение в него положений, позитивно зарекомендовавших себя в законодательстве и правоприменительной практике ряда зарубежных государств. В частности считаем возможным к лицам, совершившим коррупционное преступление, не применять сроки

² Ендольцева А.В. Уголовная политика России и ее значение в регулировании общественных отношений в сфере борьбы с преступностью // Юрист-Правоведь. 2018. №2 (85).

³ Корецкий Д.А., Стешич Е.С. Принцип равенства перед законом и судом: декларации и реальность / В сб.: Проблемы детерминации и предупреждения преступности / ред. А.И. Долговой. М., 2018. С. 358-368.

⁴ «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (дата обращения 06.02.2021).

⁵ «Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию» (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999) (дата обращения 06.02.2021).

давности освобождения от уголовной ответственности. А такое специальное наказание как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью применительно к лицам, осужденным за преступления коррупционной направленности, должно быть бессрочным.

Судебную систему следует ориентировать на соблюдение принципа равенства перед законом и судом особенно в противодействии коррупционному поведению, представляющему угрозу национальной безопасности. Данный вопрос, как видно, уходит в плоскость темы судебного усмотрения в уголовном праве и подлежит отдельному предметному изучению.

Информация об авторе

Тарчокова Милана Артуровна – курсант 2 курс факультета подготовки специалистов по программам высшего образования, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко 83. Электронный адрес: tarchokova19@bk.ru

УДК 343.213.5

Т 52

А. Е. Тользак,

студент 2 курса ИЮИ (ф) УП РФ

Соотношение понятий «время совершения преступления» и «момент окончания преступления»

В статье сопоставляются различные подходы к времени совершения преступления, анализируются положения законодательства и судебная практика, делается итоговый вывод о соотношении понятий.

Ключевые слова: время совершения преступления, момент окончания преступления, длящееся преступление, продолжаемое преступление, соучастие.

Вопрос определения времени совершения преступления и смежных с ним понятий имеет важное уголовно-правовое значение, поскольку, квалифицируя то или иное деяние как преступное, определяя основные признаки состава и иные имеющие важное значение обстоятельства, в первую очередь необходимо определить, каким актом следует руководствоваться.

Согласно ч. 1 ст. 9 Уголовного кодекса РФ (далее УК РФ), «преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния»¹. По существу, указанное положение вопросов не вызывает, кроме того, оно конкретизируется в ч. 2 данной

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 года : в редакции от 30 декабря 2020 года. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

статьи, где указывается, что независимо от конструкции состава преступления (формальной или материальной) всегда следует руководствоваться моментом совершения общественно опасного деяния. Однако многие известные учёные до сих пор спорят по рассматриваемому вопросу, а на практике встречаются далеко не ординарные ситуации, что вызывает некоторые трудности непосредственно у правоприменителей.

Если обратиться к более ранним источникам, то, например, Н. С. Таганцев отмечал, что в любой ситуации несмотря на изменения в законодательстве, обратной силы уголовного закона не должно быть, а временем совершения преступления правильнее считать время наступления последствий². Современный ученый Н. Д. Дурманов также полагает, что если состав преступления «включает в качестве признака объективной стороны наступление общественно опасных последствий, то преступление надо считать совершенным тогда, когда эти последствия наступили»³. С. Ф. Милюков временем совершения преступления предлагает считать «момент его фактического окончания, включая наступление предусмотренных законом последствий»⁴.

На наш взгляд, приведенные позиции при их законодательном закреплении несомненно упрощают установление факта противоправного деяния и последующей квалификации. Однако в таком случае при некотором временном разрыве между деянием и последствиями не учитывается положение лица, совершившего его. Возможно, в момент совершения действия (бездействия) деяние не признавалось уголовно наказуемым, а только в момент наступления последствий вступает в силу измененный уголовный закон, который закрепляет преступность данного деяния, или новая редакция содержит более суровое наказание. Например, такая ситуация описана в Определении Верховного суда РФ (далее ВС РФ) № 19/1кп097-5 по делу Болотова. Гражданин совершил деяние в декабре 1993 года, а последствия наступили только в 1994-1995 году, причем в момент совершения данное деяние не было запрещено уголовным законом⁵. В противном случае оставляется без внимания субъективный фактор уголовной ответственности. Вероятнее всего, лицо не предвидело и не обязано предвидеть предстоящие изменения в законодательстве. Возможно, что новые положения заставили бы остановиться его от противоправных действий под угрозой наказания. Кроме того, при таком раскладе исключается принцип гуманизации уголовного законодательства. Поэтому, по нашему мнению, закрепленные в действующем законодательстве положения можно считать более верными, поскольку в нем учитываются приведённые выше доводы.

² Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Общая часть. Т.1. Москва : Наука, 1994. С. 129.

³ Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон. Москва : Издательство Московского университета, 1967. С. 261.

⁴ Милюков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. Санкт-Петербург : Знание, 2000. С. 48.

⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 14. мая 1997 года. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Некоторые, например, А. Н. Игнатов, критикует позицию законодательства, обосновывая тем, что в таком случае это противоречит ст. 8 УК РФ, согласно которой, «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления», а обязательными признаками материальных составов являются причинно-следственная связь и наступившие последствия⁶. Опровергая данный вывод, можно отметить, что правоприменителями эти признаки в любом случае учитываются, поскольку при наличии одного лишь деяния и отсутствии преступных последствий и причинно-следственной связи это деяние невозможно назвать полноценно преступным, оно бы рассматривалось как покушение. Кроме того, формальным составам также присущи общественно опасные последствия, они не проявляются так явно, но само деяние несет в себе эти негативные последствия.

Интересную позицию по этому вопросу высказывает Я. М. Браинин. Он соглашается с позицией, отраженной в законодательстве, при этом добавляет, что «это положение является правильным, за исключением случаев, когда виновный сохраняет господство над развитием событий и может предотвратить вредные последствия»⁷. В этом случае можно говорить об институте добровольного отказа (ст. 31 УК РФ), хоть и не столь явном.

Некоторые споры вызывают применение данной статьи в случае продолжаемого или длящегося преступления. Однако Президиум ВС РФ по указанному вопросу изложил следующее: «Если часть объективной стороны длящегося или продолжаемого преступления совершена в период действия нового закона (независимо от того, является он более мягким или более строгим), то применяться должен новый уголовный закон»⁸. Т.е., если имеет место продолжаемое преступление, то деяние необходимо квалифицировать по действовавшему в момент совершения последнего из намеченных действий законодательству. В случае с длящимся преступлением, следует опираться либо на момент добровольного прекращения противоправных действий самим лицом, либо пресечением правоохранительными органами. Это можно объяснить как самой конструкцией таких преступлений, так и учетом субъективного основания ответственности.

Среди учёных также неоднозначно решается вопрос относительно времени совершения преступления соучастниками – организатором, пособниками и подстрекателями. Существует мнение, что более правильным время совершения преступления данными лицами необходимо ставить в зависимость от поведения исполнителя, что, конечно, упрощает квалификацию их дейст-

⁶ Игнатов А. О. Действия уголовного закона во времени // Уголовное право. 2002. № 1. С.14.

⁷ Браинин Я. М. Уголовный закон и его применение. Москва : Юридическая литература, 1967. С.136.

⁸ Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Утверждены Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 года. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

вий, однако противоречит принципам личной и виновной ответственности. Кроме того, если исходить из ст. 9 УК РФ и проанализировать ст. 34, то можно прийти к выводу, что вопрос о времени совершения преступления соучастниками должен решаться однозначно, а в случае «недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление».

Таким образом, на основании вышеизложенного можно подвести итог о соотношении понятий «время совершения преступления» и «момент окончания преступления». На наш взгляд, следует согласиться с позицией, определённой законодателем по данному вопросу, и, не вдаваясь в тонкости конструкций различных составов, можно определить, что временем совершения преступления как в материальном, так и формальном составе является момент совершения деяния. Моментом же окончания преступления следует определить наступление общественно опасных последствий в материальном составе и моментом доведения до конца деяния в формальном составе.

Информация об авторе

Тользак Алексей Евгеньевич – студент 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: atolzak@mail.ru

УДК 343.326

Т 98

А. П. Тютрина,

*студентка 2 курса магистратуры
ЮИ ИГУ*

Вопросы квалификации терроризма в уголовном праве России

В статье рассматриваются вопросы понимания терроризма как преступления, описаны некоторые проблемы законодательной регламентации такого явления, определены критерии отнесения деяния к группе преступлений террористической направленности. Делается вывод о недостаточной регламентации понятия терроризма.

Ключевые слова: террористический акт, терроризм, квалификация, уголовно-правовое противодействие терроризму.

Противодействие терроризму в настоящее время остается одной из самых глобальных проблем человечества, для России решение этой проблемы особо важная задача. Одним из направлений борьбы терроризмом является его уголовно-правовое противодействие, включающее в себя современное отечественное уголовное законодательство и акты международного права.

Как и любая норма права, нормы об ответственности за терроризм не являются эталонными и имеют свои проблемы применения в судебной практике, так и дискуссии в доктрине уголовного права.

Террористический акт, как одно из самых опасных проявлений терроризма, ответственность за который закреплена в ст. 205 УК РФ, в России явление не редкое. Так, только за 2019 год по данным ФГКУ ГИАЦ МВД России было зарегистрировано 83 преступления данного состава¹. Такая ситуация говорит о необходимости изучения террористического акта как преступления в контексте уголовно-правового противодействия.

Уголовный закон содержит и иные составы преступлений террористического характера, по мнению ученых, составы, в которых содержатся признаки терроризма, содержат более сорока статей уголовного закона². Также в ФЗ № 35 «О противодействии терроризму» к преступлениям террористической направленности относятся такие преступления, как захват заложника, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, ложное сообщение об акте терроризма и другие составы³.

Стоит отметить, что первоначальная редакция ст. 205 УК РФ до 2006 года содержала термин «терроризм», который впоследствии был заменен «террористическом актом», объективная сторона при этом оставалась без изменений. Террористическая деятельность – понятие достаточно широкое, закрепляется данный термин в уже упомянутом ФЗ «О противодействии терроризму», включающее в себя как сам террористический акт, так и его смежные составы, такие как содействие террористической деятельности, подготовка, планирование, реализация акта. Терроризм, в свою очередь, включает в себя как саму идеологию насилия, так и практику воздействия на государственные и международные органы с целью принятия решения, при этом такое воздействие сопровождается устрашением населения.

Так, по мнению профессора В.С. Коммисарова, такое понятие затрагивает только социальную сторону данного негативного явления, однако для уголовно-правовой квалификации такое понятие не вполне пригодна⁴. Определение терроризма, данного в законе, нельзя в полной мере использовать для целей уголовного закона, из-за таких абстрактных понятий, как идеология, практика насилия и т.п., поэтому указанный закон не вполне корректно использовать для отсылки бланкетных диспозиций статей 205, 205.1 и 205.2 УК РФ. Для полного понимания, в целях уголовно-правовой квалификации, такого явления как терроризм необходимо обратиться к отраслевому между-

¹ По данным ФГКУ ГИАЦ МВД России. URL: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 12.02.2021).

² Левашова О. В. Преступления, содействующие террористической деятельности и их отличие от террористического акта // Армия и общество № 6 (43). 2014. С. 112.

³ Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Российская газета. 10 марта. 2006 г.

⁴ Комиссаров В.С. Террористический акт: уголовно-правовая характеристика основного состава / В.С. Комиссаров // Терроризм и экстремизм в России и странах АТР: проблемы правового регулирования и противодействия. - Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2010. – С. 10.

народному законодательству.

Обратимся к Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. (участником которой является Российская Федерация), в которой достаточно подробно описаны ключевые признаки терроризма. Итак, согласно конвенции, терроризм, это – «деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон»⁵. Стоит отметить, что такое определение терроризма, хоть и охватывает все возможные проявления такого явления, однако для уголовно-правовой квалификации терроризма как преступления не пригодно. Поэтому Шанхайская конвенция также не может служить отсылкой для бланкетных статей УК РФ.

На сегодняшний день наблюдается ситуация, когда использование термина терроризм в уголовном законе не подкреплено определенной законодательной формулировкой, пригодной для использования в целях квалификации данного явления как преступления. Уголовный закон указывает на бланкетный характер данных статей и отсылает к закону о противодействии терроризму, однако в силу указанных недостатков, термины не могут быть использованы в качестве основания квалификации деяния как преступления без дополнительных интерпретаций.

Международные акты также не обладают необходимыми нам критериями, в них лишь указываются конкретные преступления, по поводу которых заключается соглашение. Такое понимание терроризма не дает представление о его сущностных признаках. Так, профессор А. Н. Тарбагаев считает, что понятие терроризма признается размытым в международных конвенциях за счет включения в его содержание идеологии насилия и перечисления неполного круга адресатов принятия решения, для воздействия на которых террористы совершают насильственные действия, связанные с устрашением населения⁶. Таким образом, понятие терроризма не получило законодательной регламентации для целей уголовного закона.

В Постановлении пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступ-

⁵ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г. // СПС Консультант Плюс.

⁶ Тарбагаев А.Н. Проблемы уголовно-правовой квалификации терроризма // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 105.

лениях террористической направленности» дается четкое определение террористического акта через раскрытие содержания основных его критериев, таких как взрыв, поджог, устрашение населения и т.д. Думается, что подобное определение понятию «терроризм» должно получить законодательное закрепления.

Информация об авторе

Тютрина Анастасия Павловна – студентка 2 курса магистратуры, Юридический институт Иркутского государственного университета (ЮИ ИГУ), г. Иркутск, м-рн Университетский, ул. Улан-Баторская, 10.

УДК 343.4
У 93

А. А. Ушаков,

студент 3 курса ИЮИ (ф) УП РФ

Влияние поправок к Конституции Российской Федерации 2020 года на применение отдельных статей Уголовного кодекса Российской Федерации

В статье рассматривается влияние изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации на применение ст. 145¹, 201 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: невыплата заработной платы, злоупотребление полномочиями, злоупотребление должностными полномочиями, Конституция.

Закон о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» внес много значимых изменений в Основной Закон государства. Поправки оказывают сильное влияние на применение норм различных отраслей права. Этот процесс не обошел стороной и уголовно-правовые отношения.

Следует обратить внимание на изменения, внесённые в ч. 5 ст. 75 Конституции Российской Федерации. Теперь у граждан появилась конституционно-правовая гарантия выплаты минимального размера оплаты труда в размере не менее установленного законодательством величины прожиточного минимума трудоспособного населения¹. Это положение Основного Закона оказывается значимым для целого ряда статей Особенной части УК РФ.

В соответствии со статьёй 145¹ УК РФ полная невыплата гражданину заработной платы, пенсий, стипендий пособий и иных выплат в течение 2 ме-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2009 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ)// Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 3498.

сяцев, а равно их частичная невыплата в течение 3 месяцев влечёт уголовную ответственность. Разумеется, такая правовая оценка содеянного возможна при наличии возможности произвести требуемые выплаты, а также в случае совершения данного деяния из корыстной или иной личной заинтересованности.

В примечании данной статьи указано, что частичная невыплата – это выплата в размере менее половины подлежащей выплаты. В правоприменительной практике и теории уголовного права существовали разные подходы к толкованию сроков невыплаты. Некоторые ученые указывают на то, что частичная невыплата должна иметь срок свыше 3 месяцев, но не подряд. Этот подход распространяли и на полную невыплату: т.е. когда работодатель не выплачивает заработную плату в сентябре, ноябре и январе – это всё равно образует состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 145¹ УК РФ.

Вторая позиция строилась на том, что частичная невыплата должна иметь место 3 месяца подряд, а полная невыплата 2 месяца подряд. Профессор Рарог А. И. дает такое толкование данной нормы: «Преступление признается оконченным по истечении двух месяцев подряд, начиная со дня, установленного законодательством либо локальными нормативными актами для производства соответствующих выплат»².

Из этого пояснения в свою очередь следует два варианта: во-первых, можно полагать, что ст. 145¹ УК РФ предусматривает ответственность за невыплату двух полных размеров месячной заработной платы, стипендии и т.п., либо трёх неполных платежей, если эти платежи должны были следовать подряд.

Во-вторых, можно утверждать, что предметом преступления является одна полностью невыплаченная заработная плата, стипендия и т.д., либо одна не полностью выплаченная, и основное внимание следует уделять сроку её удержания. Тогда для части 1 ст. 145¹ УК РФ это будет означать, что работодатель не выплатил полностью заработную плату только за сентябрь (один раз), но погасил задолженность перед работником по прошествии такого срока, который превысил два месяца (например, в феврале следующего календарного года).

Следует заметить, что судебная практика придерживалась второго подхода к толкованию ст. 145¹ УК РФ, но в разных регионах использовались оба подварианта, хотя они различаются между собой более чем существенно.

Однако в 2018 году Пленум Верховного суда Российской Федерации принял постановление, в котором определил четкую правовую позицию по данному вопросу³. Исходя из п.17 данного постановления, частичные невы-

² Уголовное право. Особенная часть: Учебник. Издание второе исправленное и дополненное / Под ред. доктора юридических наук, профессора Л.В. Иногамовой-Хегай, доктора юридических наук, профессора А.И. Рарога, доктора юридических наук, профессора А.И. Чучаева. — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРАМ, 2008. 800 с.

³ О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря

платы – это платежи, которые осуществлялись в размере менее половины подлежащей выплате суммы свыше трех месяцев подряд, т.е. в каждый из 3 месяцев. Полная невыплата означает, что свыше двух месяцев подряд выплаты не осуществлялись или размер осуществленной выплаты заработной в течение двух месяцев подряд платы был ниже минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом одновременно на всей территории Российской Федерации.

Исходя из этого, теперь состав преступления, предусмотренного ст. 145¹ УК РФ, можно усмотреть только в случае непрерывных частичных или полных невыплат.

Однако данный факт порождает среди недобросовестных работодателей (других субъектов, производящих выплаты, поименованные в статье) схемы, направленные на одновременное нарушение прав граждан и избежание наказания, как раз ввиду формального отсутствия состава преступления.

Она состоит в том, чтобы невыплаты не производились подряд, а чередовались с периодами полных выплат. Например, оплата труда происходит в сентябре и ноябре, но работа за октябрь и декабрь не оплачивается.

Однако социально-экономические и трудовые права граждан остаются нарушенными. В этих условиях в качестве рабочего варианта можно было бы предложить квалификацию содеянного по ст. 201 УК РФ, либо по ст. 285 УК РФ – как злоупотребление полномочиями лица, обязанного производить выплаты надлежащим образом. Правоприменительная практика такие подходы использовала, однако сталкивалась с серьезными сложностями. Дело в том, что данные составы являются материальными, т.е. в отличие от ст. 145¹ УК РФ необходимы последствия в виде существенного вреда правам и законным интересам граждан (для ст. 201 УК РФ) либо существенных нарушений прав и законных интересов граждан (для ст. 285 УК РФ).

Данные определения общественно опасных последствий рассматриваются как тождественные в сложившейся практике, толковании и применении⁴. Но и сложность с установлением «существенности» (оценочный признак) характерна для применения каждой из упомянутых статей о служебных преступлениях. В частности, оказывается достаточно сложно утверждать, что задолженность по заработной плате или иным выплатам (в полном размере, или более половины, именно «существенно» нарушает права и законные интересы потерпевшего, если невыплаты чередуются с полными выплатами. Ранее это было тем более сложно сделать ввиду отсутствия строгих гарантий гражданам относительно невозможности оплаты труда в размере ниже какой-то суммы.

Вместе с тем, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 года №19 устанавливает, что под существен-

2018 г. № 46 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт] URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 26.01.2021).

⁴ Аснис А. Я. Уголовная ответственность за служебные преступления в России: Проблемы законодательного закрепления и правоприменения: Автореф. дис. ... д-ра юрид.наук. М., 2005.

ными нарушениями следует понимать нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепринятыми принципами и нормами международного права, Конституции Российской Федерации⁵.

Следовательно, внесение поправок в Конституцию, а именно в ч. 5 ст. 75, которая теперь гарантирует выплату заработной платы в минимальном размере оплаты не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения, позволяет считать отступление от этого положения именно существенным нарушением права гражданина. Можно сказать, что для рассматриваемой конституционно-правовой гарантии имеется последний правовой аргумент и средство защиты – ст. ст. 201 и 285 УК РФ, наряду со ст. 145¹ УК РФ.

Правоприменители, таким образом, получили возможность привлекать к уголовной ответственности недобросовестных работодателей и иных уполномоченных лиц, которые нарушают конституционные права граждан, пытаются обойти букву закона из ст. 145¹ УК РФ.

Информация об авторе

Ушаков Андрей Андреевич – студент 3 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: andrey.ushakoff@mail.ru

УДК 343.236.1

Ф 51

С. С. Филатова,

студентка 2 курса

ИЮИ (ф) УП РФ

Некоторые проблемы в определении понятия покушение на преступление

В статье представлены результаты исследования существенных противоречий в понимании покушения на преступление среди правоведов и правоприменителей. Автор статьи рассматривает наиболее распространенные из них с учетом судебной практики и научных позиций. Делается вывод о важности единообразия правовой оценки неоконченного преступления.

Ключевые слова: неоконченное преступление, покушение на преступление, стадии преступления, преступный умысел.

⁵ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт] URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 26.01.2021).

В соответствии с ч. 3 ст. 30 УК РФ покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам

На первый взгляд формулировка покушения на преступление представляется совершенно ясной и недвусмысленной. На самом же деле среди правоведов и в особенности правоприменителей встречаются разные подходы к тому, что понимать под недоведением преступления до конца.

В целом же можно выделить две основные точки зрения на вопрос правовой оценки действий (бездействия) виновного лица в качестве покушения на преступление.

Первая исходит из представлений о стадийности умышленного преступления, а потому рассматривает покушение как недоведение умысла до конца. Практическое воплощение такого подхода можно проследить на примере приговора суда, в котором, в частности, указано, что умысел виновных был направлен на открытое хищение 45 тыс. рублей в двух сумках, в которых находилось 20 и 25 тысяч. Однако похитить им удалось лишь одну сумку, а второй по не зависящим от них причинам завладеть не удалось. По мнению суда это обстоятельство не дает оснований для квалификации преступления как оконченного. В итоге действия осужденных квалифицированы по ч. 3 ст. 30 и п. «б» ч. 3 ст. 161 УК РФ¹.

Хотя данный подход и кажется понятным, однако он противоречит реальному подходу, закрепленному в самом законе и в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. В соответствии с п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разбой окончен с момента начала нападения и если злоумышленник не смог завладеть чужим имуществом по независящим от него обстоятельствам, то содеянное не может считаться покушением на преступление².

То же самое относится к сбыту наркотических средств. Он является оконченным не с момента, когда реализован умысел виновного (а он охватывает получение наркотика покупателем, а также оплату в случае возмездной реализации), а с момента, когда совершены все действия, направленные на передачу другому лицу³. Таким образом, отсутствие оплаты и изъятие наркотических средств из незаконного оборота хотя и идут вразрез с умыслом сбытчика, тем не менее, не позволяют считать его действия неоконченным преступлением.

В связи с этим нужно обратить внимание на точку зрения А. П. Козло-

¹ Если умысел в полной мере не реализован и цель в желаемом объеме не достигнута, содеянное можно квалифицировать лишь как покушение на преступление // KazEdu. URL: <https://www.kazedu.kz/referat/79995/1> (Дата обращения: 10.12.2020).

² «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»: Постановление Пленума Верховного Суда от 15 июня 2006 г. N 14. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ва, указавшего, что покушение есть самостоятельная разновидность преступления, которая не может предшествовать оконченному преступлению в отличие от стадий преступной деятельности. По его мнению, «покушением признается пресеченное виновное исполнение преступления от его начала до частичного наступления результата включительно»⁴.

В этом случае, покушение трактуется как недоведение преступления до конца и собственно цель, охватываемая умыслом виновного, здесь не имеет определяющего значения. Именно преступление, описанное в диспозиции статьи Особенной части УК РФ, не доводится до конца, другими словами, прекращается или прерывается на определенной стадии выполнения объективной стороны по тем или иным обстоятельствам, не зависящим от воли виновного.

С объективной стороны покушение характеризуется невыполнением до конца такого действия (бездействия) предусмотрено диспозицией статьи УК РФ. Как вариант это может быть стремление к такому результату, который не только ожидался, но и юридически значим для статьи особенной части УК, влияет на квалификацию.

Стоит отметить, что в данных положениях, определяющих суть покушения на преступление, не говорится о недоведении умысла до конца. Здесь мы выходим на проблему конкуренции части и целого, в преломлении через вопрос конкуренции оконченного и неоконченного преступления.

Под данным видом конкуренции понимается случай, когда имеются две или несколько норм, одна из которых охватывает совершенное деяние в целом, а другие нормы – лишь его отдельные части⁵. Согласно общему правилу квалификации преступлений при конкуренции части и целого, должна применяться та норма, которая в наибольшей степени охватывает все фактические обстоятельства содеянного.

Однако это правило далеко не всегда применяется судами. Если приоритет отдается первому подходу, то в центре внимания оказывается нереализованный до конца умысел виновного. Так, приговором Октябрьского районного суда г. Иванова от 3 апреля 2009 года гр. Б. признан виновным в том, что 15 января 2009 года найденный обрез охотничьего ружья 1947 года выпуска решил продать гражданину М., для чего приехал к нему и предложил купить за 3 тыс. рублей, однако был задержан сотрудниками правоохранительных органов. Б. осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 222 УК РФ за покушение на незаконный сбыт огнестрельного оружия.⁶

Как видим, лицо совершило приобретение исправного обреза ружья,

⁴ Козлов А. П. Учение о стадиях преступления / СПб, 2002. - С. 433.

⁵ Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений. - М.: Юрист, 1999.

⁶ Справка по результатам обобщения судебной практики рассмотрения судами уголовных дел о незаконном приобретении, передаче, сбыте, хранении, перевозке, ношении оружия, его составных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. ст. 222-226 УК РФ) от 25.03.2010 // Ивановский областной суд. URL: http://files.sudrf.ru/1522/user/content/documents/sudpraktika/u2010_gun.rtf (Дата обращения: 09.12.2020).

его хранение и ношение, однако не смогло совершить сбыт. Реализация умысла не повлияла бы на правовую оценку, была бы вменена ч. 1 ст. 222 УК РФ. Значит, выбор должен был быть сделан в пользу целого, то есть оконченного преступления, ведь другие альтернативные деяния из диспозиции ч. 1 ст. 222 УК РФ, а именно приобретение, хранение и ношение были оконченными. Вместо этого лицо получило неоправданное смягчение уголовной ответственности ввиду признания всего содеянного им покушением на незаконный оборот оружия.

В соответствии с позицией, поддерживаемой А. П. Козловым, правилом конкуренции части и целого, а также оконченного и неоконченного преступления покушением следует считать такие случаи, когда реализация умысла виновного повлекла бы квалификацию содеянного как этого же преступления, но с квалифицированным признаком из следующих частей той же статьи.

Например, при совершении изнасилования преступник заблуждался относительно возраста своей жертвы, неверно полагая, что она не достигла возраста совершеннолетия. В данном случае, возраст потерпевшей является квалифицирующим признаком преступления, состав которого соответствует п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ. Если в ходе расследования преступления выяснилось, что на момент его совершения девушка уже достигла совершеннолетнего возраста, однако виновный об этом не знал, а потому хотя умысел на само изнасилование доведен до конца (для ч. 1 ст. 131 УК РФ), но не наступил более тяжкий результат (для п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ), то содеянное можно считать покушением на более тяжкое преступление.

Небесспорное решение принял Верховный Суд РФ. Так, Х. был осужден по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ за то, что, являясь должностным лицом, получил лично взятку в виде денег в крупном размере за совершение входящих в его полномочия действий в пользу взяткодателя. Судебная коллегия Верховного Суда РФ приговор изменила и переквалифицировала действия Х. на ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, то есть на покушение на получение взятки в крупном размере. По мнению судебной коллегии, действия Х. нельзя признать оконченным преступлением, поскольку оговоренная сумма взятки в размере 420 тыс. рублей реально не была получена, а передана только часть взятки в размере 100 тыс. рублей⁷.

Итак, категория «покушение на преступление» является предметом многочисленных споров, что негативно отражается на формировании единообразной правоприменительной практики. Глубокое понимание этой проблемы и ее последующее разрешение представляется важным. Необходимо определиться в выборе между «недоведением умысла до конца» и «недоведением преступления до конца», поскольку эти формулировки несут в себе разное содержание по качественным характеристикам.

⁷ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 мая 2012 г. N 16-О12-19 2010 // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://www.vsrp.ru/files/13988/> (Дата обращения: 10.12.2020)

Информация об авторе

Филатова Светлана Сергеевна – студентка 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1. Электронный адрес: *Belyanochka01@list.ru*

УДК 343.8
X 27

В. П. Хахалов,

студент 5 курса Байкальского
государственного университета

Деятельность правоохранительных органов и образовательных учреждений в сфере противодействия террористической и экстремистской идеологии в молодежной среде

В статье анализируется деятельность правоохранительных органов и образовательных учреждений России в сфере профилактики и предупреждения терроризма и экстремизма в молодежной среде. Приводится статистика по возрастному критерию преступников-террористов и экстремистов. Предлагается методика профилактики и предупреждения террористической и экстремистской идеологии правоохранительными органами и образовательными учреждениями в молодежной среде.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, профилактика, предупреждение, противодействие, правоохранительные органы, образовательные учреждения.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683, деятельность террористических и экстремистских организаций, а также частных лиц (сторонников террористической и экстремистской идеологии) признана в качестве угрозы для государственной и общественной безопасности России.

Терроризм как явление состоит из двух элементов – внутреннего и внешнего. Внешний элемент представляет собой практику деятельности террористической направленности, для которой специфическими являются такие черты, как применение насилия, устрашение людей, изоэтренность, демонстративность. Внутренний же элемент составляет идеология, то, ради чего совершаются действия террористов, их мотивированность в осуществляемой ими деятельности.

Преимущественно, лидеры террористов принадлежат к возрастной категории от 25 до 40 лет. Исполнителями преступлений террористической направленности и участниками террористических организаций являются три категории:

- 1) несовершеннолетние (лица, не достигшие 18-летнего возраста);
- 2) лица возрастной категории от 18 до 25 лет;
- 3) лица возрастной категории старше 25 лет¹.

Экстремизм также представляет собой единство двух элементов. В качестве внешнего элемента выступают насильственное насаждение его принципов, враждебность к инакомыслящим, усилия по идеологическому обоснованию насильственных действий к субъектам, не разделяющим идеи и взгляды экстремистов. Идеология экстремизма заключается в том, что одна из сторон политического, общественного или религиозного конфликта выражает враждебность, агрессию по отношению к противоположной стороне конфликта с выбором инструментов воздействия, преимущественно сопряженного с навязыванием социуму и государству своих идей и взглядов при отсутствии цивилизованного подхода к разрешению возникшего несогласия (чаще всего, силовыми методами).

Из выявленных лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, находятся в возрасте от 14 до 15 лет – 0,3%; от 16 до 17 лет – 14,9%; от 18-24 – 40,3%; от 25-29 – 29,8%; от 30-49 – 12,8%; от 50 и старше – 1,9%². Данные сведения позволяют сказать, что преимущественное число выявленных преступников-экстремистов составляют люди возрастных категорий от 18 до 29 лет.

Молодежь – это социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующаяся специфическими интересами и ценностями. Эта группа включает лиц в возрасте от 14 до 35 лет³.

Мировые тенденции наглядно демонстрируют, что преимущество в стратегическом отношении будет только у тех государств, которые смогут действительно и практично реализовать развитие инновационного потенциала, главной «фигурой» которого является, непосредственно, молодежь⁴.

Наиболее примечательными субъектами противодействия террористической и экстремистской идеологии в молодежной среде следует отметить правоохранительные органы и образовательные учреждения России, так как, собственно, правоохранительные органы компетентны осуществлять действия по предупреждению экстремизма, а также участвовать в мероприятиях по противодействию терроризму и образовательные учреждения, которые за-

¹ Газизулин А. И. Криминологическая характеристика личности террориста нашего времени / А. И. Газизулин // NOVAINFO.RU. 2018. № 84. URL: <https://novainfo.ru/article/15055> (дата обращения: 27.02.2021).

² Абдулганеев Р. Р., Миронов С. Н. Криминологический портрет личности современного экстремиста / Р. Р. Абдулганеев, С. Н. Миронов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 1 (31). С. 43.

³ Плюс пять лет. Госдума повысила возраст молодежи до 35 лет. URL: <https://rg.ru/2020/12/23/vozrast-molodezhi-povysili-do-35-let-vkliuchitelno.html> (дата обращения: 25.02.2021).

⁴ Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 50. Ст. 7185.

нимают в жизни молодежи значительную часть их жизни (в среднем, человек обучается 17 лет: 11 лет в школе и 6 лет в университете).

Разработка эффективной методики противодействия терроризму и экстремизму в молодежной среде является уверенным шагом к сохранности личности, здоровому обществу и защищенности государства в целом.

Таким образом, предлагается рассмотреть рекомендуемые методики противодействия террористической и экстремистской идеологии правоохранительных органов и образовательных учреждений в молодежной среде.

Методика противодействия террористической и экстремистской идеологии правоохранительными органами предлагается А. Г. Михайловым. Так, он выделяет следующие меры:

1) выработка форм упреждающей профилактической деятельности за пределами уголовной практики (то есть, профилактическая работа с субъектами, вынесение им предостережений);

2) активизация по линии спецслужб деятельности по анализу различных категорий граждан в целях разработки упреждающих мер;

3) выявление произвольно «узких мест», активизирующие усиление протестно-экстремистских настроений в обществе;

4) внесение предложений к пересмотру программ, планов и стратегий противодействия террористической и экстремистской идеологии;

5) выработка стратегии противодействия террористическим и экстремистским проявлениям в сети Интернет (в частности, в социальных сетях и на отдельных интернет-ресурсах);

6) проработка точных по направленности и эффективных планов профилактики и предупреждения террористической и экстремистской идеологии в учебных заведениях (в школах, в колледжах, в университетах);

7) выработка специфических мер оперативного реагирования (выявление и нейтрализация активных сторонников террористической и экстремистской идеологии, прежде всего, лидеров и их ближайших помощников)⁵.

Противодействие террористической и экстремистской идеологии должно основываться на достаточно спланированном комплексе скоординированных мероприятий антитеррористической и антиэкстремистской направленности правоохранительных органов как гаранта общественной безопасности и общественного порядка в России.

Особое внимание стоит уделить образовательным учреждениям как субъектам противодействия террористической и экстремистской идеологии.

В качестве мер по профилактике и предупреждению террористической и экстремистской идеологии в образовательных учреждениях предлагается:

– информировать обучающихся о деятельности сторонников терроризма и экстремизма (разъяснение о разрушительной и преступной сущности

⁵ Михайлов А. Г. О мерах противодействия формированию идеологии экстремизма и терроризма // Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде (отечественный и зарубежный опыт): материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. 2017. С. 48.

данных идеологий);

– осуществлять правовое воздействие на сознание обучающихся (пояснение отдельных норм Уголовного кодекса РФ и Кодекса об административных правонарушениях РФ, в частности, по вопросам возраста наступления уголовной и административной ответственности, а также по вопросам неправомерных действий террористического и экстремистского характера);

– организовать пропаганду добропорядочного и терпимого отношения к различным расам, национальностям, конфессиям и т. п. (то есть, активно развивать принципы толерантных взаимоотношений между обучающимися и социумом);

– проводить мероприятия с обучающимися по тематике противодействия террористической и экстремистской идеологии (проводить соответствующие классные часы в школах, лекции в университетах);

– организовывать иные мероприятия, которые, по мнению сотрудников образовательных учреждений с предварительным согласованием с руководством образовательного учреждения, будут носить характер профилактирующих и предупреждающих террористическую и экстремистскую идеологию.

Как отмечают Н. Н. Бурыкина и Д. М. Никеров, субъекты антитеррористических и антиэкстремистских мероприятий в образовательных учреждениях должны учитывать специфические особенности принимаемых мер по профилактике и предупреждению террористической и экстремистской идеологии в образовательных учреждениях, то есть:

– меры не должны вызывать чувства страха (неуверенности или дезадаптации к нормальному учебному процессу) вызванного описанием данного явления;

– меры не должны вызывать нездорового интереса к явлению терроризма, а также и экстремизма, его адептам и носителям идеологии;

– меры не должны знакомить широкие массы обучающихся с сутью и алгоритмами работы, проводимой аппаратом оперативного штаба в регионе;

– меры не должны раскрывать другие аспекты работы правоохранительных органов в данном направлении и иные сведения, подпадающие под перечень сведений, подлежащих засекречиванию;

– меры не должны требовать специальных знаний и сложной подготовки (тактико-специальной подготовки);

– меры должны сочетаться с ранее полученными опытом, знаниями, умениями и навыками в этой области;

– меры должны быть универсальными и легко интегрироваться в учебный процесс, во все формы обучения, по всем специальностям и направлениям;

– меры должны носить «практический» оттенок, т.е. проводиться на местности и в условиях, которых обучаемый находится большую часть времени (общежитие, учебные корпуса, дорога на учебу, «родной» двор и т.д.);

– меры должны носить систематический, наступательный и целена-

правленный характер⁶.

Как говорил в одном из своих выступлений Президент России В. В. Путин: «... с необразованным человеком, молодым человеком, можно делать все что угодно, вливать ему в голову что ни попадя, и он часто будет верить в то, что ему говорят его проповедники...».

Именно поэтому, правоохранительные органы (в частности, МВД, органы прокуратуры, а также ФСБ России) и образовательные учреждения (в лице своих сотрудников, прежде всего, учителей в школах и преподавателей в университетах) должны прививать у молодого человека в самосознании негативное восприятие террористической и экстремистской идеологии (на подсознательном уровне должно происходить отторжение таких идей и взглядов), сделав акцент на воспитательно-ознакомительный процесс, тем самым формируя у молодого гражданина России добросовестное отношение к окружающей его реальности, чувство любви и уважения к своей Родине, правосознание, в общем, задать вектор к формированию достойного и нравственного члена общества. Если этого не сделают они, то, скорее всего, такие молодые люди станут «легкой мишенью» для сторонников радикальных взглядов на жизнь.

Информация об авторе

Хахалов Валентин Петрович – студент 5 курса, Байкальский государственный университет. 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Электронный адрес: khakhalovvp@yandex.ru

УДК 343.2/7

X 67

Е. Р. Хныков,

*адъюнкт 1 курса, ОрЮИ МВД России
имени В.В. Лукьянова*

Оборот транспортных средств как объект уголовно-правовой охраны

В статье анализируются особенности оборота транспортных средств, проблемы при использовании и закреплении данного понятия в нормах права. Автор аргументирует необходимость более глубокого изучения феномена «оборот транспортных средств», признание его самостоятельным объектом преступлений, приобретающим специфику в реалиях развития современного общества.

Ключевые слова: оборот транспортных средств, транспортные средства, объект преступления, уголовно-правовая охрана.

⁶ Бурькина Н. Н., Никеров Д. М. Методика противодействия идеологии терроризма в образовательных организациях Российской Федерации // Правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: история и современность: материалы международной научно-практической конференции. 2020. С. 12.

На данный момент в российском законодательстве имеется обширный перечень норм права, регулирующих те или иные взаимоотношения, связанные с оборотом предметов и объектов материального мира. Так, например, ответственность за преступный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов регулируется следующими нормами: статьями 228–228.4 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), статьями 6.8, 6.16, 6.16.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) (далее – ППВС РФ), ППВС РФ от 22.12.2011 № 1085 (ред. от 28.11.2020). Оборот оружия регулируется охраняется нормами: ст.ст. 222, 226.1 УК РФ, ст.ст. 20.8, 20.10, 20.12 КоАП РФ, ППВС РФ от 12.03.2002 г. №5 (ред. 11.06.2019 г.), Федеральным законом от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 02.08.2019 г.) (далее – ФЗ). Оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции регулируется следующими нормами: ст. 171.3 УК РФ, ст.ст. 14.16–14.17.1, 14.17.3, 14.19, 15.13. КоАП РФ.

Посягательства на оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации закреплены в ст. 138.1 УК РФ; на оборот драгоценных камней, металлов – ст. 191 УК РФ. Оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта является объектом преступления, предусмотренного в ст. 234 УК РФ; оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ – в ст. 234.1 УК РФ; оборот порнографических материалов или предметов – в ст. 242 УК РФ.

При этом, обращаясь к различным нормативно правовым актам, мы можем найти определения «оборота» для большинства из вышеуказанных норм. Зачастую понятие «оборот» раскрывается в диспозиции статей, регулирующих данные правоотношения, но при этом есть и некоторые нормативно правовые акты, разъясняющие специфику незаконного оборота конкретной нормы, так, к примеру, определения «оборот наркотических средств, психотропных веществ» и «незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» содержатся в ст. 1 ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 № 3-ФЗ». Определение «оборот оружия и основных частей огнестрельного оружия» содержится в ст. 1. ФЗ «Об оружии» от 13.12.1996 № 150-ФЗ»

При всем многообразии общественных отношений, которые охраняются вышеуказанными нормами закона, до настоящего времени нет каких-либо четких норм, регулирующих незаконный оборот транспортных средств. При этом, даже если мы обратимся к иным отраслям права, мы не сможем найти определения «оборот транспортных средств» или «незаконный оборот транспортных средств». Между тем для России данное словосочетание с каждым годом становится более актуальным в связи с постоянным ростом количества личных легковых автомобилей на душу населения, а также как законных, так и незаконных сделок с ними.

Справедливо мнение, что «специфика государственной регистрации, оформления права собственности, владения и распоряжения автотранспортом позволяет считать его особым, частично ограниченным в гражданском обороте предметом»¹, охраняемым в рамках самостоятельной сферы его незаконного оборота.

Учитывая статистические данные, предоставленные Федеральной службой государственной статистики, количество личных легковых автомобилей в Российской Федерации на 1 тысячу человек населения выросло с 130,5 ед. авто в 2000 году до 309,1 ед. авто в 2018 году. За 18 лет количество автомобилей на 1 тыс. человек населения увеличилось на 136,8%. При этом преступления, связанные с незаконным оборотом транспортных средств, зачастую совершаются в определенной форме хищения чужого имущества, достаточно часто – в форме мошенничества.

При нынешнем уровне развития общества и сознания граждан, переживаемый нами период времени является прекрасным подспорьем для лиц, занимающихся мошенническими действиями, в том числе и связанными с незаконным оборотом транспортных средств. Слабая подготовленность общества к противодействию мошенничеству, возможность стать целью мошенников вне зависимости от уровня образования, интеллекта, социального и имущественного положения дает основание сказать, что жертвами мошенников может оказаться любой человек.

За последние пятнадцать лет вопросы незаконного оборота транспортных средств отражались в работах Попандопуло Д.В.², при этом он употреблял терминологию «незаконный оборот транспортных средств» в рамках административно-правовой деятельности. В уголовно-правовой науке в настоящий момент отсутствуют работы, посвященные комплексному исследованию в сфере незаконного оборота транспортных средств.

Необходимо понимать, что автотранспортные средства являются значимым объектом материального мира. Государственные органы проводят учёт, регистрацию и контроль за каждым отдельным автомобилем, поскольку любое автотранспортное средство является не только источником повышенной опасности, но и в некоторых случаях выступает как особый предмет или как средство совершения преступления.

При рассмотрении официальной статистики, связанной с совершением преступных посягательств в отношении автотранспортных средств, мы не всегда можем полагаться на неё, т.к. зачастую в предоставленных данных имеются только общие цифры, обозначающие противоправные действия с автотранспортными средствами.

¹ Баранчикова М.В. Мошенничество в сфере оборота транспортных средств и способы его предупреждения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 1 (82). С. 24.

² Попандопуло Д.В. Государственная регистрация транспортных средств как мера противодействия их незаконному обороту: дис. ... канд. юрид наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 4

В общей структуре преступности можно найти официальные данные о неправомерном завладении автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угона), в частности за 2020 год было совершено 17 287 таких преступлений. За тот же период было совершено 9528 краж автомобилей³. Однако рассмотрения только угонов и краж автомобилей недостаточно, оно не может осветить всего масштаба незаконного оборота транспортных средств. Данный оборот затрагивает значимый объем преступлений, совершаемых преимущественно из корыстных побуждений, в отношении автотранспорта, ответственность за которые предусмотрена разными главами уголовного закона.

При исследовании феномена незаконного оборота транспортных средств не стоит забывать, что предметом преступного посягательства, помимо автотранспортного средства в целом могут выступать его отдельные, составные части. Среди самых распространённых можно отметить аккумулятор, звуковую систему, электрооборудование, двигатель, шины, диски, колеса, топливо, государственные регистрационные знаки. При этом только завладение государственным регистрационным знаком транспортного средства регулируется отдельными, самостоятельными статьями (ст. 19.37 КоАП РФ, ст. 325.1 УК РФ). Между тем иные составные части автомобиля (кроме государственного регистрационного знака) также могут выступать в качестве самостоятельного предмета при совершении хищений, последующей перепродаже составных частей автомобиля третьим лицам под видом правомерного владения и законности совершаемой сделки.

Все вышеуказанные особенности, с которыми приходится сталкиваться при рассмотрении вопроса о незаконном обороте транспортных средств, требуют самостоятельных, глубоких исследований, которые до настоящего момента не были проведены в достаточном объеме. Это обосновывает целесообразность рассмотрения оборота транспортных средств как самостоятельного непосредственного объекта преступлений, связанных с посягательством на них или их отдельные элементы.

Информация об авторе

Хныков Евгений Русланович – адъюнкт 1 курса кафедры уголовного права, криминологии и психологии, очная форма обучения, Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, 302025, г. Орёл, ул. Игнатова, д. 2.

Электронный адрес: khn.evg@gmail.com

³ Статистика и аналитика // МВД России. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 16.02.2021).

УДК 343.7
Ц 27

Д. А. Цветкова,

студентка 3 курса, ИЮИ (ф) УП РФ

Добыча подземных вод для питья, бытового и производственного назначения без лицензии: проблемы квалификации

В данной статье анализируются проблемы квалификации добычи подземных вод для питья, бытового и производственного назначения без лицензии, предлагаются способы решения.

Ключевые слова: добыча подземных вод, пользование недрами, лицензия, незаконное предпринимательство.

В настоящее время в науке уголовного права имеют место дискуссии по поводу квалификации добычи подземных вод для питья, бытового и производственного назначения без лицензии. Проблема, собственно, заключается в том, что некоторые авторы считают, что данное деяние будет иметь квалификацию по статье 171 УК РФ, однако есть ученые, которые отстаивают позицию о том, что данное деяние не является уголовно-наказуемым. Стоит отметить, что в судебной практике также отсутствует единое представление о квалификации данного деяния, в связи с чем одно и то же деяние в зависимости от регионов квалифицируется по-разному.

Согласно статье 3 Федерального закона от 04.05.2011 N 99-ФЗ "О лицензировании отдельных видов деятельности" под лицензией подразумевается «специальное разрешение на право осуществления юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем конкретного вида деятельности, которое подтверждается записью в реестре лицензий»¹.

В статье 12 вышеуказанного Федерального закона устанавливается конкретный перечень видов деятельности, для осуществления которых наличие лицензии является обязательным. К таким видам деятельности относятся, например, частная охранная деятельность, деятельность по перевозкам пассажиров автобусами, образовательная и медицинская деятельность и другие. Данный перечень является исчерпывающим, поскольку в части 3 сказано, что введение лицензирования иных видов деятельности возможно только путем внесения изменений в данную статью.

Вместе с тем необходимо указать, что в ст. 1 данного Федерального закона определены связанные с лицензированием отношения, к которым положения этого Закона не применяются². Стоит обратить внимание на то, что к числу указанных отношений деятельность по использованию участков недр не относится.

¹ О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 20.11.1995, № 47, ст. 4473.

² Там же.

Исходя из буквального толкования ст. ст. 1 и 12 Федерального закона, для осуществления деятельности в сфере использования недр лицензия не обязательна.

Однако, если обратиться к статье 11 Закона РФ "О недрах" от 21.02.1992 N 2395-1, предоставление недр в пользование оформляется специальным государственным разрешением в виде лицензии³. В связи с этим деятельность по добыче подземных вод для целей водоснабжения требует получения лицензии на пользование участками недр.

В Федеральном законе от 4 мая 2011 г. N 99-ФЗ предусмотрено, что «нормативные правовые акты, действующие на территории Российской Федерации и регулирующие вопросы лицензирования отдельных видов деятельности, применяются в части, не противоречащей данному Федеральному закону»⁴.

Таким образом, Закон РФ "О недрах" в части лицензирования деятельности по пользованию участками недр противоречит Федеральному закону N 99-ФЗ.

Стоит обратить внимание на тот факт, что судами и лицензирующими органами указанное противоречие игнорируется. Так, решением Спировского районного суда по иску прокурора на МУП «Центр коммунального обслуживания» возложена обязанность получить лицензию на пользование недрами для добычи подземных вод, используемых для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения⁵.

Как уже указывалось выше, вопрос, касающийся квалификации, решается по-разному, авторы считают, что главная проблема, связанная с привлечением к ответственности по статье 171 УК, связана с пробелом в законодательстве⁶. Именно поэтому, многие ученые разграничивают лицензии на осуществление определенного вида деятельности и лицензии, предоставляющей право пользования недрами. По мнению Р. С. Бевзенко, «в случае отсутствия лицензии на пользование недрами ответственность по ст. 171 УК РФ наступать не может, поскольку она может наступать только в случае осуществления предпринимательской деятельности без лицензии, когда необходимость ее получения предусмотрена лишь Федеральным законом N 99-ФЗ»⁷.

Однако, такая точка зрения изрядно критикуется, основными аргументами несогласия являются, во-первых, то, что «обе лицензии – это документы установленной формы, которые выдаются в специальном порядке и уполно-

³ О недрах: Федеральный закон от 21 февраля 1992 N 2395-1// Собрание законодательства РФ, 20.11.1995, № 47, ст. 4473.

⁴ О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 20.11.1995, № 47, ст. 4473.

⁵ Приговор Спировского районного суда от 26 сентября 2019 г. по делу № 1-37/2019.

⁶ Спиридонов Д.В. Особенности юридической ответственности за нарушения законодательства о недрах. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

⁷ Бевзенко Р.С. Пользование недрами без лицензии: публичный и частноправовой аспекты // Вестник ВАС РФ. 2007. N 6.

моченными органами»⁸. Целями выдачи указанных лицензий является предотвращение ущерба личности, обществу, государству, причинение которого возможно при осуществлении хозяйственной деятельности. Кроме этого, требование о необходимости получения лицензии на осуществление определенных видов деятельности основано на общей норме – ст. 49 ГК РФ. В связи с этим, считают авторы, перечень лицензируемых видов деятельности определяется не только Федеральным законом от 4 мая 2011 г. N 99-ФЗ "О лицензировании отдельных видов деятельности", но и другими федеральными законами, в том числе Законом "О недрах".

Обратимся к анализу правоприменительной практики.

Так, Верховным Судом Удмуртской Республики Т. признан виновным в совершении деяния, предусмотренным ч. 1 ст. 171 УК РФ. Судом установлено, что Т. являясь директором ООО, действуя умышленно, в целях систематического получения прибыли, заведомо зная о том, что для деятельности по добыче подземных вод необходима лицензия и о том, что таковой у организации не имеется, не предпринимая должных мер для получения специального государственного разрешения (лицензии), осуществлял предпринимательскую деятельность по пользованию недрами, в результате чего извлечен доход в сумме 8 184 873 рублей, что является крупным размером⁹.

Однако, в некоторых регионах данное деяние не образует состава преступления, предусмотренного статьей 171 УК РФ.

Приверженцы данной позиции считают, что не каждая деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательства и требует лицензирования, является предпринимательской. Так, Комиссаров пишет, что «сама добыча сырья не образует прибыли, а предпринимательская деятельность состоит не в добычи сырья, а в его реализации»¹⁰.

К примеру, приговором Толкинского городского суда К. признан невиновным в совершении двух преступлений, предусмотренных п. "б" ч. 2 ст. 171 УК РФ. Суд опирался на то, что непосредственно добыча подземных вод была направлена на обеспечение всего технологического процесса по водоснабжению потребителей, более того, сама добыча не предполагала получение прибыли, поскольку для реализации воды необходимо произвести ее подготовку до соответствия санитарным требованиям, после чего транспортировать по водопроводным сетям для подачи потребителям¹¹.

Однако, согласно гражданскому законодательству, под предпринимательской деятельностью понимается деятельность, направленная на получение

⁸ Попов И. Безлицензионная (самовольная) добыча полезных ископаемых как нарушение правил охраны недр (ст. 255 УК РФ) // Уголовное право. 2012. N 4

⁹ Апелляционное постановление Верховного Суда Удмуртской Республики № 22-408/2017 от 9 марта 2017 г. по делу № 22-408/2017.

¹⁰ Комиссаров В. Не всякая лицензируемая деятельность - предпринимательская // Законность. 2005. N 11.

¹¹ Приговор Толкинского городского суда Кемеровской области от 6 июня 2014 г. N 1-10/2014 // Архив прокуратуры Ивановской области.

ние прибыли¹², следовательно, приобретение / добыча сырья для его последующей реализации является неотъемлемой частью предпринимательской деятельности.

О том, что добыча подземных вод носит предпринимательский характер, свидетельствуют такие обстоятельства как систематичность ее осуществления, непрерывный характер, деятельность осуществляется в целях систематического получения дохода.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

Во-первых, если добыча подземных вод является одним из этапов, предполагающего осуществление предпринимательской деятельности, направленной на извлечение прибыли, осуществляется без лицензии, в деянии наблюдаются последствия указанные в диспозиции статьи, то образуется состав преступления, предусмотренный статьей 171 УК.

Во-вторых, основной проблемой квалификации является законодательный пробел, поскольку в ФЗ «О недрах» предусмотрена обязанность получения лицензии на пользование недрами, а о лицензии на добычу подземных вод как таковой не говорится ни в одном нормативно-правовом акте. Соответственно для того, чтобы исключить различную в практику в регионах, необходимо указать добычу подземных вод в качестве вида деятельности, требующего лицензирования.

Информация об авторе

Цветкова Дарья Александровна – студентка 3 курса, Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

УДК 343.3/7

Ч 72

А. А. Чичёв,

магистрант 2 года обучения

ИЮИ (ф) УП РФ

Некоторые вопросы уголовно-правовой характеристики деяния как части объективной стороны легализации (отмывания) преступных доходов

В статье рассматриваются некоторые вопросы уголовно-правовой характеристики деяния как части объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. ст. 174, 174¹ Уголовного кодекса Российской Федерации. Автором разрешаются сложные вопросы квалификации по данному вопросу.

¹² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 02.04.2019) / Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.

Ключевые слова: легализация, отмывание денег, финансовые операции, сделки.

Деяние как элемент объективной стороны составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 174, 174¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), заключается в действиях, выраженных в совершении финансовых операций и других сделок с преступным доходом, являющимся предметом указанных преступлений. При оценке финансовых операций и сделок, в совершении которых задействован такой доход, у правоприменителей возникают различные вопросы, требующие разрешения.

Обратившись к нормативно-правовой регламентации уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) преступных доходов, нам видно, что законодатель в ст. ст. 174, 174¹ УК РФ указывает на множественность актов действия: «совершение финансовых операций и других сделок». Отсюда возникает весьма логичный вопрос: достаточно ли для квалификации по ст. ст. 174, 174¹ УК РФ совершения одной финансовой операции или одной сделки с преступным доходом? Ответ на данный вопрос дал в своих разъяснениях Верховный Суд Российской Федерации. Так, «ответственность по статье 174 или статье 174¹ УК РФ наступает и при совершении одной финансовой операции или сделки с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем (в результате совершения преступления), если будет установлено, что такое деяние было совершено с целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом (например, заключение договора купли-продажи объекта недвижимости, преступное приобретение которого маскируется заведомо подложными документами о праве собственности на данный объект)»¹. Отсюда следует, что для квалификации по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за легализацию (отмывание) преступных доходов, достаточно совершение лишь одной финансовой операции или сделки с обязательным наличием цели, предусмотренной ст. ст. 174, 174¹ УК РФ.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, под финансовыми операциями для целей указанных статей могут пониматься любые операции с денежными средствами. К сделкам как признаку указанных преступлений могут быть отнесены действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, а равно на создание видимости возникновения или перехода гражданских прав и обязанностей. При этом, по смыслу закона, указанные финансовые операции и сделки заведомо для виновного маскируют связь легализуе-

¹ О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 32 от 07 июля 2015 года : в ред. от 26 февраля 2019 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 9.

мого имущества с преступным источником его происхождения (основным преступлением)².

Таким образом, правоприменителям следует учитывать тот факт, что само понятие сделки для целей рассматриваемых преступлений отлично от понятия сделки в гражданском праве. Поэтому необходимо из всего объема совершаемых сделок выявлять именно те сделки, которые образуют объективную сторону преступлений, предусмотренных ст. ст. 174, 174¹ УК РФ, и подпадают под приведенное выше определение. Законодатель обращает внимание именно на специфический характер таких сделок, приводя открытый перечень их признаков в ст. 7 Федерального закона от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»³.

Не всякое совершение финансовой операции и сделки следует квалифицировать как деяние, являющееся признаком составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 174, 174¹ УК РФ. Ключевым критерием разграничения указанных составов преступлений с составом преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, является наличие цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению преступным доходом при совершении финансовых операций или сделок.

Так, «А., осужденный Железнодорожным районным судом Красноярского края, занимался незаконным сбытом наркотических средств. Часть незаконно полученных от преступной деятельности денежных средств А. передавал своей гражданской жене Ш., которая, достоверно зная о преступном происхождении указанных денежных средств, в счет оплаты аренды арендуемой ею квартиры передавала их на основании устной договоренности Б. в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами... Тем самым Ш. совершила умышленные действия, непосредственно направленные на совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами, заведомо приобретенных другими лицами преступным путем, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами»⁴. По данному делу суд квалифицировал действия Ш. по ч. 1 ст. 174 УК РФ.

При деяниях, образующих состав преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, имущество реально движется в обороте. Сделки же по легализации (отмыванию) преступного дохода, как правило, нацелены главным образом на маскировку преступных отношений. Может быть ситуация, когда

² О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем ...

³ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : Федеральный закон от 07 августа 2001 года № 115-ФЗ : в ред. от 30 декабря 2020 года. Российская газета. 2001. № 151-152.

⁴ Приговор по делу № 1-106/2014 от 28 мая 2014 года // СудАкт: база судебных актов, судебных решений и нормативных документов. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WXbgnfUWmTxx/> (дата обращения: 17.02.2021).

наличествует основное преступление, далее совершаются сделки с имуществом, добытым преступным путем, но легализация (отмывание) в деяниях нет.

Например, «постановлением Президиума Московского городского суда от 13.11.2009 изменен приговор Симоновского районного суда г. Москвы от 16.01.2009 г., которым В., М. были осуждены по п. «б» ч. 2 ст. 171, п. «а» ч. 3 ст. 174¹ УК РФ. Приговором они были признаны виновными в совершении группой лиц по предварительному сговору незаконного предпринимательства без регистрации, сопряженного с извлечением доходов в особо крупном размере, а также в легализации (отмывании) денежных средств в крупном размере, приобретенных в результате совершенного ими преступления, путем совершения с ними сделок для их использования при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности. Прекращая дело в отношении обоих осужденных в части п. «б» ч.3 ст. 174¹ УК РФ в связи с отсутствием состава данного преступления суд надзорной инстанции указал, что осужденные не выполнили никаких действий для придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами, полученными в результате совершения преступления и находившимися на расчетных счетах фирм, использовавшихся для осуществления незаконной предпринимательской деятельности, а вкладывали их в ту же незаконную предпринимательскую деятельность: использовали для выплаты заработной платы персоналу, закупки товаров, заправки используемого транспорта»⁵.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что для квалификации сделки или финансовой операции как легализации (отмывания) имущества, полученного преступным путем, необходимо одновременное удовлетворение взаимосвязанных условий: 1) субъективная направленность на легализацию (отмывание); 2) объективная способность создания таких условий владения преступным доходом, при которых такой доход выглядит правомерно приобретенными, т.е. способным фактически (реально) скрыть преступный путь его происхождения и, тем самым, исключить подозрения со стороны компетентных органов и вероятность использования преступного дохода как улики совершения предикатного преступления.

Информация об авторе

Чичёв Александр Александрович – магистрант 2 года обучения, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1. Электронный адрес: chichyov_alexandr@mail.ru

⁵ Надзорное постановление Московского городского суда по делу 44у-0356/2009 от 13.11.2009 года // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mosgorsud.ru/mgs/services/cases/presidium-criminal/details/99c9a71e-7146-47c4-9a34-16cad116975c?participants=%D0%9C%D0%B0%D0%BB%D1%8B%D1%88%D0%B5%D0%B2> (дата обращения: 17.02.2021).

УДК 343.631
Ш 13

Д. А. Шабловская,
магистрант 1 курса
ФГБОУ ВО «ХГУЭП»

Клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности: анализ законодательных изменений

В статье рассматривается норма о клевете, соединённой с обвинением лица в совершении преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Автор анализирует изменения, внесенные в норму Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ, приводит примеры из судебной практики. Делается положительный вывод об отказе законодателя от категории «преступления сексуального характера» и переносе указанного квалифицирующего признака из части 4 в часть 5 ст. 128¹ УК РФ.

Ключевые слова: клевета, преступления сексуального характера, половая неприкосновенность, половая свобода, честь, достоинство.

Путь становления института уголовной ответственности за клевету в целом интересен для изучения. Ранее, в первой редакции УК РФ, уголовная ответственность за клевету была предусмотрена статьей 129. До 2011 года данная статья практически не была подвержена изменениям, а 7 декабря 2011 г. Федеральным законом № 420-ФЗ клевета была декриминализована (выведена из разряда уголовно-наказуемых). Отметим, что научная общественность восприняла негативно: «предлагаемые поправки свидетельствуют о законодательной девальвации, обесценивании таких прав личности, как честь и достоинство, до уровня степени общественной опасности, оцененной в одну тысячу рублей (в КоАП РФ)»¹.

Спустя полгода (в июне 2012 г.) клевета вновь была возведена в разряд уголовно-наказуемых деяний (ст. 128¹ УК РФ).

Законодательными изменениями 2020 года затрагивается такой квалифицирующий признак как клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления гл. 18 УК РФ.

Ответственность за рассматриваемый квалифицирующий признак была установлена только в 2012 году, когда клевета была восстановлена в качестве уголовно-наказуемого деяния.

Закрепление этого признака в качестве квалифицирующего, по мнению К. Н. Радченко, является довольно спорным, так как нанести вред репутации,

¹ Поезжалов В. Б., Шахмаев М. М. Клевета : спорные вопросы дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2 (32). С. 47.

чести и достоинству человека может клевета о совершении им многих других преступлений средней тяжести². По мнению учёного, в данном случае целесообразнее при установлении квалифицирующего признака отталкиваться не от характера распространяемой клеветы, а исключительно от категории преступления, в котором обвиняют потерпевшее лицо.

По справедливому мнению других авторов, с учетом того, что категория «преступления сексуального характера» не раскрывается в уголовном законе, существуют проблемы толкования данного признака, а соответственно и квалификации деяния³.

Отметим, что в актуальной редакции статьи термин «преступления сексуального характера» был заменён на категорию «преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Это является верным решением законодателя, в связи с тем, что первый, как было уже указано, не раскрывается в УК РФ. Представляется, что закрепление в ст. 128¹ УК РФ термина, соответствующего конкретному блоку преступлений, положительно влияет на толкование части 5 данной статьи, поскольку в категорию «преступления сексуального характера» вкладывался разный смысл.

Так, одни ученые к таким преступлениям относили только составы преступлений, включенные в гл. 18 УК РФ, а другие – в том числе отдельные преступления против свободы личности (127¹, 127² УК РФ) и против общественной нравственности в сфере половой морали (ст. 240¹, 242 УК РФ).

Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ данный квалифицирующий признак был перенесен из части 4 в часть 5 ст. 128¹ УК РФ. Соответственно, за совершение клеветы, соединенной с обвинением лица в совершении преступления, предусмотренного гл. 18 УК РФ, усвоено более строго наказание. По уголовному закону в последней редакции данное деяние наказывается штрафом до 5 млн. руб. (ранее – 3 млн. руб.), либо обязательными работами до 480 часов (ранее – до 400 часов), либо принудительными работами до 5 лет, либо арестом от 4 до 6 месяцев, либо лишением свободы до 5 лет. Примечательно, что законодатель усилил наказание за клевету в целом и рассматриваемый квалифицирующий признак, в частности. В ранее действовавшей редакции рассматриваемой уголовно-правовой нормы такие наказания как принудительные работы, арест и лишение свободы не устанавливались.

Считаем, что перенос данного признака в часть 5 ст. 128¹ УК РФ устранил существующую ранее конкуренцию норм, связанную с тем, что ответственность за клевету, соединенную с обвинением лица в совершении преступлений главы 18 УК РФ и соединенную с обвинением лица в совершении преступлений, отнесенных к категории тяжких и особо тяжких, предусматривалась разными частями. Таким образом, законодатель по-разному оценивал

² Радченко К. Н. Особенности квалификации уголовной ответственности за клевету // Пенитенциарное право : юридическая теория и правоприменительная практика. 2020. № 1 (23). С. 123.

³ Преступления против личности учебное пособие / И. М. Антонов, Е. Ю. Антонова [и др.]; Дальневосточный юрид. ин-т МВД России. Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2015. С. 86.

степень общественной опасности данных преступлений.

Так, до внесения рассматриваемых изменений, клевета, соединенная с обвинением в совершении деяний, охватываемых составами главы 18 УК РФ, подлежала квалификации по разным частям ст. 128¹ УК РФ. Обусловлено это тем, что деяние, охватываемое диспозицией ч. 1 ст. 133 УК РФ относится к преступлениям небольшой тяжести, ч. 2. ст. 133, ч. 1 ст. 134 и ч. 1 ст. 135 УК РФ – преступлениям средней тяжести, а остальные преступления гл. 18 УК РФ – тяжким или особо тяжким преступлениям.

К примеру, в июле 2020 г. Т. признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 306 и ч. 5 ст. 128¹ УК РФ. Из материалов уголовного дела следует, что Т., на почве стойких личных неприязненных отношений и с целью мести, представила в правоохранительные органы не соответствующие действительности сведения о совершении преступления, соединенные с обвинением лица в совершении тяжкого преступления и неоднократно (в период с 01.01.2019 до 30.12.2019 гг.) и распространила заведомо ложные порочащие честь и достоинство другого лица сведения, соединенные с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера, относящегося особо тяжкой категории⁴.

Деяние квалифицировано не по части 5, а не части 4 ст. 128¹ УК РФ (в ред. от 28.07.2012 г.) в связи с тем, что преступление, в котором обвинялось потерпевшее лицо, являлось «половым» и относилось к категории особо тяжких.

Аналогичное решение ранее (в 2017 г.) вынес в отношении Х., который был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 128¹ УК РФ, то есть в распространении заведомо ложных порочащих честь и достоинство другого лица сведений, соединенных с обвинением лица в совершении особо тяжкого преступления сексуального характера⁵.

Согласимся с мнением ученых о необходимости разработки единых критериев оценки общественной опасности преступления, с тем, «чтобы не допускать хаотичности в процессе криминализации деяний»⁶.

Таким образом, изменения 2020 года, внесенные в ст. 128¹ УК РФ в положительном ключе повлияли на установление уголовной ответственности за клевету, соединенную с обвинением в совершении преступления главы 18 УК РФ, поскольку улучшили её с точки зрения юридической техники, устранили конкуренцию норм, что в целом способствует вынесению справедливого приговора по делу и осуществлению предупредительной функции уголовного законодательства.

⁴ Уголовное дело № 1-14/2020. Приговор от 27 июля 2020 г. // Архив Тегульдетского районный суда Томской области за 2020 г.

⁵ Уголовное дело № 1-24/2017. Приговор от 3 апреля 2017 г. // Архив Ямальского районного суда Ямало-Ненецкого автономного округа за 2017 г.

⁶ Антонова Е. Ю. Общественная опасность как основание криминализации деяний // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. ст. по материалам VI Международной научно-практич. конф.: 2 ноября 2018 г. Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» / отв. ред. Е. Н. Рахманова. СПб. : ИД «Петрополис», 2019. С. 34-41.

Информация об авторе

Шабловская Дарья Анатольевна – магистрант 1 курса, ФГБОУ ВО «Хабаровский государственный университет». 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134. Электронный адрес: shablovskaya_da@mail.ru

**УДК 343.6
Ш 19**

В. В. Шамкий,

*курсант 811 учебной группы
Ростовского юридического
института МВД России*

**Особенности уголовно-правовой оценки аварии
с тяжкими последствиями**

Автор обращается к анализу признаков преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ. Обращается внимание, что совершение преступления с использованием транспортного средства не должно во всех случаях расцениваться как неосторожное по отношению к наступившим последствиям, поскольку в некоторых ДТП наблюдаются признаки косвенного умысла.

Ключевые слова: преступление, дорожно-транспортное происшествие, умысел, неосторожность.

На современном этапе развития российской дорожно-транспортной системы важным показателем её состояния является не только качество инфраструктурного сектора, но и условия безопасности участников дорожного движения. Несмотря на значительное совершенствование комплекса мер по обеспечению безопасности на дорогах, на сегодняшний день уровень смертности в результате дорожно-транспортных происшествий остаётся критически высоким. Так, согласно статистическим данным ГИБДД РФ, за 2020 год число погибших в результате дорожно-транспортных происшествий составило 16152 человека.¹ При этом решающим фактором возникновения аварийности на дорогах, влекущей глобальные демографические потери, являются грубые нарушения Правил дорожного движения его участниками, в частности водителями, как наиболее активными субъектами дорожного движения.

Одна из распространённых причин гибели и травматизма на дорогах связана с виной лиц, управляющих транспортными средствами в состоянии опьянения. Данное обстоятельство обуславливает актуальность проблемы квалификации преступлений, предусмотренных п. «а» ч.2 ст. 264; п. «а» ч. 4 ст. 264; и п. «а» ч. 6 ст. 264 УК РФ. Основу научного исследования составляет разъяснение вопроса о субъективной стороне указанных выше составов преступлений.

¹ <http://stat.gibdd.ru/>

Итак, для рассмотрения «состояния опьянения», как квалифицирующего признака в ч. ч. 2, 4 и 6, обратимся к диспозиции ч. 1 ст. 264. Диспозиция данной нормы устанавливает такое общее, относящееся ко всем частям статьи, условие наступления уголовной ответственности, как нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, где транспортное средство выступает средством совершения преступления. В качестве основного объекта, предусмотренного ст. 264 УК РФ, законодатель рассматривает безопасность дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Охрана жизни и здоровья человека, как его неотъемлемых прав, выступает дополнительным объектом. Так, причинение тяжкого вреда или наступление смерти человека вследствие нарушения лицом правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, признаются лишь в качестве отягчающих обстоятельств уголовной ответственности. Объективная сторона предполагает совершение преступного деяния в форме действия или бездействия, и охватывает наступившие общественно опасные последствия, как важнейший критерий наличия причинно-следственной связи.

Помимо установленных уголовным законодательством обязательных общих условий для признания лица субъектом преступления (физическое вменяемое лицо, достигшее на момент совершения преступления возраста 16 лет), необходимо также наличие дополнительного (эксплуатация транспортного средства или управление им), которое в совокупности с общими условиями образует необходимость привлечения лица на специальных основаниях. Части 2, 4, 6 статьи 264 УК РФ в комплексе с вышеперечисленными признаками субъекта предусматривают еще один дополнительный (квалифицирующий) признак, а именно – нахождение в состоянии опьянения, независимо от его стадии и характера. На практике при решении вопроса о назначении наказания состояние опьянения водителя признается более существенным обстоятельством, чем тяжесть наступивших преступных последствий. Так, сравним санкции ч. 5 и ч. 4 ст. 264 УК РФ. В первом случае за нарушение правил дорожного движения, повлекшее смерть двух или более лиц, предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до 7 лет. Нарушение правил дорожного движения, повлекшее смерть одного лица, но уже с наличием квалифицирующего признака – состояния опьянения, наказывается лишением свободы до 12 лет. Отметим, что такое состояние, в случае, если оно не является следствием болезни патологической зависимости, имеет особое уголовно-правовое значение исключительно в момент совершения субъектом общественно-опасных деяний.

При дифференциации уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ не следует отчуждать состояние опьянения, как определяющего признака специального субъекта, от субъективной стороны преступления.

Несмотря на то, что законодательно рассматриваемые составы престу-

плений признаются совершенными по неосторожности, в уголовно-правовой доктрине продолжают дискуссии на предмет установления формы вины с учетом индивидуальных психологических особенностей личности преступника и общественно-опасных последствий преступления, возникает вопрос определения степени опасности каждого отдельно взятого нарушителя².

При оценке личности виновного необходимо акцентировать внимание на его возможной предрасположенности к антисоциальному поведению, о чем будет свидетельствовать негативное отношение к моральным ценностям, пренебрежение к правам окружающих, а также неоднократные нарушения закона. Анализ факультативных признаков субъективной стороны (мотив и цель, эмоциональные процессы) обосновывает невозможность расценивания некоторых дорожно-транспортных происшествий, как совершенных по неосторожности. Предлагается приравнять нарушение правил безопасности дорожного движения в состоянии опьянения, если это повлекло гибель, к убийству с косвенным умыслом, а в случае наступления тяжелых последствий для здоровья – к умышленному причинению тяжкого вреда здоровью. Такая переквалификация преступного деяния имеет смысл в том случае, если в действиях субъекта прослеживаются гедонистические мотивы, психологические установки вседозволенности и превосходства над другими людьми. Эвентуальный умысел характеризуется осознанием лица вероятности наступления криминальных последствий, но абсолютно безразличным отношением к ним. Аварии со смертельным исходом по вине пьяного водителя в монографической литературе предлагается относить к псевдонеосторожному гомициду³.

Таким образом, мы пришли к выводу о необходимости квалификации нарушения правил дорожного движения в состоянии опьянения с причинением смерти человеку при усматриваемом косвенном умысле субъективной стороны по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Внимательный анализ субъективной стороны, включающей в себя интеллектуальные и волевые моменты, способствует правильной квалификации при привлечении к уголовной ответственности.

Информация об авторе

Шамкий Валерия Валерьевна – курсант 811 учебной группы, факультет подготовки специалистов по программам высшего образования, Ростовский юридический институт МВД России, рядовой полиции.

344015, Ростов-на-Дону, ул. Еременко 83, esteshich@mail.ru

² Корецкий Д.А., Стешич Е.С. Проблемы оценки тяжести неосторожных преступлений, связанных с лишением жизни // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 4. С. 677-687; Стешич Е.С. Сравнение личностных особенностей умышленных и неосторожных убийц // Прикладная юридическая психология. 2017. № 1 (38). С. 77-85; Комарикова С. А. Уголовно-правовая оценка нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (статья 264 УК РФ): автореф. дисс. канд.юр.наук. Омск, 2018; Бавсун М. В., Карпов К. Н., Комарикова С. А. Квалификация преступных нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Омск, 2020.

³ Стешич Е.С. Криминология гомицида. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 30-50 и др.

УДК 343.3/7
III 55

Х. В. Шибалкина,

*студентка 3 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Некоторые проблемные вопросы квалификации незаконной пересылки наркотических средств

В статье отражены проблемные вопросы незаконной пересылки наркотических средств. На примере судебной практики проводится отграничение сбыта и пересылки.

Ключевые слова: пересылка, наркотические средства, отправитель, посылка.

Незаконная пересылка наркотических средств (далее – незаконная пересылка) является уголовно-наказуемым деянием и предусмотрена диспозицией статьи 228¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Незаконная пересылка может осуществляться различными способами, но во всех случаях обладает большой общественной опасностью. Закон налагает запрет на пересылку наркотических средств по сети почтовой связи, однако понятие пересылки включает в себя и иные способы, например, с использованием транспорта. Весьма актуальными являются вопросы квалификации незаконной пересылки.

Как и в случае со сбытом, в УК РФ не раскрывается понятие незаконной пересылки. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (далее – ППВС РФ № 14) определяет незаконную пересылку, как действия лица, направленные на перемещение наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов адресату, когда эти действия по перемещению осуществляются без непосредственного участия отправителя.

Возникает вопрос о разграничении незаконного сбыта наркотических средств и незаконной пересылки. Ведь и сбыт, и пересылка связаны с движением наркотических средств с целью их передачи от одного лица к другому. Следует обратиться к судебной практике.

Так, «Якутским городским судом был осужден Л., который приобрел наркотическое средство у неустановленного лица, а затем из товарищеских побуждений, желая оказать содействие П. употребить наркотическое средство, переслал последнему наркотическое средство на территорию, где проживает П., посредством другого лица, не осведомленного о подлинном содержании посылки. Приговором данного суда Л. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228¹ УК РФ, а именно ви-

новным в совершении незаконной пересылки»¹.

Пересылка наркотических средств в небольшом размере без цели сбыта содержит состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228¹ УК РФ, в то время как действия по их приобретению, хранению, перевозке, изготовлению, переработке без цели сбыта не влекут уголовную ответственность.

Необходимо заметить, что наркотическое вещество было передано от Л. к П. в целях его употребления последним. Однако считать действия Л. сбытом неверно, поскольку он не имел самостоятельного умысла на возмездную либо безвозмездную реализацию наркотического вещества, а «из товарищеских побуждений решил оказать содействие»² П. в его употреблении. Иными словами, Л. организовал доставку наркотического вещества до адресата.

Следовательно, незаконная пересылка сама по себе не подразумевает умысла на реализацию наркотического вещества. Однако незаконная пересылка может выступать способом сбыта, при этом такие преступные действия будут составлять часть объективной стороны сбыта и квалифицироваться как незаконный сбыт наркотических средств.

Незаконную пересылку, совершенную с целью сбыта наркотиков, следует рассматривать как квалифицированный способ их сбыта посредством использования услуг почтовой или иной связи (то есть путем их пересылки), отягчающий виновность лица³. В данном случае, умысел лица, осуществляющего пересылку, естественно направлен на сбыт: он отчуждает наркотики из своей «собственности» и пересылает их другому лицу, которое желает приобрести данные наркотические вещества.

Еще один интересный вопрос касается случаев, когда лицо является одновременно отправителем и получателем наркотических средств. Можно ли расценивать данные действия как незаконную пересылку? Ответ на этот вопрос можно найти в трудах специалиста в области уголовного права М. А. Любавиной. К примеру, если лицо приобретает и хранит наркотическое средство в значительном размере без цели сбыта, а затем, собираясь в отпуск в другой город, отправляет посылку с наркотическим средством в этот город до востребования на свое имя, то его незаконные действия образуют реальную совокупность преступлений: ч. 1 ст. 228 и п. «б» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ. Адресат может быть одновременно и адресантом (отправителем)⁴.

¹ Приговор по делу № 1-2224/2019 от 9 января 2020 г. // «СудАкт»: база судебных актов, судебных решений и нормативных документов. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MWQyYuNrUmmK/> (дата обращения: 03.02.2021).

² Там же.

³ Игнатенко Е. А. Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконной пересылкой наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (по материалам практики дальневосточного федерального округа) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11). С. 63–66.

⁴ Любавина М. А. Квалификация преступлений, предусмотренных ст.ст. 228 и 228.1 УК РФ: учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт - Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. С. 116.

Таким образом, незаконная пересылка не несет в себе такого обязательного признака, как наличие адресата, не совпадающего с отправителем. Ведь, по сути, в этом случае отправитель также непосредственно не принимает участия в действиях по перемещению наркотических средств. Важен сам факт пересылки их без цели сбыта.

Иногда возникает необходимость в разграничении незаконной пересылки и перевозки наркотических средств. Вышеупомянутая М.А. Любавина, приводит весьма интересный пример по данному аспекту. Так, А. приобретает и хранит наркотики для собственного потребления. Затем решает улететь в отпуск и, опасаясь того, что наркотики будут обнаружены при проверке багажа в аэропорту, просит знакомого Б. взять наркотики в поезд и отдать ему по приезду. Будут ли данные действия считаться незаконной пересылкой? С одной стороны, такой вариант вполне логичен, ведь А. непосредственно не участвует в действиях по перемещению наркотических средств, он является их получателем. Но с другой стороны, Б., будучи осведомленным о содержании «посылки», сознательно перевозит наркотик, тогда как А. со своей стороны совершает подстрекательство к незаконной перевозке наркотических средств⁵.

Думается, при незаконной пересылке лицо, посредством которого она совершается, не знает о том, что оно перемещает, а при перевозке ему известен данный факт.

Резюмируя вышеизложенные рассуждения, следует отметить, что вопросы незаконной пересылки являются достаточно сложными, требующими дальнейшего детального изучения. Правильная квалификация незаконной пересылки наркотических средств требует внимательной и полной оценки всех имеющихся обстоятельств.

Информация об авторе

Шибалкина Христина Витальевна – студентка 3 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: xshibalkina13@mail.ru

⁵ Любавина М. А. Квалификация преступлений, предусмотренных ст.ст. 228 и 228.1 УК РФ. С. 118.

УДК.343.13

А 42

А. А. Аксёнова,

*магистрант 1 года обучения
ИЮИ (ф) УП РФ*

**К вопросу о необходимости возбуждения производства
о применении принудительных мер медицинского характера**

В данной статье поднята проблема неурегулированности начала производства о применении принудительных мер медицинского характера, что затрудняет реализацию прав лиц, в отношении которых решается вопрос о применении принудительных мер медицинского характера. Высказано предложение о целесообразности совершенствования УПК РФ путем вынесения специального постановления.

Ключевые слова: производство о применении принудительных мер медицинского характера; постановление; возбуждение производства о применении принудительных мер медицинского характера.

Несмотря на единство уголовного процесса, его дифференциация обусловлена потребностями общества, жизни. Вопрос о развитии уголовного процесса и значении в нем дифференциации процессуальной формы активно обсуждается на страницах юридической литературы. В этой связи актуальным для исследования не перестает оставаться производство о применении принудительных мер медицинского характера. Оно является одним из видов дифференциации процессуальной формы, направленной в сторону усложнения.

Указанное производство ориентировано на определенную категорию лиц, которые в силу своего психического состояния не имеют возможности в полной мере пользоваться предоставленными правами, и продиктовано необходимостью обеспечить надежные гарантии защиты их прав. Вместе с тем, российское уголовно-процессуальное законодательство (далее – УПК РФ)¹, закрепив в главе 51 УПК РФ особый порядок производства о применении принудительных мер медицинского характера, все же оставил неурегулированными отдельные вопросы, которые в настоящее время порождают проблемы в правоприменительной практике.

Одной из таких проблем является отсутствие регламентации порядка возбуждения производства о применении принудительных мер медицинского характера. В соответствии со ст. 19 УК РФ², субъектом преступления признается только вменяемое физическое лицо, достигшее установленного законом

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : принят 22 нояб. 2001 г. : [в ред. от 8 декабря 2020 г.]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (02.02.2021).

² Уголовный кодекс Российской Федерации : принят 13 июня 1996 г. : [в ред. от 30 декабря 2020 г.]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (02.02.2021).

возраста. Если же лицо не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики, то оно считается невменяемым. В виду чего, можно заключить, что в случае возбуждения уголовного дела в отношении невменяемого лица, уголовное дело в дальнейшем подлежит прекращению по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (за отсутствием в деянии состава преступления ввиду отсутствия одного из элементов состава преступления – субъекта преступления).

Вместе с тем положения гл. 51 УПК РФ, регулирующие производство о применении принудительных мер медицинского характера, не предусматривают прекращение уголовного дела по данному основанию, т. е. очевидна коллизия рассматриваемых правовых норм (п. 2 ч. 1 ст. 24 и ст. 433 УПК РФ).

Данное обстоятельство вызвано пробелом в законодательстве, проявляющимся в отсутствие норм, предусматривающим момент перехода расследования уголовного дела в общем порядке к производству о применении принудительных мер медицинского характера. Отметим, что этот законодательный пробел влияет на реализацию гарантий, обеспечивающих права лиц, страдающих психическим расстройством. Не случайно в информационном письме Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 29 октября 2008 г. № 36-12-08³ акцентировано внимание прокуроров на безотлагательное обеспечение защиты прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, что подтверждает серьезность поставленной проблемы.

По данному вопросу мнения ученых разделились. Так, Р. Д. Рахунов полагал, что психическое расстройство исключает возбуждение уголовного дела⁴. Л. Г. Татьяна, напротив, предлагает не рассматривать психическое расстройство в качестве основания отказа в возбуждении уголовного дела⁵. В науке присутствует и промежуточная позиция, сторонники которой предлагают разрешать вопрос в зависимости от характера общественной опасности деяния, совершенного невменяемым лицом: совершение деяния, не представляющего высокой общественной опасности, по мнению Ю. К. Якимовича, не влечет за собой возбуждения уголовного дела, а деяние со значительной общественной опасностью влечет за собой возбуждение производства о

³О порядке реализации постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2007 г. № 13-П : информационное письмо заместителя Генерального прокурора Российской Федерации от 29 октября 2008 г. № 36-12-08 // URL : genprok.gov.ru.

⁴ Рахунов Р. Д. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. Москва, 1954. С. 43.

⁵ Татьяна Л. Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 Ижевск, 2004. С. 16.

применении принудительных мер медицинского характера⁶. Точку зрения, в соответствии с которой необходимо предусмотреть самостоятельный порядок возбуждения производства о применении принудительных мер медицинского характера, независимо от возбуждения общего производства по уголовному делу, отстаивает М. Ш. Буфетова⁷.

Проанализировав нормы гл. 51 УПК, можно утверждать, что данная процессуальная деятельность, связанная с производством о применении принудительных мер медицинского характера, начинается в рамках уже возбужденного уголовного дела после получения заключения судебно-психиатрической экспертизы, содержащего соответствующие выводы и наличия в уголовном деле доказательств, подтверждающих факт совершения общественно опасного деяния данным лицом.

Как следует из содержания норм УПК РФ, подтвержденный процессуальными средствами доказывания факт психического расстройства прекращает уголовное преследование, поскольку деятельность стороны обвинения в данном особом производстве имеет иной характер, чем изобличающий, она осуществляется с целью установления оснований применения принудительных мер медицинского характера. Кроме того, установление данного факта влечет за собой утрату процессуального статуса подозреваемого, обвиняемого.

Отмеченные процессуальные моменты в законодательстве четко не урегулированы, в частности, для легализации нового процессуального статуса лица, страдающего психическим расстройством, не предусмотрено оформление каким-либо процессуальным документом, что создает проблемы в практической деятельности. Зачастую по делам о производстве применения принудительных мер медицинского характера используются такие процессуальные документы, как: постановление о привлечение лица в качестве обвиняемого – в 92 % случаев; в 5% случаев – данная категория лиц рассматривается в качестве подозреваемого; в остальных случаях – им вообще не присваивается какой-либо процессуальный статус⁸.

Для того, чтобы устранить коллизии указанных правовых норм, восполнить законодательный пробел, считаем целесообразным поддержать позицию тех ученых, которые предлагают при установлении факта психического расстройства следует прекращать уголовное преследование в отношении данного лица по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и возбуждать производство по применению принудительной меры медицинского характера путем вынесения соответствующего постановления⁹.

⁶ См. : Якимович Ю. К. Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. Томск, 1994. С 58.

⁷ Буфетова М. Ш. Производство о применении принудительных мер медицинского характера : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Иркутск, 2004. С. 17.

⁸ Суховерхова Е. В. Возбуждение производства о применении принудительной меры медицинского характера // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2. С. 236.

⁹ См., напр., Гусева С. В. Особенности предварительного следствия по делам невменяемых лиц и

После возбуждения этого производства полагаем необходимым вынесение постановления о признании лицом, в отношении которого ведется производство по применению принудительных мер медицинского характера. Данный процессуальный акт присваивает уголовно-процессуальный статус лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, предоставляет гарантии прав и законных интересов, предусмотренные в УПК РФ. Заметим, что некоторые авторы предлагают вынесение единого процессуального акта, которым и прекращается уголовное преследование, и одновременно возбуждается производство по применению принудительных мер медицинского характера¹⁰, что, в принципе, тоже возможно.

Полагаем, что предлагаемый в науке и поддерживаемый нами для закрепления на законодательном уровне порядок возбуждения производства по применению принудительных мер медицинского характера будет способствовать единообразному применению соответствующих уголовно-процессуальных норм, недопустимости нарушения прав и законных интересов лиц, страдающих психическим расстройством.

Информация об авторе

Аксёнова Анастасия Андреевна – магистрант первого года обучения, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Щевцова, 1, Электронный адрес: nasty.aksenova75@mail.ru.

УДК 343.144
Б 33

П. С. Башкова,
*студентка 3 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Некоторые особенности производства допроса несовершеннолетних потерпевших, свидетелей

В статье рассматриваются некоторые особенности допроса потерпевших и свидетелей, не достигших 18-летнего возраста, проблемы правового регулирования и практики при проведении данного следственного действия.

Ключевые слова: допрос, несовершеннолетние потерпевшие и свидетели, законные представители, педагог, психолог, продолжительность допроса.

лиц, заболевших психическим расстройством после совершения преступления: дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.09. Москва, 2000. С. 123; Захаров А. С. Производство предварительного следствия по уголовным делам об общественно-опасных деяниях невменяемых: дис. ...канд. юрид. наук. Москва, 2009. С. 153.

¹⁰ Мазюк Р. В. Порядок возбуждения производства о применение принудительны мер медицинского характера в отношении подозреваемого, обвиняемого // Пролог. 2013. № 2. С. 51.

Допрос как следственное действие, бесспорно, занимает важное место в российском уголовном процессе. Его значимость ярко охарактеризовали С. А. Голунский и Г. К. Рогинский: «Допрос — большое искусство. Научиться вести допрос можно только на практике. Это, как всякое искусство, требует, с одной стороны, способностей, а с другой — опыта и умения»¹.

Уголовно-процессуальное законодательство России предусматривает особый порядок судопроизводства по делам несовершеннолетних с учетом их возрастных и психологических особенностей, недостаточного жизненного опыта, эмоциональной неустойчивости, недооценки общественной опасности своих действий и тяжести их последствий, включая особые правила допроса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых (гл. 50 УПК РФ). Как справедливо отмечает В. Л. Васильев, следователь должен хорошо знать психологические особенности личности несовершеннолетних и учитывать их при выборе тактических приемов проведения с ними того или иного следственного действия².

Это касается и несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, однако при принятии УПК РФ для их допроса не были закреплены специальные правила, что представляется нелогичным. Данный правовой пробел был устранен в 2013 г. путем изменения содержания ст. 191 УПК РФ³, где закреплены особенности несовершеннолетних допроса потерпевших и свидетелей.

Так, теперь российский законодатель ограничил продолжительность допроса в зависимости от возраста несовершеннолетних потерпевших и свидетелей:

– если указанные лица не достигли 7 лет, то их допрос не может продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности — более одного часа;

– если их возраст составляет от 7 до 14 лет, то допрос не может продолжаться без перерыва более одного часа, а в общей сложности – более двух часов;

– если несовершеннолетние потерпевшие и свидетели старше 14 лет, то их допрос не может продолжаться без перерыва более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день (ч. 1 ст. 191 УПК РФ).

Следует отметить, что законодатель четко не указал самый ранний возраст для допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, ограничившись указанием «до семи лет», поэтому у ученых и практиков возник вопрос, с какого возраста их можно допрашивать.

Например, по утверждению Н. И. Порубова, несовершеннолетний может быть допрошен независимо от возраста, если предмет допроса ему по

¹ Голунский С. А., Рогинский Г. К. Техника и методика расследования преступлений // Советское законодательство. 1934. Вып. 5. С. 12.

² Васильев В. Л. Юридическая психология. Санкт-Петербург : Питер, 2009. С. 413.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовно судопроизводстве : Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ // Российская газета. 2013. № 295 (6271).

возрасту доступен и ребенок не является умственно отсталым⁴. В то же время, Е. И. Цымбал считает, что «значимые для дела показания могут быть получены у здоровых детей старше 3 лет и детей с психическими отклонениями средней тяжести старше 5–6 лет. Однако для этого необходимо создание специальных условий при проведении допроса и привлечение психологов, имеющих необходимую подготовку»⁵. М. М. Мамайчук считает, что самый ранний возраст ребенка, участвующего в судебно-следственных действиях – 2 года⁶.

На наш взгляд, Е. И. Цымбал указал оптимальный возраст, с которого несовершеннолетний может участвовать в допросе в качестве потерпевшего или свидетеля, поскольку «ребёнок в таком возрасте уже способен запоминать информацию в виде ярких образов, необычных по силе раздражителей»⁷.

Кроме продолжительности допроса к несовершеннолетним применяются отдельные правила вызова на допрос: «лицо, не достигшее возраста шестнадцати лет, вызывается на допрос через его законных представителей либо через администрацию по месту его работы или учебы» (ст. 191 УПК РФ).

Понятие законных представителей содержится в п. 12 ст. 5 УПК РФ: «законные представители – родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства». В данной правовой норме не упоминается свидетель, хотя несовершеннолетние дети нередко наблюдают насилие в семье. В связи с чем Э. Б. Мельникова (и мы разделяем ее мнение), обратив внимание на данный факт, справедливо предлагает внести дополнение в данную правовую норму, дополнив ее указанием на свидетеля, «поскольку сам УПК РФ предусматривает участие законных представителей в допросе несовершеннолетних потерпевших или свидетелей в ходе предварительной следствия»⁸.

Еще одной особенностью допроса несовершеннолетних потерпевших или свидетелей обязательным является участие в нем педагога или психолога в случаях, если они не достигли 16 лет либо достигли этого возраста, но страдают психическим расстройством или отстают в психическом развитии

⁴ Порубов Н. И. Информационная сущность допроса // Вестник Полоцкого государственного университета. 2015. № 4. С. 153–156.

⁵ Цымбал Е. И. Проблемы правового регулирования использования психологических познаний при проведении следственных действий с участием несовершеннолетних // Психолого-криминалистические проблемы раскрытия преступлений. Тезисы научно-практической конференции. Москва, 2013. С. 26.

⁶ Мамайчук И. И. Экспертиза личности в судебно-следственной практике : учебное пособие. СПб., 2014. С. 136.

⁷ Варлова А. О., Гнетова Л. В. Особенности допроса несовершеннолетних // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. Т. 1. Вып. 7 (33). С. 113.

⁸ Мельникова Э. Б. Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Москва : Дело, 2001. С. 86.

(ч. 1 ст. 191 УПК РФ). Заметим, что только в 2013 г. в УПК РФ в ст. 5 был введен п. 62⁹, раскрывающий понятие педагога: «педагог – педагогический работник, выполняющий в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся».

Рассматриваемое правовое положение не содержит указания на то, чье участие в допросе указанных лиц предпочтительнее – педагога или психолога. В связи с чем в науке высказано мнение о необходимости привлечения к процессуальным действиям с участием несовершеннолетних потерпевших или свидетелей, прежде всего, специалиста в области детской и юношеской психологии, и лишь при отсутствии такового, и как исключение – педагога¹⁰.

Возникает вопрос и о сущности процессуального статуса педагога психолога, поскольку он четко не определен в УПК РФ. Ученые склоняются к тому, что их статус, по сути, соотносится с процессуальным статусом специалиста, поскольку они привлекаются к участию в допросе как лица, обладающие специальными знаниями в области педагогики или психологии¹¹. Поэтому представляется возможным использовать мнение С. В. Матвеева для корректировки п. 62 ст. 5 УПК РФ следующим образом: «Психолог, педагог – это лица, владеющие специальными психолого-педагогическими знаниями, умениями и навыками, отражающими современный уровень развития науки и практики, оказывающие содействие следственным и судебным органам в производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, обладающие процессуальным статусом специалиста, предусмотренного статьей 58 УПК РФ»¹².

Подводя итог изложенному, отметим, что в российском уголовно-процессуальном законодательстве наблюдается тенденция расширения гарантий прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, проявляющуюся, в том числе, при допросе несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. Однако до сих пор не устранены все пробелы в правовом регулировании, в связи с чем необходимо дальнейшее совершенствование правил допроса указанной категории лиц.

⁹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 07.02.2021)

¹⁰ Костицкий В. М. Использование специальных психологических знаний в советском уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. Львов, 1990. С. 16.

¹¹ См., напр., Порубов Н. И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Минск : Издание Рассвет, 1973. С. 67.

¹² Матвеев С. В. Получение информации от несовершеннолетних, ее оценка и использование в уголовно-процессуальном доказывании. Москва : Издательство Юрист, 2003. С. 60.

Информация об авторе

Башкова Полина Сергеевна – студентка 3 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1. Электронный адрес: polinabaskova03@gmail.com. тел: 89519295898

**УДК 343.13
Б 83**

О. С. Боровик,

Я. С. Рогозина,

студентки 3 курса
ГКОУ ВО «Российская
таможенная академия»
Ростовский филиал

Медиация в уголовном судопроизводстве

В данной статье авторами рассматривается такой институт российского уголовно-процессуального права, как медиация. Будут подниматься такие проблемы как необходимость введения в УПК РФ отдельной нормы, регламентирующей эту процедуру и вопрос, который содержит в себе положения о расширении полномочий государственных должностных лиц и решения данных проблем.

Ключевые слова: медиация, уголовный процесс, медиатор, преступление, уголовно-процессуальное законодательство.

Такое явление как медиация считается новеллой отечественного права. Данный институт начал функционировать после того как Российская Федерация стала участником Совета Европы, и в соответствии с этим возложила на себя определенный круг обязательств, который включает в себя упрощение доступа к правосудию¹.

На сегодняшний день легального определения медиации нигде не закреплено, поэтому многомерность, а также совокупность значительного числа подходов к осмыслению термина создаёт целый спектр представлений и точек зрения, что и приводит к неизбежности рассуждений касаясь содержания и применения этого определения. Согласно наиболее распространенной точке зрения в нашем понимании медиация представляет собой один из способов урегулирования споров, при котором принимают участие не заинтересованные третьи лица, то есть медиатор, способствующий спорящим сформировать конкретное соглашение по спору.

Также необходимо обратить внимание на то, как это определение раскрывается в различных международных актах, например, в Рекомендации «О

¹ Кувалдина Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов России // Самара. 2018. С. 272.

медиации в уголовных делах» Комитета министров Совета Европы 1999 г. медиация раскрывается как процесс, в результате которого сторонам дается право в свободной форме урегулировать спор, привлекая при этом третью сторону – медиатора². Лицами, принимающие участие в данной процедуре являются: лицо, совершившее преступление и потерпевший.

Принципы функционирующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) не причисляют борьбу с преступностью как цель уголовно-процессуальной деятельности, а оглашает другую наиболее весомую цель, которая обозначается как осуществление продуктивной охраны прав и законных интересов физических лиц и организаций, пострадавших от преступлений (ст. 6 УПК РФ). Утверждается, что теория восстановления нарушенного преступлением права обширнее, нежели теория обязательного наказания за преступление, к этому же данная теория закономерно исходит из содержания ключевых общепризнанных норм УПК РФ. Это предоставляет вероятностность ученым говорить о необходимости добавления в главу 2 УПК РФ такого принципа – как целесообразность, который поможет стать фундаментом для развития такой процедуры в уголовном процессе, как медиация³.

Ранее в юридической науке нашей страны и на практике происходили бурные дискуссии по поводу практической реализации идей иного правосудия и внесудебного решения споров⁴. Большинство из них уже были включены в Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2010 № 193-ФЗ⁵, регламентирующий использование альтернативных процедур в гражданских и взаимодействующих с ними правоотношениях, вместе с тем сохраняя неурегулированными правовые отношения в уголовном процессе.

Заметим, что в УПК РФ имеются предпосылки к медиации. Так, например, ст. 25 УПК РФ определяет порядок прекращения уголовного дела по некоторым категориям преступлений при условии примирения сторон. Вследствие этого мы считаем возможным дополнить ст. 25 УПК РФ положениями о медиативной процедуре или и внести в УПК РФ новую статью, которая бы регламентировала данную процедуру.

В числе проблем в науке поднимается также вопрос о важности расширения компетенции и внедрения в уголовный процесс механизмов, которые будут содействовать дифференцированному подходу к делам разных категорий, отображающие значительную часть преступлений небольшой и средней тяжести, и образующие ведущую нагрузку мировых судей и районный

2 Савченко А. Н., Уренева О. В. Медиация в уголовном процессе. Челябинск, 2017. С. 5.

3 Воронина Ю. О. Медиация в уголовном судопроизводстве // Юридические науки. Ростов-на-Дону. 2018. С. 1-2.

4 Гладышева О.В. Семенов В.А. Уголовно–процессуальное право. Общая часть и досудебное производство: курс лекций. Москва, 2018. С. 319.

5 Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

судов⁶. На этот вопрос обращает внимание Совет Европы в Рекомендации от 17.09.1987⁷.

Полагаем, что их включение в законодательство или же расширение уже имеющихся компетенций никаким образом не должно противоречить конституционным нормам. Однако с другой стороны, такое расширение компетенций должно быть регламентировано законом. Рекомендация в данном случае ликвидирует произвольность в этом вопросе⁸.

Итак, включение новой процедуры медиации в любом ее виде в уголовный процесс нашей страны вызовет дополнительные преобразования в законодательстве. Включение медиации способствовало бы выполнению назначения уголовного судопроизводства о защите прав лиц, потерпевших от преступлений. Кроме того, принцип целесообразности не противоречит законности, так как представление дискреционных компетенций исполняется на основании и в целях, которые определены законами.

Проанализировав законодательство, а также учебную литературу, мы делаем вывод, что формирование медиативной процедуры совпадает с интересами любого правового государства, так как способствует:

1. Возникновению эффективной судебной системы.
2. Спаду объема судебных дел и расходов по ним.
3. Реализации быстротечного решения споров.
4. Осуществлению открытости и разносторонности процессуальных форм, вытеснению нелегальных средств и способов решения споров.

Итак, на сегодняшний день появилась потребность в создании нормативного акта, который будет определять проведение медиативных процедур, с введением конкретных норм в УПК РФ.

Информация об авторах

***Боровик Олеся Сергеевна** – студентка 3 курса, Российская таможенная академия (филиал). 344002, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, д. 20.*

Электронный адрес: lesya.borovik@list.ru

***Рогозина Яна Сергеевна** – студентка 3 курса, Российская таможенная академия (филиал). 344002, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, д. 20.*

Электронный адрес: yaninashusha1807@mail.ru

⁶ Воронина Ю.О. Медиация в уголовном судопроизводстве // Юридические науки. Ростов-на-Дону. 2018. С. 1-2.

⁷ Воронина Ю.О. Указ. соч. С. 2.

⁸ Шатихина Н.С. Институт медиации в российском уголовном праве // Санкт-Петербург. 2018. С. 67.

УДК 343.13
Б 91

Е. А. Бурмакин,

студент 5 курса

*Иркутский институт (ф) ВГУЮ
РПА (Минюста России)*

Проблема регламентации процессуального статуса лица, в отношении которого производится проверка сообщения о преступлении

В данной статье раскрываются проблемы, связанные с регламентацией процессуального статуса лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, а также предлагаются пути разрешения данных проблем.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, процессуальный статус, проверка сообщения о преступлении.

Как известно, стадия возбуждения уголовного дела предполагает наличие проверки сообщения о преступлении, как одного из обязательных элементов рассматриваемой стадии. На основе данной проверки в соответствии с ч. 8 ст. 144 УПК РФ принимается процессуальное решение, которое будет иметь важное значение для лица, в отношении которого проводилась данная проверка, если будет принято решение о возбуждении уголовного дела. Следовательно, процессуальный статус данного лица требует четкой правовой регламентации.

В настоящий момент в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве (далее – УПК РФ) не существует разграничения участников проверки сообщения о преступлении, то есть, данные лица, в частности, заявитель, очевидец и лицо, в отношении которого проводится данная проверка, обладают одинаковыми правами и обязанностями. В 2013 г. законодатель внес дополнения в ст. 144 УПК РФ, связанную с правовой регламентацией вышеуказанных лиц¹. В частности, согласно ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, теперь им предоставляется право: не свидетельствовать в отношении самого себя и своих близких родственников; пользоваться услугами адвоката; приносить жалобы на действия и решения дознавателей, следователей и иных участников уголовного судопроизводства.

Проанализировав содержание ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, можно прийти к выводу о том, что лицо, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении, не обладает тем объёмом процессуальных прав, которыми обладает подозреваемый. В частности, в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ не регламентировано право предоставлять доказательства. Вместе с тем Кон-

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 4 марта 2013 г.: в ред. от 30 декабря 2015 г. № 23-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ституция Российской Федерации предоставляет каждому право на судебную защиту (ст. 46). Представляется, что право на судебную защиту охватывает собой, в частности, и право предоставлять доказательства. Гипотетически на практике может возникнуть ситуация, когда лицо, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении, не сможет предоставить доказательство, указывающее на его непричастность к совершению преступного деяния, что в последующем может повлиять на объективность предварительного расследования.

Конечно, данное лицо будет вправе предоставить доказательства уже в статусе подозреваемого, после возбуждения уголовного дела, однако в данном случае может идти речь, например, о доказательствах, требующих их незамедлительной фиксации ввиду воздействия на данное доказательство окружающей обстановки. Соответственно, если доказательство не будет зафиксировано и, следовательно, утрачено до стадии предварительного расследования, то это может повлиять на полноту проведенного расследования в дальнейшем.

Как уже было сказано ранее, лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, вправе не свидетельствовать против самого себя и близких родственников, однако, из формулировки данной нормы следует, что вышеуказанное лицо не вправе отказаться от дачи объяснений, что, по нашему мнению, является ущемлением прав и законных интересов данного лица. Кроме того, УПК РФ предоставляет право участникам проверки на обжалование действий и решений участников уголовного судопроизводства, перечисленных в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ. Однако и здесь встает вопрос о документальном закреплении того факта, что в отношении лица производится проверка сообщения о преступлении. На сегодняшний день данный факт никак не оформляется никаким процессуальным документом. Разумеется, сложившаяся ситуация требует доработки действующего уголовно-процессуального законодательства.

Какие предложения выдвигаются для разрешения данной проблемы? В научных кругах ряд авторов предлагают пойти по пути слияния стадии возбуждения уголовного дела со стадией предварительного расследования². По такому пути пошли такие страны, как, например, Украина и Казахстан. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве данных государств предусмотрено, что уголовное судопроизводство, в частности, сбор необходимых доказательств начинается только после возбуждения уголовного дела.

Представляется, что для нашей страны такой подход является неприемлемым. Дело в том, что если мы обратимся к законодательству данных

² См., напр., Малышева О. А. Досудебное производство в российском уголовном процессе: проблемы реализации и правового регулирования: проблемы реализации и правового регулирования: 12.00.09 : автореф. дис...доктора юр. наук, Москва, 2013, С. 51.

стран, например, взглянем на ст. 202 УПК Республики Казахстан³, то мы увидим, что уголовное дело в этой стране может быть возбуждено только после установления обстоятельств, свидетельствующих о наличии в деянии признаков преступления. Встает закономерный вопрос: каким образом данные обстоятельства могут быть установлены? Разумеется, данные обстоятельства будут устанавливаться еще до возбуждения уголовного дела. Однако ввиду того, что в действующем УПК Республики Казахстан нет стадии возбуждения уголовного дела, то и не регламентирован процессуальный статус участников уголовного судопроизводства до начала процесса. Ввиду этого на практике возникают случаи нарушения прав граждан до возбуждения уголовного дела.

Некоторые исследователи предлагают вообще исключить стадию возбуждения уголовного дела из УПК РФ⁴. Категорически не согласен с данным подходом по той же причине. Данный шаг приведет к ущемлению прав будущих участников уголовного судопроизводства.

В. А. Азаров считает, что стадия возбуждения уголовного дела является гарантом качественной проверки сообщений о преступлениях. При этом, по его мнению, раскрывая в ч. 1.1. ст.144 УПК РФ права участников проверки сообщений о преступлениях, законодатель укрепил самостоятельность данной стадии уголовного судопроизводства⁵.

Выход из данной ситуации, как видится, лежит в доработке ст. 144 УПК РФ, а именно, необходимо разграничить лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении на три категории:

- 1) лица, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении;
- 2) очевидцы преступления;
- 3) пострадавшие лица.

Указанные лица должны быть наделены правами подозреваемого, свидетеля и потерпевшего соответственно, в той мере, в которой они необходимы для защиты своих законных интересов в связи с принимаемыми процессуальными действиями и решениями на стадии возбуждения уголовного дела.

Информация об авторе

Бурмакин Егор Алексеевич – студент 5 курса. Иркутский институт (ф) ВГУЮ РПА (Минюста России). 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4. Тел.: 89834189663. Электронный адрес: burmakin_1997@bk.ru

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗПК. URL : <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения 12.02.2021).

⁴ Федорова И. А. Регулирование процессуального статуса уголовно преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 3. С. 18.

⁵ Азаров, В.А. Целесообразно ли наличие в отечественном в уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела? / В.А. Азаров // Уголовная юстиция. 2014. №2(4). С. 15.

УДК 343.13
В 57

Е. Ю. Владимиров,

студент 3 курса
ИЮИ (ф) УП РФ

**Целесообразность отказа от статуса обвиняемого
в пользу статуса подозреваемого**

В статье рассматривается вопрос о необходимости отказа от процедуры предъявления обвинения и отказа от статуса обвиняемого и замены её процедурой предъявления подозрения. Анализируются мнения ученых по данной проблеме. Обосновывается нецелесообразность отказа от обвинения в пользу подозрения.

Ключевые слова: уголовный процесс, статус обвиняемого, статус подозреваемого.

В современной процессуальной доктрине некоторыми учёными высказывается предложение об отмене процедуры предъявления обвинения и, соответственно, об отказе от такого участника процесса, как обвиняемый¹. Так, Б. Я. Гаврилов пишет: «В настоящее время имеются все условия для упразднения статуса обвиняемого на стадии предварительного расследования. Если в отношении конкретного гражданина у следователя сформировано обоснованное подозрение, он должен иметь возможность вынести постановление о признании этого лица подозреваемым. В нем, в отличие от постановления о привлечении в качестве обвиняемого, не требуется ссылка на обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии с пунктами 1-4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ»².

Прежде, чем высказать свою позицию по данному вопросу, полагаем необходимым обратиться к понятию обвинения, а также к истории появления в законодательстве таких участников, как обвиняемый и подозреваемый.

Впервые термины «обвиняемый», «подозреваемый» появились в Уставе Уголовного Судопроизводства 1864 г., однако принципиальных различий между статусами этих участников не было. Различие между ними было установлено в 1898 году определением Высшего дисциплинарного присутствия Сената. Его содержание сводилось к необходимости вынесения судебным следователем постановления о привлечении лица, подлежащего приводу и призыву, в качестве обвиняемого, на которого падает подозрение в совершении преступления. Подозреваемый, в свою очередь, появлялся при произ-

¹ Гаврилов Б. Я. Предъявление обвинения: современное состояние и проблемы правоприменения // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 10. С. 38-40; Волчецкая Т. С., Петров И. В. Предъявление обвинения в уголовном процессе: архаизм или насущная необходимость? // Современное право. 2011. № 12. С. 89-92.

² Там же.

водстве по уголовному делу, в котором была необходимость в проведении предварительного следствия³.

В соответствии с положениями УПК РСФСР 1960 г. подозреваемым признавалось, во-первых, лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, во-вторых, лицо, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения. Одновременно обозначилось отношение законодателя к подозреваемому как к менее важному и значимому участнику уголовного судопроизводства по сравнению с обвиняемым. Об этом свидетельствует сопоставление процессуальных статусов названных участников процесса: подозреваемый в отличие от обвиняемого не является обязательным участником процесса, у подозреваемого меньший объем прав по сравнению с обвиняемым.

Несмотря на то, что действующим УПК РФ были расширены основания наделения лица статусом подозреваемого, тем не менее, отношение к нему законодателя осталось прежним – меньший объем полномочий по сравнению с обвиняемым. Возникает вопрос о целесообразности существования двух самостоятельных участников процесса, в отношении которых осуществляется уголовное преследование.

При ответе на этот вопрос необходимо исходить из сущности подозрения и обвинения. Е. В. Сопнева полагает, что «... понимание подозрения в русском языке позволяет придать этому понятию статус предположения, т.е. возможности совершения незаконного поступка (в нашем случае – преступления). Само значение слова «подозрение» говорит о сомнении, предположении о чем-либо, например о том, что лицо совершило преступление. В противном случае речь будет идти об обвинении, которое имеет иную правовую природу – утверждение. Обвинение – это признание виновным в чем-нибудь, приписывание кому-нибудь какой-либо вины»⁴.

Аналогичного мнения придерживается И. С. Дикарев, считающий, что «подозрение, как и обвинение, представляет собой определенный тезис, подлежащий проверке и доказыванию в ходе предварительного расследования. Отличие подозрения от обвинения состоит в степени обоснованности этого тезиса. Таким образом, подозрение носит предположительный характер, а обвинение – утвердительный»⁵.

И действительно, в основании появления статуса подозреваемого лежит ни что иное, как предположение уполномоченного лица о совершенном преступлении, выдвигаемое на основании сведений (улик), появляющихся в результате оперативных-розыскных мероприятий или процессуальных действий, результаты которых позволяют выдвинуть различные гипотезы, кото-

³ Парфенова М. В. процессуальный статус подозреваемого и обвиняемого: от устава уголовного судопроизводства до Уголовно-процессуального кодексу Российской Федерации // 150 лет российской адвокатуры: итоги и перспективы : сборник научных статей / под. ред А. В. Кузнецов. Москва, 2014. С. 30-33.

⁴ Сопнева Е. В. Статусы подозрения и обвинения в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 105 – 113.

⁵ Дикарев И. С. Подозрение в уголовном процессе // Законность. 2013. № 8. С. 20 – 22.

рые могут противоречить друг другу.

В свою очередь обвинение в своей основе содержит два элемента: первый – это чёткое установление совершенного преступления и второй – установление лица, совершившее преступление. Для существования данных элементов необходимо наличие достаточного количества доказательств, позволяющих не предполагать, а утверждать о совершенном конкретном преступлении и о конкретном лице, его совершившем. Так, согласно ч. 1 ст. 171 УПК РФ постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого выносится при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления. Для выдвижения же подозрения ст. 223.1 УПК требует достаточных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления.

Нельзя не согласиться с мнением, что «... подозрение, по сути являясь предположением о причастности лица к совершенному преступлению, таит в себе более высокую вероятность ошибки, чем основанное на совокупности достаточных доказательств обвинение в совершении лицом преступления»⁶.

Кроме того, немаловажным является и функциональное назначение подозрения и обвинения. Так, назначение подозрения заключается в том, чтобы не дать лицу, причастность которого установлена в ходе предварительного расследования, возможности скрыться от органов следствия (дознания) или скрыть следы преступления. Назначение же обвинения состоит в возможности привлечь к уголовной ответственности лицо, виновное в совершении преступления на основании неопровержимых доказательств, отличающих подозрение от обвинения (подозреваемый не может быть привлечён к уголовной ответственности).

Наряду с указанными выше существуют и другие различия между статусами подозреваемого и обвиняемого. А. А. Давлетов отмечает, что подозрение и обвинение различаются по ряду иных признаков: целям и задачам, правомочиям уголовно преследуемого лица, особенностям применения к нему мер принуждения и др.⁷

Таким образом, полагаем необходимым сохранить в уголовном судопроизводстве в качестве самостоятельных статусы подозреваемого и обвиняемого.

Информация об авторе

Владимиров Ефим Юрьевич – студент 3 курса Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). г. Иркутск, ул. Шевцова, 1;
e-mail: bedyinnet@mail.ru

⁶ Лавдаренко Л. И., Амосова Т. В., Борбат А. В. Выдвижение обвинения как условие применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Российский следователь. 2020. N 2. С. 12 – 16.

⁷ Давлетов А. А., Федорова И. А. Уведомление о подозрении - процессуальная форма признания лица подозреваемым в стадии возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. 2016. № 12. С. 31 – 33.

УДК 343.13
Г 61

И. А. Головатинская,
магистрант 2 года обучения
ИЮИ (ф) УП РФ

**Отдельные актуальные вопросы прокурорского надзора
за исполнением законов при приеме, регистрации и рассмотрении
сообщений о преступлении**

В работе исследуются вопросы прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении. Выявляются проблемы нормативного регулирования в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: проверка сообщения о преступлении, регистрация, стадия возбуждения уголовного дела, прокурор, прокурорский надзор.

Анализ норм глав 19–20 УПК РФ позволяет выделить несколько самостоятельных и последовательных этапов в стадии возбуждения уголовного дела: принятие сообщения о преступлении, проверка сообщения о преступлении, разрешение сообщения о преступлении. Соответственно деятельность прокурора по надзору за исполнением законов в стадии возбуждения уголовного дела должна осуществляться на каждом из этих этапов. Прокурорский надзор за исполнением законов при приеме, проверке и разрешении сообщения о преступлении выступает важнейшей гарантией защиты прав и свобод человека и гражданина со стороны государства, поскольку от эффективности обеспечения прав личности на стадии возбуждения уголовного дела зависит законность всей уголовно-процессуальной деятельности.

Согласно статистическим данным, размещенным на официальном сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации, большая часть нарушений законов в досудебном производстве выявляется именно при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении. Так, в 2019 г. органами прокуратуры было выявлено 5 139 782 нарушений законов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, при этом практически 3 627 932 (т. е. 71 %) выявленных нарушений совершены при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении¹. Указанные нарушения опасны тем, что они создают для граждан препятствия к реализации конституционного права на судебную защиту. В связи с этим, мы придерживаемся позиции тех авторов, которые считают, что прокурор должен проводить активную проверочную работу по выявлению фактов нарушения закона при приеме, регист-

¹Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2019 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/5fb/0112_2019.pdf (дата обращения: 10.02.2021).

рации и рассмотрении сообщений о преступлениях, требовать их устранения и привлечения виновных лиц к ответственности, используя при этом весь арсенал предусмотренных законом мер прокурорского реагирования².

Одной из причин достаточно большого количества нарушений, выявляемых при приеме, регистрации и рассмотрении сообщения о преступлении, на наш взгляд, выступает неполнота правового регулирования рассматриваемого вопроса. В ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) содержатся самые общие нормы, регламентирующие процедуру приема сообщения о преступлении. Более подробно порядок приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлении урегулирован только в ведомственных актах МВД, ФСБ, Следственного Комитета и Генеральной прокуратуры Российской Федерации, что затрудняет единообразное толкование и применение закона по рассматриваемому вопросу и вряд ли способствует укреплению законности. В связи с этим В. В. Будченко справедливо отмечает, что все вопросы уголовного судопроизводства согласно статье 1 УПК РФ должны регулироваться только Уголовно-процессуальным кодексом, как законом специального назначения, а также международными нормами и договорами. Кроме того полномочия сотрудников правоохранительных органов, разбросанные по разным ведомственным актам, в определенной мере различаются между собой, что недопустимо с позиции единообразного понимания цели уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) и способов ее достижения³. Мы разделяем данное мнение и считаем, что деятельность должностных лиц на стадии возбуждения уголовного дела должна быть преимущественно урегулирована нормами УПК РФ, а не подзаконными нормативными актами. «Чрезмерная роль подзаконного нормотворчества в регулировании первоначальной стадии уголовного судопроизводства является неоправданной»⁴.

В связи с этим полагаем возможным обозначить некоторые проблемы в правовом регулировании процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела и способы их разрешения.

Прежде всего, обращаем внимание на несоответствие правовых норм, регулирующих порядок принятия сообщения о преступлении, изложенных в разных главах УПК РФ. Так, в ст. 144 УПК РФ используется только термин «принятие» сообщения о преступлении, термин «регистрация» как элемент рассмотрения сообщения о преступлении не указан. В то же время в п. 1, 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ при регулировании полномочий прокурора по осуществлению надзора за данной деятельностью законодатель использовал уже два термина: «принятие» и «регистрация» сообщения о преступлении, признав

² Воронин С. Э., Кириенко Н. А. Прокурор как участник уголовного судопроизводства: монография. Биробиджан, 2012. С. 53.

³ Будченко В. В. Проверка поводов для возбуждения уголовного дела // Законность. 2008. № 11. С. 53.

⁴ Веретенников Н. В. Обеспечение прокурором законности в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис.... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Ростов-на-Дону, 2009. С. 18.

таким образом их разное значение. Разное значение рассматриваемых терминов обозначено и в соответствующих ведомственных нормативных актах, где указано, что деятельность по принятию сообщения о преступлении включает в себя действия по приему сообщения о преступлении и дальнейшей его регистрации⁵.

Полагаем, что с целью единообразного толкования и применения нормативных предписаний, регулирующих деятельность в стадии возбуждения уголовного дела и полномочия прокурора по осуществлению надзора за данной деятельностью, в УПК РФ в ч. 1 ст. 144 УПК РФ целесообразно внести изменения, дополнив ее термином «регистрация» и установить обязанность должностного лица, принимающего сообщение о преступлении, зарегистрировать его.

Затем целесообразно в УПК РФ установить срок регистрации сообщения о преступлении, например, используя термин «незамедлительно», как, например, было указано в совместном приказе ряда правоохранительных ведомств от 29 декабря 2005 г.: «Должностное лицо, принявшее сообщение о преступлении, обязано принять меры к незамедлительной регистрации принятого сообщения»⁶.

В настоящее время в УПК РФ такой нормы нет. Однако наличие в ведомственных нормативных актах указания на необходимость регистрации поступающих сообщений о преступлениях, повлияло на неоднозначность в понимании начального момента исчисления срока проверки сообщения о преступлении. Одни авторы полагают, что указанный срок должен исчисляться с момента приема сообщения о преступлении, вторые – с момента регистрации сообщения о преступлении, третьи считают, что эти моменты должны совпадать⁷. Мы поддерживаем мнение, согласно которому исчисление срока рассмотрения сообщения в настоящее время должно исчисляться со дня его поступления, а не регистрации⁸.

Таким образом, для достижения необходимого уровня правообеспечения необходимо усовершенствование правового регулирования порядка принятия сообщений о преступлении, установленного в УПК РФ. Предлагаемые нами способы решения рассматриваемых проблем в правовом регулировании деятельности по возбуждению уголовного дела позволят устранить имеющиеся в УПК РФ несоответствия норм, регламентирующих надзорную дея-

⁵Об утверждении инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29 августа 2014 г. № 736 // Российская газета. 2014. 14 нояб.

⁶ О едином учете преступлений : приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г (ред. от 15.10.2019) // Российская газета. 2006. 25 янв.

⁷ Чубыкин А. В. Процессуальный статус прокурора в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2014. С. 108.

⁸Химичева Г. П. Возбуждение уголовного дела: проблемы правовой регламентации и совершенствования деятельности // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2003. № 2. С. 190.

тельность прокурора в стадии возбуждения уголовного дела с одной стороны, и деятельность должностных лиц по принятию сообщения о преступлении, являющуюся предметом надзора, с другой.

Информация об авторе

Головатинская Ирина Александровна – магистрант 2 года обучения, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).
664032, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

УДК 343.852

Д 18

В. Е. Данилина,

Р. В. Носырев,

*студенты 3 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Залог как мера пресечения в уголовном процессе

В статье прослежены исторические закономерности развития института залога как меры пресечения в отечественном законодательстве; исследованы сущность и правовая природа залога как меры пресечения; сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в области избрания и применения залога.

Ключевые слова: залог, мера пресечения, уголовный процесс, следователь, дознаватель.

В правоприменительной практике, затрагивающей права, свободы и законные интересы человека и гражданина центральное место занимает их защита со стороны государства. В уголовном процессе одними из основных норм, затрагивающих права, свободы и законные интересы гражданина являются меры пресечения. В связи с тем, что они ограничивают права и свободы подозреваемого или обвиняемого, их применение должно быть законным и обоснованным. В практике применения органами дознания или следствия применяются в основном две меры пресечения: подписка о невыезде и заключение под стражу. При этом стоит заметить, что другие меры закреплены на законодательном уровне, но практически не используются органами дознания и следствия. Залог является одной из таких мер пресечения, практики использования которой практически нет.

История развития института залога известно Российскому праву еще со времён «Русской Правды». Свою первую правовую регламентацию залог находит в Судебных уставах 1864 г. Как справедливо замечал И. Я. Фойницкий: «Устав 1864 года кардинальным образом реформировал свод о мерах пресечения в уголовном процессе. Стремясь оградить интересы гражданской и

личной свободы, они значительно сузили применение личного задержания и дали широкое развитие другим мерам, предполагающим оставление обвиняемых на свободе»¹. Но столь широкого применения залог, как мера пресечения, все же не получил.

С развитием уголовного процессуального законодательства залог получил своё закрепление в большинстве правовых актах, но практики использования его практически не было. Если обратиться к ст. 99 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) РСФСР, то там указано, что «залог состоит во внесении денег или ценностей на депозит обвиняемым, подозреваемым либо другим лицом и организацией в обеспечении явки обвиняемого, подозреваемого по вызовам лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда»². То есть при внесении под залог определенного имущества, человек обвиняемый или подсудимый оставался на свободе: это является положительным аспектом. Но практики применения залога в РСФСР не было, это, возможно, было связано с государственной политикой государства и принимаемыми мерами по борьбе с преступностью.

УПК РФ 2001 г. в ст. 106 закрепил залог как меру пресечения, которая состоит во внесении или в передаче подозреваемым или обвиняемым либо другим лицом недвижимого имущества и движимого в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций в целях обеспечения явки подозреваемого либо обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд, предупреждения совершения новых преступлений³. Чёткого определения залога в законодательстве нет, поэтому некоторые учёные обращаются к гражданскому законодательству. Мы считаем, что залог в уголовном процессе и гражданском праве нельзя отождествлять, поэтому считаем необходимым включить в ст. 5 УПК РФ определение залога в уголовном процессе.

В п. 45. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 41 указано, что при определении вида и размера залога судам надлежит учитывать характер совершенного преступления, данные о личности подозреваемого или обвиняемого, имущественное положение залогодателя, а также характер и размер вреда, причиненного преступлением⁴.

Необходимо также отметить, что законодатель закрепил особенность залога: специфика воздействия на подозреваемого либо обвиняемого. Не ограничивая право на свободу, залог воздействует через психологическое и ма-

¹Фойницкий И. Я. История развития залога // Вестник правовой практики, 2006. № 125. С. 15–18.

² Уголовный процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Республики от 27 октября 1960 г. [утратил силу].

³Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ [редакция от 19 декабря 2020]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда от 19.12.2013 № 41. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8379/> (дата обращения: 09.02.2021).

териальное стимулирование. Считаю, что с учётом данной особенности применение залога в отношении лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления против личности или в составе группы лиц или организованной группы будет нецелесообразным.

Целями залога являются обеспечение явки к дознавателю, следователю или в суд, а также для предупреждения совершения нового преступления этим лицом. То есть подозреваемый или обвиняемый обеспечивает данную обязанность из-за страха потерять денежную сумму или имущество.

Установив факт нарушения обязательств, связанных с внесённым залогом, суд разрешает вопрос об изменении меры пресечения (на домашний арест, заключение под стражу) и обращении залога в доход государства⁵.

Например, в приговоре Нерюнгринского городского суда № 1-155/2020 обвиняемый Т. нарушил обязательства, связанные с внесением залога, вследствие чего залог в размере 230 000 рублей подлежит обращению в доход государства⁶. Сумма залога являлась для обвиняемого значительной, поскольку на его иждивении находилась нетрудоспособная мать с онкологическим заболеванием.

Обратимся к сумме залога, законодатель закрепляет минимальные суммы: за преступления небольшой и средней тяжести – не менее 50 тыс. руб., за преступления тяжкие и особо тяжкие не менее 500 тыс. руб. То есть решая вопрос о применении данной меры пресечения суд связан этими суммами и не может назначить меньше. Обратимся к судебной практике, например, в апелляционном постановлении № 22-127/2020 районного суда Еврейской автономной области определено об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу на залог в сумме 700 000 в отношении обвиняемого⁷.

Т. И. Шаповалова поддерживает позицию российского законодателя: «к определению размера залоговой суммы следователь должен подходить дифференцированно в каждом конкретном случае, с учетом всех обстоятельств дела, в том числе имущественного положения обвиняемого, подозреваемого и залогодателя. Иной подход к решению данного вопроса неизбежно приведёт к нарушению одного из основополагающих принципов уголовного процесса – равенства граждан перед законом и судом»⁸. Мы считаем, что определять сумму залога в зависимости от вида совершенного преступления, вины преступника и отношения к совершённым преступлениям, а также брать во внимание имущественное положение семьи подозреваемого либо обвиняемого.

⁵О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда от 19.12.2013 № 41. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8379/> (дата обращения: 09.02.2021).

⁶Шаповалова Т. И. Проблемы применения залога // Вестник правовой практики, 2012. № 125. С.15–18.

⁷Постановление № 22-127/2020 от 25 марта 2020 г. по делу № 3/2-27/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL : <https://sudact.ru> (дата обращения: 31.01.2021).

⁸Шаповалова Т. И. Указ. соч. С. 17.

В настоящее время мы можем заметить тенденцию в развитии института залога в уголовном процессе, если анализировать судебную практику, то в каждом субъекте Российской Федерации он применяется очень редко. Цель государства – стимулировать общество к не совершению общественно опасного деяния под угрозой наказания, а для тех, кто уже совершил, стимулирование к перевоспитанию и предупреждению совершения новых. Но не следует забывать, что достигнуть этих целей мы можем не только заключением под стражу на стадии расследования, но и, не ограничивая конституционное право человека на свободу. Имущественный эквивалент в современном обществе играет большую роль, поскольку именно он отражается на дальнейшем благосостоянии, как самого преступника, так и его семьи. В случае соблюдения всех ограничений, которые были возложены судом, сумма залога вернется. Например, Южно-Сахалинский городской суд в приговоре № 1-639/2020 указал, что на досудебной стадии в отношении подсудимого была избрана мера пресечения – залог в виде денег в размере 400 000 рублей. Данная сумма, в соответствии с ч. 10 ст. 106 УПК РФ, по вступлении приговора в законную силу, подлежит возвращению залогодателю⁹.

Таким образом, можно сделать вывод, что редкое применение залога в качестве меры пресечения обуславливается историческим развитием со времени его появления и до настоящего времени. Причины могут быть разнообразными, но одна из основных – это привычнее применять заключение под стражу, чтобы точно не скрылся преступник. Необходимо развивать институт залога в современном уголовном процессуальном праве, поскольку он не столько ограничивает личные права человека, сколько имущественные. Но необходимо принимать во внимание тяжесть совершённого преступления, личность подозреваемого либо обвиняемого, имущественное положение его семьи и его финансовые возможности.

Информация об авторах

Данилина Виктория Евгеньевна – студентка 3 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: v.danilin13@yandex.ru;

Носырев Роман Вячеславович – студент 3 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: roman-nosyrev@mail.ru

⁹Приговор № 1-639/2020 от 21 мая 2020 г. по делу № 1-639/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 31.01.2021).

УДК 343.131
И 18

В. С. Иванушкина,

*студентка 3 курса, ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная
юридическая академия»*

Гуманизм как принцип уголовного процесса

В статье анализируется сущность принципа гуманизма как основополагающей идеи уголовного процесса, рассматриваются позиции как ученых, так и практических работников. Автор приходит к выводу о необходимости законодательного закрепления гуманизма в качестве принципа уголовного процесса. Аргументируется значимость гуманистических ценностей не только для уголовно-процессуального, но и для иных отраслей права.

Ключевые слова: гуманизм, принципы уголовного процесса, уголовное судопроизводство.

Уголовное судопроизводство осуществляется на основе уголовно-процессуальных принципов, закрепленных в гл. 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Однако является ли система данных принципов полной, не нуждается ли в совершенствовании и дополнении?

По мнению С. М. Прокофьевой, данной системе не достает гуманистической направленности, что «гуманистические ценности должны быть введены в уголовное судопроизводство в виде самостоятельных правовых норм, чтобы всякий человек мог не выискивать гуманный смысл правил проведения, например, различных следственных действий, а сослаться на конкретную статью и заявить о ее нарушении»¹.

Принцип гуманизма в общем понимании означает правовое закрепление и реальную гарантию естественных и неотъемлемых прав и свобод каждого человека: права на жизнь, здоровье, личную свободу, неприкосновенность, безопасность, права на охрану своей чести, достоинства, репутации, защиту от произвольного вмешательства в личную жизнь. Вышеназванный принцип закреплен в различных международно-правовых актах, например, в Европейской социальной хартии № 163², Конвенции о защите прав человека и основных свобод № 005³, где императивно установлено, что никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

¹ Прокофьева С. М. Гуманистические начала уголовного судопроизводства : 12.00.09 : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 1999. С. 68.

² Европейская Социальная Хартия ETS № 163 (пересмотренная) (Страсбург, 3 мая 1996 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 8. Ст. 781.

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

В действующем УПК РФ данный принцип не закреплен в конкретной норме и его можно рассматривать в качестве основополагающей идеи уголовного судопроизводства.

Интересно, что в уголовном законодательстве, имеющим непосредственную связь с уголовно-процессуальным, принцип гуманизма закрепляется в ст. 7 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) Данная статья определяет основы назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств. Вместе с тем, УПК РФ раскрывает порядок принятия такого решения и наделяет полномочиями субъектов, участвующих в данной процедуре. Как представляется, именно в этом случае, в процессе принятия конкретного решения, уполномоченный на это субъект (например, судья) руководствуется гуманистическими началами. Следовательно, принцип гуманизма не только присущ уголовному процессу, но и имеется объективная необходимость его законодательного закрепления как принципа в УПК РФ⁴.

Необходимость гуманизма как принципа уголовного процесса объективно обоснована, так как он важен для отражения сущности и назначения уголовного судопроизводства, поскольку служит защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Фундаментальный и императивный характер принципа проявляется в конкретных процессуальных нормах, в том числе и в нормах-запретах (например, запрещается проводить допрос несовершеннолетнего старше четырнадцати лет без перерыва более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день).

Данный принцип носит общеправовой характер и получает дальнейшую конкретизацию и детализацию в соответствующих нормах уголовно-процессуального закона. Гуманизм по отношению к уголовному судопроизводству отличается значительной продолжительностью существования, хотя в нормах уголовно-процессуального закона он отражен не был. Этот принцип отражает существующую действительность и основные закономерности развития общества, а также потребности общества в гуманизации уголовно-процессуального законодательства и практики его применения. Следовательно, гуманизм имеет самостоятельное значение для реализации назначения уголовного процесса.

Требование гуманности уголовного процесса выражается, в том числе, в максимальном ускорении его стадий в интересах защиты прав и законных интересов как потерпевшего, так и подозреваемого, обвиняемого и других участников уголовного судопроизводства, а также в обеспечении реализации назначения уголовного судопроизводства.

Изложенное позволяет утверждать, что гуманизм как правовое явление соответствует критериям отнесения его к принципам уголовного судопроиз-

⁴Головинская И. В. Гуманизм как принцип уголовного процесса // Право, криминалистика и судебная медицина. URL : http://www.rusnauka.com/7_NITSB_2014/Pravo/11_160179.doc.htm (дата обращения: 04.02.2021).

водства и нуждается в формальном закреплении его в отдельной статье гл. 2 УПК РФ.

Информация об авторе

Иванушкина Виктория Сергеевна – студентка 3 курса Института юстиции ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». 410076, г. Саратов, ул. Орджоникидзе, 42А, кв. 487. Тел.: 8-987-954-46-34. Электронный адрес: vi.iva13@yandex.ru

**УДК 343.195.3
К 20**

А. С. Каплунов,

аспирант кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

**Проблема методологического критерия оценки доказательств
присяжными заседателями**

В статье анализируются проблемы поддержания государственного обвинения в суде присяжных в призме реализации механизма принципа свободы оценки доказательств. Рассмотрены особенности влияния правосознания присяжных на вынесение ими вердикта.

Ключевые слова: государственное обвинение, суд присяжных, доказывание, совесть.

Доказывание как комплекс процессуальных и мыслительно-логических операций и процедур, направленных на познание и удостоверение обстоятельств уголовного дела, аргументацию юрисдикционных решений в современном российском уголовном процессе, детерминировано и обусловлено различными политическими, историческими, социальными и культурными факторами¹. Оценка доказательств выступает обязательным элементом процесса доказывания согласно нормам ст. 85 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Переход от формальной системы оценки доказательств к свободной, равно как и введение суда присяжных в истории уголовного процесса – все это является показателями развития демократизма и совершенствования правовой системы. Подобные юридические принципы и институты призваны гармонизировать судебную систему, придать ей гуманистическую направленность. Как справедливо указали авторы Концепции судебной реформы 1991 г., присяжные заседатели привносят в уголовное судопроизводство на-

¹ Россинский С. Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: дис. ... док. юрид. наук. М., 2015. С. 15.

родное правосознание и здравый смысл².

В соответствии с принципом свободы оценки доказательств, установленным ч. 1 ст. 17 УПК РФ, присяжные заседатели, прокурор и иные участники судопроизводства оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Учитывая то обстоятельство, что коллегия присяжных создается для разрешения вопросов о фактических обстоятельствах дела, а сами присяжные, выступают «судьями факта», в науке уголовного процесса к настоящему времени сложилась проблема определения действия совести как методологической установки в оценке присяжными доказательств, представленных по уголовному делу, связанная с механизмом её реализации.

Актуальность данной проблемы подтверждается данными правоприменительной практики. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации в 1 полугодии 2020 г. доля лиц, оправданных судом присяжных, от общего числа лиц, чьи уголовные дела рассматривались в данной форме, составляет 28 %, в то время как доля лиц, оправданных судьей единолично, составляет 0,25 %³, т. е. доля первых в 112 раз превышает долю вторых. Учитывая, что единолично мировыми и федеральными судьями рассматривается большинство уголовных дел, а судьей с коллегией присяжных заседателей может быть рассмотрено гораздо меньшее их количество, то такой дисбаланс говорит о том, что государственные обвинители в суде присяжных недостаточно полно реализуют, в том числе, полномочия по участию в доказывании, что приводит к высокой доле оправдательных приговоров. Для государственного обвинителя, как участника судопроизводства, для которого реализация активной позиции по рассматриваемому делу – служебная обязанность⁴, подход к решению данной научной проблемы имеет ключевое значение, так как позволяет наиболее эффективно реализовать функцию обвинения в суде с участием присяжных.

Чтобы обосновать разрешение проблемы методологического критерия оценки доказательств присяжными заседателями, необходимо определить роль совести в сфере уголовно-процессуальной деятельности. В настоящее время в науке уголовного процесса нет единого подхода к предикции атрибутов совести при оценке доказательств. По мнению И. Ю. Панькиной, совесть в науке уголовного процесса выступает прямым продолжением осознания индивидом нравственных норм и пережитых чувств⁵. С. В. Шевченко

² См.: Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного совета РСФСР. № 44. Ст. 1435.

³ Ведомственное статистическое наблюдение «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 6 мес. 2020 г.». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461> (дата обращения: 03.02.2021).

⁴ Приказ Генерального прокурора РФ от 25 декабря 2012 № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // Доступ из Справ. правовой системы «Консультант Плюс».

⁵ Панькина И. Ю. Нравственная основа оценки доказательств в суде с участием присяжных заседателей // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2006. № 5. С. 61-67.

совесть определяет как нравственную категорию, имеющую предельное обобщение, неразрывно связанную с законом, как основой оценки доказательств⁶. Заслуживает отдельного внимания точка зрения П. А. Лупинской, согласно которой совесть выступает внутренним критерием, гарантирующим беспристрастность и справедливость в принятии уголовно-процессуального решения⁷.

Таким образом, к настоящему времени сложилось несколько точек зрения по описанию различных аспектов совести, которые можно свести к пониманию совести как: 1) эмоционального переживания; 2) нравственной категории; 3) критерия принятия решения.

Нельзя не заметить, что при кажущейся многоаспектности данного понятия, механизм совести как методологического критерия оценки доказательств требует дополнительного осмысления. В философии совесть – это способность человека, критически оценивая себя, осознавать и переживать свое несоответствие должному⁸. Следовательно, совесть должна обращать человека к анализу только своего собственного поведения. Однако присяжные заседатели призваны дать решение вопроса о факте совершения противоправного деяния другим человеком.

Перспективу для разрешения научной проблемы роли и назначения критериев оценки доказательств открывает обращение к историческим источникам, содержащим нормы уголовного судопроизводства. К примеру, в соответствии со ст. 16 УПК РСФСР судьи и народные заседатели разрешали уголовные дела в соответствии с социалистическим правосознанием⁹.

Правосознание – это духовная целостность правовых и общесоциальных идей, взглядов, представлений, убеждений, идейно и психологически отражая правовые феномены и явления¹⁰. Понимая назначение и смысл уголовного судопроизводства, присяжные заседатели смогут вынести вердикт, в котором будет соблюден баланс при уголовно-правовой защите интересов государства, общества, личности.

Именно правосознание присяжного заседателя позволяет ему выносить вердикт, руководствуясь законом, в противном же случае произвол и голое усмотрение присяжных лишали бы всякого смысла данную форму уголовного судопроизводства. Чистое правосознание присяжного, не отягощенное юридическим опытом, детерминирует деятельность государственного обвинителя как субъекта доказывания в судебном следствии. Сочетание совести и

⁶ Шевченко С. В. Принципы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 215-218.

⁷ Лупинская П. А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2003. № 7. С. 8.

⁸ Новая философская энциклопедия / Институт философии РАН. Под ред. В. С. Степина. М.: Мысль, 2000. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01e2030a87591ef0c4bae3e1>. (дата обращения: 03.02.2021).

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. URL: <http://ips.pravo.gov.ru/?docbody=&prev Doc = 102057468&backlink = 1&&nd=102010093> (дата обращения 04.02.2021).

¹⁰ См.: Кученев А. В. Современное понимание и структура правосознания // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 22-25.

правосознания позволит не допустить формирования вердикта без учета фактических обстоятельств дела.

Использование правосознания, а не только совести, в качестве установки для оценки доказательства позволяет обеспечить законность в судебной стадии уголовного судопроизводства. Таким образом, ч. 1 ст. 17 УПК РФ необходимо после слова «законом» дополнить словом «правосознанием».

Государственный обвинитель в суде с участием присяжных, особенно в процессе судебного следствия, должен помнить, что в соответствии со ст. 342 УПК РФ присяжные при проведении совещания и голосования в совещательной комнате не обязаны мотивировать свой вердикт. Свой выбор они делают на основе того уровня правовой культуры и правосознания, который был приобретен ими в процессе жизнедеятельности. Случайная выборка присяжных, их относительно большое количество, разделение компетенции судьи и коллегии присяжных: все это требует от государственного обвинителя осознания и детального понимания «народной» правовой культуры и правосознания при осуществлении своей процессуальной деятельности, что является отличительной чертой государственного обвинения в этой форме уголовного судопроизводства.

Таким образом, ориентация не только на совесть, но и на правосознание в качестве методологического критерия оценки присяжными доказательств позволяет государственному обвинителю эффективно реализовать функцию обвинения по уголовному делу.

Информация об авторе

Каплунов Алексей Сергеевич – аспирант 1 курса кафедры уголовного процесса, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, ул. Вольская, д. 1, 410056.

Электронный адрес: kap9680@mail.ru.

**УДК 343.1
К 58**

А. С. Кожемякина,

Ю. И. Кряжева,

студентки 3 курса ИЮИ (ф) УП РФ

О проблемных вопросах применения домашнего ареста

В данной статье рассматриваются некоторые проблемы применения меры пресечения – домашнего ареста, в том числе, при осуществлении контроля за соблюдением данной меры пресечения, предлагаются пути решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: мера пресечения, ограничение права на свободу и личную неприкосновенность, домашний арест, контроль.

Общая тенденция гуманизации уголовной политики обусловила возрождение в отечественном уголовном судопроизводстве меры пресечения в виде домашнего ареста. Как и заключение под стражу, домашний арест ограничивает право на свободу и личную неприкосновенность – лицо, находясь в жилом помещении, изолируется от общества, то есть лишается свободы. Следует заметить, что термин «арест», обозначающий рассматриваемую меру пресечения, используется для обозначения заключения под стражу. Между тем, домашний арест ограничивает личные права в меньшей степени, нежели заключение под стражу: лицо, оставаясь в жилище, не испытывает тех лишений, которые связаны с нахождением в следственном изоляторе. По замыслу законодателя домашний арест вводился как альтернатива заключению под стражу, однако широкого применения на практике не получил, являясь «неработающей» мерой¹.

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что домашний арест избирается значительно реже, чем заключение под стражу. Так, согласно обзору судебной статистики, в 2019 году было рассмотрено 6,8 тыс. (в 2018 году – 7,1 тыс.) ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, из них удовлетворено 6,0 тыс. (в 2018 году – 6,3 тыс.). Что касается избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, то из рассмотренных по существу 104,6 тыс. (в 2018 году – 112,9 тыс.) ходатайств удовлетворено 94,4 тыс. (в 2018 году – 101,9 тыс.)². Такое положение дел Е. А. Семенов объясняет значительными затратами, связанными с применением домашнего ареста³. Думается, что применение домашнего ареста не должно ставиться в зависимость от экономической выгоды.

В правовой литературе редкое применение данной меры пресечения связывается с наличием проблем как процессуального, так и организационно-правового характера⁴.

Проблемой процессуального характера являлось то, что изначально нормы, устанавливающие порядок применения данной меры пресечения, были сформулированы в общем виде. В дальнейшем изменения, внесенные в УПК РФ, устранили пробелы правового регулирования. Так, был уточнён предельный срок содержания под домашним арестом, урегулированы вопро-

¹ Лавдаренко Л. И., Амосова Т. В., Борбат А. В. Мера пресечения в виде заключения под стражу в контексте требований пропорциональности, соразмерности и справедливости // Российский следователь. 2020. № 3. С. 14–18

² Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации «Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 году» // URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/Obzor_sudebnoy_statistiki_o_deyatelnosti_federalnih_sudov_obshchey_yurisdiktsii_i_mirovih_sudey_v_2019_godu.pdf (дата обращения: 14.02.2021).

³ Рудич В.В. Новеллы в правовом режиме содержания обвиняемого под домашним арестом при производстве по уголовному делу // Администратор суда. 2017. № 4. С. 31 - 34.

⁴ Поваркова Е. А. Мера пресечения в виде домашнего ареста. Сравнительная характеристика российского и международного законодательства // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в Российской Федерации. Сборник статей международной научно-практической конференции. Самара: «Аэтерна», 2017. С. 80–82.

сы, касающиеся встречи подозреваемого (обвиняемого) с защитником, законным представителем, нотариусом и т.д. Вместе с тем, несмотря на внесенные изменения, ряд проблем в применении домашнего ареста так и не удалось решить.

Рассмотрим некоторые проблемы, возникающие в практической деятельности при применении домашнего ареста.

Согласно ч. 1 ст. 107 УПК РФ домашний арест заключается в нахождении подозреваемого и обвиняемого в жилом помещении, в котором он проживает. Лицо, к которому применена рассматриваемая мера пресечения, может являться собственником, нанимателем жилого помещения либо проживать в нем на иных законных основаниях. Однако на законодательном уровне не закрепляется необходимость получения согласия лиц, проживающих совместно с подозреваемым (обвиняемым), в отношении которого избирается домашний арест. В ходе применения данной меры пресечения могут нарушаться их права и законные интересы. К примеру, установление запрета на использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет может нарушать права лиц, проживающих совместно с подозреваемым (обвиняемым) в данном жилом помещении. В соответствии с правовыми позициями Верховного Суда РФ⁵ при избрании домашнего ареста требуется получение согласия таких лиц и, если судебным решением затрагиваются права и законные интересы этих лиц, они вправе обжаловать решение в судебном порядке. Думается, законодательное закрепление необходимости получения согласия лиц, проживающих совместно с подозреваемым (обвиняемым), в отношении которого избирается домашний арест, позволит предотвратить нарушения прав и законных интересов таких лиц.

Проблемы возникают также в связи с определением места исполнения домашнего ареста. Необоснованным является, к примеру, определение в качестве места исполнения домашнего ареста неблагоустроенного жилого дома, в котором помещения, предназначенные для удовлетворения личной гигиены, находятся в границах земельного участка, с полным запрещением лицу покидать жилое помещение. Так, подозреваемая Р. находилась под домашним арестом с запретом выхода за пределы жилого помещения. Электронный браслет фиксировал нарушение каждый раз, когда Р. была вынуждена выходить на земельный участок для удовлетворения потребностей⁶. Таким образом, при избрании домашнего ареста необходимо учитывать уровень благоустроенности жилого помещения, а также другие обстоятельства во избежание проблем, возникающих при применении данной меры пресечения.

Таким образом, домашний арест, будучи разновидностью «мягкой» изоляции, ограничивающей личные права в меньшей степени, нежели заклю-

⁵ ПП ВС РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Челпанова Ю. О. Проблемы применения домашнего ареста // Молодой ученый. 2018. № 37 (223). С. 79-81.

чение под стражу, на практике не получил широкого применения. Для того, чтобы домашний арест стал действительной альтернативой заключению под стражу требуется более тщательная правовая регламентация данной меры пресечения, а также принятие мер организационного характера по совершенствованию контроля за её исполнением.

Информация об авторе

Кожмякина Алена Сергеевна – студентка 3 курса, Иркутский юридический институт (филиала Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664050, г. Иркутск, ул. Сибирская 21а/3, e-mail: stellarop2000@mail.ru

Кряжева Юлия Игоревна – студентка 3 курса, Иркутский юридический институт (филиала Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664050, г. Иркутск, ул. Сибирская 21а/3, e-mail: stellarop2000@mail.ru

**УДК 343.1
К 64**

Я. А. Конопля,
Магистрант 2 курса ВГУЭС

К вопросу о существенности нарушений, влекущих недопустимость доказательств

Статья посвящена вопросу оснований признания доказательств недопустимыми. Анализ научной литературы и изучение судебной практики позволили прийти к выводу о необходимости законодательного закрепления критерия существенности нарушений закона, влекущих недопустимость доказательств.

Ключевые слова и словосочетания: уголовный процесс, доказательство, недопустимость доказательства, существенные нарушения закона.

Согласно части 1 ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее в тексте УПК РФ) недопустимым является доказательство, полученное с нарушением требований УПК РФ. Из буквального толкования ч. 1 ст. 75 УПК РФ следует, что «законодателем декларирована абсолютная недопустимость доказательств, полученных с нарушением закона»¹. Иными словами, независимо от того, какое нарушение положений УПК РФ было допущено в процессе собирания и исследования доказательства, это нарушение должно влечь за собой утрату доказательством свойства допустимости.

Однако следует ли признавать доказательство недопустимым, если в

¹ Верещагина А. В. Конструктивные дефекты нормы ч. 3 ст. 7 УПК РФ // Российская юстиция. 2005. № 9. С. 23.

протоколе следственного действия указаны фамилии и инициалы лица, участвовавшего в следственном действии, а не полностью прописаны фамилия, имя и отчество, как того требуют положения п. 3 ч. 3 ст. 166 УПК РФ? Подобные нарушения закона, которые исходя из содержания нормы ч. 1 ст. 75 УПК РФ, являются основанием признания доказательства недопустимым, по мнению многих исследователей должны оцениваться через призму идеи неравнозначности процессуальных нарушений, в соответствии с которой несущественные нарушения не могут являться основанием для признания доказательства недопустимым².

Несмотря на отсутствие в действующем уголовно-процессуальном законе понятия и классификации процессуальных нарушений в зависимости от их существенности³, идея неравнозначности процессуальных нарушений воспринята судебским сообществом. Об этом свидетельствует позиция Верховного Суда Российской Федерации, рекомендовавшего судам, «...оценивая доказательства с точки зрения допустимости, ... в каждом случае выяснять, в чем конкретно выразилось допущенное нарушение»⁴.

Руководствуясь решением Пленума Верховного Суда Российской Федерации, суды самостоятельно толкуют положения ст. 75 УПК РФ, формулируя по собственному усмотрению критерии нарушений нормативных предписаний, позволяющие признать или не признать доказательство недопустимым. Так, например, суды в решениях указывают, что безусловным основанием признания доказательства недопустимым являются грубые нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные «при собирании и закреплении доказательств»⁵; «наличие неустранимых сомнений в допустимости»⁶; отсутствие неустранимых процессуальных нарушений, которые препятствовали бы рассмотрению уголовного дела⁷; «...неустранимые сомнения в истинности содержания доказательственной информации»⁸ и т. п. Интерес представляет приговор Промышленного районного суда г. Ставрополя, в котором суд обозначил несколько критериев признания доказательств недопустимыми: 1) нарушения конституционных прав и свобод личности; 2) нару-

² Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе. Москва : Юрайт, 2018. С. 130.

³ Верещагина А. В. Размышления по поводу злоупотребления правом в российском уголовном судопроизводстве // Суверенное государство и его право: актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики в современной России : сборник научных статей / под ред. Г. Г. Бриль, В. В. Груздев. Кострома, 2020. С. 242.

⁴ О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05 марта 2004 № 1: в ред. от 01 июня 2017 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Приговор Серпуховского городского суда по делу № 1-534/2019 от 23 декабря 2019 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Приговор Бийского городского суда по делу № 1-355/2019 от 11 декабря 2019 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Приговор Калининского районного суда по делу № 1-356/2019 от 28 ноября 2019 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Приговор Ромодановского районного суда по делу № 1-9/2019 от 20 мая 2019 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

шения процедуры собирания и закрепления доказательств; 3) собирание и закрепление доказательств ненадлежащим лицом или органом; 4) собирание и закрепление доказательств процессуальными действиями, не предусмотренными УПК РФ⁹.

Вместе с тем, повторимся, понятие «грубых», «неустрашимых» и пр. нарушений УПК РФ, на которые ссылаются суды при оценке допустимости (недопустимости) доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует. В науке уголовного процесса также как и на практике, нет единого понимания существенности нарушения уголовно-процессуального закона. Так, М. А. Баранова, А. В. Руденко, И. С. Тарасов, несмотря на имеющиеся различия в предлагаемых ими формулировках, к существенным относят нарушения, противоречащие принципам уголовного судопроизводства, которые ограничивают права и свободы участников, и как результат ставят под сомнение доброкачественность доказательств¹⁰.

Исследователями предпринимаются попытки конкретизировать виды возможных нарушений конституционных прав и свобод личности: 1) допущенные в ходе сбора доказательственной информации; 2) отсутствие процессуальных документов, которыми устанавливается статус участника процесса; 3) умышленное искажение содержания доказательств; 4) игнорирование жалоб и ходатайств участников уголовного судопроизводства¹¹. По мнению Р. В. Костенко в качестве существенных нарушений следует рассматривать отступления от положений УПК РФ, которыми законодательно закреплена «презумпция неустрашимости сомнений в достоверности сведений», а также нарушения конституционных прав и свобод участников уголовного процесса¹².

Как следует из приведённых суждений о понятии существенности процессуального нарушения, авторы преимущественно раскрывают его содержание через призму нарушения (или не нарушения) конституционных прав и свобод личности.

Именно такой подход в оценке существенности нарушений, влекущих недопустимость доказательств, содержится в уголовно-процессуальном законодательстве государств постсоветского пространства. В частности, норма ч. 2 ст. 94 УПК Республики Молдова к существенным нарушениям относит

⁹ Промышленного районного суда г. Ставрополя по делу № 1-227/2018 от 28 июня 2019 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Баранова М. А., Григорян В. Л. Признание доказательств недопустимыми в судебных решениях по уголовным делам: поиск критериев // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (35). С. 127; Руденко А. В. Недопустимость доказательств вследствие неустрашимых нарушений закона при собирании доказательств // Проблемы экономики и юридической практики. 2011. № 2. С. 134; Тарасов И. С. Недопустимые доказательства в уголовном процессе: проблемы толкования Ч. 1 ст. 75 УПК РФ // Приволжский научный вестник. 2014. № 3-2 (31). С. 82.

¹¹ Баранова М. А., Григорян В. Л. Признание доказательств недопустимыми в судебных решениях по уголовным делам: поиск критериев. С. 127; Тарасов И. С. Недопустимые доказательства в уголовном процессе: проблемы толкования Ч. 1 ст. 75 УПК РФ. С. 83.

¹² Костенко Р. В. Исключение доказательств, полученных с нарушением требований УПК РФ, в ходе досудебного производства по уголовным делам // Общество и право. 2016. № 3 (57). С. 116.

нарушения конституционных прав и свобод человека или лишения или ограничения участников процесса гарантированных им прав, «...что повлияло или могло повлиять на достоверность полученной информации, документа или предмета»¹³. В соответствии с ч. 1 ст. 87 УПК Украины «недопустимы доказательства, полученные в результате существенного нарушения прав и свобод человека, а также любые другие доказательства, полученные благодаря информации, полученной вследствие существенного нарушения прав и свобод человека»¹⁴.

С учётом отмеченной выше неравнозначности процессуальных нарушений, позиции Верховного Суда Российской Федерации, поддержанной судами, представляется необходимым легализовать критерий «существенность» нарушения закона, введя соответствующие нормы в УПК РФ. На наш взгляд, существенными нарушениями, влекущими недопустимость доказательств, следует признавать нарушения конституционных прав и свобод человека, допущенных при собирании доказательств, а также принципов уголовно-процессуального законодательства РФ.

Информация об авторе

Конопля Ярослав Андреевич – магистрант 3 курса, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС). 690014, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Электронный адрес: konoplya1000@inbox.ru

**УДК 343.1
К 85**

Д. А. Крючков,

студент 3 курса ИЮИ (ф) УП РФ

Отдельные вопросы процессуального статуса лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве

В статье рассматриваются вопросы процессуального статуса лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Анализируются пределы применения института досудебного соглашения. Предлагаются пути решения проблем теоретического и практического характера.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, подозреваемый, обвиняемый, соучастники.

¹³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова : Закон Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV : в ред. от 11 сентября 2020 г. // Информационная система Континент. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30397729 (дата обращения: 10.01.2021).

¹⁴ Уголовный процессуальный кодекс Украины : Закон Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI : в ред. от 21 июля 2020 г. // Информационная система Параграф. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31197178#pos=2383;-54 (дата обращения: 10.01.2021).

Со времени введения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) института досудебного соглашения о сотрудничестве в текст гл. 40¹ было введено множество дополнений, а Верховным Судом РФ вынесено специальное постановление с целью совершенствования функционирования данного института и единообразного применения закона. Тем не менее в правоприменительной практике относительно досудебного соглашения о сотрудничестве на сегодняшний день существует ряд вопросов, требующих своего решения.

Так, считаем необходимым остановиться на вопросе о том, возможно ли заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с лицом, совершившим преступление единолично? Некоторые авторы полагают, что положения п. 3 ч. 1 ст. 317⁵ УПК РФ дают основания для положительного ответа на поставленный вопрос, а именно: данные положения не исключают возможности для подозреваемого или обвиняемого заключить досудебное соглашение, который обязуется предоставить информацию о преступлениях, в совершении которых он не являлся соучастником. Некоторые авторы не согласны с таким предложением и обращают внимание на то, что в данной ситуации это может привести к нарушению интересов потерпевшего по основному делу¹. Наиболее убедительные доводы, на наш взгляд, привёл П. В. Вдовцев², который пишет, что подобная трактовка положений УПК РФ входит в противоречие как с самим УПК, так и с уголовным законодательством – в частности, с п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Так, относительно уголовно-процессуальной деятельности отсутствует ясность, каким образом возможно оценить данное «сотрудничество» подозреваемого или обвиняемого со следствием, если речь идет о преступлении, совершенном другим лицом, уголовное дело по которому подлежит самостоятельному расследованию, а УПК РФ не содержит оснований, позволяющих соединить данные дела (ст. 153 УПК РФ)? В этой связи следует заметить, что в пояснительной записке к проекту федерального закона, которым в УПК РФ вводилась глава 40¹, говорилось, что данные изменения преследуют, главным образом, цель противодействия организованным формам преступности, а также преступлениям, совершенным группой лиц по предварительному сговору.

В правовой литературе высказана точка зрения, что большинство следователей – около 90% – отмечают малую практическую значимость норм в части выделения уголовного дела в целях безопасности при заключении соглашения о сотрудничестве (угрозы, насилие и т. д.), в результате чего возникает необходимость в производстве иных действий (хранение отдельных документов в опечатанном конверте, исключение данных, идентифицирующих лицо, заключившего соглашение, из «основного» дела и др.). В боль-

¹ Тисен О. Н. Субъекты досудебного соглашения о сотрудничестве // Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2. С. 93.

² Вдовцев П. В. Возможно ли заключить досудебное соглашение о сотрудничестве с подозреваемым, обвиняемым, совершившим преступление единолично (в отсутствие соучастников)? // Российский следователь. 2017. № 10. С. 15-17.

шинстве случаев соучастники, их родственники и иные близкие лица хорошо знают друг друга³. Высказывается суждения, что такое разделение дел в принципе не сможет способствовать обеспечению чьей-либо безопасности в силу принципа непосредственности исследования доказательств, а сам вопрос обеспечения безопасности достаточно урегулирован иными нормами права. Основной же проблемой при выделении в отдельное производство уголовного дела является неопределённость правового статуса лица, заключившего соглашения, а именно: в качестве какого участника он будет выступать, давая показания по выделенному уголовному делу?

По поводу вопроса о статусе лица, ходатайствующего о заключении досудебного соглашения, необходимо подчеркнуть, что в его качестве может выступать лишь подозреваемый или обвиняемый. После заключения соглашения о сотрудничестве такое лицо не утрачивает статус подозреваемого (обвиняемого), ему не может быть придан статус свидетеля ввиду принципиальной разницы в статусе данных участников уголовного процесса.

При заключении соглашения о сотрудничестве на языке гражданского права данное лицо выступает offerentом, а прокурор может лишь акцептовать данное предложение. Вместе с тем, односторонняя направленность такого волеизъявления не представляется как единственно возможная и необходимая. Некоторые исследователи отмечают, что инициатором заключения соглашения могли бы выступать и иные участники уголовного процесса, например, прокурор, как это предусмотрено в УПК Республики Казахстан. Такое положение не противоречит сущности института досудебного соглашения, а напротив, способствует скорейшему и полному рассмотрению уголовного дела. При этом права подозреваемого или обвиняемого не нарушаются, поскольку заключение соглашения не может быть обязательным для него.

Подводя итог, можно отметить, что заключение досудебного соглашения о сотрудничестве возможно лишь с лицом, являющимся соучастником в совершении группового преступления; сообвиняемому не может быть придан статус свидетеля ввиду принципиальной разницы в статусе данных участников уголовного процесса. Выделение дела в порядке гл. 40¹ УПК РФ не обеспечивает должной безопасности подозреваемого или обвиняемого, а лишь порождает излишние проблемы по поводу процессуального положения лица, заключившего досудебное соглашение со следствием.

Информация об авторе

Крючков Даниил Алексеевич – студент 3 курса Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664081, г. Иркутск, ул. Карла Либкнехта, 239А-42, e-mail: marvel0987651@gmail.com

³ Лодыженская И. И., Панфилов Г. П. досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правоприменения и пути их преодоления // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1. С. 164.

УДК 343.144
К 90

А. Ю. Куликов,
*студент 3 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

**Некоторые вопросы правового регулирования и толкования
обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве**

В статье рассматриваются некоторые вопросы правового регулирования и толкования обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судья, прокурор, следователь, дознаватель, защитник, законные представители, эксперт, специалист, переводчик, секретарь судебного заседания, процессуальный статус, родство.

В российском уголовно-процессуальном законодательстве имеются нормы об обстоятельствах, исключающих участие в уголовном судопроизводстве, но при этом не раскрывается их понятие.

Из анализа соответствующих норм УПК РФ можно прийти к выводу, что под обстоятельствами, исключающими возможность участия в уголовном судопроизводстве, следует понимать объективно существующие причины, которые вызывают обоснованные сомнения в беспристрастности конкретного участника уголовного судопроизводства и при наличии которых лицо обязано самостоятельно устраниваться от участия в производстве по данному уголовному делу, а в случае неисполнения этой обязанности подлежит отводу. Полагаем, что такое или иное, аналогичное по содержанию определение целесообразно закрепить в ст. 5 УПК РФ.

Стоит отметить, что обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве, имеют очень важное предназначение. С одной стороны, они обеспечивают рассмотрение уголовного дела беспристрастным судом, который независим от личных предрассудков и влияния, а с другой, гарантируют беспристрастную и объективную процессуальную и объективную деятельность прокуроров, следователей, дознавателей¹.

Что касается субъектного состава, на которых распространяют действие обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве, то представляется целесообразным выделять следующие группы субъектов.

Во-первых, это должностные лица, которые участвуют в производстве по конкретному уголовному делу: судья, прокурор, следователь, дознаватель.

Во-вторых, это лица, которые представляют интересы других участников уголовного судопроизводства: защитник, законный представитель подозре-

¹ Лупинская П. А., Воскобитова Л. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник. М., 2013. С. 1008.

реваемого, обвиняемого, представитель потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика.

В-третьих, это граждане, которые способствуют осуществлению уголовного судопроизводства: эксперт, специалист, переводчик, секретарь судебного заседания.

В соответствии с содержанием ст. 61 УПК РФ судья, прокурор, следователь или дознаватель не могут участвовать в производстве по уголовному делу по трём основаниям:

во-первых, если происходит совмещение в одном лице более одной процессуальной роли – например, судья привлекается к разбирательству по уголовному делу в процессуальном статусе потерпевшего или свидетеля, гражданского истца или гражданского ответчика;

во-вторых, если лицо уже участвовало ранее в производстве по уголовному делу в ином процессуальном статусе – например, было экспертом, специалистом, переводчиком или секретарём судебного заседания;

в-третьих, если это лицо состоит в родственных связях с кем-либо из участников уголовного процесса. В целях обеспечения прозрачности судебной системы, преодоления конфликта интересов и устранения личной заинтересованности судьи в исходе дела устанавливается запрет на участие в рассмотрении дел адвоката – супруга, родственника или свойственника судьи².

Если проанализировать приведённые выше обстоятельства, то становится ясно, что обстоятельства, в соответствии с которыми субъекты первой группы исключаются из разбирательства по уголовному делу, обуславливаются наличием у него иного процессуального статуса в прошлом или будущем, либо какими-либо родственными связями с кем-либо из участников уголовного судопроизводства по конкретному уголовному делу.

Что касается второй группы субъектов, то некоторые авторы выделяют для них три вида таких обстоятельства³. Во-первых, если лицо ранее по соответствующему делу выступало в ином процессуальном статусе – например, было судьей или переводчиком. Во-вторых, уголовно-процессуальное законодательство в числе обстоятельств, исключающих участие защитника и адвоката-представителя потерпевшего в производстве по уголовному делу называет его родственные отношения с определенным кругом лиц⁴. В-третьих, если лицо предоставляет или ранее предоставляло юридические услуги гражданину, интересы которого состоят в противоречии с интересами обвиняемого или подозреваемого, гражданского истца или гражданского ответчика, потерпевшего, защищаемого им по данному уголовному делу.

² Горский М. В. Обстоятельства, исключающие участие судьи в уголовном судопроизводстве: к вопросу о разработке правового механизма их установления // Мировой судья. 2010. № 8. С. 10 – 13.

³ Крысина Н. Р., Полковникова М. А., Кондратьева К. В. // Обстоятельства, исключающие участие в производстве по уголовному делу защитника (актуальные проблемы правоприменительной практики) // Огарёв-Online. 2018. № 2 (107). С. 4.

⁴ Таран А. С. Родство как обстоятельство, исключающее участие адвоката в уголовном судопроизводстве // Вестник Самарского Государственного Университета. 2012. № 2-1 (93). С. 176-182.

Третья группа субъектов, в состав которой входят эксперт, специалист, переводчик, секретарь судебного заседания обладает своей спецификой. Так, например, в отношении секретаря судебного заседания законодательством не предусмотрены конкретные обстоятельства, при наличии которых его участие в производстве по уголовному делу исключается – такое решение вправе принять должностное лицо, которое осуществляет непосредственное рассмотрение дела.

Что касается остальных лиц, относящихся к данной категории субъектов, то в отношении них предусмотрено одно обстоятельство, исключающее участие в уголовном судопроизводстве – некомпетентность. Переводчик не может являться компетентным, если он не владеет языком, необходимым для нормального осуществления производства по конкретному уголовному делу. Некомпетентность специалиста заключается в отсутствии специальных знаний или неспособности их применять. Отсутствие компетенции у эксперта выражается в отсутствии теоретической базы или необходимого образования.

Заметим, что перечень обстоятельств, указанный в ч. 1 ст. 61 УПК РФ в соответствии с которыми исключается участие в уголовном судопроизводстве, является далеко не исчерпывающим. Данные лица не вправе принимать участие в производстве по уголовному делу при наличии обстоятельств, которые позволяют полагать, что у них имеется прямой или косвенный интерес в исходе судебного разбирательства (ч. 2 ст. 61 УПК РФ).

К таким видам обстоятельств следует относить любые обстоятельства, свидетельствующие о проявившихся в тех или иных их действиях и решениях по делу предвзятости и необъективности. Например, это могут быть различные связи судьи, прокурора, следователя, дознавателя с каким-либо участником процесса, в связи с чем, могут возникнуть сомнения в их объективности и беспристрастности. Также лицам, относящимся к первой категории субъектов, не следует делать публичные высказывания по существу уголовного дела, в котором они принимают участие, иначе это тоже можно расценивать как обстоятельство, исключающее участие в уголовном судопроизводстве. Кроме того, к таким обстоятельствам можно относить проявление предубеждений расового, полового, религиозного или национального характера кем-либо из указанных лиц.

Подводя итог изложенному, отметим, что обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве, имеют большое значение при производстве по уголовному делу. Однако до сих пор не устранены все пробелы в их правовом регулировании, в связи с чем необходимо дальнейшее изучение данного вопроса.

Информация об авторе

Куликов Александр Юрьевич – студент 3 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1. Электронный адрес: aleksandr.kulikov.00@list.ru. тел: 89635315144

УДК 343.1
Л 84

В. В. Лумбунова,

*магистрант 2 курса
Байкальского государственного
университета*

**Проблемные вопросы уголовно-процессуального задержания
в порядке ст. 449 УПК РФ**

В статье анализируются вопросы, связанные с задержанием лиц, обладающих особым статусом, в порядке ст. 449 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Исследуются проблемы, возникающие в практической деятельности, а также предлагаются варианты их решения.

Ключевые слова: задержание; особый порядок; лица, обладающие особым статусом; установление личности; производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц.

Задержание как мера процессуального принуждения имеет важное значение при производстве по уголовному делу, поскольку преследует цель установления факта причастности лица к совершенному преступлению, а также решения вопроса, касающегося применения к задержанному меры пресечения в виде заключения под стражу.

Общие правила производства задержания установлены в главе 12 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Особенности задержания отдельных категорий лиц прописываются в ст. 449 УПК РФ, в соответствии с которой Член Совета Федерации, депутат Государственной Думы, судья федерального суда, мировой судья, прокурор, Председатель Счетной палаты Российской Федерации, его заместитель и аудитор Счетной палаты Российской Федерации, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, задержанные по подозрению в совершении преступления в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, за исключением случаев задержания на месте преступления, должны быть освобождены немедленно после установления их личности.

Иными словами, в случае задержания указанных лиц протокол не составляется, в изолятор временного содержания задержанные не помещаются, т.е. речь идет о задержании исключительно для установления личности.

Как в науке, так и в практической деятельности, при анализе содержания ст. 449 УПК РФ возникает вопрос о том, почему в указанный перечень включены не все лица, которые указаны в ст. 447 УПК РФ? Является ли перечень ст. 449 УПК РФ исчерпывающим?

Некоторыми учеными высказывается мнение о том, что особый порядок задержания применяется не только к лицам, которые указаны непосредственно в ст. 449 УПК РФ, но и к иным лицам, перечисленным в отдельных Федеральных конституционных законах и Федеральных законах Российской Федерации, в соответствии с положениями которых расширяется круг лиц, задерживаемых в особом порядке, тем самым дополняя в этой части УПК РФ¹.

Например, ч. 4 ст. 17 Федерального закона «О федеральной службе безопасности» устанавливается, что находящиеся при исполнении служебных обязанностей сотрудники органов федеральной службы безопасности не подлежат задержанию без официального представителя органов федеральной службы безопасности либо решения суда².

Кроме того, ст. 449 УПК РФ не относит к лицам, к которым применяется особый порядок задержания, судей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Указанное положение противоречит ст. 2 Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации», в соответствии с которой все судьи в Российской Федерации обладают единым статусом³. Если судья федерального суда, мировой судья подлежат задержанию в особом порядке, в соответствии со ст. 449 УПК РФ, то судьи конституционных (уставных) судов субъектов РФ подлежат задержанию в общем порядке, предусмотренном гл. 12 УПК РФ, что, на наш взгляд, свидетельствует о наличии противоречивого регулирования в указанной сфере.

Вызывают интерес положения Регламента Конституционного Суда Российской Федерации о том, что в случае задержания судьи Конституционного Суда Российской Федерации на месте преступления Председатель Конституционного Суда незамедлительно созывает заседание. Одновременно Председатель Конституционного Суда обращается к должностному лицу, которое произвело задержание, или его руководителю с требованием о доставлении задержанного на заседание, а также самому прибыть на заседание Конституционного Суда для дачи объяснений по данному вопросу. По итогам такого заседания принимается либо решение о том, чтобы потребовать незамедлительного освобождения судьи; либо решение о том, чтобы воздержаться от требования о незамедлительном освобождении судьи⁴.

Как представляется, изложенная позиция Конституционного Суда Российской Федерации фактически предполагает возможность вмешательства в деятельность правоохранительных органов, что препятствует реализации законной деятельности органов правопорядка. Задержание судьи на месте со-

¹ Айсина А. Т. Задержание и заключение под стражу отдельных категорий лиц в уголовном процессе России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 3 (51). С. 81.

² О федеральной службе безопасности : федер. закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ [в ред. от 09.11.2020]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О статусе судей в Российской Федерации : закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 [в ред. от 30.12.2020]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Регламент Конституционного Суда Российской Федерации [в ред. от 17.12.2020]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

вершения преступления в соответствии с положениями статей 92, 449 УПК РФ предполагают возможность доставления задержанного в орган дознания или к следователю⁵.

По мнению В.М. Лебедев правила, установленные главой 52 УПК РФ, не могут быть изменены или дополнены на основании иного нормативного акта, поскольку нормы указанной главы определяют только изъятия из общего порядка производства по уголовным делам, т.е. предусмотренный УПК РФ порядок принятия решения в отношении отдельных категорий лиц является единственно обязательным для органов предварительного расследования при производстве по уголовному делу⁶.

Мы согласны с указанной позицией, поскольку ст. 1 УПК РФ устанавливает, что порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается УПК РФ, основанным на Конституции Российской Федерации. Из изложенного следует, что иные нормативно-правовые акты не могут восполнять пробелы в правовом регулировании, имеющиеся в УПК РФ. Поэтому задержание лиц, которые не указаны в ст. 449 УПК РФ, должно, на наш взгляд, осуществляться в соответствии со ст. 91 УПК РФ, т.е. по общим правилам.

Вместе с тем считаем необходимым внести изменения в ст. 449 УПК РФ в части расширения перечня лиц, на которых распространяются особые правила задержания, путем отсылки к ст. 447 УПК РФ, которая определяет круг субъектов, на которых распространяет свое действие в целом глава 52 УПК РФ.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, мы видим, что законодателем в ст. 449 УПК РФ круг лиц, на которых распространяются особые правила задержания, существенно сужен, по сравнению с тем, что представлен в ст. 447 УПК РФ. Поэтому предлагаем внести изменения в ст. 449 УПК РФ и изложить ее следующим образом: «Лица, указанные в части 1 статьи 447 настоящего Кодекса, задержанные по подозрению в совершении преступления в порядке, установленном статьей 91 настоящего Кодекса, за исключением случаев задержания на месте преступления, должны быть освобождены немедленно после установления их личности».

Информация об авторе

Лумбунова Виктория Владимировна – магистрант 2 курса, Байкальского государственного университета (БГУ). 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. Электронный адрес : yatag7@mail.ru.

⁵Лавнов М. А. Проблемы правового регулирования иммунитетов в отношении отдельных категорий лиц // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 2 (127). С. 50.

⁶ Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под ред. В.М. Лебедева. Москва, 2004. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.13
М 33

Е. С. Матвеева,
*магистрант 1 курса
ИГП БГУ*

Актуальные проблемы избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого

В статье анализируются актуальные проблемы избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого). Автор рассматривает вопрос избрания альтернативных мер пресечения в отношении данной категории лиц. На основе анализа делается вывод об эффективности заключения под стражу и разумности её замены домашним арестом.

Ключевые слова: мера пресечения, заключение под стражу, домашний арест, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым.

Преступность несовершеннолетних по сей день является одной из главных проблем мирового сообщества. Ввиду повышенной эмоциональной возбудимости подростков, особенностей духовного, интеллектуального и физического развития, защита прав несовершеннолетнего требует особого внимания как со стороны законодателя, так и со стороны правоприменителя. Вследствие этого возникает вопрос: всегда ли мера пресечения, избираемая в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, является оправданной и эффективной?

Перечень мер пресечения установлен в ст. 98 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Для несовершеннолетних перечень мер пресечения законодательно не установлен, однако, исходя из анализа вышеуказанной статьи, можно заметить, что в отношении несовершеннолетних будут применяться все виды мер пресечения за исключением наблюдения командования воинской части. Кроме того, необходимо отметить наличие специальной меры пресечения для несовершеннолетнего – присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым.

Самой строгой мерой пресечения в настоящее время является заключение под стражу, регламентированное ст. 108 УПК РФ, в ч. 2 которой законодатель акцентирует внимание на том, что заключение под стражу в отношении несовершеннолетнего применяется в случае совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, в исключительных случаях – в отношении несовершеннолетних, совершивших преступление средней тяжести¹.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : в ред. 08 декабря 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Следует подробнее остановиться на понятии «исключительный случай». Ни уголовно-процессуальное законодательство, ни Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» не раскрывают данный термин и не определяют перечень таких случаев, когда заключение под стражу может быть применено к несовершеннолетнему за преступление средней тяжести. Вследствие правовой неопределенности, понятие «исключительный случай» становится оценочным, а его трактовка находится под произволом правоприменителя.

Учёные-процессуалисты по-разному толкуют понятие исключительности. Так, например, Н. Г. Нарбикова к подобным случаям относит «совершение преступления группой лиц, отсутствие постоянного места жительства и должного контроля со стороны родителей или иных законных представителей подростка, а также случай, когда несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый страдает наркоманией или токсикоманией»². Следует согласиться с закреплённым в УПК РФ перечнем исключительных обстоятельств для взрослого подозреваемого и обвиняемого. Однако для более детального регулирования данного вопроса необходимо дополнить данный перечень, включив обстоятельства, предложенные И. Л. Труновым и Л. К. Труновой: «случаи, когда несовершеннолетнее лицо уже ранее неоднократно совершало преступления либо осуществляло руководство групповым преступлением; подросток не имеет родителей либо постоянного места жительства, вследствие чего существует высокая вероятность того, что он скроется либо помешает установлению истины, а также злостно нарушает условия, предусмотренные избранной в отношении его меры пресечения»³.

Вполне очевидно, что все жизненные обстоятельства, которые могут быть признаны «исключительным случаем» изложить в уголовно-процессуальном законе невозможно. Данный пробел в уголовно-процессуальном законодательстве влечет за собой злоупотребления со стороны правоприменителей, поскольку данный термин трактуется ими произвольно. Необходимо закрепить ограниченный перечень ситуаций, которые будут подпадать под понятие исключительности, с целью уменьшения количества нарушений прав несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого. Таким перечнем может выступать совокупность вышеизложенных позиций учёных-процессуалистов по данному вопросу.

Кроме того, анализируя данную меру пресечения, необходимо иметь ввиду тот факт, что назначая заключение под стражу, в каждом отдельном случае должен решаться вопрос отдачи под присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым родителям, опекунам, попечителям или другим заслуживающим доверия лицам, а также должностным лицам спе-

² Нарбикова Н. Г. Меры пресечения, связанные с ограничением свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2005. — С. 20.

³ Трунов И. Л., Трунова Л. К. Меры пресечения в уголовном процессе. СПб., 2003. С. 238.

циализированного детского учреждения, в котором он находится, о чем эти лица дают письменное обязательство⁴.

Такая специальная мера пресечения на практике избирается достаточно редко. При отдаче несовершеннолетнего под присмотр должны быть оценены все условия в совокупности: является ли субъект предполагаемого присмотра лицом, заслуживающим доверие, должно быть оценено состояние его здоровья, имущественное положение, род занятий, а также его моральные качества. Кроме того, стоит обратить внимание на взаимоотношения несовершеннолетнего и предполагаемого субъекта присмотра. В случае отказа от присмотра за несовершеннолетним или при наличии условий, при которых избрание данной меры пресечения невозможно, например, отрицательное влияние на несовершеннолетнего, следует избрать иную меру пресечения.

При невозможности назначения присмотра за несовершеннолетним, следует обратить внимание на такую меру пресечения как домашний арест. Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. №72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» был внесен ряд изменений в ст. 107 УПК РФ. В частности, законодатель исключил из ч. 1 данной статьи формулировку «полная или частичная» изоляция, что означает исключительно полную изоляцию подозреваемого или обвиняемого. Также изменений коснулась ч. 7 ст. 107 УПК, регламентирующая перечень запретов при исполнении данной меры пресечения. А именно, в прежней редакции предусматривалась возможность выхода за пределы жилого помещения, в котором проживает подозреваемый или обвиняемый, однако с учётом данных о личности подозреваемого или обвиняемого и фактических обстоятельств, суд мог ограничить или запретить вышеуказанные права. Настоящая редакция УПК РФ не предусматривает возможности выхода за пределы жилого помещения, в котором проживает подозреваемый или обвиняемый.

Представляется, что данными изменениями законодатель ужесточил исполнение домашнего ареста, приблизив его, по своей сути, к заключению под стражу. Таким образом, данные меры пресечения можно рассматривать как «альтернативные» друг другу, и при назначении меры пресечения в виде заключения под стражу отдавать предпочтение домашнему аресту.

По данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации в 1 полугодии 2020 г. судами было удовлетворено 378 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних, а ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста – 97⁵. Как показывает статистика, домашний арест в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого применяется,

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : в ред. 08 декабря 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 05.02.2021).

однако является далеко не самой предпочтительной мерой пресечения.

Содержание несовершеннолетнего в следственном изоляторе в ряде случаев может негативно сказаться на психологической составляющей личности несовершеннолетнего. В каждом отдельном случае необходимо оценивать духовное, эмоциональное, интеллектуальное и физическое здоровье несовершеннолетнего. Ввиду повышенной эмоциональной возбудимости заключение под стражей может оказать сильное влияние на неокрепшую психику несовершеннолетнего.

Кроме того, во время нахождения под домашним арестом у подозреваемого или обвиняемого при отсутствии запретов сохраняется возможность общения со своими сверстниками, друзьями, родственниками через информационно-коммуникационную сеть «Интернет», а также возможность продолжения дистанционного обучения. Такие условия значительно облегчат нагрузку на психику несовершеннолетнего, помогут ему продолжать поддерживать общение с социумом и возможность социализации, которая является неотъемлемой частью развития любого человека.

Таким образом, заключение под стражу в отношении несовершеннолетнего должно избираться крайне редко, а перечень «исключительных случаев» для несовершеннолетних, совершивших преступление средней тяжести, необходимо закрепить законодательно. Более предпочтительной «альтернативой» заключению под стражу является присмотр за несовершеннолетним, однако при невозможности его применения, заключение под стражу следует заменить домашним арестом.

Информация об авторе

Матвеева Екатерина Сергеевна – студентка 1 курса магистратуры, Байкальский государственный университет (БГУ). 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

УДК 343.131.5
М 63

Э. Р. Миргородская,
адъюнкт, 1 курс,
СПбУ МВД России

Полномочия прокурора при судебном рассмотрении жалоб на действия и решения органов предварительного следствия

В статье анализируется вопрос об участии прокурора при судебном рассмотрении жалоб на действия, бездействия и решения органов предварительного следствия. Выделяется проблема того, что прокуроры не обладают полномочиями по отмене решений следователя и руководителя следственного органа. Предлагается возможность расширения полномочий прокурора на досудебном производстве путем предоставления им прав на отмену решений органов предварительного следствия в случае признания судом

такого решения незаконным и необоснованным по результатам рассмотрения жалобы.

Ключевые слова: прокурор, суд, жалоба, отмена, решение, следователь, руководитель следственного органа, полномочие.

Конституция Российской Федерации в ст. 1 провозгласила, что российское государство является демократическим, федеративным, правовым государством¹. Между тем известно, что оно сейчас находится на этапе достижения указанных критериев и процессы построения правового государства еще не завершены. Об этом свидетельствуют многочисленные изменения законодательства в различных сферах жизни общества. Построение правового государства предполагает, что все граждане соблюдают требования закона. А построение гражданского общества предполагает, что все действия граждан будут соответствовать норме закона не из страха наказания, а по своему внутреннему убеждению. В настоящее время за соблюдением законов в стране следит институт прокуратуры. Он является неотъемлемой частью при построении гражданского общества и существования демократического государства, в котором каждый гражданин соблюдает закон. В сфере уголовного судопроизводства данный институт призван следить за законностью действий и решений органов предварительного расследования.

Согласно ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² (далее – УПК РФ) прокурор уполномочен осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. Одним из направлений реализации функции надзора является то, что прокурор обладает властными полномочиями по отмене незаконных или необоснованных постановлений органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя. Однако он не обладает такими полномочиями в отношении следователей в результате проведенной реформы. Хотелось бы обратить внимание на реализацию п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, предоставляющей право прокурору участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении жалоб, поданных в порядке ст. 125 УПК РФ.

Генеральный прокурор Российской Федерации в Приказе от 28.12.2016 № 826³ закрепил за прокурором обязательность его участия при судебном

¹ Конституция Российской Федерации // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения 18.01.2021).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.12.2020) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 25.01.2021).

³ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : Приказ Генеральной прокуратуры от 28.12.2016 года № 826 // Законодательство РФ: законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-28122016-n-826-ob-organizatsii/> (дата обращения 25.01.2021).

рассмотрении жалоб на постановление следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные их действий, бездействий и решений, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам граждан либо затруднить доступ граждан к правосудию.

Данное положение следует считать положительным по ряду причин. Во-первых, оно соответствует принципу состязательности сторон в судебном следствии. Рассмотрение жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ производится в рамках судебного заседания на началах состязательности, в котором участие прокурора заключается в представлении стороны обвинения и обоснования соблюдения ею законности при производстве предварительного расследования, а также на стадии возбуждения уголовного дела. Во-вторых, обязательное участие прокурора является, как представляется, единственным механизмом в данном ключе при обеспечении соблюдения законности органами следствия.

Рассмотрим почему. Согласно ст. 125 УПК РФ по результатам рассмотрения жалобы судья вправе вынести только два решения: 1) о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение; 2) об оставлении жалобы без удовлетворения.

Как видно из текста закона, признание действия, бездействия или решения следователя, руководителя следственного органа незаконным или необоснованным накладывает обязанности устранить допущенное нарушение. Однако проверить исполнение закона на практике органами суда не представляется возможным. В настоящее время прокурор в данном случае имеет больше полномочий по осуществлению надзора, но только в отношении сотрудников органа дознания. То есть, логичным видится реализация следующего механизма на практике. По результатам рассмотрения жалобы на действие органа дознания в случае вынесения судом решения о незаконности и необоснованности органа дознания и требования устранить допущенное нарушение, прокурор своим полномочием отменяет его, поскольку, согласно п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор вправе отменить незаконное решение дознавателя органа дознания.

Однако такой механизм не реализуется в отношении органов предварительного следствия, прокурор лишен полномочий отменять незаконное постановление следователя, руководителя следственного органа, поскольку в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ вправе только требовать устранения нарушений федерального законодательства. Такое положение дел, как представляется, не способствует поддержанию законности и правопорядка на досудебных стадиях уголовного процесса ввиду ограниченности полномочий прокурора за органами предварительного следствия.

Таким образом, на основании вышеизложенного, следует заключить, что возможным решением данной проблемы видится наделение прокурора полномочием по отмене решений следователя, руководителя следственного органа в случае, если судом при рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК

РФ было вынесено постановление, которым решение либо действие, бездействие органа предварительного следствия признано незаконным или необоснованным, внося соответствующие изменения в ст. 37 УПК РФ. Данное положение способствовало бы реализации принципа соблюдения законности в досудебном производстве.

Информация об авторе

Миргородская Эльвира Руслановна – адъюнкт 1 курса, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (СПбУ МВД России), 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1. Электронный адрес: elya.takiulina@yandex.ru

УДК 343.135

М 91

С. С. Муратова,

*магистрант 1 года обучения
ИЮИ (ф) УП РФ*

Проблема выбора оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и в связи с примирением сторон

В статье рассматривается проблема конкуренции оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и в связи с примирением сторон. Особое внимание автор уделяет вопросу критериев, которыми правоприменителю необходимо руководствоваться при принятии решения о выборе того или иного основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования. На основе анализа научной литературы и судебной практики автор предлагает способ решения имеющейся проблемы.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела или уголовного преследования, судебный штраф, примирение с потерпевшим, конкуренция норм.

Об актуальности и значимости исследования выделенной проблемы свидетельствует и государственная политика, проводимая в нашей стране в последние годы. Президент Российской Федерации в послании Федеральному Собранию Российской Федерации в 2015 г. отметил, что «...сегодня практически каждое второе уголовное дело, дошедшее до суда, связано с мелкими, незначительными преступлениями, а люди, в том числе, совсем молодые, попадают в места лишения свободы, а это негативно сказывается на их даль-

нейшей судьбе»¹.

Действительно, за 2015 г. из общей совокупности всех зарегистрированных преступлений 78,2% являлись преступлениями небольшой и средней тяжести. В прошлом году ситуация кардинально не изменилась за 2020 г. данный показатель по России равнялся 72,4%².

В этой связи, согласимся с высказанным в науке мнением, о том, что существенной модернизацией системы оснований прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования можно считать судебный штраф³. Данный правовой институт введен Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ⁴, который дополнил Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ)⁵ ст. 25.1 и гл. 51.1.

Между тем, такое изменение законодательства повлекло за собой появление конкурирующих оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования – нового и ранее имеющихся в УПК РФ (например, в связи с примирением сторон). Е. А. Хабарова отмечает, что «под конкуренцией норм, регламентирующих основания прекращения уголовных дел, следует понимать такое соотношение этих норм, при котором в фактической ситуации одновременно присутствуют их признаки. Данные нормы в различном объеме охватывают конкретную фактическую ситуацию, однако в силу своей целевой направленности преимущество имеет одна из них»⁶.

Следует отметить, что данное правовое явление (конкуренция правовых норм) рассматривается в юридической науке как негативное, поскольку противоречия в законодательстве приводят к нестабильности регулирования общественных отношений, отсутствию правовой определенности, что, в свою очередь, создает проблемы в правоприменительной деятельности.

Множество споров вызывает конкуренция оснований прекращения уголовного дела, предусмотренных ст. 25 (в связи с примирением сторон) и 25.1 УПК РФ (с применением судебного штрафа). И то, и другое основание прекращения уголовного дела или уголовного преследования в качестве условий прекращения предусматривают совершение преступления небольшой или средней тяжести, впервые, заглаживание причиненного преступлением вреда. Существенными отличиями прекращения уголовного дела с назначением су-

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г. // Российская газета. 2015. № 275.

² Показатели преступности в России // URL: http://crimestat.ru/offenses_map (09.02.2021).

³ Смир А. Д. Конкуренция оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования, связанных с позитивным посткриминальным поведением обвиняемого и подозреваемого // Вестник ВИ МВД России. 2019. №3. С. 235.

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 323-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4256.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

⁶ Хабарова Е. А. Прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям: система оснований и гарантии прав участников процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Екатеринбург, 2004. С. 23.

дебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ) являются: отсутствие необходимости получения согласия потерпевшего, назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, возможность отмены решения в случае неисполнения обязанности уплатить судебный штраф и возобновление производства по уголовному делу. Заметим, что прекращение уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ возможно и в случаях, когда по нему нет потерпевшего.

Следует отметить, что у правоприменителя может возникнуть проблема выбора оснований прекращения уголовного дела: по ст. 25 (в связи с примирением сторон) или по ст. 25.1 УПК РФ (с применением судебного штрафа) в условиях бесконфликтной ситуации, когда подозреваемый (обвиняемый) настаивает на прекращении уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям, а потерпевший не возражает.

В науке высказано мнение о том, что при конкуренции нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования применению подлежит более мягкое из таких оснований, и с целью определения степени мягкости предложены следующие критерии: «наличие или отсутствие каких-либо негативных правовых последствий для лица, освобождаемого от уголовной ответственности; обязательность или факультативность прекращения дела для правоприменительного органа; круг преступных деяний и лиц, их совершивших, на которые рассчитано данное основание; сложность процедуры прекращения уголовного дела; жесткость условий для прекращения дела»⁷.

Исходя из предложенных критериев и анализа соответствующих норм УПК РФ, однозначным представляется вывод о том, что более мягкой формой прекращения уголовного дела или уголовного преследования необходимо считать примирение сторон.

Законодатель в п. 2 ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ указал, что по результатам рассмотрения ходатайства следователя, дознавателя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа судья вправе принять решение об отказе в удовлетворении ходатайства в связи с тем, что уголовное дело или уголовное преследование должно быть прекращено по иным основаниям. Однако данное правовое положение решает проблему только с императивными основаниями прекращения уголовного дела (преследования), например, в виду истечения сроков давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Вместе с тем, не ясно, каким образом поступать, если уголовное дело может быть прекращено в связи с примирением сторон.

По этой причине представляется справедливой практика, согласно которой перед принятием решения по поступившему ходатайству о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа суды выясняют, достигнуто ли примирения подозреваемого или обвиняемого с потерпевшим. Так, в Постановлении Гагаринского районного суда г. Севастополя указано,

⁷ Хабарова Е. А. Указ. соч. С. 17.

что «в судебном заседании подозреваемый К. просил удовлетворить ходатайство органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа, т. к. он признал полностью вину, раскаялся, осознал содеянное, извинился перед потерпевшим, осознает о нереабилитирующем характере прекращения по указанному основанию, согласен оплатить судебный штраф, примирение с потерпевшим не достигнуто»⁸. В Постановлении Кировского городского суда Ленинградской области также акцентировано внимание на то обстоятельство, что «примирение с потерпевшей не состоялось»⁹.

Представляется, что указанный подход полностью отвечает букве закона и духу права, поэтому он должен использоваться всеми судами на территории Российской Федерации. На наш взгляд, это будет возможно в том случае, если Пленум Верховного Суда Российской Федерации распространит такую практику, внося соответствующие дополнения в принятое им постановление от 27 июля 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»¹⁰.

Информация об авторе

Муратова Софья Сергеевна – магистрант 1 года обучения, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ), адрес: 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, д. 1, e-mail: sonika-mir@ya.ru.

**УДК 343.1
Н 50**

А. В. Немеров,
*магистрант 2 года обучения
ИЮИ (ф) УП РФ*

Некоторые проблемы особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением

В статье рассматриваются отдельные вопросы особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. Выявляются проблемы нормативного регулирования в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: обвиняемый, согласие обвиняемого, предъявленное

⁸ Постановление Гагаринского районного суда г. Севастополь №1-217/2020 от 21.05.2020 по делу №1-217/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KLQxyIYDnpd3/> (11.02.2021).

⁹ Постановление Кировского городского суда Ленинградской области №1-281/2019 от 25.11.2019 по делу №1-281/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ASTGhqMvsQQv/> (11.02.2021).

¹⁰ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июля 2013 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

обвинение, упрощённое уголовное судопроизводство, признание вины, особый порядок.

Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, являясь одной из упрощенных форм рассмотрения уголовных дел, позволяет, во-первых, обвиняемому при признании вины избежать задержек в разрешении уголовного дела, во-вторых, обеспечивает назначение менее строгого наказания и, в-третьих, избавляет обвиняемого от взыскания процессуальных издержек, предусмотренных ст. 131 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Официальная статистика свидетельствует о популярности данного вида особого производства у обвиняемых. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2018 г. в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением было рассмотрено 554 109 уголовных дел, что составляет около 70% от общего количества рассмотренных уголовных дел¹.

Несмотря на востребованность данного вида особого производства, следует отметить наличие некоторых недостатков в его правовом регулировании. Прежде всего привлекает внимание установленный законом момент заявления обвиняемым ходатайства о согласии с предъявленным обвинением и желании рассмотрения уголовного дела без проведения судебного разбирательства. Так, согласно ч. 2 ст. 315 УПК РФ такое ходатайство обвиняемый вправе заявить при ознакомлении с материалами уголовного дела или на предварительном слушании, когда оно является обязательным в соответствии со ст. 229 УПК РФ. Чаще всего на практике такое ходатайство заявляется именно при ознакомлении с материалами уголовного дела, и проблем по данному поводу не имеется.

Однако возможна ситуация, когда в силу разных причин при ознакомлении с материалами уголовного дела обвиняемым не было заявлено рассматриваемое ходатайство, но после направления уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного заключения, обвинительного акта обвиняемый решил заявить такое ходатайство и с предъявленным обвинением он был полностью согласен. Заметим, что УПК РФ не регулирует данную ситуацию, получается, что обвиняемый должен дожидаться решения прокурора об утверждении обвинительного заключения, обвинительного акта и передачи уголовного дела в суд, где он вроде бы может реализовать данное право. Но и там не всегда у обвиняемого есть возможность заявить данное ходатайство, поскольку закон предоставляет ему такую возможность только на предварительном слушании, которое назначается не всегда, а в строго определенных законом случаях (ст. 229 УПК РФ). В итоге имеет место некоторое огра-

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 03.02.2021).

ничество права обвиняемого на заявление ходатайства о рассмотрении уголовного дела в особом порядке принятия судебного решения при согласии с предъявленным обвинением. Для решения указанной проблемы полагаем возможным внести изменения в ст. 222, 226 УПК РФ, предоставив прокурору право рассмотреть указанное ходатайство обвиняемого в тех случаях, когда окончательное расследование уголовного дела поступило к нему для утверждения обвинительного заключения, обвинительного акта.

Что касается заявления обвиняемым ходатайства о рассмотрении уголовного дела в особом порядке принятия судебного решения при согласии с предъявленным обвинением на предварительном слушании, то, как было отмечено выше, основания проведения предварительного слушания ограничены законом (ст. 229 УПК РФ). Получается, что, не заявив рассматриваемое ходатайство при ознакомлении с материалами уголовного дела и не попадая под основания проведения предварительного слушания, обвиняемый лишается возможности на рассмотрение уголовного дела в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением.

Данную проблему представляется можно решить путем расширения оснований проведения предварительного слушания, дополнив ч. 2 ст. 229 УПК РФ следующим пунктом: при наличии ходатайства обвиняемого о рассмотрении уголовного дела в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением.

В качестве еще одной проблемы можно выделить ограничение видов принимаемых решений в данном виде особого порядка: постановление обвинительного приговора или вынесение постановления о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке (ч. 6-8 ст. 316 УПК РФ). В связи с чем некоторые авторы высказали сомнительное, на наш взгляд, мнение о возможности постановления и оправдательного приговора в данном виде особого производства: «... применение особого порядка само по себе не должно предопределять вид приговора. Необходимым и достаточным условием постановления оправдательного приговора должно являться то обстоятельство, что судья в ходе судебного разбирательства, придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, является необоснованным, поскольку не подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу»².

Представляется, что постановление оправдательного приговора по уголовному делу, рассматриваемому в особом порядке, без исследования собранных доказательств по уголовному делу в полном объеме во всей их совокупности не возможно. В случае возникновения сомнений в обоснованности (необоснованности) обвинения законодатель предусмотрел переход на общий порядок рассмотрения уголовного дела. Поэтому говорить об обвини-

² Тенишев А. П. Особый порядок судебного разбирательства в уголовном процессе Российской Федерации: соответствие принципам и совершенствование процессуальной формы : дис... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2018. С. 108.

тельном уклоне особого порядка рассмотрения уголовных дел при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением сомнительно.

По поводу принятия иных, кроме обвинительного приговора, решений по уголовному делу, рассматриваемому в особом порядке гл. 40 УПК РФ, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 5 декабря 2006 г. № 60 разъяснил: «Глава 40 УПК РФ не содержит норм, запрещающих принимать по делу, рассматриваемому в особом порядке, иные, кроме обвинительного приговора, судебные решения, в частности, содеянное обвиняемым может быть переqualифицировано, а само уголовное дело прекращено, если для этого не требуется исследования собранных по делу доказательств и фактические обстоятельства при этом не изменяются» (п. 12)³.

Подводя итоги, отметим, что в настоящее время особый порядок принятия судебного решения при согласии с предъявленным обвинением требует законодательных изменений для наиболее полного обеспечения прав и законных интересов обвиняемого.

Информация об авторе

Немеров Артем Владимирович – магистрант 2 года обучения, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664032, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

УДК 343.13
О 53

А. Д. Олейник,
*студентка 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

К вопросу о правовых последствиях признания доказательств недопустимыми

В статье анализируются правовые последствия признания доказательств недопустимыми. На основании судебно-следственной практики делаются выводы о наиболее частых основаниях для признания доказательств недопустимыми.

Ключевые слова: уголовный процесс, недопустимые доказательства.

Проблема признания доказательств по уголовным делам недопустимыми была и остаётся актуальной до настоящего времени. Под недопустимыми доказательствами в соответствии с ч. 1 ст. 75 Уголовно-процессуальным ко-

³ О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2006 г. № 60 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 2.

дексом Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹ понимаются те доказательства, которые были получены с нарушением УПК РФ. Часть 2 вышеуказанной статьи содержит перечень доказательств, которые являются недопустимыми. Исходя из положения п. 3 ч. 2 рассматриваемой статьи данный перечень не является исчерпывающим.

Некоторые исследователи проблем, связанных с признанием доказательств недопустимыми, отмечают, что понятие, которое дано в УПК РФ, не в полной мере отражает важность данного уголовно-процессуального института и предлагают свои формулировки, а также расширить перечень недопустимых доказательств. На наш взгляд, в этом нет необходимости, поскольку по смыслу положений ст. 75 УПК РФ любое нарушение уголовно-процессуального законодательства может привести к признанию доказательства недопустимым. Вместе с тем, если указан определенный перечень недопустимых доказательств, то в перечисленных случаях доказательства однозначно признаются недопустимыми. Во всех же других случаях нарушения правил собирания доказательств решение о признании доказательства будет приниматься правоприменителем.

Анализ судебно-следственной практики показал, что к нарушениям, которые наиболее часто встречаются и рассматриваются на предмет недопустимости доказательств, относятся: взятие у обвиняемого объяснения в отсутствие защитника, при этом в объяснениях отсутствует подпись обвиняемого; проведение экспертизы неуполномоченными на то лицами; дача показаний свидетелями под давлением; составление с нарушением требований законодательства протоколов об административных правонарушениях, которые положены в основу обвинения в совершении преступления; составление в отсутствие защитника явок с повинной, положенных в основу приговоров судов; проведение «проверочных закупок» без постановления руководителя органа, осуществляющего данное оперативно-розыскное мероприятие (встречается, в основном, при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков); составление протокола с нарушением Федерального закона об оперативно-розыскной деятельности о проведении оперативно-розыскных мероприятий и иные нарушения².

Решающее значение в аспекте допустимости доказательств имеет стадия предварительного расследования, на которой осуществляется собирание доказательств. С помощью полученных на этой стадии доказательств после их проверки на допустимость, относимость, достоверность устанавливается круг обстоятельств, необходимый для разрешения уголовного дела. Только обладающие свойством допустимости доказательства могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из об-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : в ред. от 24 февраля 2021 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ : в ред. от 30 декабря 2020 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

стоятельств, предусмотренных статьей 73 УПК РФ (ч. 1 ст. 75 УПК РФ). Соответственно, если доказательства исключены как недопустимые, то возникает риск не привлечения к уголовной ответственности виновных в совершении преступления³.

Необходимо отметить, что к признанию доказательств недопустимыми могут привести нарушения не только уголовно-процессуального законодательства, но и других законов. Анализ судебно-следственной практики показал, что наиболее часто встречаются нарушения проведения или фиксации оперативно-розыскных мероприятий.

Так, при осуществлении такого оперативно-розыскного мероприятия как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (п. 9 ст. 6 ФЗ об оперативно-розыскной деятельности), физическому лицу перед началом обследования должно быть предъявлено распоряжение о проведении обследования для ознакомления, копия которого вручается под роспись⁴. В связи с тем, что обследование производилось в отсутствие лица и, соответственно, он не был ознакомлен с протоколом, прокурором такой протокол признан недопустимым доказательством, а в отношении подозреваемого, у которого в ходе проведения обследования было обнаружено 1,5 кг героина, вынесено постановление о прекращении уголовного преследования по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. То есть лицо избежало уголовной ответственности.

Есть и иные негативные последствия помимо прекращения уголовного преследования в отношении действительно виновных лиц. Так, нередко случаи, когда суды основывают свои выводы на доказательствах, которые изначально были недопустимыми. Такие приговоры обжалуются в апелляционном порядке и апелляционной инстанцией отменяются. Например, суд Иркутской области отменил приговор нижестоящего суда вследствие признания доказательств недопустимыми, а именно: объяснения, которые дал подозреваемый в отсутствие защитника⁵. В результате лицо, в отношении которого незаконно и необоснованно был вынесен приговор, имеет право на реабилитацию, фактически избежав за совершённое деяние уголовной ответственности.

Таким образом, признание доказательств недопустимыми влечёт за со-

³ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : в ред. от 30 декабря 2020 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств : приказ МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199. Доступ их справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Приговор Свердловского районного суда г. Иркутска по делу № 1-34/2020 от 15.07.2020 //Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): база судебных актов, судебных решений и нормативных документов. URL: https://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular_stage=10®ular-area=1021®ular-court=®ular-judge=#searchResult (дата обращения: 15.01.2021).

бой крайне негативные правовые последствия, такие как прекращение уголовного дела в отношении лиц, в деяниях которых усматриваются признаки состава преступления, и не привлечение их к уголовной ответственности, что противоречит принципу неотвратимости наказания.

Информация об авторе

Олейник Анна Дмитриевна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: anya.oleynik99@mail.ru

УДК 343.125.2

П 12

А. А. Павлуцкая,

студентка 3 курса УФ РГУП

Влияние постановлений Европейского Суда по правам человека на судебную практику об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу

Дела об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и решения судов по данным делам, несмотря на кажущуюся простоту их рассмотрения, в правоприменительной практике, зачастую вызывают сложности и становятся предметом рассмотрения Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Следовательно, существует острая необходимость в исследовании и обобщении данной практики с целью разработки механизмов ее внедрения в систему уголовного правосудия России.

Ключевые слова: ЕСПЧ, заключение под стражу, мера пресечения, правовые позиции ЕСПЧ.

Россия утвердила Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 30 марта 1998 г. для судебной и законодательной защиты прав и основных свобод человека. Следовательно, наша страна приняла ipsofacto подсудность ЕСПЧ в случаях предвидимого нарушения ею положений договорных актов в отношении толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней.

В соответствии с п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 21: «Правовые позиции ЕСПЧ, которые содержатся в окончательных постановлениях Суда, принятых в отношении РФ, являются обязательными для судов»¹.

Определенный импульс в развитии практики эффективного выполне-

¹ О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 № 21 // Российская газета. 2013. №145.

ния международных обязательств на национальном уровне в части обеспечения гарантий ст. 5 Конвенции, стало принятие ПП ВС РФ от 19 декабря 2013 года № 41 и Постановление КС РФ от 22 марта 2005 года № 4-П.

Остановимся на некоторых проблемах заключения под стражу в правоприменительной практике Российской Федерации в аспекте требований Европейской конвенции.

«Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом ...» – доводит до сведения п. 1 ст. 5 Конвенции.

Только в строгом соответствии с материальным и процессуальным законодательством должно применяться заключение под стражу, тогда этот процесс будет правомерным (установлен законом).

По делу Шапошников против РФ Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) обнаружил разногласие между ст. 5 Конвенции и решением суда о содержании лица под стражей и указал, что суд ни на какие нормативные документы не ссылался и в данном случае было непонятно, применялись ли положения ст. 109 или ст. 255 УПК РФ в оспариваемый период времени. Поэтому Европейский Суд принял решение, что отсутствие мотивов, представленных судебными органами в подтверждение своего решения, допускающего заключение под стражу, несовместимо с принципом защиты от судебного произвола по сути п. 1 ст. 5 Конвенции².

Следующий основной элемент требований законности в прецедентной практике Суда является обязанность производить заключение под стражу по постановлению уполномоченного суда.

Европейский Суд по делу Худоерова против РФ отметил, что «... период содержания под стражей является в принципе законным, если лицо содержится под стражей на основании постановления суда ...»³.

Существование определенных недостатков в постановлении не отменяет его правомерность, с учетом того, что такого вида дефекты не являются серьезными нарушениями и вышестоящий суд может устранить их. Однако, если ЕСПЧ признает нарушения грубыми, то впоследствии это может привести к недействительности постановлений. Обычно это случаи, например, связанные с ненадлежащим рассмотрением альтернативы тюремному заключению, уведомлением заинтересованной стороны о слушании дела и другое.

Примером может послужить дело Романовой против РФ, ЕСПЧ изучил доводы и материалы и установил, что была санкционирована мера пресечения в виде заключения под стражу. Однако кассация отменила это постановление и потребовала пересмотра вопроса о содержании под стражей, сославшись на отсутствие адвоката и прокурора на слушании суда первой инстан-

² Дело Шапошников против Российской Федерации : Постановление ЕСПЧ от 29.07.2010 (жалоба №8998/05) // Бюллетень ЕСПЧ. 2011. №7 .

³ Дело Худоеров против Российской Федерации : Постановление ЕСПЧ от 08.11.2005 (жалоба №6847/02)// Бюллетень ЕСПЧ. 2006. № 7.

ции и уклонение от исследования соответствующих материалов дела и указания мотивов. ЕСПЧ признал период содержания под стражей незаконным и не «соответствующим порядку, установленному законом»⁴.

Предъявление обоснованного подозрения является важным элементом против произвольного заключения под стражу, а поэтому ЕСПЧ требует предоставлять информацию, объективно соединяющую подозреваемого и предполагаемое преступление. ЕСПЧ по делу Пичугина против РФ отметил, что факты, вызывающие подозрение, не должны иметь такую же степень убедительности, как те, которые необходимы для обоснования обвинительного приговора или даже для предъявления обвинения⁵.

При обзоре практики ЕСПЧ дел с предполагаемыми нарушениями п. 3 ст. 5 Конвенции, что суды не всегда обосновывают решения об избрании какой-либо меры пресечения определенной информацией, обходятся основными положениями ст. 97 УПК РФ. Поэтому ЕСПЧ не раз заявлял, что аргументы за или против освобождения заявителя не могут быть «общими и абстрактными» и что суды не должны пользоваться общими фразами и устоявшимися выражениями в решениях, но так или иначе судам необходимо ссылаться на конкретные факты, касающиеся заявителя, которые оправдывают заключение его под стражу. Недопустимо перекладывать бремя доказывания обстоятельств в пользу освобождения на лицо, лишенное свободы.

Например, в деле Кислицы против РФ национальные суды продлевали срок содержания заявителя под стражей пять раз, ссылаясь на тяжесть выдвинутых против заявителя обвинений и на потенциальную опасность того, что в случае освобождения он может препятствовать надлежащему ходу разбирательства, соответствующие постановления не идут дальше перечисления оснований и не обосновывают их ссылкой на какие-либо конкретные факты⁶.

Стоит отметить, что Европейский суд заботит не только результаты рассмотренных и разрешённых дел, но и правомерность, соблюдение основных прав и свобод человека и гражданина. При условии, что национальные суды, во-первых, оценивают конкретные факты дела, считаются с интересами судебной системы, и, во-вторых, принимают во внимание презумпцию свободы, рассматривают способность применения других мер пресечения, то можно сказать, что основные требования ст. 5 Конвенции выполнены.

Таким образом, анализ правоприменительной практики ЕСПЧ и российского законодательства указывает, что практика ЕСПЧ значительно влияет на процедуру заключения под стражу, поскольку благодаря практике и толкованиям его решений имеются общие элементы требования законности, дополнительные гарантии от необоснованного заключения под стражу лиц и

⁴ Дело Романова против Российской Федерации : Постановление ЕСПЧ от 11.10.2011 (жалоба №23215/02) // Российская хроника Европейского суда. 2012. № 4.

⁵ Постановление ЕСПЧ от 23.10.2012 Дело «Пичугин против Российской Федерации» (жалоба N 38623/03) // Российская хроника Европейского суда. 2014. №4.

⁶ Постановление ЕСПЧ от 19.06.2012 Дело «Кислица против Российской Федерации» (жалоба №29985/05) // Бюллетень ЕСПЧ. 2013. №5

стандарты Европейского Суда по исследуемой проблематике.

Информация об авторе

Павлуцкая Анна Александровна – студентка 3 курса, Уральского филиала Российского государственного университета правосудия (УФ РГУП). 454084, г. Челябинск, ул. Набережная, 7В. Номер телефона: +79091754331
Электронный адрес: 3glinki@mail.ru.

УДК 343.13

П 64

С. С. Потапова,
студентка 3 курса
СПбЮИ (ф) УП РФ

**Проблема ограничения и запрета на передвижение
при назначении домашнего ареста**

Данная статья посвящена одной из мер пресечения в уголовном процессе России – домашнему аресту. Рассматривается проблема предоставления права потерпевшему (обвиняемому) на прогулку с посещением общественных мест.

Ключевые слова: меры пресечения, домашний арест, подозреваемый, обвиняемый, предварительное расследование.

Каждый гражданин Российской Федерации наделён широким перечнем прав и свобод, ограничение которых недопустимо согласно Конституции Российской Федерации. Вместе с тем, необходимость их законного ограничения появляется при осуществлении уголовного преследования. При этом гуманистическая направленность положений уголовно-процессуального законодательства порождает необходимость регламентации ситуаций, в которых достойное обращение с подозреваемым (обвиняемым) находится под угрозой, т. к. никто не вправе ограничивать гражданина в продуктах питания, лекарствах и жизненно необходимых товарах, даже в случае совершения им преступления.

Так, целью избрания мер пресечения является исключение возможности подозреваемым (обвиняемым) скрыться от дознания, предварительного следствия и суда, продолжить занятие преступной деятельностью и т. д., обеспечение исполнения ими своих процессуальных обязанностей в принудительном порядке.

Самыми жёсткими из мер пресечения являются заключение под стражу и домашний арест. Заключение под стражу подразумевает помещение подозреваемого (обвиняемого) в специальное, охраняемое учреждение с соблюдением режима изоляции от общества. Целью домашнего ареста является изоляция подозреваемого или обвиняемого от общества в жилом помещении (ст. 107 УПК РФ). По сравнению с условиями содержания под стражей, где

процессы жизнеобеспечения подозреваемых (обвиняемых) организованы централизованно (прогулки, питание, медицинское обеспечение и пр.), при домашнем аресте эти условия подозреваемый (обвиняемый) вынужден обеспечивать самостоятельно либо с помощью проживающих с ним лиц.

Учитывая данный факт, на практике возникает ряд проблем, одной из которых является необходимость предоставления домашнему арестованному подозреваемому (обвиняемому) права на прогулку. С одной стороны, предоставление права на неконтролируемую прогулку не позволяет в полном объеме реализовать цель данной меры пресечения, т. к. подозреваемый (обвиняемый) время от времени будет покидать пределы жилого помещения, в котором ему необходимо находиться в строгой изоляции от общества. С другой стороны, без предоставления такого права подозреваемый (обвиняемый) самостоятельно не сможет удовлетворить элементарные бытовые потребности в продуктах питания, лекарствах и других товарах первой необходимости.

В научной среде мнения о нарушении полной изоляции от общества в жилом помещении достаточно неоднородные. Например, В. А. Михайлов считает, что необходимо предусмотреть несколько режимов изоляции от общества, отличающихся по степени строгости: запретить покидать жилое помещение в течение всего периода применения меры пресечения, запретить посещение работы и образовательных учреждений, предоставить право на кратковременные выходы из жилого помещения с обязательной изоляцией в ночное время (с 22 до 6 часов)¹. В. М. Быков и Д. А. Лисков считают, что запреты и ограничения при домашнем аресте не должны менять привычный образ жизни подозреваемого (обвиняемого). Так, запреты и ограничения на свободу передвижения не могут распространяться на трудовую и образовательную деятельность, необходимые для обеспечения жизнедеятельности места: магазины, аптеки и т. д. Ограничения и запреты должны быть направлены на посещение указанными лицами мест отдыха и развлечений: ресторанов и баров, дискотек, кино и театров².

Суды также занимают в данном вопросе разные позиции. Так, Энгельский районный суд Саратовской области разрешил гражданину М. ежедневные прогулки (не более 4 часов) в пределах г. Энгельса в светлое время суток³. Противоположную позицию занял Фрунзенский районный суд г. Владивостока Приморского края, согласно постановлению которого № 1-94/2019 от 15.04.2019, ч. 1 ст. 107 УПК РФ не предполагает установления режима частичной изоляции подозреваемого (обвиняемого) от общества в жилом помещении⁴.

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.П. Верина, В. В. Мозякова. М., 2004. С. 262

² Быков В. М., Лисков Д. А. Домашний арест как новая мера пресечения по УПК РФ // Рос. следователь. 2004. № 4. С. 12–14.

³ Цит. по : Качалова О. В. Домашний арест: с прогулками или без? Электронный журнал «Уголовный процесс». 2019. №9. <https://e.ugpr.ru/749706> (дата обращения: 12.02.2021).

⁴ Фрунзенский районный суд г. Владивостока. URL: <http://frunzensky.prm.sudrf.ru/> (дата обращения: 12.02.2021).

На наш взгляд, к разрешению данной проблемы необходимо подходить, исходя из основного условия отбытия назначения такой меры пресечения как домашний арест, которым является полная изоляция от общества. Следовательно, разрешение самостоятельных прогулок приведет к тому, что домашний арест как мера пресечения теряет свой характер и перестает выполнять свое предназначение, т. к. подозреваемый (обвиняемый) психологически перестает воспринимать себя арестованным, а также создается возможность воспрепятствования следствию с его стороны через контактирование с неопределённым кругом лиц, совершение новых преступлений, угрозы свидетелям, уничтожение и фабрикацию ложных доказательств. Возложение же обязанностей по решению данного вопроса на подозреваемого (обвиняемого) через оплату услуг коммерческих курьеров служб доставки едва ли возможно ввиду отсутствия у арестованных лиц стабильного заработка.

Таким образом, анализ действующего уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о необходимости регламентации вопросов, связанных с режимом отбывания домашнего ареста. Разрешение данной проблемы возможно путём принятия отдельного федерального закона, регламентирующего вопросы содержания под домашним арестом подозреваемого (обвиняемого) по аналогии с Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, что позволит разрешить различные проблемы, возникающие в данный момент на практике.

В настоящее время видим решение проблемы предоставления права на прогулку подозреваемого (обвиняемого) при отбытии меры пресечения домашний арест следующим образом. Так, при стечении обстоятельств, когда подозреваемый (обвиняемый) не может быть обеспечен предметами первой необходимости (продуктами питания, лекарствами и т. п.), кроме как самостоятельно, его следует наделить правом на краткосрочные прогулки (не более 2-3 часов) с посещением общественных мест (таких, как продуктовые магазины, аптеки и т.п.). Проблему контроля за подозреваемым (обвиняемым) во время таких прогулок предполагается решить путем обеспечения его сопровождения уполномоченным на то сотрудником федеральной службы судебных приставов) строго в дневное время (с 7.00 – 20.00 часов), определённое количество раз в неделю (1-2 раза).

Информация об авторе

Потапова Софья Сергеевна – студентка 3 курса, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (СПбЮИ (ф) УП РФ). 191014, Санкт-Петербург, Литейный пр., д.44. Телефон: 89013685543.

Электронный адрес: sofia_sofia2012@mail.ru

УДК 343.14
Ч 46

С. А. Черепанов,
студент 2 курса ИГиП «БГУ»

**К вопросу о применении средств видеофиксации
как альтернативы понятым в уголовном судопроизводстве**

В статье рассматривается вопрос о том, какие технические средства лучше подходят для фиксации следственного действия, аргументы «за» и «против» их применения. Также предлагается ряд правил, соблюдение которых может максимально приблизить уровень видеофиксации к реальному восприятию следственного действия понятыми.

Ключевые слова: понятые, следственные действия, институт понятых, технические средства фиксации, видеофиксация следственного действия.

Технические средства позволяют фиксировать наиболее полную и объективную картину происходящего в процессе производства следственного действия: действия и реакция участников, возможность акцентирования внимания на едва заметных предметах, а также свести к минимуму отражения в протоколе следственного действия информации, не соответствующей действительности.

Следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев при проведении следственного действия используется фотофиксация или же производится процесс видеозаписи. Предполагаем, что это объясняется стремительным развитием технологий, за которыми правоохранительными органами на данный момент проблематично идти вровень.¹ Фотосъемка, как техническое средство, заменяющее участие понятых нашло отклик и у некоторых ученых. Так, В. Ю. Белицкий считает допустимым применение средств фотофиксации как альтернативу участию понятых². Вместе с тем, думается, использование фотосъемки может привести, на практике, к ряду проблем и не сможет в полной мере обеспечить удостоверительную функцию: фиксация будет происходить фрагментарно, с разрывами отдельных частей, следовательно придется внимательно подходить к вопросу выбора позиции для съемки и т. п.

Однако следует затронуть вопрос о возможности и целесообразности применения при производстве следственного действия личного фото- и видеооборудования следователя (дознателя), прежде всего, смартфона. Обос-

¹ Митрясова, А. С. К вопросу о проблемах участия понятых в уголовном судопроизводстве РФ // Молодой ученый. 2018. № 18 (204). С. 251. URL : <https://moluch.ru/archive/204/49945/> (дата обращения: 16.01.2021).

² Белицкий В. Ю. Применение технических средств как альтернатива участию понятых // Известия АлтГУ. 2015. № 2 (86). С. 12. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-tehnicheskikh-sredstv-kak-alternativa-uchastiyu-ponyatyh> (дата обращения: 16.01.2021).

нованным и бесспорно допустимым следует считать использования следователем (дознавателем) ведомственного оборудования, однако на практике могут возникнуть случаи, когда оно окажется недоступным, и следователю придется использовать личное оборудование (например, в случае обнаружения неисправности ведомственного оборудования непосредственного перед началом следственного действия). Поэтому, по мнению автора, необходимо наделить следователя (дознавателя) правом самому решать, какое средство фиксации следует использовать, о чем необходимо сделать пометку в протоколе следственного действия.

Вышесказанное не исключает необходимости разработки и нормативного закрепления основных правил использования средств видеofиксации при производстве следственного действия без участия понятых. Соблюдение предложенных правил должно, на наш взгляд, качественно отразиться на проведении следственного действия без участия понятых, существенно облегчит алгоритмы действий следователя при производстве следственного действия с использованием видеозаписи, повысит качество и объективизирует доказательства, которые могут быть использованы в суде.

Бесперебойность и динамичность фиксации является одним из важнейших преимуществ видеозаписи над средствами фотофиксации, т. к. она позволяет без потери целостности восприятия фиксировать в памяти все, значимые и незначимые, события. Перед началом следственного действия важно огласить название устройства с которого будет производиться видеозапись.³ Данный аспект, как полагает автор, будет являться дополнительным барьером к защите полученных доказательств от возможной фальсификации. Видится важным начинать видеозапись незадолго до начала следственного действия в целях проверки оборудования: наличия достаточного заряда и/или дополнительных аккумуляторов, состояния объективов, наличие работающего звукозаписывающего устройства и т. п. Убедившись в исправности и работоспособности технического средств, следователь, руководствуясь уголовно-процессуальным законодательством, разъясняет правила проведения следственного действия всем участникам, оглашает их права, обязанности и предупреждает об ответственности. Завершать процесс видеосъемки следует лишь после того как участникам оглашён протокол проведения следственного действия и словами следователя о его окончании.

Положение видеозаписывающего устройства и возможность его передвижения также имеют важное значение. Объектив видеокамеры должен стать своего рода отражением проводящегося следственного действия, а значит должен содержать все, без исключения, важные события. Более того, если отсутствующих понятых заменяет видеокамера, то она является альтернативой, прежде всего, их зрительного восприятия. Несомненным плюсом при использовании видеofиксации, в отличие от статичной фотокамеры, будет

³ Черников С. В. Усмотрение следователя при привлечении понятых для участия в эксгумации // Юристь-Правоведь. 2019. № 1 (88). С. 123.

минимальная возможность упустить из кадра какую-либо значимую для уголовного дела информацию.

Качество съемки также видится значимым критерием при производстве следственного действия с помощью современного технического средства. Качество исходных аудио- и видеофайлов обязаны в должной степени отражать все производимые участниками следственного действия без существенных ограничений. По мнению автора минимально допустимым форматом для фиксации следственного действия следует считать формат HD. Предложенный формат позволит избежать серьезной потери качества, позволяя в равной соотносить данные, полученные с использованием технического средства с данными, которые можно получить приглашая к участию в следственном действии понятых. При этом всё же остается вопрос о том, кто должен заниматься непосредственно процессом видеосъемки следственного действия? В одиночку следователю будет затруднительно проводить такой объем работы без риска утраты качества.

По мнению автора, для этого следует привлекать специалиста, обладающего операторскими навыками, позволяющими грамотно обеспечить композиционное построение видеоизображения. В связи с этим автор предлагает следующую редакцию ч. 3 ст. 170 УПК РФ «...В случае производства следственного действия без участия понятых следователь приглашает для участия специалиста с целью применения технических средств фиксации его хода и результатов.». В исключительных случаях, когда невозможно участие специалиста, следует привлекать оперативного сотрудника. Альтернативу специалисту, в перспективе, может составить и помощник следователя, если такой участник будет процессуально закреплён. При этом это позволило бы не только облегчить работу следователя, но и дало помощникам следователя, находящихся в резерве кадров, необходимый опыт.

Обеспечение соответствующего хранения, накопителя информации, во избежание физических повреждений, который содержит результаты следственного действия, а также возможность в любой момент ознакомиться с материалами следственного действия, снятого видеокамерой. Но, очевидно, могут возникнуть случаи, когда в силу определённых обстоятельств видеозапись сделана некачественно в силу субъективных или объективных причин и на ней отсутствуют, или искажены, важные для расследования уголовного дела элементы. В подобных случаях использовать такую видеозапись видится нецелесообразным и следует признать протокол проводимого следственного действия недопустимым. Бумажные или магнитные носители, в отличие от цифровых, менее износостойкие. Более того, человеческая память не безгранична и человек, в отличие от технических средств, может исказить вовсе забыть определенную информацию о проходившем следственном действии.

Гарантия полной безопасности накопителя информации также носит важнейший характер. В целях защиты записанной информации, в том числе от посягательства заинтересованных лиц, по мнению автора, необходимо обеспечить полную безопасность записанной информации от возможных из-

менений исходных файлов (видеомонтаж). Для хранения видеозаписи произведённого следственного действия на момент написания статьи следует считать компакт-диски.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что перспектива полностью заменить техническими средствами понятий выглядит на данный момент сомнительной. Оптимальным средством фиксации, по мнению автора, является видеозапись. Однако вышесказанное может повлиять на качество и объективизирует доказательства, используемые в суде, а также облегчит работу практических работников правоохранительных органов.

Информация об авторе

Черепанов Сергей Андреевич – студент 2 курса, Институт государства и права Байкальского государственного университета.

664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Электронный адрес: sergey38cherer@mail.ru

УДК 343.98
А 17

Е. А. Абузова,
студентка 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ

К вопросу о назначении ситуационной экспертизы при расследовании некоторых видов убийств

В статье анализируется возможность и целесообразность проведения ситуационной экспертизы по делам об убийстве, в том случае, если труп потерпевшего не обнаружен. На основе обобщения практики ВС РФ сделан вывод о возможности установления причины смерти с помощью других доказательств.

Ключевые слова: ситуационная экспертиза, установление причин смерти.

Традиционно при расследовании уголовных дел, связанных с лишением жизни человека, именно труп потерпевшего является основным источником криминалистически значимой информации, и как следствие, основным средством доказывания виновности лица служит заключение эксперта об установлении насильственной причины смерти. Данное обстоятельство подтверждает п. 1 ч.1 ст. 196 УПК РФ, который предусматривает, что «назначение и производство судебной экспертизы обязательно, если необходимо установить причины смерти».

Анализируя вышесказанное, возникает вопрос о целесообразности проведения судебной экспертизы при расследовании так называемых «убийств без трупа», поскольку объектом судебно-медицинской экспертизы об установлении причины смерти является именно труп потерпевшего. В теории и правоприменительной практике в таких случаях говорят о ситуационной¹ экспертизе (нередко ее еще называют медико-криминалистической²).

Ситуационная судебно-медицинская экспертиза предполагает проведение исследования без самого объекта исследования – трупа потерпевшего, что в некоторой степени противоречит федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ»³. Основной целью такой экспертизы является «подтверждение либо исключение версий, касающихся события происшествия, либо установление его механизма в целом или от-

¹ Хорошева А. Е. Криминалистические аспекты использования судебно-медицинских знаний в процессе доказывания в судах дел об убийствах // Адвокат. 2013. № 8. С. 34–39.

² Степанова Г. С. Расследование убийства при отсутствии трупа // Следственная практика. 2002. № 2. С. 84–90.

³ О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ : Федеральный закон от 31 мая 2001 г. №73-ФЗ : в ред. от 26 июля 2019 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

дельных его элементов...»⁴.

Если говорить об общей характеристике ситуационной экспертизы, то она проводится комиссией экспертов, а объектом исследования являются материалы уголовного дела, в частности, содержащиеся в нем показания обвиняемых и свидетелей о событии преступления и исчезновении тела, экспертные заключения вещественных доказательств, материалы следственных экспериментов⁵.

Возникает достаточно серьезный вопрос о потенциальной возможности проведения ситуационной экспертизы с целью установления причины смерти, поскольку при отсутствии объекта исследования как такового, эксперт не в состоянии сделать однозначный и категоричный вывод о причине смерти потерпевшего. В большинстве случаев суждения эксперта не будут основаны на специальных знаниях и использовании научных методик, полученные выводы будут достаточно условны.

Многие авторы⁶, в том числе и судебные медики-эксперты, придерживаются позиции о нецелесообразности проведения ситуационных экспертиз, и как результат, о необъективности полученных выводов. В таких случаях установление причины смерти должно основываться на совокупности собранных по делу материалов, и окончательный вывод по этим вопросам должен делать именно суд, а не эксперт.

Примечательно, что в 2008 г. был проведен опрос руководителей 44 региональных бюро СМЭ. Перед руководителями был поставлен вопрос о возможности проведения ситуационных экспертиз об установлении причины смерти при отсутствии трупа. В результате был получен 21 ответ, из которых 9 – положительных, 12 – отрицательных. Опрошенные первой группы сообщили о крайней редкости и единичности подобных исследований. Что касается второй группы, то лишь 2 из 9 опрошенных указали причины невозможности проведения ситуационных экспертиз. Они сослались на «отсутствие достаточной объективизации выводов, отсутствие критериев для формирования достоверных выводов, постоянное изменение показаний обвиняемых»⁷.

В общем и целом, усомниться в приведенных доводах представляется затруднительным, ведь правоприменительная практика подтверждает нецелесообразность проведения данных экспертиз, результаты которых не всегда являются достоверными и объективными. Так, например, Верховный Суд Российской Федерации в 2011 г. отменил приговор Приволжского окружного

⁴ Драпкин Л. Я., Грицаенко П. П. Значение судебно-медицинской экспертизы в системе раскрытия и расследования преступлений // Российский юридический журнал. 2006. №1. С. 141.

⁵ Архипова А. Н., Китаев Н. Н. Актуальные вопросы судебно-медицинской экспертизы в ситуациях, когда труп потерпевшего не обнаружен или подвергнулся уничтожению // Ученые записки Таврического Национального университета им. В. И. Вернадского. 2009. Т. 22 (61), № 1. С. 255–261.

⁶ Борохова Н. Е. Установление причин смерти судом при отсутствии экспертного заключения в уголовном процессе // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2019. Т. 19, № 2, С. 86–90.

⁷ Архипова А. Н., Китаев Н. Н. Актуальные вопросы судебно-медицинской экспертизы в ситуациях, когда труп потерпевшего не обнаружен или подвергнулся уничтожению // Ученые записки Таврического Национального университета им. В. И. Вернадского. 2009. Т. 22 (61), № 1. С. 255–261.

военного суда в отношении Х. и Ф. по п.«ж», «з» ч.2 ст. 105 УК РФ, указав, что выводы, полученные в результате проведения ситуационной экспертизы «противоречивы и носят вероятностный характер»⁸.

При этом в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г.⁹ указано, что «обвинительный приговор не может быть основан на предположениях, а все неустранимые сомнения в доказанности обвинения, в том числе отдельных его составляющих (формы вины, степени и характера участия в совершении преступления, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств и т. д.), толкуются в пользу подсудимого». Таким образом, Верховный Суд косвенно указывает о потенциальной невозможности использования результатов ситуационной экспертизы в качестве основания для вынесения обвинительного приговора.

Вместе с тем, Верховный Суд Российской Федерации в своих решениях по конкретным уголовным делам проводит мысль о том, что событие преступления и возможная причина смерти могут быть установлены с использованием других доказательств, и заключение эксперта о факте и причине смерти по таким категориям уголовных дел – не обязательно. Так, Верховный Суд Российской Федерации в 2014 г. оставил в силе приговор Иркутского областного суда от 06.06.2014 в отношении Н., И. и П., осужденных по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК, несмотря на то, что осужденные привели довод об отсутствии доказательств их вины в убийстве, так как труп не был обнаружен, а значит, факт наступления смерти и ее возможная причина должным образом не установлены. Верховный Суд в своем решении указал: «... тот факт, что труп потерпевшего не был обнаружен, не ставит под сомнение вывод суда о доказанности виновности осужденных в совершении его убийства, поскольку данный вывод основан на совокупности исследованных в ходе судебного рассмотрения доказательств: протоколе осмотра места происшествия, заключении экспертов, показаниях свидетелей, а также осужденных Н., П. и И. на предварительном следствии»¹⁰.

Таким образом, обвинительный приговор по данной категории уголовных дел суд вправе выносить лишь в тех случаях, если «в своей совокупности собранные косвенные доказательства не вызвали у суда сомнения в том, что потерпевший убит и убит именно обвиняемым»¹¹.

Безусловно, нельзя отрицать возможности ситуационной экспертизы при расследовании уголовного дела и нельзя полностью отказаться от ее проведения. Но нужно понимать, что эксперт, изучая материалы уголовного

⁸ Кассационное определение ВС РФ по делу № 203-О11-4 от 17 ноября 2011 г. // Официальный сайт ВС РФ. URL : <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/5573430#5573430> (дата обращения 01.02.2021)

⁹ О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Апелляционное определение Верховного Суда РФ по делу № 66-АПУ14-49 от 23 сент. 2014 г. // Официальный сайт ВС РФ. URL : <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/5594616#5594616> (дата обращения 02.02.2021)

¹¹ Мудьюгин Г. Н. Расследование убийств по делам, возбужденным в связи с исчезновением потерпевшего. М., 1967.

дела, не исследуя непосредственно труп потерпевшего, может сделать лишь предположение, а не утверждение о вероятной причине наступления смерти. Именно поэтому ее результаты могут использоваться в качестве доказательства, в совокупности с другими, но не могут лечь в основу обвинительного приговора.

Информация об авторе

Абузова Елена Андреевна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ), 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, электронный адрес: keyt.song@mail.ru

УДК 343.914

А 47

Т. В. Алексеева,

Д. А. Снетков,

студенты 3 курса ИрННТУ

Социально-психологическая характеристика женской преступности

В настоящей статье на основе анализа научных публикаций и статистических данных исследуется социально-психологическая и нравственно-духовная характеристика женщин, совершивших преступление. Авторы составили портрет типичной женщины, наиболее склонной к совершению преступлений на примере Иркутской области, Красноярского края, Республики Тыва.

Ключевые слова: женщина, преступность, социально-психологическая характеристика, портрет женщины, совершившей преступление.

В последнее время наблюдается увеличение процента преступлений, которые совершают женщины, в частности в сфере должностных, хозяйственных, имущественных, семейно-бытовых отношений¹. Для разработки наиболее эффективных превентивных мер, возникает необходимость в изучении причин противоправного поведения женщин.

Личность преступника представляет собой совокупность негативных качеств и свойств человека, приводящих к совершению преступления посредством взаимодействия с внешними обстоятельствами². Данный подход считается устоявшимся в науке и является наиболее авторитетным как в России, так и за рубежом.

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 г. // Сборник правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL : <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 03.03.2021 г.).

² Девятова А. О. Личность преступника // Вопросы науки и образования. 2018. № 28 (40). С. 76.

Психология содержит большое количество подходов, раскрывающих феномен женской преступности, поэтому при характеристике личности будут использоваться следующие категории: демографическая, социально-психологическая, уголовно-статистическая (т. е. возраст, социальная роль, материальный достаток по источнику дохода, образование).

При рассмотрении личности женщины, совершившей преступление – возраст выступает одним из наиболее значимых признаков социально-демографической характеристики, который определяет жизненные цели, потребности, образ жизни, что может оказывать непосредственное влияние на склонность к совершению преступлений. От возрастных изменений также зависят и социально-психологические особенности.

В ходе проведенного исследования установлено следующее: на территории некоторых субъектов РФ и в целом в России женщины совершают преступления чаще всего в возрасте от 30 до 49 лет (80032 случая или 58% от суммарного количества случаев – 133502) (см. рис.1)³. Представительницы женского пола в этом возрасте, как правило, уже имеют достаточный объем знаний и жизненного опыта в целях определения своих жизненных ориентиров и ценностей. При этом отсутствие источника дохода провоцирует женщин на совершение преступлений в исследуемых регионах и в России (84438 случая или около 70% от суммарного количества случаев – 133502).

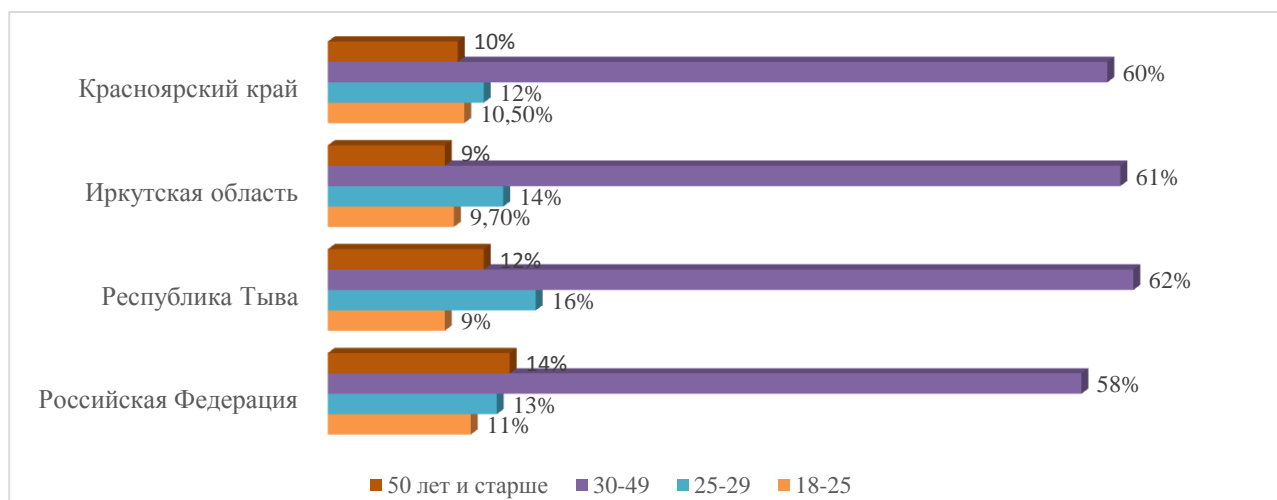


Рисунок 1. Возрастная характеристика женщин-преступниц, выявленных на территории Российской Федерации, в Красноярском крае, Иркутской области и Республике Тыве за 2020 г., в %

Таким образом, большинство женщин, совершивших преступления, относятся к довольно молодой возрастной категории, которые наиболее уязвимы в тяжелых жизненных ситуациях. При этом многие ученые отмечают, что, как правило, совершенные женщинами преступления характеризуются аффективным умыслом (влияние эмоционального компонента), тяжелыми

³ Социальный портрет преступности // Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL : http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 13.02.2021 г.).

бытовыми и жизненными условиями (безработица, тяжелое нервно-психическое или соматическое заболевание детей, нищета на фоне несправедливого обращения окружающих, пьянство супруга/сожителя, бесплодие, сексуальная/финансовая зависимость и др.)⁴. Важно учитывать образовательный уровень при социально-демографической характеристике личности женщины, совершившей преступление. Наибольший удельный вес среди них занимают женщины, получившие общее либо средне-специальное образование (около 54%).

Социально-ролевые свойства, проявляющиеся в семье, в трудовом коллективе и в обществе в целом непосредственно формируют потребности и интересы женщин, совершивших преступление.

Рассматривая социальную роль женщин, совершивших преступление, со стороны семейных отношений, выявляем, что на момент совершения преступления женщины состояли: 18% в брачных отношениях; 45% – фактических брачных отношениях; 17% – разведены/вдовы; 20% – не замужем⁵. Соответственно, подвержены наибольшему криминогенному воздействию те женщины, которые находятся в состоянии фактических брачных отношениях, что может объясняться отсутствием законно оформленных брачных отношений, тесной духовной связью и главное – уважением к партнеру.

В отношении женщин, не состоявших в брачных отношениях на момент совершения преступления, свою роль играет отсутствие устроенной личной жизни, что может также оказать пагубное влияние на направленность и на устойчивость преступного поведения. В большинстве случаев, как отмечают психологи, семья выступает в качестве стимулятора положительного поведения, осуществляющего социальный контроль. Но, к сожалению, далеко не все женщины, совершающие преступления, стремятся должным образом выполнять свои материнские обязанности.

Социальная роль женщин, совершивших преступление, и проявляющаяся на работе, также представляет особый интерес. На территории Красноярского края (65%, 2053 случая), Иркутской области (74%, 2352 случая) и Республики Тыва (58%, 347 случаев), как и в России (67%, 84347 случаев) в целом, велика доля тех женщин, которые не имеют к моменту совершения преступления постоянных источников дохода (см. рис. 2)⁶.

⁴ Ежова О. Н. Личность осужденных женщин и особенности их психологического сопровождения // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 4. С. 135.

⁵ Кононыхина Т. С. Криминологическая характеристика личности женщины-преступницы // Евразийская адвокатура. 2019. № 5 (42). С. 92.

⁶ Социальный портрет преступности // Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 13.02.2021 г.).

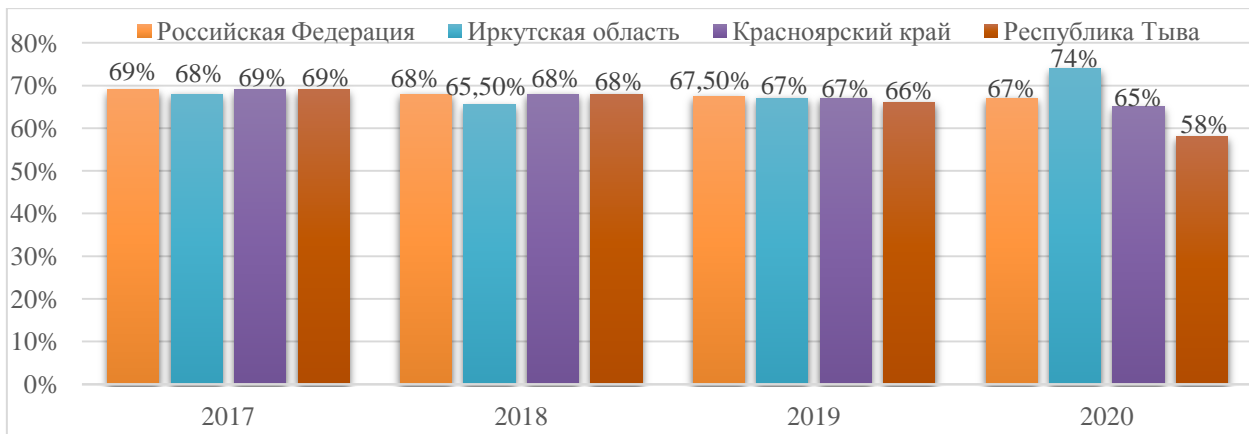


Рисунок 2. Динамика удельного веса женщин-преступниц, не имеющих постоянных источников дохода, в Российской Федерации, в Красноярском крае, Иркутской области и Республике Тыве за 2017-2020 гг., в %

По нашему мнению, представительницы данной категории женщин оказывают наибольшую опасность для социума, поскольку за неимением постоянной трудовой деятельности, многие из них неспособны устроиться на работу после освобождения из мест лишения свободы, вследствие чего идут на совершение новых преступлений, преследуя, прежде всего, цель удовлетворения бытовых потребностей. Высокая стоимость обучения практически полностью лишает возможности получения законным способом достойного заработка.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сформировать следующий портрет женщины, совершившей преступление. Как правило, это молодые и трудоспособные женщины в возрасте от 30 до 49 лет обладающие средне-специальным образованием, занимающиеся трудовой деятельностью неофициально, обладающие разовыми заработками в том числе нелегальными, которые невозможно установить. Большая часть из них зарегистрированы и (или) имели место жительства в крупных городских агломерациях. Криминализация личности в своей основе происходит на фоне трудной жизненной ситуации, например: безработица, тяжелое нервно-психическое заболевание детей, нищета на фоне несправедливого обращения окружающих, пьянство супруга/сожителя, бесплодие, сексуальная/финансовая зависимость и иные подобные явления. Отметим, что на текущий момент подобная действительность является пугающей, поэтому необходимо совершенствовать процедуры реабилитации личности с целью предупреждения женского рецидива и проводить агитационно-разъяснительную работу по вопросу нравственно-психологического воспитания и прививания общественных и семейных ценностей.

Информация об авторах

Алексеева Татьяна Вячеславовна – студентка 3 курса, Иркутский национальный исследовательский технический университет (ИрНИТУ). 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Электронный адрес: alekseeva.tatiana.26357265@mail.ru

Снетков Дмитрий Алексеевич – студент 3 курса, Иркутский национальный исследовательский технический университет (ИрНИТУ). 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83. Электронный адрес: snetkov.d.a@mail.ru

УДК 343.98
А 72

М. С. Антипова,
студентка 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ

Некоторые проблемы назначения и производства судебных почерковедческих экспертиз

В статье рассматриваются основные проблемные моменты, возникающие в процессе производства судебных почерковедческих экспертиз. Проанализированы трудности при подготовке сравнительных материалов для исследования, затронуты вопросы международного сотрудничества в данной сфере и производства экспертиз рукописей, выполненных на иностранных языках. Предложены пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: судебная почерковедческая экспертиза, сравнительные образцы, копии почерковых объектов, международное сотрудничество, рукописи, выполненные иероглифической письменностью.

Несмотря на то, что судебная почерковедческая экспертиза является часто назначаемой и имеющей разработанную методическую базу, в процессе практической деятельности зачастую возникают проблемы, некоторые из которых нам хотелось бы осветить в данной статье. Множество проблемных моментов при назначении данного вида экспертизы связано с подготовкой сравнительного материала – образцов почерка и подписей проверяемых лиц¹.

В соответствии с методикой почерковедческой экспертизы на исследование должны предоставляться сравнительные образцы трех групп: свободные, условно-свободные и экспериментальные. Однако, как показывает экспертная практика, свободные образцы либо вовсе не предоставляются, либо предоставляются в недостаточном объеме или ненадлежащем качестве. Чаще всего предоставляются копия паспорта проверяемого лица и копия или оригинал протокола его допроса, что не всегда верно. Подчеркиваем, что свободные образцы необходимо получать из независимых от сторон источников (банки, государственные органы и др.).

Проблемы возникают и при отборе экспериментальных образцов². Лица, отбирающие образцы, обязаны тщательно контролировать процесс их

¹ Подкатилина М. Л. Проблемы назначения и производства судебных почерковедческих экспертиз // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. № 12. С. 116–121.

² Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть: теоретические и методические основы / под науч. ред. В. Ф. Орловой. М. : Наука, 2006. С. 517.

выполнения (например, обращать внимание на необычное удержание пишущего прибора, необычное положение листа, и указывать эту информацию в протоколе)³, но на практике вышеуказанный процесс зачастую не контролируется. Все ограничивается лишь выдачей листов бумаги и пишущего прибора. Человек при выполнении образцов может сознательно исказить свой почерк или представить образцы почерка другого лица.

Кроме того, в УПК РФ не указано, специалист в какой именно области может участвовать при получении образцов для сравнительного исследования; нет четкого понимания того, образцы в каком количестве и какого качества должны быть получены; как полученные образцы должны быть правильно оформлены, упакованы для предоставления их эксперту.

Ошибки, допущенные в процессе получения образцов, могут привести к тому, что эксперт, производящий почерковедческую экспертизу, запросит дополнительные образцы почерка, подписи, что приведет к затягиванию процессуальных сроков расследования преступления или придет к выводу о том, что экспертизу провести не представляется возможным.

К сожалению, многие следователи (дознаватели) при получении образцов для сравнительного исследования не разделяют разные объекты – подписи, рукописные записи, рукописные тексты. Для проведения почерковедческой экспертизы предоставляют образцы почерка, а объектом экспертного исследования является, например, лишь подпись. В ряде случаев не подготавливаются для проведения следственного действия необходимые технические средства (листы белой бумаги формата А4 с линиями линовки), не применяется видеозапись и не привлекается специалист для участия в проведении данного следственного действия. В подавляющем большинстве случаев полученные образцы почерка, подписи не заверяются лицом, у которого получены. Редко производится упаковка образцов⁴.

Решение отраженных проблем видится в следующем: обязательная консультация перед получением образцов для сравнительного исследования с экспертами, обладающими правом производства почерковедческих экспертиз; использование видеосъемки либо присутствие специалиста при проведении следственного действия; отражение на листах бумаги с образцами почерка, подписи фамилии, имени, отчества лица и его даты рождения; обязательная упаковка полученных образцов с указанием категории.

Достаточно крупный блок проблемных моментов связан с производством исследований по копиям почерковых объектов⁵. Основной их особенно-

³ Подкатилина М. Л. Особенности подготовки сравнительных образцов для производства почерковедческих экспертиз // Материалы V Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 22—23 января 2015 г.). Москва, 2015. С. 385–388.

⁴ Горшкова В. С. Актуальные проблемы получения и оформления образцов для сравнительного исследования для проведения почерковедческих экспертиз // Закон и право. 2019. № 10. С. 163–166.

⁵ Подкатилина М. Л. Проблемы назначения и производства судебных почерковедческих экспертиз // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. № 12. С. 116–121.

стью является исследование не почерковой реализации на поверхности документа, а лишь ее изображения. Достаточно долгое время в экспертных учреждениях Министерства юстиции РФ исследовать копии документов отказывались, однако в 2005 г. сотрудниками РФ ЦСЭ при Минюсте России было подготовлено информационное письмо об особенностях исследования копий почерковых объектов⁶. Однако, к сожалению, несмотря на наличие рекомендаций по производству исследований, они соблюдаются не всеми экспертами. Они могут производить экспертизу по копии только в случае невозможности получения оригиналов, поэтому сначала нужно направить ходатайство о предоставлении оригинала документа. Это связано с тем, что изображение почеркового объекта в виде электрофотографической копии является ограниченно пригодным объектом для почерковедческого исследования⁷.

Исходя из изложенного, следует рекомендовать лицам, назначающим почерковедческую экспертизу, перед направлением материалов попытаться получить оригинал документа и лишь в случае невозможности его предоставления направлять на исследование копию, при этом следует указать в постановлении о назначении судебной экспертизы, что предоставление оригинала документа невозможно. Данная оговорка необходима для того, чтобы не затягивать сроки производства экспертного исследования.

Также определенные проблемы возникают в сфере международного сотрудничества по вопросам организации и производства почерковедческих экспертиз⁸. Потребность в интернациональном взаимодействии нередко возникает в связи с исследованием специфических объектов экспертиз: выполненных на иностранном языке рукописных записей и печатных текстов, бланков документов, изготовленных по иностранным технологиям и т. д.

Заметим, что в отечественном законодательстве, а также в ратифицированных Российской Федерацией международных договорах заложены лишь основы международного судебно-экспертного сотрудничества. В указанных источниках не регламентируется процесс получения образцов для сравнительного исследования, не раскрываются такие аспекты, как хранение и транспортировка объектов исследований, порядок назначения и организация производства судебных экспертиз в сотрудничестве с иностранными и международными правоохранительными органами и судебно-экспертными учреждениями и др.

Указанные вопросы подлежат обязательной разработке и урегулированию в нормативных правовых актах. Полагаем, что соответствующие нормы

⁶ Соколов С. В., Куранова Е. А., Розанкова Е. В. Экспертно-криминалистическое исследование факсимильных копий почерковых объектов: Информационное письмо. М. : ГУ ЭКЦ МВД России, 2000.

⁷ Толстухина Т. В., Рыбалкин Н. А. Проблемы производства судебно-почерковедческой экспертизы малообъемных почерковых объектов по электрофотографическим копиям // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2-2. С. 52–59.

⁸ Салганский Н. Е. Правовое регулирование международного судебно-экспертного сотрудничества Российской Федерации в сфере криминалистического документоведения // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 3 (89). С. 122–126.

целесообразно изложить в законопроекте № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в РФ», ведомственных приказах, а также включить в дополнения к международным договорам РФ.

Исходя из изложенного, мы приходим к выводу о том, что лицам, назначающим и производящим Экспертизы необходимо более тщательно подходить к вопросам организации исследовательского процесса с тем, чтобы выводы, полученные в ходе его проведения, могли быть использованы в качестве доказательств по уголовным делам. Вместе с тем необходима дальнейшая разработка и совершенствование методик производства почерковедческих экспертиз рукописей, составленных на иностранных языках.

Информация об авторе

Антипова Мария Сергеевна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: mari.antipova.2013@mail.ru

УДК 343.98.

Б 17

И. О. Базарова,

*студентка 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Проблемные вопросы назначения и производства дендрохронологической экспертизы при расследовании уголовных дел

В статье рассматриваются проблемные вопросы назначения и проведения дендрохронологической экспертизы при расследовании уголовных дел. Анализируются достоинства и недостатки данного вида экспертизы при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконными рубками лесных насаждений. На основе приведенных положений, автором предлагаются пути решений некоторых проблем для повышения эффективности и результативности дендрохронологической экспертизы.

Ключевые слова: дендрохронологическая экспертиза, криминалистика, незаконные рубки, лесные насаждения, расследование преступлений.

Российская Федерация имеет крупнейшие запасы леса (80,7 млрд куб. км от общего мирового запаса древесины, или 25 % всех мировых запасов). За последние несколько лет количество незаконных рубок существенно увеличилось, а лесные площади на территории нашей страны существенно сократились. Данная проблема является актуальной так как незаконные выруб-ки создают реальную угрозу не только экологической безопасности государства, но и делают уязвимым общественную безопасность и правопорядок.

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит в себе часто при-

меняемые на сегодняшний день составы преступлений, такие как приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины (ст. 191.1. УК РФ), незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261 УК РФ).

Следственная и судебная практика свидетельствуют о том, что расследование данных видов преступлений вызывает некоторые сложности. В первую очередь, это проявляется в квалификации действий лиц, совершающих преступления, в сложности доказывания их причастности к совершаемым деяниям¹.

При расследовании уголовных дел по указанной категории преступлений возникает необходимость определения возраста растений, их состояния на момент рубки, определения границ незаконной рубки, определения ущерба экологии, наличия заболеваний и другие вопросы, требующие соответствующих специальных знаний². В связи с этим одной из важнейших составляющих является проведение экспертиз, способствующих установлению причастных лиц и иных обстоятельств, необходимых для расследования дела: трасологической, лесотехнической, лесопатологической, ботанической, дендрохронологической³. Последняя имеет особую ценность при расследовании незаконных рубок лесных насаждений.

Дендрохронология – это наука, изучающая биологические изменения на основе годовичных колец деревьев. Она базируется на памяти деревьев, которая заключена в его годовичных кольцах⁴. Дендрохронологическая экспертиза основывается на принципе, постулирующем, что динамика прироста годовичных колец любого дерева имеет четко выраженную корреляцию с климатическими и экологическими условиями его местопроизрастания⁵. Спил древесины ученые называют своеобразным дневником жизни, который ежегодно ведет само дерево, а дендрохронология – это ключ, который помогает приоткрыть дневник и прочесть его содержимое. Срез каждого дерева, существующего в природе, как и отпечатки пальцев, уникален. Фактически мы имеем аналог дактилоскопии, только «отпечатки пальцев» берутся у деревьев. В то же время у деревьев, произрастающих на одной территории, есть общие черты, которые и позволяют говорить о принадлежности спиленного пре-

¹ Аминев Ф. Г. О проблемах повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений, связанных с нарушением порядка лесопользования // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2018. № 3. С. 462.

² Кнаус О. А., Прудникова А. Ю., Никеров Д. М. Эффективность использования экспертиз при расследовании преступлений, связанных с незаконными рубками лесных насаждений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 3. С. 57–65.

³ Методы дендрохронологии. Ч. 1. Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации : методическое пособие / под ред. С. Г. Шиятова, Е. А. Ваганова. Красноярск, 2000. С. 80.

⁴ Жаворонков Ю. М. Судебная дендрохронология на службе криминалистики XXI века // Лесной вестник. 2014. № 5 С. 55.

⁵ Воронин В. И., Унжакова С. В., Зырянов В. С. Судебная дендрохронология в криминалистике // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 4. С. 38.

ступником дерева к той или иной местности, на которой произошло преступление.

На сегодняшний день у экспертов в дендрохронологии собрана интерактивная база данных, подобная криминалистической, в которую занесены образцы деревьев со всей страны или, как по-другому их называют – «хронологии». Это некая совокупность графиков и математических показателей, которые вычисляются с помощью использования современных технологий и специальных устройств. Хронологии являются очень хорошим инструментом для определения даты рубки дерева, произрастающего на этой территории. Эксперт, получивший образцы, при помощи специальных программ и приборов, сопоставляет их с имеющимися в банке данных хронологиями и находит именно ту, на которую эти образцы датируются. Затем делает вывод о том, на какой территории росло дерево.

По годичному кольцу дерева эксперт может вычислить календарную дату вырубки деревьев (сезон, год, месяц), жизненное и санитарное состояние дерева на момент его вырубки. Кроме того, можно определить принадлежность различных фрагментов ствола одному дереву в условиях отсутствия общей линии их разделения. Что, к примеру, невозможно при трасологической экспертизе⁶. Дендрохронологическая экспертиза также позволяет установить факт произрастания срубленного дерева на конкретном участке местности. Объем информации, полученной в ходе такого исследования, является подробным, имеет под собой надежную математическую базу. Благодаря полученным сведениям следователь может установить обстоятельства, имеющие существенное значение для дела, получить веское доказательство.

Вместе с тем, у дендрохронологической экспертизы, имеются и существенные недостатки, ограничивающие возможность ее применения. Одним из самых весомых недостатков, является материальная составляющая проведения данного вида экспертизы, требуются современные технологии и высококвалифицированные эксперты, поэтому стоимость экспертизы зачастую весьма внушительна, что ограничивает частоту ее назначения. Помимо этого, трудности вызывает сложность и длительность проведения экспертизы. Для получения наиболее достоверных сведений необходимо доскональное и качественное изучение специалистом всех параметров исследуемого объекта. Длительный срок проведения исследований объясняется тем, что в среднем на одну дендрохронологическую экспертизу поступает 10-20 объектов (спилов), каждый из которых нужно изучить. За год эксперт, как правило, может выполнить лишь 20 дендрохронологических экспертиз⁷. «Химеричность» исследуемого образца: короткие ряды, их низкая чувствительность, ложные или выпадающие кольца значительно усложняют возможность проведения исследования и получение достоверных результатов⁸.

⁶ Аминев Ф. Г. Указ. соч. С. 463.

⁷ Кнаус О. А., Прудникова А. Ю., Никеров Д. М. Указ. соч. С. 60.

⁸ Грибунов О. П., Унжакова С. В. Об использовании метода перекрёстной датировки при производстве судебно-ботанической экспертизы // Эксперт-криминалист. 2015. № 2. С. 4.

Из вышеизложенного становится очевидным, что востребованность в дендрохронологической экспертизе, несмотря на имеющиеся недостатки, с учетом сегодняшней ситуации очевидна. Особенно актуальна она для тех регионов, на территории которых осуществляется большая часть незаконных вырубок лесных насаждений: Иркутская область, Красноярский край и др.

Представляется, что для повышения эффективности и результативности применения дендрохронологической экспертизы следует обратить внимание на необходимость создания сети дендрохронологических станций в тех субъектах Российской Федерации, где преступления по данной категории дел совершаются наиболее часто. Привлечь к работе специалистов из вузов, экологических общественных организаций, обеспечить лаборатории таким оборудованием, которое позволило бы провести качественное, обстоятельное исследование. Необходимо расширять интерактивную базу образцов хронологий и организовать взаимодействие между лабораториями субъектов Российской Федерации для быстрого и эффективного обмена данными.

Снизить затраты на проведение дендрохронологической экспертизы поможет и разработка эффективных методик и рекомендаций по ее применению и назначению. Помимо этого, целесообразно будет назначать дендрохронологическую экспертизу в совокупности с другими видами экспертиз: трасологической или генетической.

Использование данных экспертиз в сочетании друг с другом значительно облегчит исследования и повысит их достоверность, что, несомненно, будет способствовать улучшению качества расследования преступлений, посягающих на ценнейший природный ресурс нашей страны.

Информация об авторе

Базарова Ирина Олеговна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: irabazarova124@gmail.ru

УДК-343.985.1

Б 92

А. О. Бурзалова,

*студентка 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Следственные версии по уголовным делам о разбойных нападениях, совершенных в отношении инкассаторов

В статье анализируются наиболее актуальные следственные версии, которые необходимо учесть при расследовании разбойных нападений, совершенных в отношении инкассаторов. Теоретические рассуждения подкреплены примерами из реальной жизни.

Ключевые слова: инкассатор, разбойное нападение, безопасность, расследование, следственная версия.

С образованием крупных княжеств на Руси появилась необходимость перевозить ценные грузы на дальние расстояния. Данную функцию выполняла дружина, собирая налоги, а позже охранные бригады, сопровождающие торговые караваны. В настоящее время получение денежных средств, ценных бумаг в кассе предприятия и их доставка в учреждения банка по месту нахождения расчетного или текущего счета с соблюдением определенных правил, обеспечивающих сохранность, осуществляется инкассаторами¹.

Перевозимый груз привлекает лиц, склонных к совершению преступлений, поэтому существуют определенные требования безопасности. Так, согласно Положению Банка России № 630 для перевозки наличных денежных средств может быть использован технически исправный автотранспорт, имеющий соответствующий класс бронестойкости, дополнительные запоры дверей, открывающиеся только изнутри и т. п.; сотрудники должны иметь средства радиосвязи, переговорные устройства, служебное оружие и др.².

Несмотря на внедрение новых технологий в жизнь людей, таких как электронные денежные средства, видеокамеры, системы отслеживания, опасность данной профессии остается высокой. Разбойные нападения на работников инкассаторских служб не является редким явлением. Так, 30 мая 2020 г. группа лиц по предварительному сговору совершила разбойное нападение с применением оружия на инкассаторов в Красноярске³, 14 февраля 2017 г. организованная группа совершила вооруженное нападение на сотрудников предприятия «Спецсвязи» в Москве⁴ и т. д. Эти примеры далеко не единичны.

Потерпевшими по рассматриваемому виду преступлений являются мужчины, работающие инкассаторами, а также «случайные» лица, оказавшиеся на месте преступления. Виновными, как правило, является группа лиц, состоящая из мужчин крупного телосложения и/или использующими оружие, которые в ходе совершения преступления чаще всего причиняют потерпевшим тяжкий вред здоровью или смерть.

При расследовании уголовных дел данной категории необходимо учи-

¹ Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих : Постановление Минтруда России от 21 авг. 1998 г. № 37 : в ред. от 27 марта 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О порядке ведения кассовых операций и правилах хранения, перевозки и инкассации банкнот и монеты Банка России в кредитных организациях на территории Российской Федерации : Положение Банка России от 29 янв. 2018 г. № 630-П. : в ред. от 7 мая 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Суд арестовал подозреваемых в нападении на инкассаторов в Красноярске РИА новости : сетевое издание РИА Новости. URL: https://krsk.aif.ru/incidents/ograblenie_za_30_sekund_v_krasnoyarske_rasstrelyali_inkassatorov (05.02.2021).

⁴ Налет с метлой наперевес : Российская газета. URL: <https://rg.ru/2017/02/15/reg-cfo/v-moskve-zaderzhan-odin-iz-napadavshih-na-inkassatorov.html> (05.02.2021).

тивать, что подготовка к таким преступлениям ведется весьма тщательная, а действия преступников характеризуются как дерзкие и беспощадные, поэтому следует обращать внимание на некоторые особенности при разработке следственных версий.

Как указывает С. Г. Закиров, обязательным условием выдвижения версий является ее соответствие научным данным и отсутствие в ней логических противоречий. Прежде всего должны выдвигаться вероятные версии, что отвечает потребностям и возможностям практики, поскольку ориентирует должностное лицо на наиболее оптимальный путь установления лиц, совершивших преступное деяние⁵.

Одной из наиболее часто встречающейся следственной версией является причастность к совершению преступления лиц, входящих в окружение инкассаторов, других сотрудников организаций, имеющих доступ к ограниченной информации, касающейся работы инкассаторов. Ежедневно руководитель подразделения инкассации доводит до бригад инкассаторов особенности работы на маршруте, изменения в графике заездов, криминогенную обстановку, меры безопасности по обращению с оружием, схемы парковки у обслуживаемых объектах⁶ и другую важную информацию, которую инкассаторы могут распространить как с определенным намерением, так и по неосторожности своим знакомым, что впоследствии является «ключом» совершения разбойного нападения. Так, в Перми организованная группа лиц получала информацию о графике и маршруте перемещения денежных средств от сообщника, который работал в штате организации, пользующейся услугами инкассаторов⁷.

Следующая следственная версия заключается в том, что возможна инсценировка как самими инкассаторами, так и иными лицами с целью пресечения расследования совершенного преступления, направления расследования по ложному пути. Разбойные нападения на инкассаторов разрабатываются злоумышленниками весьма продолжительное время. Они подбирают автомобиль, оружие, одежду, узнают время прибытия инкассаторского автотранспорта, маршрут движения, составляют план совершения каждого действия, в том числе действий по предотвращению раскрытия преступления, например, размещения на месте преступления предметов, не относящихся к совершенному деянию. Это подтверждается, например, разбойным нападением в Красноярске, для совершения которого потребовалось 30 секунд. Преступни-

⁵ Закиров С. Г. Выдвижение версий и планирование мероприятий, направленных на установление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, по приостановленным уголовным делам о грабежах и разбоях : Вестник Казанского юридического института МВД России 2010 г. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vydvizhenie-versiy-i-planirovanie-meropriyatij-napravlennyh-na-ustanovlenie-litsa-podlezhashego-privlecheniyu-v-kachestve-obvinяемого-po-priostanovlennym-ugolovnym-delam-o-grabezhax-i-razbojakh> (05.02.2021).

⁶ Инструкция по охране труда инкассатора : подготовлен для системы КонсультантПлюс 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ В Перми осудят банду налетчиков, среди которых был школьный учитель : Российская газета. URL: <https://rg.ru/2019/06/10/reg-pfo/v-permi-osudiat-bandu-naletchikov-sredi-kotoryh-byl-shkolnyj-uchitel.html> (05.02.2021).

ки заранее приобрели автомобиль, оттачивали навыки стрельбы, один из соучастников специально ездил в парикмахерские и собирал волосы, которые впоследствии оставил в салоне машины, чтобы направить расследование по ложному пути⁸. На Урале инкассатор сообщил в полицию о нападении и похищении миллиона рублей, однако в ходе оперативных действий установлено, что это была инсценировка, а преступниками являются непосредственно инкассатор и его знакомый. В каждом случае следует обращать внимание на полученные инкассаторами ссадины, ранения, которые зачастую являются последствием разбойных нападений⁹.

Также возможна ситуация, когда, на первый взгляд, произошло разбойное нападение, но в последствии выясняется, что сотрудник инкассаторской службы угнал служебную машину и украл денежные средства, как это произошло в Крыму, где были похищены 40 миллионов рублей¹⁰. Известны случаи маскировки виновных лиц под обычных граждан, лиц определенных профессий, чтобы не вызывать подозрения у сотрудников инкассаторских служб. Это могут быть специальная техника, рабочая форма, инвентарь и др. Так, в Москве нападавшие лица заранее прибыли на место преступления, замаскировавшись под дворников, ходили по двору с лопатами, ожидая прибытия автотранспорта инкассаторов¹¹.

Третьей, распространенной следственной версией является причастность к совершению преступления лиц, ранее судимых за подобные нарушения законов и проживающих в районе совершения преступления. Такие лица испытывают трудности адаптации в современном обществе, им часто отказывают в приеме на работу, а в случаях трудоустройства назначается низкая оплата труда, поэтому они делают выбор в пользу повторного совершения правонарушения. Так, в Новосибирской области был задержан мужчина, виновный в вооруженном разбойном нападении на инкассатора, ранее он привлекался к уголовной ответственности за кражу¹².

Таким образом, представляется возможным выделить три наиболее часто встречающиеся следственные ситуации, которые следует рассматривать при расследовании уголовных дел о разбойных нападениях на инкасса-

⁸ Ограбление за 30 секунд. Напавших на инкассаторов ищут по фотороботу : Аргументы и факты. Красноярск. URL: https://krsk.aif.ru/incidents/ograblenie_za_30_sekund_v_krasnoyarske_rasstrelyali_inkassatorov (05.02.2021).

⁹ На Урале инкассатор инсценировал похищение миллиона рублей : Российская газета. URL: <https://rg.ru/2017/02/19/reg-urfo/na-urale-inkassator-inscenirol-pohishchenie-milliona-rublej.html> (05.02.2021).

¹⁰ В Крыму из инкассаторской машины похитили 40 миллионов рублей : Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/09/01/reg-ufu/v-krymu-iz-inkassatorskoj-mashiny-pohitili-40-millionov-rublej.html> (05.02.2021).

¹¹ В Москве ищут бандитов, совершивших разбойное нападение на инкассаторов : Первый канал. URL: https://www.1tv.ru/news/2017-02-14/319875-v_moskve_ishut_banditov_overshivshih_razboynoe_napadenie_na_inkassatorov (05.02.2021).

¹² В Сибири грабитель забрал у инкассатора 3,8 миллиона рублей и одежду : Российская газета. URL: <https://rg.ru/2018/11/06/reg-sibfo/v-sibiri-razbojnik-zabral-u-inkassatora-38-milliona-rublej-i-odezhdu.html> (05.02.2021).

торов.

Информация об авторе

Бурзалова Анна Олеговна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664046, г. Иркутск, ул. Цимлянская, 3, e-mail: burzalova00@bk.ru, тел.: 8983-406-54-52.

**УДК 343.98
В 39**

Э. П. Ветров,
*студент 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Судебная экспертиза материалов экстремистско-террористической направленности: актуальные вопросы методики проведения

В статье анализируется сущность понятия «экстремистские материалы», признаки данного понятия и специфику их изучения. Отмечены основные аспекты проведения судебных экспертиз по данной категории дел. Проанализирована судебная практика по вопросам участия эксперта в делах о преступлениях экстремистской направленности. Делается вывод об эффективности проведения лингвистической или комплексной психолого-лингвистической/лингво-религиоведческой экспертизе при рассмотрении дела в суде.

Ключевые слова: вербальный (словесный) экстремизм, экстремистско-террористическая направленность, продукт речевой деятельности, судебная экспертиза.

В современном мире экстремизм и терроризм представляют угрозу безопасности и стабильности развития каждого отдельного государства. Анализ нормативно-правовой базы Российской Федерации, направленной на противодействие экстремизму и терроризму, показывает, что основная часть актов направлена на противодействие именно вербальным (словесным) проявлениям данного противоправного поведения.

В литературе в последние годы появилось понятие вербального (словесного) экстремизма как «особого вида речевого правонарушения, предполагающего использование комплекса языковых средств в процессе устной или письменной коммуникации экстремистско-террористического дискурса, комплекса, имеющего собственные правовые и лингвистические характеристики»¹.

Из анализа судебной практики видно, что при рассмотрении дел о словесном экстремизме необходимо назначение судебной экспертизы (лингвис-

¹ Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения : монография. М., 2003. С. 48.

тической или комплексной психолого-лингвистической/лингво-религиоведческой)². Такого рода судебные экспертизы тесно связаны с отраслью филологии – герменевтикой. Задачей герменевтики заключается «в истолковании, интерпретации письменного или устного текста с целью понимания его смысла, то есть понимания интеллектуального и эмоционально-экспрессивного содержания текста»³.

Обстоятельствами, подлежащими доказыванию, по категории дел о словесном экстремизме, являются обстоятельства, которые подтверждают, что в исследуемом произведении имеются ярко выраженные средства, нацеленные на создание резко негативного отношения к какой-либо социальной группе, а также имеются установки на унижение человеческого достоинства данной группы или представляющие собой призывы к совершению действий, в том числе насильственного характера.

Сам продукт речевой деятельности, так называемые «экстремистские материалы», охватывают не только текстовый формат, но и его антураж, то есть связанные с ним невербальные компоненты, к примеру иллюстрации при анализе мемов, видеоряд, саундтрек и так далее. Исследуемые «экстремистские материалы» являются 1) источником криминалистически значимой информации, 2) объектом судебной лингвистической экспертизы, 3) объектом герменевтического исследования в рамках данной экспертизы. Также в Методических рекомендациях Генерального прокурора Российской Федерации от 29 июня 1999 г. № 27-19-99 было выделено, что «главным объектом исследования и основным источником доказательств являются сам текст публикации, выступления, требующие содержательного анализа и юридической оценки»⁴.

Продукты речевой деятельности как объекты исследования на предмет наличия в них материалов экстремистско-террористической направленности являются невероятно сложными объектами исследования, так как при распространении данной информации будет наблюдаться участие не только самого субъекта преступления, но и потенциального потерпевшего, который в процессе контактирования может стать «соучастником». Как отмечает Н. С. Громова, «текст, потенциально несущий экстремистскую угрозу и являющийся орудием совершения преступления, необходимо проанализировать как с точки зрения целевых установок его автора, так и с позиции его

² О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 : в ред. от 20 сентября 2018 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Подкатилина М. Л. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов : монография. М., 2013. С. 34.

⁴ Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой и религиозной вражды : методические рекомендации Генерального прокурора Российской Федерации от 29 июня 1999 года № 27-19-99. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

потенциальных интерпретаций автором»⁵.

Исходя из вышесказанного объект судебной экспертизы материалов экстремистско-террористической направленности может быть в форме устного или письменного текста, представленного на любом материальном носителе.

Необходимо отметить важность стилистической принадлежности текста: концепт экстремизма может быть реализован только в социально актуальных, то есть публицистических, текстах. Таким образом, экстремизм априори не может содержаться в текстах художественного стиля.

Однако следует иметь в виду, что «в деструктивных целях часто используется дискурсивно-стилистическая мимикрия, когда якобы религиозный или художественный текст с помощью различных коммуникативных технологий, включаясь в публицистический социально актуализированный контекст, становится публицистическим»⁶.

Предметом данного рода судебной экспертизы является определение смысловой направленности продукта речевой деятельности (его семантики и прагматики) через установление фактических данных о его особенностях.

Процесс обнаружения признаков словесного экстремизма представляет собой исследование смыслового содержания информации, которое способно сформировать негативную эмоциональную установку по отношению к представителям определенной общности, которая будет стимулировать к действиям против индивидов или группы.

Необходимо заметить, что при проведении судебной экспертизы экстремистских материалов эксперт должен анализировать только то, что выражено в тексте и должен приписывать автору какое-либо значение, если в речевом продукте отсутствуют средства его выражения. Если эксперт всё же использует в своём заключении такие понятия, как «скрытый призыв», «приемы манипуляций», «скрытое намерение» и другие, он должен мотивировать это и показать конкретные примеры, которые будут доказывать наличие скрытых приемов, намерений и тому подобное. Можно сделать вывод, что при исследовании текста первостепенной задачей эксперта-лингвиста является задача распознать природу продукта речевой деятельности. Только в случае наличия в тексте публичности и публицистичности (то, что может воздействовать на широкую группу людей) целесообразно дальнейшее судебно-экспертное исследование.

Необходимо помнить, что исследованию именно те позиции, на формирование которых направлен продукт речевой деятельности. При этом эксперт не имеет права рассматривать вопросы о том, могли ли реально

⁵ Громова Н. С. Особенности и проблемы производства лингвистической экспертизы по делам о преступлениях экстремистской направленности // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2017. С. 109–110.

⁶ Орлова О. В. Религиозный текст и экстремизм – две вещи несовместные // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика : материалы науч.-практ. конф. Кемерово, 2012. С. 115–118.

быть сформированы у адресата такого рода установки и с какой степенью вероятности, поскольку для этого необходимо проведение социологического эксперимента, что в принципе недопустимо.

Также важно помнить, что «при назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда»⁷. Пленум Верховного Суда Российской Федерации акцентирует внимание, что перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды.

Безусловно, задачи, которые должны быть решены в ходе судебной экспертизы материалов экстремистской и террористической направленности, носят диагностический характер, а в целом основную задачу можно определить как установление наличия или отсутствия в речевом продукте признаков выражений определенного типа. Это обусловлено, с одной стороны, её связью с герменевтическим методом. Как и в традиционном герменевтическом исследовании, в судебной экспертизе такого рода материалы на основе анализа семантической и композиционно-стилистической структуры речевого продукта решается задача раскрытия и истолкования понятийно-логического содержания и эмоционально-экспрессивной стороны продукта речевой деятельности.

Таким образом, эффективность противодействия экстремизму и терроризму в данной сфере зависит от правильного изучения и анализа представленных материалов. Этот процесс должен сопровождаться чётким применением знаний и умений эксперта, а также рациональным использованием сил и средств, форм и методов работы.

Информация об авторе

Ветров Эдуард Павлович – студент 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: vetrov.ed-vetrov@yandex.ru

⁷ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 : в ред. от 20 сентября 2018 года. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.98
В 75

Е. Ю. Воробьева,

Н. С. Шуплецов,

*студенты 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Виртуальные следы: место в классификации криминалистических следов и некоторые проблемы их изъятия и фиксации

В статье анализируется место виртуальных следов в классификации криминалистических следов, проблемы, возникающие при их изъятии. Делается вывод о направлении дальнейшего изучения виртуальных следов, а также о решении проблем, возникающих с их изъятием и фиксацией.

Ключевые слова: виртуальные следы, классификация, криминалистические следы, изъятие следов, фиксация следов.

В связи с развитием информационных технологий появились так называемые «компьютерные преступления». Так, Уголовный кодекс Российской Федерации содержит отдельную главу, посвященную преступлениям в сфере компьютерной информации. Помимо этого, с помощью компьютеров в сети «Интернет» могут совершаться кибермошенничество, компьютерный шпионаж, пропаганда экстремизма, а также иные общественно-опасные деяния, оказывающие негативное влияние на общество. Ю. Я. Чайка, приняв участие III-й Встрече руководителей прокурорских служб стран БРИКС, посвященной вопросам противодействия киберпреступности, заявил, что «в Российской Федерации число преступлений, совершаемых с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, с 2013 по 2016 год увеличилось в 6 раз (с 11 тыс. до 66 тыс.). Значительный их рост наблюдается и в текущем году (+26%, 40 тыс.)».¹

Подобного рода «компьютерные преступления» так же, как и любые другие, оставляют за собой следы. Однако в данном случае указанные следы имеют специфику как по своей правовой природе, так и по механизму изъятия.

Прежде всего, стоит разобраться, какой смысл ученые-криминалисты вкладывают в понятие виртуальных следов. В. А. Мещеряков указывает, что виртуальные следы представляют собой «любое изменение состояния автоматизированной информационной системы, связанное с событием преступления и зафиксированное в виде компьютерной информации»². А. Б. Смушкин определяет виртуальные следы несколько иначе, последова-

¹ Российская Газета URL: <https://rg.ru/2017/08/24/iurij-chajka-rasskazal-v-briks-o-borbe-s-internet-prestupnosti.html>.

² Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования // Издательство Воронежского государственного университета. 2002. С. 94–119.

тельно раскрывая, какие действия к ним относятся. Так, по его мнению, это «следы совершения любых действий (включения, создания, открывания, активации, внесения изменений, удаления) в информационном пространстве компьютерных и иных цифровых устройств, их систем и сетей»³.

Относительно места виртуальных следов в классификации криминалистических следов возникают определенные вопросы, к какой из групп следов их можно отнести? Ряд ученых считает, что виртуальные следы относятся к материальным следам, поскольку они могут находиться на жестких дисках, оптических дисках (CD, DVD), дискете, флеш-носителе, в принтерах, сканерах, оперативных запоминающих устройствах ЭВМ. С другой же стороны, виртуальные следы не относятся ни к следам-объектам, ни к следам-веществам, ни к следам-отображениям, поскольку такой след не является непосредственно объектом материального мира, а лишь может находиться и отображаться в нем. И в таком случае, с первого взгляда может показаться, что виртуальные следы относятся к идеальным следам. Однако и тут есть нюансы, поскольку идеальные следы не имеют материального выражения и находятся в сознании участников преступления. В свою же очередь, виртуальные следы не могут храниться в сознании человека, они хранятся на материальных носителях информации, файловых хостингах (Google.Диск, Яндекс.Диск, Облако Mail.Ru и др.), различных интернет-ресурсах.

Таким образом, говоря о месте виртуальных следов в классификации криминалистических следов, можно заключить, что они не относятся ни к материальным, ни к идеальным следам. На наш взгляд, следует выделить виртуальные следы в отдельную, обособленную классификацию, и в дальнейшем изучать, в какой форме они могут быть выражены.

Отдельно стоит упомянуть дискуссии относительно включения в криминалистическую технику нового раздела, так называемого криминалистического исследования компьютерных средств и систем. Про необходимость такого раздела пишет Е. Р. Россинская, которая предлагает исследовать в нем как стационарные компьютеры, серверы, носители данных, так и мобильные устройства сотовой связи, смартфоны, планшетные компьютеры и т. д.⁴. На наш взгляд, с указанным мнением нельзя не согласиться, поскольку в дальнейшем информационные технологии будут продолжать развиваться, поэтому будущих криминалистов, работников правоохранительных органов, занимающихся уголовным преследованием, необходимо обучать тонкостям исследования компьютерных средств и систем. Отдельно же стоит разработать методику изъятия и фиксации виртуальных следов в зависимости от вида материального носителя информации, на котором они могут выражаться.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации содержит определенный перечень следственных действий, позволяющих собирать до-

³ Смушкин А.Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. 2012. Вып. 8. С. 43–45.

⁴ Россинская Е. Р. Новый раздел криминалистики: криминалистическое исследование компьютерных средств и систем // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2015. Т. 6. № 1. С. 19.

казательства по уголовному делу. Поскольку виртуальные следы могут быть выражены при помощи материального носителя информации, то производить фиксацию и дальнейшее изъятие в рамках какого-либо следственного действия (например, это могут быть осмотр, выемка) таких следов возможно с использованием указанных носителей. В зависимости от вида материального носителя информации можно предложить различные способы фиксации и изъятия виртуальных следов⁵.

Так, если в рамках такого следственного действия, как выемка, необходимо изъять виртуальные следы, находящиеся в компьютере на определенном интернет-ресурсе, то изъятие производится в данном случае при помощи такого действия, как «снимок экрана». Далее, чтобы приобщить виртуальный след в виде снимка экрана к материалам уголовного дела, следует распечатать полученный скриншот в виде бумажного документа и приобщить к протоколу выемки, подробно описав получившийся документ, что он отражает. Также, отдельно могут изыматься как сам компьютер, так и другое техническое устройство, на котором находился виртуальный след, которые в дальнейшем будут изучаться следователем на стадии предварительного следствия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблемы изучения виртуальных следов в криминалистике, их место в классификации криминалистических следов, способы их изъятия и фиксации в зависимости от того, на каком материальном носителе они выражены, являются актуальными. Существуют различные точки зрения относительно их места в классификации, однако, на наш взгляд, они занимают особое, отдельное место, не относясь ни к материальным, ни к идеальным следам.

Говоря же о способах изъятия и фиксации виртуальных следов, можно заключить, что такие способы будут определяться в зависимости от того, на каком материальном носителе информации выражен виртуальный след.

Криминалистика как наука не должна стоять на месте. Она должна принимать те вызовы, которые ей поступают в соответствии с нынешним временем, подстраиваться под нужды криминалистов, следователей, испытывающих возможные трудности при изъятии, фиксации и дальнейшем изучении виртуальных следов.

Информация об авторах

Воробьева Елена Юрьевна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ);

Шуплецов Никита Сергеевич – студент 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

⁵ Насимова А. О. Виртуальные следы в криминалистике // Сфера знаний: научное взаимодействие в рамках образовательного процесса. Казань, 2018. С. 126.

УДК 343.985
Г 64

Е. М. Гомзякова,
студентка 2 курса ВГУЭС

К вопросу об интуиции при выдвижении следственной версии

В статье исследуются подходы криминалистов и психологов к возможности применения интуиции в деятельности следователей. Изучение позиций позволяет сделать вывод о существовании феномена и его влиянии на процесс выдвижения версии. Современные исследования открывают перспективы повышения эффективности работы следственных органов при использовании интуитивной составляющей.

Ключевые слова: интуиция, следственная версия, гипотеза, информационное поле, инсайт.

Название феномена происходит от латинского слова *intueri* – пристально, внимательно смотреть, а сам он философами рассматривается как неотделимая от человека форма познания. Такое познание Б. Спиноза называл «знанием интуитивным (*scientia intuitiva*)» – одним из трех видов: 1) воображения; 2) рассудка; 3) интуиции¹. При этом Б. Спиноза полагал, что «желание познавать вещи по третьему способу не может возникать из первого рода познания, из второго же рода возникнуть может»². Неотделимое от человеческой психики, оно – интуитивное познание – составляет важный компонент человеческой индивидуальности. Две основные человеческие способности к восприятию окружающей действительности – чувственная и рациональная – позволяют формировать познание на ступенях эмпирического (полученного через опыт) и теоретического восприятия. При этом интуиция является уникальным феноменом, граничащим как с чувственным восприятием, так и с рациональным³. К. Г. Юнг, выдвигая принцип синхроничности, описывает альтернативную возможность получения знания в форме сновидений или физических событий реального мира⁴. Следует отметить также, что философы от античности до современности предостерегают от ошибочных проявлений интуиции, подтверждая тем самым необходимость их дальнейшего дискурсивного, логического подтверждения.

В данной работе рассматривается вопрос о применимости феномена интуиции к деятельности следователя при выдвижении следственных версий. Интерес к данной теме неоднократно поднимался специалистами следствия,

¹ Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке и разделенная на пять частей, в которых трактуется. Санкт-Петербург : «Азбука», 2001. С. 138.

² Там же. С. 139.

³ Переверзева Н. Ю. Интуиция в принятии решений: социально-философский аспект. Москва : Изд-во СГУ, 2010. С. 18.

⁴ Юнг К. Г. Синхроничность. Москва : Рефл-БУК Ваклер, 1997. С. 7.

от работников советского периода⁵ до правоведов современности⁶.

Известны связанные с феноменом работы, как среди практиков, так и теоретиков – А. Р. Ратинова, Г. А. Зорина, А. Д. Иоселиани⁷. Из зарубежных авторов можно отметить работу G. Lufityanto и С. Donkin⁸, посвященную измерению интуиции, Л. Дэй⁹ – по развитию способностей. Выводы, сделанные по результатам исследований Е. А. Науменко¹⁰ свидетельствуют о наличии связи между интуитивными способностями следователя и эффективностью его деятельности, а также позволяют определить роль феномена интуиции при работе¹¹ в экстремальной ситуации.

В рамках настоящей работы действительны следующие допущения: наличие феномена интуиции у индивида не оспаривается; единой теории интуиции и достоверного описания механизма ее действия в настоящее время не существует; следователь при выдвижении версии обладает личным профессиональным опытом (информационным полем).

Классическое учение о криминалистической версии подробно исследовано такими правоведами как А. Р. Ратинов, Г. А. Зорин, А. Ф. Реховский, В. А. Шефер. Основная сущность версии состоит в том, что это предположение, произведенное в рамках процессуальных норм, объясняющее совокупность фактов и обстоятельств преступления¹². К субъективному аспекту предположения следует отнести личностные качества следователя, включая и интуицию. Наличие интуитивных способности у работников следственных органов современными исследователями не отрицается¹³, дискутируется лишь вопрос о возможности ее использования и степени доверия к результатам. Началом обсуждения можно считать публикацию в 1958 г. работы основоположника советской криминальной психологии А. Р. Ратинова «О следственной интуиции». В рамках советской доктрины, критикующей буржуазное следствие за применение феномена в расследованиях, он призывал использовать интуицию как особый вид знания, не вдаваясь в философские дискус-

⁵ Зорин Г. А. Криминалистическая эвристика : учебное пособие. Гродно. 1994. Т. 1. URL : http://ebooks.grsu.by/krim_evristika_one/glava-1-ponyatie-i-priroda-evristicheskikh-metodov-kriminalistike.htm (дата обращения: 20.12.2020); Ратинов А. Р. О следственной ситуации // Соц. законность. 1958. № 4. С. 26.

⁶ Реховский А. Ф. Учение о криминалистических версиях. Lambert. 2012. С. 11.

⁷ Иоселиани А. Д. Научное познание: гипотеза или интуитивное постижение?! // Научный альманах. 2020. № 5-2(67). С. 177.

⁸ Lufityanto, G. Measuring Intuition: Nonconscious Emotional Information Boosts Decision Accuracy and Confidence. // Psychological Science (Sage Publications Inc.), 2016. № 27(5):622-34. URL : <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/27052557> (дата обращения: 20.12.2020).

⁹ Дэй Л. Самоучитель по развитию интуиции. Москва : АСТ. 2003. 315 с.

¹⁰ Науменко Е. А. Взаимосвязь личностных свойств и эффективности деятельности следователей // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2014. № 4. Т. 7. С. 76.

¹¹ Науменко Е. А. Интуиция в структуре принятия решения в экстремальной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 1 (52). С. 7.

¹² Данильян Э. С. О сущности розыскной версии // Общество и право. 2013. № 4 (46). С. 182.

¹³ Баранов М. В. Роль интуиции в процессе построения следственных версий // Известия Тульского государственного университета. Серия: экономические и юридические науки. Выпуск 1.1. 2010. С. 362.

сии.

Процесс выдвижения следственной версии, с точки зрения менеджмента, идентичен процессу принятия социально значимого решения. И в том, и в другом случае выделяются ключевые этапы, необходимые для их успешного завершения: 1) постановка конкретных цели и результата; 2) сбор необходимой информации; 3) выделение проблем; 4) поиск оптимального варианта решения; 5) реализация¹⁴. Указанные этапы в полной мере согласуются с общепринятыми процедурами криминалистического расследования: установление совокупности обстоятельств, которые необходимо установить в первую очередь, а также в дальнейшем; анализ типовых версий и выдвижение собственных; планирование расследования; сбор доказательной базы; тактика следственных действий и взаимодействия с оперативно-розыскными органами; использование специальных знаний¹⁵.

На этапе сбора данных (накопления информационного поля) в условиях дефицита времени или ограниченного количества фактического материала интуитивные качества следователя приобретают важное значение. В этом случае анализ возможных следственных ситуаций может происходить неосознанно, и возникает в воображении следователя в виде вспышки, озарения. Так, В. А. Шефер убежден, что даже, если версия выдвигается строго на логических выводах, в ней присутствует элемент интуитивности, поскольку «не существует логического познания, полностью свободного от интуиции»¹⁶.

По мнению доктора философских наук А. Д. Иоселиани «работа интуиции происходит с образами, а интеллекта – со знаниями. Таким образом, интуиция созидает, а разум доказывает». За интуитивным созиданием, однако, стоит опыт, специальные знания и стиль мышления, представленные в виде системы ассоциативно связанных знаний. Чем больше таких связей, тем больше шансов на нахождение правильного и быстрого ответа¹⁷.

Криминалистическая версия, по мнению А. Ф. Реховского, является частным случаем гипотезы, ее разновидностью, применяемой в следственной деятельности. Специфика применения заключается в том, что фокусом познания являются события прошлого, близкого или далекого, а проверка гипотезы осуществляется в уголовно-процессуальных рамках¹⁸.

Можно определить соотношение интуиции, гипотезы и версии: интуитивно ориентированная гипотеза выражается в следственной деятельности в виде версии. Недоверие к интуитивному способу выдвижения версий в профессиональной среде в настоящее время остается, и вызвано такое отношение внезапностью и непредсказуемостью инсайта – кульминационного акта интуитивного постижения.

¹⁴ Переверзева Н. Ю. Интуиция в принятии решений: социально-философский аспект. С. 95.

¹⁵ Шефер В. А. О значении интуиции при выдвижении криминалистических версий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. Выпуск 1-2. С. 103.

¹⁶ Там же. С. 100.

¹⁷ Иоселиани А. Д. Указ. соч. С. 179.

¹⁸ Реховский А. Ф. Учение о криминалистических версиях. С. 34.

Таким образом, обзор литературы в предметной области показал, что практически все авторы – философы, психологи, следователи – не отрицают наличие у человека интуитивных способностей, и что интуиция есть одна из форм познания.

Из содержания таких понятий как интуиция, гипотеза и версия вытекает заключение, что гипотеза базируется на интуиции, а интуитивно ориентированная гипотеза выражается в следственной деятельности в виде версии. Следует также признать, что использование интуиции в следственной работе остается темой для дискуссий с одновременным ростом числа исследований в данном направлении.

Информация об авторе

Гомзякова Екатерина Михайловна – студентка 2 курса, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС). 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Электронный адрес: e_gomzyakova@bk.ru

УДК 343.98

Г 83

Е. А. Грига,

*студент 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

О некоторых особенностях религиоведческих экспертиз, проводимых при ритуальных убийствах

В статье раскрыты основные особенности назначения судебной экспертизы при расследовании ритуальных убийств. Рассмотрено правовое регулирование данного вопроса. Освещены особенности постановки вопросов перед экспертом при назначении данной экспертизы.

Ключевые слова. Экспертиза, вероисповедование, религиозные организации, ритуальные убийства.

Согласно положениям статьи 14 Конституции Российской Федерации, Россия – светское государство. Иными словами, на территории нашей страны не может быть установлена какая-либо религия в качестве государственной. Каждый волен исповедовать то, к чему расположена его вера и представления. Однако на сегодняшний день встречаются и деструктивные элементы, способные исказить реальные представления о религиозных учениях, догмах и т. д. Поэтому важно рационально относиться к сбору доказательств при расследовании ритуальных убийств, грамотной их оценке и исследованию, в том числе при назначении религиоведческих экспертиз.

Возникает вопрос: будет ли проведение экспертизы при расследовании ритуальных убийств иметь какие-либо особенности, и чем они будут отли-

чатся от «стандартных» моментов при назначении и проведении экспертиз при расследовании убийства.

Убийства, как результат исполнения ритуала религиозного характера, направленного на умерщвление человека, получили названия религиозно-обрядовых, обрядовых, культовых, ритуальных либо сатанинских убийств¹. Большинство из них совершаются именно религиозными объединениями, имеющими в своей деятельности деструктивный элемент, что позволяет относить их именно к религиозным сектам, совершающим обрядовые, культовые, религиозные и иные виды преступлений против личности, выраженные, например, в форме жертвоприношения чаще всего с целью «задобрить» объект своего поклонения.

Поэтому, полагаю, что наиболее полно изучить особенности судебных экспертиз при расследовании ритуальных убийств можно путем изучения их производства применительно к религиозным организациям, которые иногда имеют склонность к деструктивным антирелигиозным убеждениям. Важно обозначить, что первостепенную роль по таким делам играет установление истины, ведь подобные обряды, имеющие цель совершения культовых действий группой людей, имеют тонкую и почти неуловимую направленность, установить которую можно только путем применения экспертных знаний и исследований.

Существует ряд экспертиз, сущность которых, так или иначе, затрагивает изучение религиозной составляющей определенных организаций в различных ее проявлениях. Например, государственная религиоведческая экспертиза, судебно-религиоведческая экспертиза, а также судебно-теологическая экспертиза. Возможность их проведения регламентируется рядом нормативных правовых актов, например, Федеральным законом от 26.09.1997 № 25-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»², Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 18.02.2009 г. № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе»³, Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной экспертной деятельности в Российской Федерации»⁴.

Так, например, согласно названному выше Приказу Министерства юстиции Российской Федерации № 53 данная экспертиза может быть назначена:

1) при вступлении в законную силу решения суда о признании гражданина, являющегося членом той или иной религиозной организации, лицом, осуществляющим экстремистскую деятельность,

¹ Холопов А. В. Методика расследования ритуальных убийств : дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.09. СПб, 2004. С. 19–20.

² О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон от 26 сент. 1997 г. № 25 : в ред. 02 дек. 2009 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О государственной религиоведческой экспертизе : приказ Правительства Рос. Федерации от 18 февр. 2009 г. № 43. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О государственной экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73 : в ред. 26 июля 2019 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

2) при необходимости проверки достоверности и соответствия деятельности религиозной организации формам, методам и сведениям об основах вероучения, заявленным при ее государственной регистрации,

3) при вступлении в законную силу решения суда о признании экстремистскими материалов, изготавливаемых или распространяемых данной религиозной организацией,

4) в иных случаях, требующих определенных знаний в рамках контроля за целями и задачами религиозной организации.

Так каким же образом назначение и проведения подобного многообразия экспертиз поможет установить направленность виновных лиц на совершения убийства именно с ритуальной направленностью?

Полагаю, что именно цель и сущность самой экспертизы, которые достигаются через вопросы, поставленные перед экспертом, способны дать полноценный ответ на данный вопрос.

Во-первых, ритуальные убийства необходимо отличать от совершения преступления на почве религиозной ненависти (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Первый вид преступления в сравнении со вторым не имеет в своей основе ненависти, ритуальные убийства преследуют свою идеологию, хоть и существенно отклоняющуюся от общепризнанных принципов и норм не только в религии, но, зачастую, и в обществе. Данный вид убийств направлен на поддержание определенного культа, идей и т.п. Например, таких как:

1) причинение жертве особых мучительных страданий, достигаемых особо жестокими действиями в ходе совершения ритуала жертвоприношения;

2) наступление смерти жертвы;

3) использование органов, тканей жертвы в ритуально-магических целях.

Совершение подобных действий имеют общее начало – организация какого-либо ритуального акта или, иными словами, ритуального обряда. Задача эксперта состоит именно в том, чтобы при производстве конкретной экспертизы суметь во всей совокупности религиозных актов вычленить именно те, которые преследуют одну общую цель, заключающуюся в совершении обрядового ритуального действия.

В данном вопросе, полагаю, целесообразным будет обратить внимание эксперта на следующие особенности, способные указать на ритуальность преследуемой цели убийства:

- Обстановка совершенных убийств. Как правило, при преследовании ритуальной цели, виновные лица изберут места с определенным ритуально-магическим смыслом (например, заброшенные храмовые постройки, кладбища и т. п.).

- Особенности взаимного расположения предметов, средств, орудий преступления, а также рисунков, которые могут указать на обрядовость их использования (например, наличие гексаграммы, использование мёртвых языков, таких как латынь, обнаружение больших плоских камней, крупных костей животных или черепов и т. п.). Следует особое внимание уделить

именно размещению этих объектов, их последовательности при обнаружении и иным ориентирам, связанным с местностью и способным указать на то, что эти предметы относятся для обрядового ритуала в определенном культе.

- Наличие на месте преступления значительного количества следов босых ног или следов обуви, указывающих на неоднократное перемещение субъектов преступления. Данный факт может указать на совершение определенного ритуала, состоящего из совокупности различных действий. В литературе, посвященной ритуальной магии, приводится характерный для ритуальных убийств рисунок расположения участников на месте совершения ритуала. В связи с этим в ходе производства осмотра места совершения преступления важно установить не только положение жертвы, но и положение и возможные перемещения самих преступников.

- Наличие на месте происшествия следов воска или останков животных, указывающих на то, что в данном месте был совершен обряд ритуального жертвоприношения, преследующего определенные цели конкретного культа.

Представляется, что акцентирование внимания эксперта на данных вопросах при производстве экспертизы в случае возникновения предположений о «ритуальности» совершенного убийства, способно максимально приблизить нас к установлению цели, которую преследуют субъекты совершенного ритуального убийства. И, следовательно, к ответу на вопрос о наличии фактически совершенного ритуального убийства.

Таким образом, особенности судебной экспертизы по делам о ритуальных убийствах обусловлены целью, которую преследует ее назначение, а также особенностью самих фактов события, носящих явно ритуальный характер, которые эксперту необходимо оценить.

Информация об авторе

Грига Екатерина Алексеевна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ),

679017, г. Биробиджан, ул. Пионерская, 92.

Электронный адрес: ekaterina.griga@mail.ru

УДК 343.98.065

Д 26

А. Р. Дебалюк,

студентка 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ

Интеграция биометрических технологий в процесс криминалистической идентификации: историко-правовой аспект

В статье анализируется история интеграции биометрического знания в процесс криминалистической идентификации. На основе анализа статистических данных, касающихся раскрываемости преступлений, автором сделан вывод о необходимости создания единой автоматизированной системы биометрических данных населения.

Ключевые слова: биометрические технологии, криминалистическая идентификация, биометрические персональные данные, автоматизированная система.

В настоящее время решение правоохранительными органами задач криминалистической идентификации человека в целях выявления и раскрытия преступлений неразрывно связано с использованием биометрических технологий. Однако, несмотря на разнообразие технических возможностей исследования биометрических характеристик человека, на практике в условиях роста числа зарегистрированных преступлений (по данным информационно-аналитического портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации за период с 2019 по 2020 гг. общее количество зарегистрированных преступлений возросло на 19 884) прослеживается тенденция снижения их раскрываемости, которая за указанный период составила 32 155 преступлений¹.

В соответствии со ст. 11 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» под биометрическими персональными данными понимаются сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность².

История активной интеграции систематизированного биометрического знания в процесс криминалистической идентификации берет свое начало еще в XIX веке. Кризис методов идентификации личности, вызванный отказом от практики средневекового «клеймения» преступников посредством создания особых искусственных примет на теле, послужил толчком в развитии теории криминалистической идентификации. Вследствие чего, Альфонсом Бертиль-

¹ Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации : сайт. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (02.02.2021).

² О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ : в ред. от 30 декабря 2020 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

оном была разработана система, названная в последствии «бертильонаж», которая включала в себя четырнадцать биологических и физиологических размерных характеристик (в частности: длина верхней части туловища, рост, строение ушной раковины и др.), измерявшихся при криминалистической регистрации³.

С развитием достижений науки ключевую роль среди прочих биометрических технологий стали занимать дактилоскопические исследования. Так, в середине XIX в. Вильям Гершель и Генри Фолдс пришли к выводу об индивидуальности и неизменности на протяжении жизни папиллярных узоров пальцев рук. Последующие исследования и разработки были сосредоточены на классифицировании папиллярных узоров, характеристике их свойств, имеющих значение для идентификации. Так, Э. Локар установил особенности и отличия папиллярных узоров у мужчин и женщин, а также предложил классифицировать их по возрастному критерию⁴.

На современном этапе вектор развития биометрических технологий тесно взаимосвязан с возможностями научно-технического прогресса, в частности с использованием возможностей цифровых и инфокоммуникационных технологий. С течением времени стала возможна идентификация личности по голосу, рукописному почерку, по термограмме лица, по ДНК-анализу (молекулярно-генетическая идентификация личности) и др. Во многих развитых странах для оперативной идентификации личности, в том числе без непосредственного контакта отдельное внимание уделяется созданию специальных автоматизированных систем, в которых формируются базы данных, содержащие информацию о биометрических данных. Так, для проведения фоноскопических исследований в Российской Федерации функционируют системы «SIS» и АИС «Диалект».

Таким образом, проблема совершенствования методов раскрываемости преступлений сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Интеграция биометрических технологий в условиях возможностей современных достижений научно-технического прогресса способна существенно повлиять на сложившуюся ситуацию. Однако, на наш взгляд, первостепенной задачей, стоящей перед отечественным законодателем и всей правоохранительной системой, является создание единой федеральной автоматизированной системы, включающей в себя не одну биометрическую характеристику личности, а полноценный комплекс сведений, позволяющих не только идентифицировать личность, но и исключить фальсификацию биометрических характеристик. Кроме того, существует необходимость не только в разработке самой базы данных биометрических характеристик населения, но и возможности их автоматизации, фиксации и анализа, что в свою очередь, позволит облегчить и качественно улучшить функционирование правоохранительной системы в целом.

³ Крылов И. Ф. Были и легенды криминалистики. Л. : ЛГУ, 1987. С. 61.

⁴ Там же. С. 63-65.

Информация об авторе

Дебальюк Алена Руслановна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, д. 1, Электронный адрес: alenaquinzel@gmail.ru

УДК 343.983

Е 30

С. С. Егорова,

*студентка 3 курса,
ФБГОУ ВО РГУП РФ*

**Актуальные проблемы анализа рукописной подписи:
судебно-почерковедческая экспертиза**

В статье рассматриваются актуальные проблемы анализа рукописной подписи в ходе проведения судебно-почерковедческой экспертизы. Большое внимание уделяется факторам, негативно сказывающимся на установлении идентификации личности путем исследования подписи. Предлагаются выводы о повышении эффективности работы специалистов такого вида криминалистических исследований.

Ключевые слова: криминалист, объект, идентификация, исследование, подпись, специалист, эксперт-почерковед.

В условиях современного развития мирового общества новым трендом, пришедшим на смену информатизации и компьютеризации, служит цифровизация. Главная ее цель – улучшение качества жизни. Цифровизация постепенно внедряется во все сферы жизнедеятельности, не оставляя юриспруденцию в том числе. В силу тесного взаимодействия человека и современных технологий, некоторые методы раскрытия преступлений становятся архаичными, на передний план выходят те преступления, в рассмотрении которых экспертно-криминалистические подразделения правоохранительных органов Российской Федерации применяют технические средства, для наиболее точной оценки объектов исследования.

Нередко вещественные доказательства по уголовным делам могут сочетать в себе несколько направлений экспертных исследований, например, если данные объекты исследования образованы в ходе использования копировально-множительной техники или средств цифровой обработки изображений, то применимы: судебная почерковедческая экспертиза и судебная технико-криминалистическая экспертиза.

Эксперту-почерковеду необходимо учитывать субъективные факторы пишущего (физиологические, анатомические, психические особенности личности) и объективные – качество бумаги и ручки, условия, при которых был составлен или подписан документ для того, чтобы воспроизвести наиболее

полный анализ, позволяющий определить пол, возраст, состояние здоровья, стремление к изменению почерка, обстановку, время и место составления или подписания документа. Тщательный анализ и полная оценка вышеупомянутых признаков приводит к идентификации личности, что играет немаловажную роль в отправлении правосудия.

Подпись – это самый распространенный идентификатор личности. Кандидат юридических наук, В. В. Устинов, уверен, что по мере развития подписи и изменения ее в зависимости от различных исторических событий менялось понятие подписи, но суть оставалась неизменной – это важнейший реквизит документа, придающий ему юридическую силу¹.

Актуальными проблемами анализа подписи являются: сходство (стремление к сходству) почерков предполагаемых исполнителей, применение технических средств при исполнении подписи, краткость и малоинформативность подписи, а также влияние на процесс письма сбивающих факторов, например, необычной позы, плохого освещения, алкогольного или наркотического опьянения, состояния стресса, маскировки почерка. Е. А. Шкоропат и Н. А. Зуйкова, определяют необычное психофизиологическое состояние писавшего в момент выполнения им рукописи как временно-пространственные рамки, конкретные не свойственные субъекту ощущения физиологических или психических процессов организма во время осуществления письменного акта, оказывающие влияние на реализацию письменного функционально динамического комплекса и корреляционно отражающиеся в проявлении (трансформации) признаков почерка².

Такие проблемы в наибольшей степени затрудняют эффективное решение диагностических и идентификационных задач в силу применения низкоразрешительного технического механизма, отображающего почерковые свойства. Качество применяемого оборудования, а именно модель и производитель, прямо отражающие цифровое разрешение копировального аппарата, могут не обеспечить определенное количество признаков, позволяющих исследовать объект вне зависимости от первичности или вторичности копии; поэтому некоторые специалисты считают, что электрофотографическая копия с изображением почеркового объекта является ограниченно пригодной для почерковедческого исследования.

Эксперты и криминалисты, зная о существовании возможности искажений формы отображения объекта исследования при его передаче, разработали ряд специальных рекомендаций по их распознаванию. Следует отметить роль частных организаций в рассмотрении уголовных дел, осуществляющих

¹ Устинов В. В. Актуальные проблемы судебного почерковедения и судебно-почерковедческой экспертизы // Уголовное право и процесс, исполнение наказаний. 24.05.2018. Режим доступа: URL: https://zakon.ru/blog/2018/05/24/aktualnye_problemy_sudebnogo_pocherkovedeniya_i_sudebno-pocherkovedcheskoj_ekspertizy (дата обращения: 09.02.2021).

² Шкоропат, Е. А. Особенности почерковедческого исследования текста, выполненного в необычном психофизиологическом состоянии // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2017. № 3.

свою деятельность с применением авторских методик: они готовы оказать консультативную помощь, провести собственное исследование, предоставить рецензию на судебное заключение эксперта-почерковеда. Так, например, по статистическим данным, приведенным Саморегулируемой организацией судебных экспертов за 2019 г., было составлено 1669 рецензий, а 89% из них послужили основанием назначения повторной судебной экспертизы³.

Существование узкопрофильных организаций такого рода определяет почерковедческую экспертизу как одну из наиболее сложных видов криминалистических исследований, требующую не только глубоких теоретических знаний, но и физической и психологической устойчивости личности, хорошей зрительной памяти, а также наличия высококлассного технического оборудования.

На наш взгляд, совершенствование дидактического материала и методического обеспечения при обучении в конечном итоге приведет к повышению профессионального уровня специалистов, качества проводимых исследований, обоснованности выводов и снижению количества экспертных ошибок.

Информация об авторе

Егорова София Сергеевна – студентка 3 курса, Ростовский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (г. Ростов-на-Дону), (РФ ФГБОУВО "РГУП"). 344038, Южный Федеральный округ, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, пр. Ленина, 66.

Телефон: 8-900-137-77-67. Электронный адрес: egorova_sofiya@list.ru

УДК 343.98

Е 69

Е. Р. Ераксина,

*студентка 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Первоначальный этап расследования дорожно-транспортных преступлений: типовые ситуации и версии

В статье рассматриваются наиболее типичные следственные ситуации, характерные для расследования дорожно-транспортных преступлений, сформулированные на основе изучения научной литературы и судебно-следственной практики. Выдвигаются следственные версии первоначального этапа расследования дорожно-транспортных преступлений для повышения эффективности правоохранительных органов по расследованию дорожно-транспортных преступлений.

³ Официальный сайт. Некоммерческое партнёрство «Саморегулируемая организация судебных экспертов». Режим доступа : URL: <https://recense.exprus.ru/> (дата обращения: 09.02.21).

Ключевые слова: дорожно-транспортные преступления, следственная ситуация, следственная версия, методика расследования дорожно-транспортных преступлений.

Ежегодно в России регистрируется большое число дорожно-транспортных происшествий. По данным, содержащимся на официальном сайте Госавтоинспекции, за 9 месяцев 2020 г. зарегистрировано 105 932 дорожно-транспортных происшествий, за 2019 г. – 164 358, за 2018 г. – 168 099.

Важной частью первоначального этапа расследования дорожно-транспортных преступлений является планирование выдвижения и проведения проверки версий о причинах и механизме дорожно-транспортных преступлений¹. Результативность расследования данной категории уголовных дел связана с разработкой криминалистических рекомендаций, которые основываются на изучении следственных ситуаций. По мнению Белкина Р. С. следственная ситуация – «совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование»². Таким образом, следственная ситуация характеризует процесс расследования на том или ином его этапе. В науке выделяется такой признак следственной ситуации как повторяемость, а значит мы можем говорить об их определенной типизации, поскольку в каждой из них существует ряд признаков, условий, которые позволяют соответствующим должностным лицам избирать следственные действия, тактические приемы и операции. Типизация следственных ситуаций позволяет характеризовать изменяющуюся окружающую обстановку, где центральное значение занимает следовая картина, которая дает возможность построить и выдвинуть следственные версии, планировать и производить следственные действия.

Существуют различные мнения относительно того, как следственные ситуации необходимо выделять. Так, М. П. Хилобок выделяет две ситуации: 1. Личность водителя установлена: а) водитель и транспортное средство находятся на месте происшествия; б) водитель скрылся вместе с транспортным средством или без него. 2. Личность водителя не установлена: а) водитель скрылся с места происшествия вместе с транспортным средством; б) водитель оставил угнанную автомашину³. По нашему мнению, данная типизация предполагает комплекс разноплановых ситуаций, поэтому не позволяет быстро определить алгоритм следственных и розыскных действий, в связи с чем ее практическое применение затруднительно.

А. П. Онучин выделяет следующие следственные ситуации: а) дорожно-транспортное происшествие совершено в условиях очевидности, на месте происшествия присутствуют все лица (водителя, очевидцев и пострадав-

¹ Коновалов А. И. Планирование и его роль в версии работе по отработке следственных ситуаций, возникающих на первоначальном этапе расследования ДТП // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2. С. 26.

² Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике : учебное пособие. М., 1988. С. 91.

³ Хилобок М. П. Криминалистика : учебник / под ред. В. А. Образцова. М, 1997. С. 699.

шего); б) ситуацию, при которой водитель скрылся с места происшествия, оставив транспортное средство; в) ситуацию, при которой водитель скрылся на транспортном средстве с места дорожно-транспортных происшествий⁴. П. М., Зуев, помимо вышеуказанных, также выделяет ситуацию, при которой на месте дорожно-транспортного происшествия отсутствуют пострадавший, водитель и транспортное средство. Следует согласиться с данным мнением, поскольку такой вариант развившихся событий характерен для следственной практики⁵.

Таким образом, на основании анализа криминалистической литературы, статистических данных, которые представлены на официальном сайте Госавтоинспекции, мы можем указать следующие наиболее типичные следственные ситуации: 1) пострадавший, водитель, свидетели находятся на месте происшествия; 2) водитель скрылся с места происшествий вместе с транспортным средством; 3) водитель скрылся с места происшествий, оставив на нем транспортное средство; 4) водитель оставил место происшествия вместе с транспортным средством, забрав с собой пешехода.

Следственные ситуации могут осложняться негативными факторами субъективного или объективного характера⁶. К субъективным факторам может относиться: намеренное или ненамеренное изменение условий на месте дорожно-транспортных преступлений; дачу ложных оправдывающих показаний. К объективным факторам можно отнести: наступление тяжких последствий; утрату следов; изменение по объективным причинам места нахождения транспортного средства; отсутствие или не установление свидетелей дорожно-транспортных преступлений; изменение дорожных условий, подлежащих установлению и фиксации.

На основе анализа следственной практики и типичных следственных ситуациях осуществляется построение криминалистических версий о причинах, условиях и механизме дорожно-транспортных преступлений. По мнению Аверьяновой Т. В. криминалистическая версия: – «это обоснованное предположение о факте, явлении или группе фактов, явлений, имеющих или могущих иметь значение для дела; версия указывает на наличие и объясняет происхождение этих фактов, явлений, их содержание и связь между собой и служит целям установления истины по делу»⁷.

При расследовании дорожно-транспортных преступлений необходимо проверить следующие следственные версии:

1. О причинах, условиях происшествия и наступлении вредных последствий как по техническим причинам, так и по вине водителя (так, за 12 меся-

⁴ Онучин А. П. Проблемы расследования дорожно-транспортных происшествий с учетом ситуационных факторов : монография. Свердловск, 1987. С. 53.

⁵ Зуев П.М. Методика расследования дорожно-транспортных происшествий : учебное пособие. М., 1990. С. 32.

⁶ Королев А. С. Типизация основных следственных ситуаций при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 10. С. 109.

⁷ Аверьянова Т. В. Криминалистика : учебник. М., 2014. С. 152.

цев 2019 г. согласно данным официальной статистики, размещенной на сайте Госавтоинспекции, в результате нарушения правил дорожного движения водителями транспортных средств было зарегистрировано 146688 дорожно-транспортных происшествий; по техническим причинам – 6734 дорожно-транспортных происшествий).

2. О водителях и пешеходах, которые могут оказаться виновными в совершении дорожно-транспортных происшествий (так, по вине водителей зарегистрировано 146688 дорожно-транспортных происшествий, по вине пешеходов 18138 дорожно-транспортных происшествий).

3. О форме виновности указанных субъектов.

4. О причинной связи между нарушением правил дорожного движения и правил эксплуатации транспортного средства.

5. О состоянии водителя: наличие алкогольного опьянения, стресса, чрезмерного физического утомления водителя и т. д.

При проверке следственных версий необходимо выяснить: 1) имело ли место нарушение правил дорожного движения участниками дорожно-транспортных происшествий, в чем оно выражалось, какие обстоятельства этому способствовали; 2) кем были нарушены правила дорожного движения; 3) существуют ли обстоятельства, исключаящие вину водителя; 4) последствия дорожно-транспортного преступления, анализ возможности предотвращения возможности в условиях дорожной обстановки и с учетом погодных или дорожных условий предотвратить данные последствия.

Некоторые авторы выделяют такие типичные версии при расследовании дорожно-транспортных преступлений как: «1) нарушение водителем либо другим участником дорожного движения правил дорожного движения; 2) нарушение водителем, а равно и другими ответственными лицами правил эксплуатации транспортных средств; 3) грубая неосторожность самого потерпевшего; 4) самоубийство пострадавшего; 5) случайное стечение обстоятельств, не охватываемое предвидением водителя и других участников дорожного движения; 6) умышленное убийство с использованием транспортного средства в качестве орудия убийства; 7) инсценировка дорожно-транспортного происшествия с целью сокрытия другого, как правило, более тяжкого, преступления»⁸.

По нашему мнению, данная типология отражает возможные следственные версии при расследовании дорожно-транспортных преступлений. Однако в рамках общей следственной версии существуют также частные следственные версии. Так, при отработке версии о нарушении водителем правил дорожного движения, в результате которых был совершен наезд на пешехода, необходимо проверить частные версии: а) водитель неправильно оценил дорожно-транспортную ситуацию и воспринял ее не как аварийноопасную; б) водитель своевременно не заметил пешехода на дороге, хотя в данной до-

⁸ Алексеев Ю. К. Расследование дорожно-транспортных происшествий : монография / Ю. К. Алексеев, В. В. Власов, Н. В. Ворошко и др. / под общ. ред. В. А. Федорова, Б. Я. Гаврилова. М., 2003 С. 96.

рожной ситуации он имел такую возможность; в) водитель своевременно заметил пешехода на дороге, но легкомысленно рассчитывал на предотвращение наезда; г) нарушение правил дорожного движения водителем или совершение им неправильных действий вызваны противоправным поведением третьих лиц; д) правила дорожного движения водителем нарушены грубо и сознательно, что создало аварийную ситуацию на дороге и наезд на пешехода.

Для проведения проверки версий необходимо использовать соответствующий ситуации алгоритм действий. Например, в случае, если на месте дорожно-транспортного происшествия отсутствует водитель, сведения о водителе, транспортное средство, то их поиск необходимо вести от материальных следов, которые будут обнаружены на месте происшествия (следы лакокрасочного покрытия и горючесмазочных материалов, следы торможения, детали, узлы, механизмы автотранспорта, в том числе осколки стекла и пластика, юз на дорожном покрытии в районе 50–100 метров в оба направления от места столкновения; следы обуви; биологические выделения).

Таким образом, анализ следственных ситуаций и прогнозирование различных версий о механизме и причинах дорожно-транспортных преступлений является важной частью их первоначального этапа расследования.

Информация об авторе

Ераксина Евгения Романовна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ), 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: eraksina1999@gmail.com

УДК 343.98

3 17

В. И. Заиграева,

*студентка 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

О некоторых способах подделки денежных знаков

В статье анализируются способы подделки бумажных денежных знаков. На основании обобщения судебной практики выделяются наиболее частые способы имитации элементов технологической защиты банкнот.

Ключевые слова: денежные знаки, способы подделки, средства защиты.

Фальшивомонетничество, под которым в настоящее время понимается изготовление в целях сбыта, а также сбыт поддельных бумажных денег, металлических монет, ценных бумаг, возникло с момента появления платежных средств и продолжает существовать на протяжении многих веков. Одновре-

менно с развитием денежных знаков совершенствовались способы их подделки, становясь все изощреннее.

По данным Центрального банка Российской Федерации, по сравнению с IV кварталом 2019 г. в I квартале 2020 г. количество выявленных поддельных денежных знаков Банка России сократилось на 9,5% (11279 шт.)¹. В период с I квартала 2020 г. по II квартал 2020 г. этот показатель составил уже 31,5% (7725 шт.)². Однако несмотря на тенденцию к снижению уровня фальшивомонетничества, изучение рассматриваемого вопроса остается актуальным и необходимым для эффективного расследования данных преступлений. Исследование денежных знаков, являясь одним из сложных видов технико-криминалистического исследования, требует от эксперта-криминалиста глубоких знаний, в том числе о возможных способах подделки банкнот и их признаках.

В самом общем виде способы подделки можно классифицировать на частичную и полную подделку. Частичная подделка иначе называется переделкой. Как указано в пункте 1 письма Центрального Банка РФ от 15 февраля 2007 г. № 29-5-1-8/778 «О применении указаний Банка России № 1778-У», переделкой денежного знака считается «наклейка, надрисовка, надпечатка текста или цифр, изменяющих номинал банкноты, изменение года образца на вышедшей из обращения банкноте, а также подделка номера, серии и других элементов оформления банкноты таким образом, что внешний вид внесенных изменений сходен с видом соответствующих реквизитов и элементов оформления подлинной банкноты, и такая переделанная банкнота может быть принята в обращение за подлинную»³.

Полная подделка представляет собой создание фальшивых денежных знаков без использования подлинных. Для такой подделки фальшивомонетчику необходимо обладание не только специальными знаниями и навыками, но и материалами и оборудованием. Полная подделка, в свою очередь, бывает без элементов защиты, с элементами защиты и имитацией элементов защиты. В связи с тем, что выявление подделки без элементов защиты не представляет особой сложности, а подделка с элементами защиты является трудоемкой для лица, ее осуществляющего, и потому редко встречается, наибольший интерес для нас составляет подробное рассмотрение полной подделки с имитацией элементов защиты.

Большое количество способов защиты, которые используются в производстве бумажных денежных средств, позволяет дополнительно выделить по видам защиты такие способы подделки, как имитация элементов

¹ Данные о поддельных денежных знаках, выявленных в банковской системе России в I квартале 2020 года // Вестник Банка России. 2020. № 30. URL: <http://www.cbr.ru/queries/xsltbody/block/file/97324?fileid=-1&scope=2166>.

² Данные о поддельных денежных знаках, выявленных в банковской системе России в II квартале 2020 года // Вестник Банка России. 2020. № 57. URL: [http://www.cbr.ru/queries/xsltbody/block/file/105253?fileid=-1&scope=ves200729_057\(2193\).pdf](http://www.cbr.ru/queries/xsltbody/block/file/105253?fileid=-1&scope=ves200729_057(2193).pdf).

³ О применении указаний Банка России № 1778-У : письмо Центрального Банка Рос. Федерации от 15 фев. 2007 г. № 29-5-1-8/778 . URL: <http://docs.cntd.ru/document/902047117>.

полиграфической защиты, имитация элементов технологической защиты и имитация физико-химической защиты. Анализ судебной практики дает возможность сказать, что чаще всего подделываются элементы технологической защиты (водяной знак, защитные волокна, защитная нить, микроперфорация и другие).

Так, например, Кольчугинский городской суд Владимирской области установил, что по заключению эксперта представленный на экспертизу билет Банка России номиналом 5000 рублей образца 1997 г. изготовлен не производством ФГУП «Гознак». Изображения основных реквизитов полиграфического оформления лицевой и оборотной сторон представленного денежного билета выполнены способом цветной струйной печати; водяные знаки в нем имитированы рисованием на оборотной стороне денежного билета; выход защитной нити на поверхность на листе с реквизитами оборотной стороны имитирован надпечаткой прямоугольных фрагментов с изображениями числа «5000» серебряной краской; защитные волокна имитированы способом цветной струйной печати пурпурным красящим веществом; микроперфорация имитирована путем прокалывания листа бумаги с лицевой стороны⁴.

Остановимся на рассмотрении этого способа подделки на примере некоторых наиболее часто подвергающихся имитации средств защиты денежных знаков. Водяной знак можно определить как изображение, которое видно на просвет. Такое изображение получается за счет разной толщины и плотности бумажного слоя. При рассматривании подлинного водяного знака на нем можно увидеть как более светлые, так и более темные по сравнению с общим фоном бумаги участки. Переходы тонов от темных к светлым должны быть плавными. Водяные знаки имитируют разными способами. Изучив судебную практику, мы пришли к выводу, что наиболее часто в последнее время встречаются следующие способы подделки:

1. Бескрасочное тиснение⁵. Изображение получают путем давления формы на бумагу. Такую подделку можно определить по значительной рельефности и резким контурам изображения. При намокании в теплой воде знак, выполненный рассматриваемым способом, пропадает. Отличием от других подделок водяного знака является отсутствие люминесцирования в инфракрасных лучах.

2. Надпечатка непрозрачным красящим веществом (чаще белого цвета) на внутренней стороне одного из листов подложки⁶. Выявить такую имитацию можно, расслоив подложку.

⁴ Приговор Кольчугинского городского суда Владимирской области № 1-86/2018 от 24 окт. 2018 г. по делу № 1-86/2018 . URL: <https://sudact.ru>.

⁵ Приговор Лобненского городского суда Московской области № 1-72/2020 от 20 мая 2020 г. по делу № 1-72/2020 . URL: <https://sudact.ru>.

⁶ Приговор Промышленного районного суда г. Курск № 1-226/2020 от 20 мая 2020 г. по делу № 1-226/202 . URL: <https://sudact.ru>.

3. Монохромная электрофотография на внутренней стороне одного из листов⁷. На просвет будут видны резкие контуры, полутонные переходы будут отсутствовать.

4. Нанесение изображения трафаретным способом печати⁸. В проходящем свете будут видны зубчатые края штрихов изображения.

Защитные волокна представляют собой разноокрашенные нити длиной 4-8 мм, включенные в бумажную массу на этапе производства. В подавляющем большинстве их имитируют способом цветной струйной печати⁹. Такое фальшивое средство защиты будет отличаться отсутствием основного рельефа изображения, а штрихи будут иметь равномерное распределение красящего вещества.

Защитная нить – это узкая полоса из полимера. В проходящем свете она может иметь вид темной ленты со светлыми изображениями букв и цифр (купюра номиналом 5000 рублей) или только повторяющегося сочетания букв и цифр (купюра номиналом 1000 рублей). Преобладающим способом подделки этого средства защиты в настоящий момент является вклеивание между листами бумаги полимерной ленты¹⁰. Признаком такой имитации будет утолщение бумаги в районе нити.

Микроперфорацией является нанесенный с помощью лазера рисунок. Он хорошо виден на просвет, бумага в области пробивки на ощупь должна быть абсолютно гладкой. Отверстия обладают правильной формой и располагаются ровным рядом. Чаще всего на практике микроперфорация имитируется путем прокалывания листа бумаги¹¹. Вследствие этого бумага в области проколов становится шероховатой, и отверстия ощущаются как бугорки. Реже встречается термическое воздействие на банкноту¹². При этом отверстия получают неправильной формы.

В заключение хотелось бы еще раз отметить важность знания возможных способов подделки денежных знаков. Банкноты снабжены целым комплексом защитных средств, Гознак разрабатывает новые, более совершенные технологии. Однако и фальшивомонетчики оттачивают свое «мастерство». Именно поэтому эксперту-криминалисту необходимо знать какие средства защиты банкнот существуют, каким образом их возможно имитировать и по каким признакам распознать подделку.

⁷ Приговор Выборгского районного суда г. Санкт-Петербург № 1-537/2020 от 22 апр. 2020 г. по делу № 1-537/2020 . URL: <https://sudact.ru>.

⁸ Приговор Королевского городского суда Московской области № 1-36/2020 1-414/2019 от 13 фев. 2020 г. по делу № 1-36/2020 . URL: <https://sudact.ru>.

⁹ Приговор Шпаковского районного суда Ставропольского края № 1-221/2019 1-5/2020 от 5 фев. 2020 г. по делу № 1-221/2019 . URL: <https://sudact.ru>.

¹⁰ Приговор Мичуринского городского суда Тамбовской области № 1-45/2019 от 9 сент. 2019 г. по делу № 1-45/2019 . URL: <https://sudact.ru>.

¹¹ Приговор Лобненского городского суда Московской области № 1-76/2020 от 25 фев. 2020 г. по делу № 1-76/2020 . URL: <https://sudact.ru>.

¹² Приговор Заволжского районного суда г. Ульяновск № 1-84/2020 от 10 февраля 2020 г. по делу № 1-84/2020 . URL: <https://sudact.ru>.

Информация об авторе

Заиграева Вероника Игоревна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1. Электронный адрес: v.zaigraeva@mail.ru

УДК 343.98

3 17

Е. И. Заиграева,

*студентка 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

**Личность взяточполучателя как элемент
криминалистической характеристики взяточничества**

В статье исследуется личность злостного взяточполучателя. На основании анализа статистических данных выделяются тенденции развития взяточничества в Российской Федерации.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, взяточполучатель, взяточничество, личность взяточполучателя.

Взяточничество относится к той категории преступлений, которые очень сложно расследовать. Это обусловлено тем, что, поскольку в преступлениях коррупционной направленности, как правило, нет потерпевшей стороны, ни одна из сторон взяточничества не заинтересована в том, чтобы преступление было раскрыто и делает все от себя зависящее, чтобы тщательно скрыть следы преступления, не оставляя возможности сотрудникам правоохранительных органов их обнаружить. В конечном итоге такая ситуация ведет к высокому уровню латентности рассматриваемых преступлений.

Важную роль в формировании скрытого характера преступлений коррупционной направленности играет личность преступника, поскольку знание его поведенческих особенностей может позволить выяснить способ совершения преступления, механизм слеодообразования и сокрытия следов.

Заметим, что под личностью преступника понимается «личность человека, который совершил преступление под влиянием присущих ему: индивидуальных психологических особенностей; антиобщественных взглядов; отрицательного отношения к нравственным ценностям; выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или не проявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата»¹.

На наш взгляд, следует заострить особое внимание на личности взяточполучателя. При этом мы исходим из того, что взяточполучатель зачастую

¹ Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания. М. : Пенатес-Пенаты, 2000. С. 12.

отличается от взяткодателя другим, более высоким, уровнем знания закона и понимания негативных последствий взяточничества, а также связанностью долгом служить государству и обществу, а не во имя собственной выгоды. Указанные обстоятельства дают основания полагать, что именно со стороны взяткополучателя исходит инициатива тщательного сокрытия преступления, что ведет к более глубокому анализу им ситуации и, как следствие, более продуманным действиям.

В соответствии с данными, опубликованными Генеральной прокуратурой Российской Федерации лишь за 2019 г. было выявлено 13 867 фактов получения и дачи взятки². Вместе с тем, напомним, что представленные статистические сведения не могут дать полную и объективную картину сложившейся ситуации, поскольку взяточничество по-прежнему сохраняет латентный характер. Именно поэтому актуальность нашего исследования заключается в том, что для эффективного выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, содержащих признаки взяточничества, необходимо знать и понимать личность взяткополучателя.

Для получения наилучших результатов при осуществлении деятельности по расследованию рассматриваемого нами вида преступлений целесообразно пользоваться методикой расследования взяточничества. Для разработки указанной методики колоссальное значение имеет криминалистическая характеристика взяточничества. При этом под криминалистической характеристикой преступления следует понимать «совокупность наиболее значимых признаков деяния, имеющих практическое значение для организации процесса расследования»³.

Отметим, что среди традиционных и ключевых элементов криминалистической характеристики взяточничества нашли свое место сведения о личности преступника. Другими звеньями системы криминалистической характеристики взяточничества являются данные о предмете взятки, сведения о типичной обстановке совершения деяний, отнесенных к взяточничеству, характеристика типичных способов совершения взяточничества, а также сведения о механизме слеодообразования.

Отметим, что, по мнению М. И. Еникеева структуру личности преступника составляют такие подструктуры, как: «биофизиологическая, социально-демографическая, социально-ролевая, нравственно-психологическая, уголовно-правовая и криминологическая»⁴.

Так, обращаясь к нормам Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), мы устанавливаем, что взяткополучателем может быть вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста и являющееся должностным лицом. При этом в соответствии с примечанием 1 к ст. 285

² Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации . М., 2021. URL : <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1817130/>.

³ Таюрская Е. А., Шишмарева Е. В. Содержание криминалистической характеристики взяточничества // Сибирский юридический вестник. Иркутск, 2019. № 4. С. 95.

⁴ Еникеев М.И. Юридическая психология: Краткий учебный курс. М.: Норма, 2004. С. 31.

УК РФ должностные лица могут быть разделены на две группы: 1) представители власти, 2) лица, выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в органах публичной власти и определенных организациях.

По половому признаку среди взяточполучателей преобладают мужчины нежеле женщины – 70-80 % против 20-30% соответственно. Такая ситуация объясняется тем, что в структуре органов государственной власти численное преимущество по-прежнему сохраняется за мужчинами⁵.

Средний возраст взяточполучателя составляет 40 лет, что обусловлено тем, что именно к этому возрасту должностное лицо достигает такого положения, когда может оказать влияние на принятие важных решений.

Совершенно естественно, что практически все взяточполучатели имеют высшее образование, не имеют судимости и в целом положительно характеризуются, поскольку того требуют Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁶ и Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»⁷.

Кроме того, в зависимости от личности преступника всех взяточполучателей можно разделить на следующие группы:

1) ситуативный взяточполучатель – такое лицо характеризуется слабо выраженной антиобщественной установкой. Ситуативный взяточник при получении взятки просто пользуется благоприятно сложившейся ситуацией, повторное совершение указанного преступления таким лицом носит случайный характер;

2) злостный взяточполучатель – это лицо, которое имеет устойчивую антиобщественную установку, систематически получает взятки и целенаправленно создает условия для возникновения такой ситуации.

Для нас наибольший интерес представляет личность злостного взяточполучателя, поскольку такие лица представляют наибольшую общественную опасность. Как правило, они характеризуются такими нравственно-психологическими признаками, как аморальность, безответственность, осторожность, расчетливость сочетающиеся с дальновидностью, гибкостью, работоспособностью и исполнительностью⁸. Часто такие лица создают себе имидж человека, способного решить любой вопрос, нередко выдавая себя склонностью к хвастовству такой способностью.

⁵ Саушева Е. А. Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего коррупционные преступления // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М., 2013. № 5. С. 312.

⁶ О государственной гражданской службе Российской Федерации : федер. закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ . Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ О муниципальной службе в Российской Федерации : федер. закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ . Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Магомедов Н. Н. Личность преступника-взяточполучателя : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2013. С. 13.

С учетом осведомленности об основных признаках личности взяточполучателя, мы предлагаем разработать типологию личности лиц, получающих незаконное вознаграждение, с указанием на особенности характера каждого типа личности и возможными линиями поведения в ситуации совершения преступления и сокрытия его следов. Для реализации указанной типологии на практике с целью повышения эффективности расследования преступлений коррупционной направленности необходимо разработать тест, позволяющий определить тип личности подозреваемого в получении взятки. На основании результатов тестирования и соотнесения их с данными, представленными в типологии, станет возможным выделить вероятные варианты поведения подозреваемого при совершении преступления и механизм сокрытия им следов получения незаконного вознаграждения, а также смоделировать обстановку совершения преступления.

Таким образом, знание личности взяточполучателя может позволить понять линию его поведения и, тем самым, оказать помощь в расследовании взяточничества.

Информация об авторе

Заиграева Евгения Игоревна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шейцова, 1. Электронный адрес: zaigraeva_evgeniya@mail.ru

**УДК 343.95
К 14**

А. А. Казакова,

*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Д. А. Чипизубов,

*студент 2 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

К вопросу о психологическом портрете личности киберпреступника

В статье поднимается вопрос о психологическом портрете киберпреступника. Проводится анализ имеющихся в научной литературе психологических данных, позволяющих проводить дальнейшую разработку психологического портрета как метода поиска и обнаружения преступников в сфере компьютерных технологий.

Ключевые слова: психологический портрет, личность, киберпреступник.

Понятие киберпреступности в юридической литературе, как правило, рассматривается в узком и широком смыслах: преступления в сфере компью-

терной информации, ответственность за которые предусмотрены Уголовным кодексом Российской Федерации (ст. 272-274.1)¹ и любые преступления, совершенные с помощью электронных устройств. Соответственно киберпреступник – это лицо, совершившее преступление в сфере компьютерной информации или с помощью информационных технологий («черный хакер», «скрипт-киди»).

Полагаем, что для изучения вопросов о психологических особенностях личности киберпреступника, в том числе с целью составления его психологического портрета, под которым понимается – сведения об особенностях личности и индивидуальных признаках личности субъекта преступления, появившихся в совокупности обстоятельств и следах деятельности², – лучше всего использовать широкий подход. Широкий (криминологический и психологический) подход включает в себя не только признаки конкретных составов данной категории преступлений, но и другие характеристики, важные в целях расследования и понимания сущности киберпреступности.

Вопрос о психологическом портрете киберпреступника может быть сформулирован как вопрос о поисковом методе розыска преступника (в криминалистическом аспекте) либо как о совокупности психологических характеристик (в криминологическом аспекте), необходимых для целей профилактики.

Исходя из определения, данного психологическому портрету, личностные особенности преступника имеют большое значение. В свою очередь, под личностью преступника понимается совокупность значимых в социальном плане свойств, которые в сочетании с обстоятельствами внешнего мира влияют на преступное поведение³. Проводя общий анализ личности человека, совершающего преступления, в первую очередь, по мнению А. И. Кравченко, необходимо рассматривать типовую классификацию преступников, выявить основные признаки, влияющие на преступное поведение и детерминирующие противоправный выбор⁴.

Для классификации и типологизации большое значение имеют данные правовой статистики. Благодаря статистике в психологический портрет киберпреступника могут быть включены следующие сведения: 1) возраст киберпреступников варьируется от 18 до 35 лет, однако нижний порог активно снижается, так как информационные технологии все больше внедряются в жизнь человека с ранних лет; 2) с позиции половой принадлежности совершение преступлений в сфере киберпреступности характерно в большей степени для мужчин, женщины в основном выступают в качестве соучастников; 3) образование у киберпреступников, как правило, высшее или неоконченное

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ : в редакции от 30 декабря 2020 года. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Анфиногенов А. И. Психологический портрет преступника, его разработка в процессе расследования преступления : специальность : диссертация ... кандидата психологических наук : 19.00.06. Москва, 1997. С. 23.

³ Платонов К. К. Проблемы способностей. Москва : Наука, 1972. С. 123.

⁴ Кравченко А. И. Общая психология : учебное пособие. Москва : Проспект, 2008. С. 399.

высшее.

Киберпреступления – это сравнительно новый тип противоправных деяний, поэтому в психологическом плане личность киберпреступника только начинает изучаться. Однако некоторые выводы о личности киберпреступника психологи уже сделали. Так, киберпреступников часто характеризуют как людей скрытных, закомплексованных, не обладающих привлекательными внешними данными, необщительных, потому и природа их противоправных деяний связана с «виртуальным миром», так как он представляет для них большую ценность, чем реальная жизнь. В то же время, нужно сказать, что среди людей, нарушающих закон, все чаще встречаются предприимчивые, креативные и целеустремленные личности, прежде всего из-за того, что подобные преступления выгодны в материальном плане, что и определяет заметное увеличение числа киберпреступлений и их заметное распространение.

Кроме того, по данным В. В. Дьякова, среди киберпреступников все чаще встречаются люди, страдающие синдромом Аспергера – нарушение психического развития, характеризующееся трудностями в социальном взаимодействии, а также ограниченным репертуаром интересов и занятий⁵. М. В. Старичков отмечает, что существенным криминогенным фактором психологического характера, присущим киберпреступнику, является возможность сохранения абсолютной анонимности пользователя устройства или сети, также идеальная среда для социальной игры со сменой ролей⁶.

Всё это и затрудняет исследования психологических особенностей личности киберпреступника. Тем не менее, лиц, совершающих подобные преступления все же можно разделить на группы по выраженным психологическим типам.

Первый тип – это преступники специального киберпреступного типа. Данная группа преступников специализируется на совершении специальных киберпреступлений, также каждый из них совершает их самостоятельно и обладает профессиональными техническими знаниями, необходимыми для совершения преступлений данного рода. Отдельные авторы называют этот тип «белыми воротничками» или респектабельными преступниками, указывая на уровень квалифицированности таких лиц⁷. Наличие специальных знаний фактически означает принадлежность такого преступника к субкультуре черных хакеров (крэкеров). Их характеризуют как закрытых, способных идти на технический вызов, риск, больше предпочитающих действовать в одиночку. В частности, ничем не ограниченная возможность совершения компьютерных преступлений и общедоступность компьютерных технологий, позволяющих получить любую информацию, приводят к объединению хакеров в

⁵ Дьяков В. В. О личности преступника как компоненте системы криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации // Бизнес в законе. 2008. № 2. С. 47–53.

⁶ Старичков М. В. Умышленные преступления в сфере компьютерной информации: уголовно-правовая и криминологическая характеристики : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.08. Иркутск, 2006. С. 176.

⁷ Крылов В. В. Информационные компьютерные преступления. Москва : Норма, 1997. С. 64.

преступные группировки, принимающие иногда транснациональный характер.

Следует также отметить, что киберпреступники данной группы, как правило, совершают наиболее крупные преступления в электронно-информационной среде, а потому каждый их шаг детализирован и запланирован, полностью отсутствует стихийность действий⁸. Основываясь на этом, можно сделать вывод о том, что данный тип киберпреступников отличается своей расчетливостью и предусмотрительностью.

Второй тип – это преступники общекиберпреступного типа. Лица этой группы совершают преступления неспецифические для киберпространства деяния: мошенничество, кражи, отмывание денежных средств, незаконное распространение порнографических материалов с помощью электронных устройств, при этом, не обладая специальными техническими знаниями, используя только поверхностные знания и приобретенные программные средства, которые может использовать любой пользователь. Личность таких преступников отличается импульсивностью, непредсказуемостью, наблюдается отрицание общественных норм поведения, стремление самоутвердиться за счет пострадавших, азартность.

Трудно сказать, какой из этих двух типов наиболее опасен. Учитывая специфику данных типов киберпреступников, можно отметить, что первая группа менее одержима идеей навредить другим людям, насмеяться, злорадоваться. Объясняется это тем, что киберпреступники первого типа чаще специализируются на более масштабных экономически выгодных им преступлениях, где природа преступления не позволяет как-либо прямо отражать собственные настроения. Однако урон экономике страны может оказаться достаточно существенным, влиять на бюджет отдельного региона, или отдельные группы граждан, у которых со счетов в банках в результате преступления пропадают денежные средства.

Итак, затрагивая вопрос о психологическом портрете киберпреступника, важно в дальнейшем разрабатывать его, по нашему мнению, как криминалистический метод поиска и обнаружения следов преступления с учетом имеющихся психологических данных о личности киберпреступника. Исследования в этой области являются важным теоретическим материалом, позволяющим осуществлять борьбу с киберпреступлениями. Для это также необходимо усилить подготовку кадров в данном направлении и наладить международный обмен опытом по борьбе с распространением киберпреступности.

Информация об авторах

Казакова Алина Алексеевна – студентка 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: kazakovaal@icloud.com,

⁸ Криминология : учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. Москва : Русский мир, 1997. С. 292.

Чипизубов Дмитрий Александрович – студент 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск ул. Шевцова, 1.
Электронный адрес: *skyc02@yandex.ru*.

УДК 343.98
К 22

Л. А. Кареба,
студентка 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ

Цифровые (виртуальные) следы в криминалистике и уголовном процессе

В статье раскрывается содержание и сущность цифровых следов, специфика их образования и изучения. Анализируются практическая применимость судебной компьютерно-технической экспертизы. Автор обосновывает необходимость создания правоохранительными органами информационно-правовой среды по сбору и обработке данных о совершенных преступлениях в сфере информационно-телекоммуникационных технологий и компьютерной информации.

Ключевые слова: информация, следы, судебная компьютерно-техническая экспертиза, информационно-телекоммуникационные технологии.

В период постиндустриального общества активное развитие информации и информационных технологий детерминировали устойчивую картину преступности. Развитие глобальных информационных сетей и возможности удалённого доступа к информационным ресурсам уже сейчас предопределило практически безграничные возможности для подготовки, совершения и сокрытия преступлений абсолютно новыми способами и средствами. На данный момент является актуальной проблема выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий как в России, так и за рубежом.

Согласно данным Главного информационно-аналитического центра МВД России¹, в 2020 г. всего преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации было более 510,3 тысяч преступлений (за 2018 г. – 174,7 тысяч преступлений, а за 2019 г. – 294,4 тысяч преступлений – рост показателя на 192,2% и на 73,3% соответственно). Притом, что из числа этих преступлений в среднем было раскрыто от 20 до 25%.

Данный вид преступлений характеризуется наличием большой дистан-

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. Москва, 2014–2021. URL: <http://мвд.рф> (дата обращения: 02.02.2021).

цией между субъектом преступления и потерпевшим, а также и усложненными способами подготовки к совершению преступления, в том числе связанными с использованием специального программного обеспечения, позволяющего изменять IP-адрес пользователя в сети «Интернет» (VPN, TOR, SSL), создавать «подменные» абонентские номера и тому подобное.

Особый интерес по данной категории дел представляется в нестандартном механизме слеодообразования, поскольку они появляются в поле информационного пространства. В науке данный вид следов носит множество названий, например, такие как: электронные следы, цифровые следы, информационные следы и так далее.

Характеризуя эту разновидность следов, В.А. Мещеряков отмечает, что «специфические свойства, определяющие перспективы их регистрации, извлечения и использования в качестве доказательств при расследовании совершенного преступления. Во-первых, виртуальные следы существуют на материальном носителе, но не доступны непосредственному восприятию. Для их извлечения необходимо обязательное использование программно-технических средств ... Они не имеют жесткой связи с устройством, осуществившим запись информации, являющейся виртуальным следом, ... весьма неустойчивы, так как могут быть легко уничтожены. Во-вторых, получаемые виртуальные следы внутренне ненадежны (благодаря своей природе), так как их можно неправильно считать»².

Также в данном вопросе нельзя не согласиться с Е. Р. Россинской и И. А. Рядовским, которые полагают, что «... цифровой след представляет собой криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи»³.

Можно сделать вывод, что цифровые следы – это «информация, зафиксированная в цифровом формате, содержащаяся в электронно-вычислительных машинах и иных цифровых устройствах, созданных на основе их технологий, в средствах подвижной радиотелефонной связи и на различных носителях цифровой информации, причинно-связанная с событием преступления, позволяющая установить обстоятельства совершенного преступления и преступника»⁴.

В качестве таких следов можно обозначить: дампы оперативной памяти и дампы трафиков, электронные файлы, а также их части, служебная информация об этих файлах, которая создается специальными программными и аппаратными средствами получения файлов, разнообразные коды на материальных носителях. Изучать и анализировать такую информацию возможно толь-

² Мещеряков В. А. Цифровая криминалистика // Библиотека криминалиста. 2014. № 4. С. 231–241.

³ Российская Е. Р., Рядовский И. А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения : материалы Международной научно-практической конференции (19 февраля 2019 г.). Алматы, 2019. С. 6–8.

⁴ Вехов В. Б., Ковалев С. А., Смагоринский Б. П. Электронные следы в системе криминалистики // Судебная экспертиза. 2016. № 2 (46). С. 10–19

ко посредством использования специализированных программных и аппаратных средств, которые могут осуществлять декодирование и визуализацию в привычной графической, текстовой или звуковой форме. Здесь важно отметить, что ввиду своей подвижности и сложной структуры хранения подобного рода данные могут быть получены и интерпретированы в полном объеме и без изменения содержания только с использованием специальных знаний.

Однако здесь приходится признавать, что на сегодняшний день анализ законодательства и практики его применения показывает, что существуют существенные недостатки в правовой регламентации. Например, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) недостаточная проработанность процедуры копирования информации, предусмотренной ч. 2.1 ст. 82 УПК РФ, что порождает существенные затруднения в правоприменительной практике.

Нельзя сказать, что в УПК РФ совершенно не урегулированы вопросы сбора и исследования информации на электронных носителях. В 2018 г. была добавлена ст. 164.1 УПК РФ, которая устанавливает особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий.

Представляется, что данным обстоятельством и обусловлены основные проблемы УПК РФ в части формирования доказательств, имеющих в своей основе сведения, содержащиеся на электронных носителях. В их числе следует отметить следующие. Анализ данных открытых источников о результатах расследования уголовных дел рассматриваемой категории позволил выявить ряд проблем, негативно влияющих на эффективность установления лиц, совершивших преступления, и, как следствие, препятствующих своевременному направлению дел в суд. Остановимся лишь на некоторых из них, имеющих существенное значение в аспекте совершенствования криминалистического обеспечения.

Во-первых, чтобы снизить риски негативных социальных последствий, законодатель предусмотрел, что электронные носители информации, если они не признаны вещественными доказательствами или это не повлечет ущерба для доказывания, могут возвращаться законным владельцам. Единственным правовым основанием для передачи на ответственное хранение такого доказательства его законному владельцу является правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации⁵. Вместе с тем в российском законодательстве на данный момент отсутствуют процедуры, которые могли бы обеспечить сохранность возвращенных электронных носителей законному владельцу, например, предупреждение о недопустимости уничтожения, повреждения и так далее.

Во-вторых, проблемы, связанные с идентификацией пользователей, ко-

⁵ По делу о проверке конституционности части первой статьи 81.1 и пункта 31 части второй статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Синклит»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 января 2018 г. № 1-П. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

торые выражены в использовании оформленного на третьих лиц электронного устройства для совершения таких преступлений, а также использование иностранных программных средств, IP-адресов, серверов и ресурсов, находящихся вне юрисдикции Российской Федерации. Безусловно, данная информация имеет огромное значение для расследования дела, но порядок изъятия в подобной информации не установлен.

В-третьих, длительность получения правоохранительными органами криминалистически значимой информации, имеющей доказательственное значение по уголовным делам (например, сведений о биллинге, движении денежных средств по лицевым счетам абонентских номеров и другое), а также отсутствие разработанного быстрого механизма блокирования вредоносного программного обеспечения.

В-четвертых, необходимость систематизации в рамках единой базы данных информации о зарегистрированных преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что недостатки в применении информационных, цифровых технологий для раскрытия и расследования преступлений обусловлены, с одной стороны, общими – организационными, правовыми вопросами применения криминалистической техники в целом. А с другой стороны, частными – научно-техническими, тактическими и методическими вопросами, определяющими возможности использования средств и методов, основанных на информационно-цифровых технологиях, как структурного элемента системы криминалистической техники.

Таким образом, искоренить преступность в области информационно-телекоммуникационных технологий на данный момент невозможно, но перспективы её минимизации имеются, как было указано выше.

Информация об авторе

Карева Лилия Александровна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664022, г. Иркутск, ул. Седова, 65а/2.

Электронный адрес: kareba.liliya@mail.ru

УДК 343.98

К 46

А. Д. Киянов,

студент 4 курса ИЮИ (ф) УП РФ

Особенности методики расследования убийств, сопряженных с безвестным исчезновением потерпевшего

В статье рассматриваются особенности методики расследования убийств, сопряженных с безвестным исчезновением потерпевшего. Автором приводится статистика результатов расследования указанной категории

преступлений, указываются основные причины низкой эффективности предварительного следствия, обобщаются и излагаются методические рекомендации по расследованию убийств, труп по которым не обнаружен.

Ключевые слова: убийство, безвестное исчезновение потерпевшего, методика расследования убийств, убийство без трупа.

Ежегодно в Российской Федерации безвестно исчезают десятки тысяч человек, среди которых значительное число составляют дети, пенсионеры, лица, страдающие психическими заболеваниями, тяжелобольные, инвалиды и другие наиболее уязвимые к насильственным преступлениям члены общества¹. Кроме того, по профессиональному признаку, нередко пропадают без вести предприниматели, журналисты, общественные деятели, работники правоохранительных органов, а также представители криминалитета.

Безвестное исчезновение человека – событие чрезвычайного характера, затрагивающее широкий круг общественных отношений, поскольку происходит неминуемый разрыв межличностных связей исчезнувшего лица и социума. Материалы судебной практики указывают на то, что многие из числа без вести пропавших становятся жертвами убийств.

Анализ тех или иных аспектов расследования убийств, сопряженных с безвестным исчезновением граждан, являлись предметом специального изучения авторов Г. Н. Мудьюгина², Е. Г. Килессо³ и А. С. Мальцева⁴, отмечающих отсутствие научно-практических и методических разработок, отвечающих современным научным требованиям, что свидетельствует об актуальности дальнейшего осмысления указанной темы.

Главным управлением правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2020 году приведены статистические сведения об убийствах и покушениях на убийство, связанных с безвестным исчезновением граждан, за отчетный период, что свидетельствует о повышенном внимании со стороны органов прокуратуры к исследуемой категории уголовных дел. Так, за период 2020 г. зарегистрировано 7 695 убийств и покушений на убийство (снижение на 3,2 % АППГ), из них связаны с безвестным исчезновением потерпевшего – 488 (снижение на 19,3 % АППГ)⁵.

Из числа преступлений, дела и материалы о которых находились в про-

¹ Глушков А. И., Головкин Н. В. Проблемы раскрытия и расследования убийств, маскируемых под безвестное исчезновение граждан // Раскрытие и расследование преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан : научно-практ. конф., 27 сентября 2018 г. / под ред. А. М. Багмета. М. : Московская акад. Следственного комитета Рос. Федерации, 2018. С. 84.

² Мудьюгин Г. Н. Расследование убийств по делам, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 1962. С. 9.

³ Килессо Е. Г. Методика расследования убийств, сопряженных с безвестным исчезновением потерпевшего : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. СПб, 2004. С. 6.

⁴ Мальцев А. С. Особенности расследования убийств, связанных с безвестным исчезновением граждан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. С. Мальцев. Ростов н/Д., 2012. С. 7.

⁵ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 [электронный ресурс]. URL : <http://crimestat.ru/analytics>

изводстве в отчетном периоде, предварительно расследовано 153 убийства «без трупа». В свою очередь, 162 уголовных дела исследуемой категории приостановлены на основании п. 1-3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, т.е. по разным причинам фактически остались нераскрытыми.

В настоящей работе мы затронем некоторые особенности методики расследования убийств, труп потерпевших по которым не обнаружен.

Особая сложность расследования данной категории убийств, вызвана рядом организационных, тактических, методических, технико-криминалистических и иных проблем, решение которых требует оперативно-го, комплексного и отвечающего запросам времени подхода.

Основными причинами низкой эффективности расследования указанных преступлений, с точки зрения техники и методики расследования, по мнению практиков, являются: отсутствие трупа потерпевшего как носителя криминалистически значимой информации; несвоевременное возбуждение уголовного дела и (или) существенный разрыв во времени между моментом безвестного исчезновения и возбуждением уголовного дела; отсутствие факта убийства или причинения смерти в факте безвестного исчезновения лица; неэффективность принятых мер по отысканию трупа, его частей, биологических материалов потерпевшего, следов преступления⁶.

Большинство методических рекомендаций расследования убийств, сводятся преимущественно к работе по трем основным направлениям.

Первое – анализ личности потерпевшего с целью выявления мотивов, социального окружения и мест его пребывания. Второе – изучение лиц из его окружения с целью выявления подозреваемых. Третье – исследование места происшествия и трупа с целью объективного установления места, времени способа и механизма причинения смерти, а также отыскания следов преступления, вещественных доказательств. Однако расследование убийств, по которым труп не обнаружен, в силу своей сложности имеет специфику⁷.

Значимым управленческим и методическим решением правоохранительных органов, в сфере расследования убийств, сопряженных с безвестным исчезновением потерпевшего, стал совместный Приказ МВД России, Генеральной прокуратуры РФ и Следственного комитета РФ от 16 января 2015 г. № 38/14/5 «Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц» (далее – Инструкция)⁸, содержащий,

⁶ Смолин М. С. Способы повышения эффективности расследования на первоначальном этапе преступлений, связанных с безвестным исчезновением людей // Раскрытие и расследование преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан : научно-практ. конференция, 27 сентября 2018 г. / под ред. А. М. Багмета. М. : Московская акад. Следственного комитета Рос. Федерации, 2018. С. 68.

⁷ Трощанович А. В., Алехин Д. В. Расследование преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан : учебно-практ. пособие / А. В. Трощанович, Д. В. Алехин. М. : Юнити-Дана, 2017. С. 25.

⁸ Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц: ». Приказ МВД

помимо прочего, в п. 10 перечень признаков совершения преступления в отношении без вести пропавшего лица и обстоятельств, которые могут об этом свидетельствовать. К ним относятся:

- отсутствие у без вести пропавшего лица заболевания, которое может обусловить его скоростижную смерть, потерю памяти, ориентирования во времени и пространстве;
- наличие по месту проживания, пребывания или нахождения без вести пропавшего лица личных документов, вещей (одежды) и денежных средств, без которых он не может обойтись в случае длительного отсутствия;
- наличие у пропавшего лица важных, запланированных событий (сдача экзамена, медицинское обследование, защита диссертации, командировка);
- наличие у пропавшего лица значительных денежных средств или других ценностей, которые могли привлечь внимание преступников;
- отсутствие в правоохранительных органах заявления о без вести пропавшем лице либо несвоевременное его направление от иного лица, которое в силу родственных или иных отношений должно было его подать;
- наличие у без вести пропавшего лица конфликтных ситуаций в быту, на работе, в связи с его общественной деятельностью, долговыми или кредитными обязательствами;
- наличие угроз в адрес без вести пропавшего лица;
- внезапный (срочный) ремонт по месту жительства или пребывания без вести пропавшего лица;
- поспешное решение членами семьи без вести пропавшего лица различных вопросов, которые можно решать только при уверенности, что без вести пропавшее лицо не возвратится (переоформление или продажа его имущества, обращение в свою пользу его сбережений, вступление супруга (супруги) в сожительство с другим лицом) и др.

Всего признаков в Инструкции указано 20, их перечень не ограничен.

Проанализировав и обобщив ряд позиций⁹ теоретиков и практиков-криминалистов, сотрудников правоохранительных органов, мы изложим некоторые методические рекомендации расследования убийств, сопряженных с безвестным исчезновением потерпевшего.

Во-первых, наряду с осмотром места происшествия, необходимо допросить заявителей, свидетелей, и лиц, знакомых с пропавшим, об обстоятельствах его исчезновения, особенностях личности, внешности, взаимоотношений, планах и иных обстоятельствах, указанных в Инструкции; во-вторых, получить фотографии пропавшего, следы его пальцев рук, образцы биологического материала; в-третьих, установить последние связи потер-

России № 38, Генпрокуратуры России № 14, СК России № 5 от 16.01.2015. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ См. : Трубчик И. С., Галкин Д. В. Криминалистические особенности преступлений прошлых лет // Российский следователь. 2015. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Алехин Д. В., Багмет А. М. Расследование убийств, связанных с безвестным исчезновением граждан // Методика расследования отдельных видов преступлений против личности: учебник/ под общей ред. В.Н. Карагодина. М. : 2015. С 43.

певшего, в т. ч. в социальных сетях, в целях установления времени и места исчезновения, маршрута потерпевшего; в-четвертых, проверить имеющиеся данные по учету неопознанных трупов, поставить исчезнувшего на учет пропавших без вести; в-пятых, провести осмотр жилища с целью обнаружения следов убийства или его сокрытия в жилище; в-шестых, составить и распространить розыскные ориентировки с приложением фотографий; в-седьмых, изучить материалы систем видеонаблюдения; в-восьмых, назначить судебно-медицинские, биологические, генетические, комплексные ситуационные и иные экспертизы; в-девятых, организовать поисковые мероприятия с применением современной криминалистической техники с целью поиска трупа потерпевшего и следов преступления.

Информация об авторе

Киянов Артем Денисович – студент 4 курса Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664050, г. Иркутск, ул. Проспект Маршала Жукова, д. 13, e-mail: artyom1923@mail.ru

УДК 343.985.7

К 78

В. А. Краснослабодцева,

*студентка 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Информационные технологии в криминалистике: использование возможностей 3D-фотосъемки

В статье рассматриваются актуальные вопросы применения возможностей информационных технологий в целях повышения эффективности расследования преступлений. Особое внимание уделяется 3D-фотосъемке, аргументируется значимость использования 3D-моделирования по фотографии в криминалистической деятельности.

Ключевые слова: криминалистическая фотография, моделирование, информационные технологии, 3D-фотосъемка.

Криминалистическая фотография как раздел криминалистической техники начала формироваться во второй половине XIX в. Ее становление напрямую связано с уровнем общего технического прогресса общества и фотографической техники. Развитие информационных технологий позволило перейти от аналоговой фотографии к цифровой, неоспоримыми достоинствами которой является оперативность процесса съемки и получения конечного результата, огромный ресурс количества снимков и долгое их хранение на электронных носителях, широкие возможности выбора режимов съемки, простота в создании панорам и спецэффектов, и, кроме того, цифровая тех-

ника имеет уменьшенные габариты и вес¹.

В настоящее время в мире наблюдается бурное развитие информационных технологий. 3D-моделирование или «трехмерное моделирование» предоставляет возможность отображать или воспроизводить с помощью моделей объект или отдельные его стороны, получать в результате изучения модели новую информацию, которая при определенных условиях используется в качестве доказательства в уголовном процессе. При этом сам объект не подвергается изменению, повреждению или уничтожению.

Для создания 3D-модели можно использовать несколько способов: 3D-моделирование по фотографии (3D-фотосъемка), графическое моделирование и 3D-сканирование².

3D-моделирование по фотографии представляет собой процесс создания серии снимков одного и того же объекта, выполненного с разных ракурсов и объединенных при помощи специального программного обеспечения в соответствующую 3D-модель. На сегодняшний день разработан целый комплекс дорогостоящей фотографической техники и специального программного обеспечения, позволяющий автоматизировать процесс создания, хранения и последующего использования результатов 3D-фотосъемки. Одним из наиболее известных приложений в сфере фотограмметрического программного обеспечения является пакет PhotoModeler, предназначенный для получения трехмерных моделей-эскизов на основе фотографий. Пакет позволяет работать с любым количеством фотографий в одном проекте, полученных при съемке разными камерами. В любой момент можно добавить новые снимки, если в ходе работы над проектом появится новый исходный материал³.

3D-фотосъемка отдельных криминалистически значимых объектов, а затем комплексное использование 3D-моделей при работе с доказательствами в настоящее время перспективное, но еще недостаточно освещенное в криминалистической литературе и используемое в практической деятельности направление криминалистической фотографии и видеозаписи. На наш взгляд представляется целесообразным внедрение 3D-моделирования по фотографии в двух направлениях: в образовательный процесс и практическую деятельность следственных и экспертно-криминалистических подразделений.

Особенностями первого направления является создание в учебных целях 3D-моделей реальных криминалистически значимых объектов, которые сформируют 3D-коллекцию, преимуществами которой будет являться неограниченный круг субъектов применения, а также возможности интеграции в электронные учебно-методические комплексы. Параллельно с применением

¹ Эксархопуло И. А. Криминалистика: история и перспективы развития: монография, М., 2019. С. 15.

² Пискунова Е. В. Использование 3D-технологий в криминалистике и судебной экспертизе. (реферативный обзор) // Государство и право. Реферативный журнал. 2014. № 4. С. 155–156.

³ Ярмак К. В. О возможностях использования 3D технологий в судебной экспертизе // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. 2017. № 6. С. 335.

3D-моделирования по фотографии в образовательном процессе следует разработать методику внедрения данной технологии и в практическую деятельность.

Одним из главных факторов недостаточно активного внедрения в учебный процесс и практическую деятельность методов 3D-моделирования является высокобюджетные затраты на приобретение оборудования и разработку (или приобретение) программного обеспечения к нему.

Нами разработан наиболее экономичный способ 3D-фотосъемки, который может использоваться в учебном процессе для изучения криминалистически значимых объектов. Предлагаемый нами процесс создания 3D-фотографии следует поделить на два этапа: фотографирование объекта и объединение полученных фотографий в 3D-модель.

В ходе создания фотографий криминалистически значимого объекта целесообразно использование цифрового фотоаппарата. Во избежание перспективных искажений и потери резкости фотоаппарат лучше закрепить на штативе. Далее необходимо произвести ряд фотоснимков объекта, осуществляемых дискретно (раздельно). Полученные изображения лучше сохранять в малообъемном формате JPG, что позволит ускорить процесс съемки и редактирования ее результатов.

На втором этапе полученные раздельные фотоизображения необходимо загрузить на специальный сайт (один из бесплатных общедоступных сайтов «3dbin.com», предназначенный для создания вращающихся изображений), который в режиме «онлайн» создаст готовое вращающееся на 360 градусов в горизонтальной плоскости изображение заснятого таким способом объекта⁴. Преимуществами использования подобных сайтов является автоматическая обработка, не требующая углубленных специальных знаний по созданию 3D-модели.

В настоящее время кроме уже указанных высоких бюджетных затрат внедрению инновационных технологий 3D-моделирования по фотографии в криминалистическую деятельность, по нашему мнению, препятствуют следующие: данные технологии применяются в узкоспециализированных областях судебной экспертизы и криминалистики и требуют от специалистов специальных знаний в данной области; процессуальные нормы никак не регулируют применение данных технологий.

Внедрение 3D-технологий в следственную и судебно-экспертную деятельность ставит перед учеными и практиками задачи по созданию доступной технической базы и программного обеспечения, разработке эффективных методик и апробирование их практикой. Необходимость дальнейших прикладных и теоретических исследований в этой области не вызывает сомнений.

⁴ Создай свой объект в 360°// Интернет-сервис «3DBin». URL : <http://3dbin.com/Howto> (дата обращения: 02.02.2021).

Информация об авторе

Краснослабодцева Влада Андреевна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ) 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1. Электронный адрес: vlado4ka009@mail.ru

УДК 343.985.2

Л 69

Е. Д. Логачёва,

А. А. Щедрова,

студентки 3 курса

ПИУ – филиал РАНХиГС

Возможности использования гипноза для получения доказательств по уголовным делам

В статье рассматривается дискуссионная проблема криминалистики, а именно, возможность использования гипноза в целях раскрытия и расследования преступлений. Проводится обзор мнений специалистов по поводу применения данного метода в ходе проведения следственных действий. Формулируются предложения по процедуре проведения допроса с применением гипноза.

Ключевые слова: гипноз; специалист-гипнолог; допрос с применением метода гипноза; гипнорепродукция.

Идея о вероятности применения гипноза в целях раскрытия и расследования преступлений в Российской Федерации стала зарождаться сравнительно недавно, не смотря на то, что в зарубежных странах данный способ получения информации о событии преступления получил широкое распространение.

Актуальность данной темы заключается в том, что перемены в общественной, экономической, политической жизни за минувшие десятилетия значительно обострили криминогенную ситуацию в нашей стране. К сожалению, для раскрытия и расследования тяжких и особо тяжких преступлений традиционные средства ведения предварительного расследования не всегда приносят желаемые результаты, что негативно сказывается на статистике раскрытия преступлений на территории нашего государства.

История появления такого метода, как гипноз, берет свое начало в середине 20 в. Концепция использования гипноза на практике принадлежит немецкому криминалисту Г. Гроссу. Что касается советских исследователей, то первым криминалистом, применившим гипноз для раскрытия преступления, был Н. П. Архаров, который руководил полицией города Москвы в конце 18 в. Московская полиция неоднократно обращалась за помощью к вы-

дающемуся русскому психиатру В. М. Бехтереву, который, используя гипноз, давал заключения о личностных особенностях самых опасных преступников.

В переводе с греческого термин «гипноз» означает «сон». Знаменитый советский специалист по психологии Л. Л. Васильев определял гипноз как «внушённый сон»¹. Современные психиатры и психотерапевты определяют гипноз как «временное состояние сознания, характеризующееся сужением его объема и резкой фокусировкой на содержании внушения, что связано с изменением функции индивидуального контроля и самосознания»².

Как отмечают специалисты-биологи, данный метод основан на одном из важнейших свойств центральной нервной системы человека – закреплении временной последовательности протекающих в ней процессов и сохранении способности к их воспроизведению. Другими словами, «вытащить» из памяти человека информацию, которой там нет, невозможно. Человек, введенный в состояние гипноза, будет выдавать только достоверную информацию, в отличие от информации, которую он озвучивает на допросе при обычных условиях. С использованием метода гипноза от допрашиваемого можно подучить только правдивые показания и полностью исключить ложь.

Следует отметить, что ни в одном государстве (кроме Израиля) нет правовой регламентации проведения допроса под гипнозом.

В юридической литературе высказаны две противоположные точки зрения на проблему использования гипноза в целях раскрытия и расследования преступлений. Ряд учёных выступает «против» применения гипноза в процессуальной деятельности, основывая свою позицию на том, что методом гипноза получить достоверные доказательства нельзя, так как они считают данный метод нетрадиционным и научно не обоснованным.

Помимо этого, они также заявляют о том, что применение указанного метода негуманно и противоречит ст. 51 Конституции Российской Федерации, которая гарантирует каждому человеку право «не свидетельствовать против себя и своих близких», в то время как находящийся под гипнозом человек не может воспользоваться таким правом.

В Уголовно-процессуальном Кодексе Российской Федерации³ (далее – УПК РФ) нет никаких упоминаний о применении гипноза при допросе различных участников уголовного судопроизводства, то есть использование метода гипноза в ходе проведения следственных действий процессуально не закреплен. Из этого следует, что в ходе судебного разбирательства по уголовному делу суд может признать доказательства, полученные с применением гипноза недопустимыми. Более того, в России мало специалистов, владеющих техникой гипноза, что затрудняет следователю возможность привлече-

¹ Васильев Л. Л. Таинственные явления человеческой психики. 2-е изд. испр. и доп. М.: Гос. изд-во полит. лит. 1963. С. 44.

² Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б. Д. Карвасарского. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2002. С. 82.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 08.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.12.2020) // Российская газета. 22.12.2001.

ния такого рода специалиста к участию в следственных действиях.

Другая группа учёных выражает свою позицию за применение гипноза при раскрытии и расследовании преступлений. Мы также выступаем за использование метода гипноза в уголовном судопроизводстве, поскольку существует ряд убедительных аргументов в пользу данного метода.

УПК РФ предоставляет право субъекту, ведущему предварительное расследование, прибегать к помощи лиц, обладающих специальными знаниями в науке, технике, искусстве и ремесле, т.е. к помощи специалистов.

Используя в качестве аргумента именно этот факт, мы предлагаем отнести гипнолога к числу специалистов, привлекаемых к участию в проведении следственных действий в ходе раскрытия и расследования тяжких и особо тяжких преступлений. На основании ст. 168 УПК РФ следователь будет вправе привлечь специалиста в соответствии с требованиями ч. 5 ст. 164 УПК РФ. Данное нововведение смогло бы решить вопрос о процессуальном статусе гипнолога и, соответственно, о применении гипноза в уголовном процессе.

Но, как было сказано выше, в России таких специалистов недостаточно. Мы считаем, что для решения указанной проблемы применения специальных знаний в области гипнологии для целей доказывания по уголовным делам необходимо разработать образовательную программу подготовки высококвалифицированных кадров на базе медицинских вузов.

На современном этапе развития науки имеется реальная перспектива использования метода гипноза в уголовном процессе, благодаря чему в российской криминалистике может сложиться новое направление – криминалистическая гипнология. С целью получения доказательств по уголовным делам, соответствующим критериям допустимости и достоверности, по нашему мнению, необходимо соблюдать ряд процессуальных требований в соответствии с действующим законодательством. Прежде всего, должно быть получено добровольное согласие лица на применение к нему гипноза специалистом гипнологом в соответствии со ст. 58 УПК РФ, что никоим образом не будет нарушать конституционное право данного лица, закрепленное в ст. 51 Конституции Российской Федерации. До начала процедуры введения лица в состояние гипноза необходимо ознакомить его с полным перечнем вопросов, на которые он будет отвечать в состоянии гипноза, о чем должна быть сделана отметка в протоколе соответствующего следственного действия, заверенная подписью указанного лица. Данная мера позволит лицу, в отношении которого будет применен гипноз, убедиться в отсутствии вопросов, не относящихся к расследуемому событию преступления, и гарантирует соблюдение его прав, определенных ст. 21 Конституции Российской Федерации. Кроме того, факт ознакомления участников следственного действия с перечнем вопросов необходимо зафиксировать на видеокамеру.

В качестве аргументов хотелось бы привести ряд статистических данных из опыта зарубежной практики. Например, в США в ходе изучения 350 дел, по которым был использован следственный гипноз, было установлено,

что в 66% дел полученная информация была признана допустимой и криминалистически значимой для расследования преступлений.

Если обратиться к отечественной практике применения данного метода, то, как показала статистика по Хабаровскому краю, 94% респондентов на вопрос «Считаете ли Вы возможным и полезным (при определенных обстоятельствах) применение гипноза при опросе потерпевших и свидетелей?» – ответили положительно.

Таким образом, для того чтобы информация, полученная под гипнозом, могла использоваться в качестве доказательственной в уголовном процессе и соответствовала критериям относимости, допустимости и достоверности доказательств, по нашему мнению, необходимо соблюдать ряд требований процессуального характера.

1. Представляется целесообразным внести соответствующее дополнение в ст. 164 УПК РФ, а именно отдельный пункт б, в котором прописать, что при тяжких и особо тяжких преступлениях с согласия опрашиваемого лица можно привлечь к участию в следственных действиях специалиста-гипнолога. Можно также разработать новый нормативно-правовой акт, в котором следует закрепить содержание понятия гипноза, определить порядок и условия проведения следственных действий с применением метода гипноза.

2. Использовать метод гипноза в ходе проведения следственных действий в случаях, когда другие способы не дают нужных результатов. Использование гипноза в отношении несовершеннолетних считать недопустимым по причине неустойчивости психики последних.

3. Допрос с применением гипноза проводить в присутствии защитника, в качестве дополнительного способа фиксации хода и результатов допроса использовать видеозапись.

4. Перед началом допроса с допрашиваемым лицом согласовать список вопросов, о чем делать соответствующую запись в протоколе. Во время сеанса гипноза запрещать задавать допрашиваемому лицу не согласованные с ним вопросы, а также вопросы личного характера и не имеющие отношения к расследуемому событию.

С целью внедрения в следственную практику метода гипноза предлагаем провести его апробацию в отдельных городах Российской Федерации в ходе проведения следственных действий на протяжении двух лет и отслеживать динамику расследования преступлений. По полученным обобщенным результатам уже можно будет сделать вывод об эффективности данного способа ведения следствия.

На данный момент возможность использования гипноза в уголовном процессе обсуждается лишь на теоретическом уровне. Мы склонны придерживаться позиции, что научно-технический прогресс не стоит на месте и использование его достижений, в том числе и в следственной практике повысит качество расследования уголовных дел.

Информация об авторах

Логачёва Елена Дмитриевна – студентка 3 курса, Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС. 410012, Приволжский федеральный округ, Саратовская область г. Саратов, ул. Московская, д. 164. Электронный адрес: *elena41bi@mail.ru*,

Щедрова Анастасия Алексеевна – студентка 3 курса, Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС. 410012, Приволжский федеральный округ, Саратовская область г. Саратов, ул. Московская, д. 164. Электронный адрес: *nasya.schedrova@bk.ru*

УДК 343.985.7

М 21

Д. А. Мальчук,

*студентка 3 курса
ГКОУ РФ РТА*

Виртуальные следы в криминалистике и их значение в расследовании преступлений

В статье проанализирована сущность категории «виртуальный след». Рассмотрены некоторые основные перспективы их использования при раскрытии и расследовании преступлений. Отмечается о необходимости дальнейшей разработки теоретико-прикладных положений по вопросам работы с цифровыми следами в аспекте определения индивидуальных качеств преступника.

Ключевые слова: криминалистика, трасология, следы совершения преступлений, киберпреступления, виртуальные следы.

С введением в советскую криминологию раздела трасологии, а также благодаря вкладу Бориса Ивановича Шевченко, понятие следа было значительно сужено¹. Если мы обратимся к теории трасологии, то условно следы можно разделить на материальные и идеальные. Под идеальными следами понимают отображение события или его элементов в сознании человека, мысленный образ воспринятого. Характер идеальных следов и их сохранность во многом зависят от состояния органов чувств лица, воспринявшего эти следы, его памяти, уровня интеллекта и т.д. Поэтому, такие следы носят в значительной мере субъективный характер².

Однако, в нашей статье мы хотим рассмотреть новое, так называемое,

¹ Кривошеин И. Т. Качество знаний как предпосылка и условие теоретизации криминалистической методики // Вестник Томского государственного университета: общенаучный периодический журнал. Серия «Экономика. Юридические науки». 2003. № 279. С. 86-95.

² Агафонова В. В. Криминалистика. Полный курс: В 2-х ч. Часть 1. Учебник для бакалавриата и специалитета / под общ. ред. В. В. Агафонова, А. Г. Филиппова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2018.

третье поколение следов. В условиях информатизации и цифровизации общества криминалистика тоже не стоит на месте, внедряя в науку технические новшества, которые связаны с собиранием, исследованием и оценкой доказательств, полученных в рамках деятельности по расследованию преступлений. Речь в нашей работе пойдет о виртуальных следах, которые в последние годы активно обсуждаются представителями доктрины. Попробуем разобраться насколько эффективно их использование при расследовании преступлений.

Елена Рафаиловна Россинская отмечает, что цифровой след представляет собой криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи³. Можно выделить и другую, более развернутую характеристику: виртуальные следы – это следы, оставленные совершением преступлений в информационном пространстве или следы киберпреступлений, как их принято называть.

Компьютерные и иные цифровые электронные устройства становятся средством совершения преступлений. Так, по данным МВД, количество киберпреступлений в первом квартале 2020 г. выросло на 83,9%, а удельный вес таких деяний достиг 19,9% от общего числа. Появляются новые способы, средства и объекты совершения преступлений, которые требуют своевременного реагирования. Это обуславливает необходимость изучения такого явления, как виртуальные следы преступлений. Виртуальные следы – это новая категория в криминалистике и она, конечно, же, еще не сформирована до конца. Первым обратил внимание на специфические свойства следов в компьютерной технике В. А. Мещеряков. Он определил «виртуальные следы» как любое изменение состояния автоматизированной информационной системы, связанное с событием преступления и зафиксированное в виде компьютерной информации на материальном носителе, в том числе в электромагнитном поле⁴.

Анализируя данные понятия, можно заметить их сходство в том, что виртуальные следы появляются от каких-либо действий в информационном пространстве. Очевидно, что наибольшие затруднения в установлении неизвестного преступника связаны с киберпреступлениями.

Согласно заявлению, В. А. Колокольцева по итогам января – сентября 2020 г. в России зафиксировано 363 тысячи киберпреступлений. При этом отмечается, что процент раскрываемости данного рода преступлений ежегодно снижается. Киберпреступники используют многообразие способов совершения преступлений, цифровые следы которых варьируются. Однако именно выбранный преступником способ может быть информативен для установления его профессиональных навыков, уровня знаний в области инфор-

³ Россинская Е. Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 5(57). С. 31–44.

⁴ Мещеряков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования. М., 2002. С. 104.

мационных технологий. Одним из наиболее существенных факторов, присущих киберпространству и осложняющих процесс установления лица, совершившего преступление, является допустимость сохранения полной анонимности пользователей в Сети или предоставления ложных данных, а также сокрытия информации о подключении с использованием специально созданных сервисов, что существенно ограничивает возможности идентификации неизвестного преступника⁵.

Тем не менее, в некоторых случаях, возможно получение достаточного количества сведений для выявления лица, совершившего преступление. Так, в случае обнаружения аккаунта преступника в какой-либо социальной сети в «шапке» профиля могут содержаться сведения о ряде его социальных свойств и состояний (например, ФИО, семейном положении, возрасте, образовании, месте рождения и проживания, месте работы и должности), о его психическом состоянии (интересах, предпочтениях, увлечениях). Информацию о биологических свойствах, в частности, внешности, некоторых социальных и психических свойствах и состояниях, также можно получить исходя из фото и видеоматериалов с его участием, размещенных на персональной странице лица⁶.

Стоит обратить внимание и на зарубежный опыт. Так, например, в США (штат Пенсильвания), создали проект «World Well-Being Project», который, в том числе, предлагает использовать данные из уникальной базы пользователей социальной сети «Фейсбук», собранные научными сотрудниками Кембриджского университета Д. Стилвелла и М. Косински. Основные результаты проекта связаны с тем, какие языковые проявления (слова, эмоциональная валентность) свойственны людям с различными психологическими чертами или демографическими характеристиками. Онлайн-исследование тех или иных характеристик личности позволили представить революционный подход в работе полиции с данными о поведении людей в сети Интернет, что, в свою очередь, положительно повлияло на раскрытие 3 киберпреступлений в штате Пенсильвания⁷.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что, несмотря на высокую информативную значимость следов для установления свойств и состояний лица, совершившего преступление, наиболее разработанными в настоящее время являются методы исследования материальных и идеальных следов, в меньшей степени освещены вопросы работы с цифровыми следами в аспекте определения индивидуальных качеств преступника. К сожалению, специфических норм для работы с виртуальными следами в действующем законодательстве нет, хотя необходимость в них давно назрела и обосновывалась

⁵ Косенков А. Н., Черный Г. А. Общая характеристика психологии киберпреступника // Всероссийский криминологический журнал. 2012. № 3. С. 87–93.

⁶ Малыхина Н. И., Кузьмина С. В. Следы как источники информации о лице, совершившем мошенничество в сети Интернет // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 4(58). С. 132–139.

⁷ Golbeck, J., Robles, C., Edmondson, M., Turner, K.: Predicting personality from twitter.com'11, 149–156.

большим числом криминалистов. Использование рекомендаций, разработанных для работы с материальными следами, для обращения с виртуальными следами малоэффективно, а в ряде случаев и совершенно бессмысленно. В связи со значительным увеличением количества киберпреступлений и низким уровнем их раскрываемости считаем необходимым обратить пристальное внимание ученых на совершенствование имеющихся и создание дополнительных теоретико-прикладных положений по данному вопросу. Надеемся, что «виртуальные следы» и приемы работы с ними для расследования преступлений пополнят раздел «Криминалистическая техника», а уголовно-процессуальное законодательство претерпит соответствующие изменения, которые обеспечат создания механизма работы с цифровым следом, что, в свою очередь, поспособствует в эффективности выявления и расследования киберпреступлений.

Информация об авторе

Мальчук Дарья Алексеевна – студентка 3 курса, Ростовский филиал ГКОУ ВО «Российская таможенная академия» (РФ РТА). 344002, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, 20. Электронный адрес: malchuk123@icloud.com.

УДК 343.915
М 77

Ю. Ш. Монгуш,
студентка 4 курса ТувГУ

Некоторые психологические аспекты несовершеннолетних правонарушителей

В статье рассматриваются некоторые психологические аспекты личности несовершеннолетнего правонарушителя, его поведение в семье и социуме, причины преступного поведения, автор приходит к выводу, что именно от общества зависит дальнейшая криминогенная обстановка среди несовершеннолетних преступников.

Ключевые слова: правонарушение, антисоциальное поведение, моральные и правовые нормы поведения, социальная адаптация, конфликтность.

Преступность несовершеннолетних – одна из острых социальных проблем нашего общества, но на современном этапе изучения данной проблемы разными отраслями знаний еще не даны ответы на многие вопросы, и, тем не менее, психология может объяснить многие аспекты поведения несовершеннолетних правонарушителей. Преступность среди несовершеннолетних – это часть общей преступности, но в тоже время, это другая область исследования, что дает возможность изучить ее в качестве уникального и сложного объекта юридической психологии. Важность этого разделения учитывает

специфику психологического и интеллектуального развития юных правонарушителей, а также недостаточная сформированность социальных ценностей. В таком сложном периоде подросткового развития, на этапе нравственного становления личности начинается накопление опыта, зачастую и отрицательного, плоды которого могут проявиться неожиданно.

Определенные нюансы наблюдаются в количественной и качественной характеристиках преступлений несовершеннолетних. Эта преступность на фоне взрослой выделяется высокой формой активности, динамичности.

Замечено, что молодые люди, начавшие совершать правонарушения в раннем возрасте, сложно возвращаются к нормальной жизни и являются «почвой» для взрослой преступности. В практической деятельности выявлено, что статистика правонарушений взрослых, как правило, начала свой долгий путь в те годы, когда личность человека только формировалась и закладывались основные ценности и моральные устои, утверждалась его жизненная ориентация, когда огромное влияние имели проблемы воспитания, становления личности и его направленности поведения. Как показывает статистика, 60 % преступников «со стажем» впервые совершили попытку противозаконного действия именно в период подросткового возраста¹.

Одной из характерных черт правонарушений несовершеннолетних являются чрезмерные насилие и жестокость. Несовершеннолетние часто переступают грань, которая была бы вполне достаточна для получения желаемого. В период подросткового возраста совершаются, как правило, такие преступления, как убийства, тяжкие телесные повреждения, разбойные нападения.

Отметим, что подавляющее количество преступлений несовершеннолетних имеют специфику в зависимости от возраста и мотивов. Несовершеннолетние нередко совершают правонарушения по причине уличной романтики, стремления к самоутверждению среди ровесников, подражания старшим. Психическая и нравственная перестройка переходного возраста, недостаток целостности четких ценностей морали, неправильная трактовка многих явлений, высокая подверженность групповым воздействиям, импульсивность – все это поведенческая основа подросткового возраста, которую нельзя не учитывать в следственно-судебной практике.

К особенностям поведения несовершеннолетних (подростков) принято относить недостаточность жизненного опыта, низкий уровень самокритичности, отсутствие всесторонней оценки жизненных обстоятельств, повышенная эмоциональная возбудимость, импульсивность, двигательная и вербальная активность, внушаемость, подражательность, преобладание чувства независимости, стремление к престижу в референтной группе, негативизм, неуравновешенность возбуждения и торможения².

Динамические процессы психического развития подростков в одинако-

¹ Еникеев М. И. Основы общей и юридической психологии : Учебник для вузов. М.: Юристъ, 2009.

² Васильев В. Л. Юридическая психология СПб. : Питер, 2009.

вой степени оказывает влияние как в сторону социально-положительных, так и социально-отрицательных мотивов поведения.

На протяжении всей жизни человек сталкивается с жизненными кризисами развития. Одним из самых непростых и решающим – это кризис отрочества, в возрасте четырнадцати-шестнадцати лет, когда подросток уже вырос из ребенка, но еще не успел стать взрослым. Этому возрасту свойственно «социальное запечатление» — высокая впечатлительность к окружению, поведению других значимых людей, что делает человека личностью. В психологии установлен перечень стереотипов в поведении, характерных для этого возрастного периода, на основе которых формируется поведенческий тип подростка.

1. Реакция оппозиции – вызывается повышенными претензиями к деятельности и поведению подростка, строгими запретами, игнорирование его интересов со стороны взрослых. Эти реакции обнаруживаются в прогулах, экспериментах с алкоголем, побегах из дома, и в антисоциальных поступках.

2. Реакция имитации – проявляется в копировании поведения определенного лица, образца. Этим образцом может стать и антисоциальный «герой». Популярная в наше время детективная литература так же осуществляет косвенное отрицательное влияние на мышление подростка.

3. Реакция отрицательной имитации – поведение, противоположное навязываемой модели.

4. Реакция компенсации поражений в одной области ярким успехом в другой. (Неуспехи в обучении могут компенсироваться «смелым» поведением.)

5. Реакция гиперкомпенсации – устойчивое устремление к успеху в наиболее сложной для себя области деятельности. Свойственная подростку скромность может сподвигнуть его к отчаянному, вызывающему поступку, например, крайне чувствительный и застенчивый подросток неожиданно выбирает мужественный вид спорта (дзюдо, самбо, и т. п.).

6. Реакция эмансипации – устремление высвободиться из-под навязчивой опеки родителей, самоутвердиться. Крайнее проявление — отрицание нормы, общепринятых ценностей, норм закона, бродяжничество.

7. Реакция группирования – объединение в группы по интересам. Подростковые группы отличаются схожей направленностью, территориальной общностью, борьбой за власть на своей территории (во дворе, на улице).

8. Личностные особенности несовершеннолетних правонарушителей – проявляются как основа их асоциального поведения. Но не только они предопределяют подростковую преступность³.

Представляется, что основными причинами криминального поведения несовершеннолетних являются: негативные социальные условия быта подростков, упущения в семейном воспитании, неправильная социализация, неог-

³ Кон И. С. Психология ранней юности. - М.: ИНФРА - М, 1999.

ражденность подростка от влияния криминальной среды, незадействованность подростка в социализированные группы, несформированность социально-положительных интересов, повышенный интерес к материальной стороне жизни, раннее формирование опыта насильственного поведения, социально неконтролируемая делинквентность.

Мотивы подростковых преступлений часто отличаются инфантильностью. «На передний план здесь выдвигаются мотивы ложной дружбы, ложно понятой личностной самореализации, преобладание престижно - потребительских интересов, стремление к самоутверждению в асоциальной группе, подчиненность межгрупповой дискриминации, демонстративный протест»⁴. Особенности детской мотивации проявляются преимущественно в делинквентном поведении несовершеннолетних. Чем старше их возраст, тем более существенны их преступные действия, тем больше их криминальная мотивация приближается к поведению взрослых преступников. Грабежи, разбои, убийства и изнасилования совершаются не в силу инфантильности, а в силу глубокой криминальной зараженности несовершеннолетних преступников.

Полагаем, что в благоприятных условиях воспитания психологические особенности подростков могут быть восполнены социально-положительной деятельностью.

Информация об авторе

Монгуш Юлия Шолбановна – студентка 4 курса, Тувинский государственный университет 667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Фрунзе, д.51, кв.18. 8-929-358-19-98.

Электронный адрес: nonchat1998@mail.ru

**УДК 343.96
М 91**

В. В. Мусатова,
*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

К вопросу о невменяемости и ее критериях

В статье рассматривается важный в теоретическом и практическом плане вопрос о невменяемости и ее критериях, обсуждаются различные подходы к определению данного понятия. Определяются критерии невменяемости, делается вывод о юридически значимых критериях, основанных на психологических признаках данного явления.

Ключевые слова: невменяемость, вменяемость, ограниченная вменяемость, критерии невменяемости.

⁴ Смирнов С. Б. Предупреждение преступности и правонарушений несовершеннолетних // Беспризорник. 2007. № 2. С. 48-54.

Научно обоснованное понятие невменяемости в отечественной уголовно-правовой науке появилось в XIX веке. Однако тогда еще не проводились различия между понятиями «невменяемость деятеля» и «невменяемость деяния». Только в начале прошлого столетия Н. С. Таганцевым было дано классическое определение невменяемости, под которой понимается отсутствие у лица нормального состояния мыслительной деятельности, приводящее к неспособности оценивать содеянное и совершать выбор между различными побуждениями и мотивами¹.

Вопрос о невменяемости остается актуальным в настоящее время по ряду причин, к числу которых относится проблема разграничения невменяемости от других состояний, т. е. вопрос о ее критериях. Обычно основные критерии того или иного понятия заложены в их определениях, к которым для установления критериев мы и обратимся.

В научной литературе существуют различные подходы к определению понятия невменяемости. По мнению А. И. Рарога, невменяемость – устанавливаемый на основании медицинского и юридического критериев психологический статус лица, исключающий его способность выступать в роли субъекта преступления². Г. В. Назаренко считает, что невменяемость – это небытие, обусловленное патологическими нарушениями отражательных свойств лица; в формально-юридическом – юридический факт, исключающий ответственность; в уголовно-правовом – уголовно-правовая категория, являющаяся средством выделения психически больных лиц из числа субъектов, подлежащих уголовной ответственности вследствие неспособности действовать виновно³. Согласно ст. 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ), невменяемость – это отсутствие способности лица, которое во время совершения общественно опасного деяния не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики⁴.

Таким образом, из данных определений следует, что для признания лица невменяемым недостаточно установить расстройство психики, важно, чтобы это расстройство приходилось на момент инкриминируемого деяния. В связи с этим возникает вопрос о том, каким образом устанавливается, например, временное расстройство психики, которое на момент производства судебно-психиатрической экспертизы отсутствует, поскольку оно временное. Либо вопрос о хроническом расстройстве, которое возможно не проявляло

¹ Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права : часть общая. Книга 1 : Учение о преступлении: Выпуск 1. Санкт-Петербург : Типография М. Стасюлевича, 1874. С. 113.

² Уголовное право России. Общая часть / под ред. А. И. Рарога. 3-е изд., с изм. и доп. Москва : Эксмо, 2009. С. 171.

³ Назаренко Г. В. Невменяемость в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Москва, 1993. С. 9–10.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63–ФЗ : в редакции от 30 декабря 2020 года. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

себя в момент совершения общественно опасного деяния, хотя является длящимся или периодически возобновляющимся.

К оценке невменяемости и его различным проявлениям исследователи подходят с помощью медицинского (психиатрического) и юридического (психологического) критериев. Так, по мнению А. А. Ткаченко, для решения вопроса о невменяемости лица недостаточно наличие только медицинского критерия, так как эксперты указывают лишь на психическое заболевание, квалификация же данного заболевания становится возможной при существовании юридического критерия⁵. О. С. Капинус также отмечает, что наличие психического заболевания еще не свидетельствует о невменяемости лица⁶.

Таким образом, юридический критерий является основным в определении невменяемости. Наличие же психического расстройства само по себе не показатель того, что лицо не могло осознавать характер и общественную опасность своих действий. Между тем, может ли лицо, которое не осознавало свои действия и не могло руководить ими, не страдать вышеперечисленными психическими расстройствами или иными заболеваниями психики? Для ответа на этот вопрос важно рассмотреть медицинский (психиатрический) и юридический (психологический) критерии.

Медицинский (психиатрический) критерий невменяемости включает в себя заболевания психики человека, которые влияют на его сознание и совершаемые действия. Например, хроническое психическое расстройство включает в себя такие психические расстройства, которые протекают длительно, имеют тенденцию к прогрессированию (это шизофрения, эпилепсия, старческие психозы). Временное психическое расстройство, по мнению Б. А. Спасенникова и А. Н. Тихомирова, характеризуется психическими состояниями, которые имеют разную протяженность (это сумеречные состояния психики – патологический аффект, патологическое опьянение; реактивные состояния)⁷. Иные болезненные состояния психики включают в себя такие аномалии психики, которые не относятся к психическим расстройствам. Они представляют собой такие болезненные явления, которые приводят к нарушению психики вследствие, например, заболевания брюшным тифом, возникновения опухоли мозга и других непсихиатрических заболеваний, которые приводят к помрачению сознания, и потери способности к умственной, волевой деятельности⁸. Слабоумие включает в себя все психические заболевания, протекающие с нарушением интеллектуальной функции врожденного и приобретенного характера. В Международной классификации болезней десятого пересмотра (МКБ-10) указывается, что слабоумие относится к умственной отсталости легкой степени.

⁵ Ткаченко А. А. Руководство по судебной психиатрии в 2 т. : практическое пособие. Т. 1 / 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2019. С. 110.

⁶ Капинус О. С. Уголовное право России. Общая часть : учебник для академического бакалавриата. Москва : Юрайт, 2018. С. 152.

⁷ Спасенников Б. А., Тихомиров А. Н. К вопросу о медицинском критерии невменяемости // Пени-тенциарная наука. 2014. № 1. С. 10.

⁸ Капинус О. С. Указ. соч. С. 152.

Итак, медицинский (психиатрический) критерий состоит из четырех признаков, закрепленных в ч. 1 ст. 21 УК РФ. Специалисты между тем не видят необходимости их выделения, поскольку все болезненные состояния психики можно объединить общим понятием – «психическое расстройство». Кроме того, данное деление не базируется на каком-либо основании классификации и эти признаки отсутствуют в МКБ-10. Однако, по нашему мнению, исключать их перечисление в ч. 1 ст. 21 УК РФ нецелесообразно, поскольку понятие «психическое расстройство» не единственный критерий невменяемости, и, как было показано, такой признак как «болезненное состояние психики» не тождественен психическому расстройству.

Анализ юридического (психологического) критерия показал, что невменяемое лицо признается неспособным осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий в силу нарушения интеллектуальной и волевой функции психики. В свою очередь, интеллектуальный признак подразделяется на две составляющие: невозможность осознания своих действий и невозможность осознания общественной опасности. Из этого следует, что констатация юридического (психологического) критерия не может быть в силу иных причин, кроме как тех, которые относятся к медицинскому (психиатрическому) критерию.

Ряд исследователей предлагают иной подход к определению невменяемости. Например, В. В. Галкин и В. И. Морозов предлагают выделить следующие критерии невменяемости: биологический, психологический и юридический (уголовно-правовой). По их мнению, биологический критерий представляет собой наличие патологического состояния психики, психологический – неспособность осознавать характер своих действий и последствий; юридический (уголовно-правовой) – включает в себя следующие признаки: факт совершения общественно опасного деяния лицом, достигшим возраста уголовной ответственности; совпадение во времени факта совершения преступления таким лицом и наличие психического расстройства; закрепление в процессуальных документах факта невменяемости⁹. Авторы не отождествляют психологический и юридический критерии, так как считают, что медицинский и психологический критерии основываются на данных судебной психиатрии и патопсихологии. По нашему мнению, авторы оценивают юридический критерий лишь с правовой стороны, что является некорректным.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что вопрос об определении сущности невменяемости в настоящее время не решен окончательно. В науке происходит дискуссия по его сущности и определению, что требует активного участия практикующих юристов в его исследовании.

⁹ Галкин В. В., Морозов В. И. К вопросу о критериях вменяемости // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 4. С. 52–60.

Информация об авторе

Мусатова Влада Васильевна – студентка 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1. Электронный адрес: vladamusatova01@gmail.com

**УДК 343.721
Н 16**

В. А. Нагорнов,

*студент 4 курса
ИГиП ФГБОУ ВО БГУ*

**Проблемы расследования мошенничества с использованием
электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ)**

В статье рассматриваются некоторые проблемы встречающиеся при расследовании мошенничества с использованием электронных средств платежа. Автор предлагает рекомендации для криминалистической науки с целью эффективного расследования и предотвращения совершения новых преступлений.

Ключевые слова: статистика, мошенничество, электронное средство платежа, проблемы, предложения.

Высокие темпы развития новых информационных технологий, в частности совершенствование технических возможностей мошенников и постоянное внедрение информационных технологий в банковскую сферу создает реальную угрозу хищения денежных средств у граждан с помощью электронных, средств платежа. Согласно последним исследованиям, за отчетный период с января по декабрь 2019 г. было зарегистрировано 16119 преступлений по ст. 159.3 УК РФ. С января по декабрь 2020 г. было зарегистрировано 25820 мошенничеств с использованием электронных средств платежа. Тенденция роста составила 60,2 % по сравнению с 2019 г. К тому же сам процент раскрываемости достаточно низок, так с января по декабрь 2020 г. осталось не раскрыто 18117 преступлений.

Ограничения, возникшие из-за распространения Covid-19 в РФ, привели к тому, что финансовые учреждения стали недоукомплектованны персоналом. Они не в состоянии анализировать большой объем банковских операций явно носящие незаконный характер. С учетом выше перечисленных статистических данных, рассмотрим наиболее встречающиеся проблемы, которые затрудняют расследовании преступления предусмотренного ст. 159.3 УК РФ. Многие ученые и криминалисты разграничивают их на общие и частные.

К общим проблемам, некоторые исследователи относят: доказывание факта совершения преступления, установление подследственности отнесения

и определение субъектного состава¹. Определение подследственности напрямую влияет ход расследования в целом. Определение субъекта преступления затруднено, по причине использования «прокси», то есть скрытых адресов и ложных учетных записей пользователей. Поэтому доказывание содеянного сопряжено с невозможностью объективного установления виновных лиц. Создается невозможность установления точного адреса, откуда была похищена денежная сумма. Важной правовой проблемой, считается отказ финансовых учреждений в лице банков от предоставления оперативной информации сотрудникам правоохранительным органам. Нельзя не согласиться с мнением Е. А. Орловского, он констатирует, что «основной причиной столь серьезного барьера остается ныне используемый законодательный механизм защиты банковской тайны и персональных данных клиентов банков, которые обязывают уполномоченных лиц получить решение суда для истребования данных о пользователях банковских карт, IP-адресах удаленного администрирования операций по расчетным счетам и прочее. Как правило, получаемые с большим запозданием сведения становятся неактуальными²».

К частным проблемам можно отнести проявление потерпевшими виктимного поведения. Распространенность виктимного поведения связано в первую очередь с неосведомленностью населения и небрежного отношения к личным данным. Криминалисты указывают и на тот факт, что клиенты банков хранят вместе с банковскими картами как комбинации паролей и кодов, логины, а также персональные ПИН-коды. Совокупность представленных обстоятельств повышает риск завладения банковской информацией и хищением денежных средств в крупном и особо крупном размере. Яркой иллюстрацией такого поведения можно выделить: оставление банковских электронных карт рядом с личными вещами (например, в портфелях, кожаных сумках, смартфонами и т.д.), и в некоторых случаях сама передача банковских карт, вблизи банкоматов и иных платежных систем посторонним лицам. Завладение личными данными наиболее часто случается в публичных местах (например, в театрах, скверах, улицах, парковых зонах и т. д.), либо в местах, доступных для лиц с низким правосознанием, а равно в общественном транспорте³.

Исходя из выше перечисленных проблем, считаем, что для создания эффективного противодействия негативным тенденциям роста и помощи в расследовании данного вида мошенничества целесообразно предложить следующие шаги:

Во-первых, необходимо комплексное внедрение совершенствования криминалистических методик по обходу прокси, с целью истинного опреде-

¹ Макаров А. В. Особенности и проблемы квалификации мошенничества, совершенного с использованием электронных средств платежа // Российский судья. 2019. № 5. С. 27.

² Орловский Е. А. К вопросу о противодействии хищениям совершенным с использованием электронных средств платежа // Российская юстиция. 2020. № 6. С. 24-27.

³ Маилян А. В. Особенности проведения допроса при расследовании хищений, совершенных с использованием электронных средств платежа // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 80.

ления виновных лиц, так как главной задачей первоначального этапа расследования является установление первоначального IP-адреса мошенника и используемые ими не индексируемые сервера. Решением станет внедрение «цифрового интеллекта». Цифровой интеллект как совокупность специальных программ способен с высокой точностью выявлять и фиксировать цифровой отпечаток. Цифровой отпечаток или другими словами «цифровой след» будет давать совокупность исчерпывающей информации о наличии хищения денежных средств через электронные средства платежа. Интеллектуальные устройства также могут оценить уровень риска при аутентификации логина или транзакции.

Во-вторых, законодателю стоит предусмотреть упрощенную процедуру взаимодействия правоохранительных органов между банковскими организациями для оперативного реагирования на факт совершения данного преступления. Законодателю стоит предусмотреть специальную процедуру для получения беспрепятственного доступа или же обеспечить создание оперативных подразделений в самих банковских организациях, целью которых являлось бы в кратчайшие сроки обеспечить объективное расследование.

В-третьих, превентивной мерой может стать проведение информационных ликбезов для граждан как через СМИ, так и в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Целью всего этого станет формирование внимательного отношения в отношении хранения персонализированных логинов и паролей при осуществлении банковских и иных операций. Анализируя судебную практику по различным уголовным делам, законодатель должен учитывать, что наибольшую угрозу экономической безопасности представляют те лица, которые как правило занимают служебное положение, а также и организованные иерархические группы. Как правило, они координируют свои действия уже с использованием теневого интернета (Теневой интернет или «DarkNet» – это неиндексируемая информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет»). В большинстве случаев, после отбывания наказания преступники учитывают совершенные ошибки совершая мошеннические стратегии и совершают его повторно, действуя максимально осторожно и профессионально. На наш взгляд, следует в ч. 3–4 ст. 159.3 УК РФ, изменить срок лишения свободы до 3 (в ч. 3) или до 5 лет (в ч. 4).

Информация об авторе

Нагорнов Василий Алексеевич – студент 4 курса, Институт Государства и Права ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Электронный адрес: byzantinevasily@gmail.com

УДК 159.9 : 343.8
П 13

О. М. Паклина,
*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Психологическая характеристика суицидального поведения лиц, осужденных и заключенных под стражу

В статье рассматриваются психологические особенности суицидального поведения осужденных и заключенных под стражу. Перечислены наиболее типичные факторы, причины и способы совершения суицидов у данной группы лиц. Выделены основные признаки, свидетельствующие о суицидальных мыслях и намерениях осужденного или заключенного.

Ключевые слова: осужденные, заключенные под стражу, суицидальное поведение, суицидальные мысли, пресуицид.

Каждый человек, хоть раз в жизни сталкивался с такими проблемами, которые погружали бы его в состояние безысходности. Нередко такое погружение приводит к депрессии, которая может затянуться и продолжаться месяц, год или несколько лет. Депрессию стоит отличать от обычной печали, так как она проявляется в остром ощущении своей беспомощности, сужении сознания и фиксации на психотравмирующем событии и может провоцировать занижение самооценки. В случае длительной и тяжелой депрессии, у человека могут начать появляться суицидальные мысли, которые в последующем, без должного вмешательства специалистов, приводят к суицидальному поведению.

Специфичной группой риска, склонной к суицидальному поведению являются лица, заключенные под стражу и осужденные к лишению свободы, среди которых рассматриваемое поведение, несмотря на все принимаемые меры, по-прежнему остается явлением нередким.

Суицидальное поведение среди обозначенной категории лиц, на наш взгляд, стоит рассматривать не только с юридической, но и с психологической точки зрения. Факторы, причины, способы совершения суицида у заключенных под стражу и осужденных к лишению свободы лиц существенно отличаются от аналогичных аспектов у других групп лиц, склонных к суициду, и требуют отдельного изучения. Данные знания важны как с позиции профилактических мер, так и в целях установления обстоятельств события в случаях трагических исходов.

В теории психологии суицидального поведения период возникновения суицидальных мыслей до попыток их реализации называют – пресуицид. Пресуицид может быть острым и хроническим. Их различие заключается в продолжительности. В первом случае, он исчисляется в минутах или даже секундах, во втором – в месяцах. В случаях продолжительного пресуицида

процесс развития внутренних форм суицидального поведения проходит три ступени суицидальной шкалы: 1) пассивные суицидальные мысли. Данная ступень характеризуется рассуждениями и фантазиями на тему смерти, но не на тему собственноручного лишения себя жизни. Примером являются высказывания лица: «Я мог бы умереть», «Лучше бы я умер», «Заснуть и не проснуться» и т. п.; 2) суицидальные замыслы. Это активная форма проявления суицидальности, в ходе которой формируется план действий, обдумывается время, место и способ реализации; 3) суицидальные намерения: замысел и воля соединяются и переходят во внешнее поведение¹.

Отметим, что у лиц, заключенных под стражу, может встречаться как острый, так и хронический пресуицид, у осужденных, чаще всего – острый.

За периодом пресуицида следует непосредственно суицидальное поведение – это осознанные действия, направляемые представлениями о лишении себя жизни. Оно реализуется одновременно во внутреннем и внешнем планах. Внутренний план характеризуется суицидальными проявлениями, которые включают в себя суицидальные мысли, представления, переживания, а также суицидальные тенденции, среди которых можно выделить замыслы и намерения (пресуицид). Внешний план отражает суицидальные действия, которые выражаются в суицидальной попытке, то есть целенаправленном оперировании средствами лишения себя жизни, не закончившимися смертью, или же в завершенном суициде².

Отметим причины, которые могут вызывать суицидальное поведение у лиц, заключенных под стражу и осужденных: первый случай заключения под стражу или осуждения к лишению свободы; психосоциальная дезадаптация до заключения под стражу; тяжело переносимая социальная депривация; злоупотребление и зависимость от психотропных веществ; принуждение к гомосексуальным связям; издевательства со стороны других заключенных под стражу или осужденных лиц или сотрудников исправительных учреждений; психические нарушения; личностные расстройства; ВИЧ-инфекция; чувство потери смысла жизни, аномия при резком изменении общественной системы ценностей, строгий режим содержания, одиночная камера и другие.

Можно выделить ряд признаков, которые свидетельствуют о суицидальных мыслях и намерениях у заключенного под стражу или осужденного лица. В первую очередь, это записки, связанные с самоубийством и предпочтение тем разговора и чтения, связанных со смертью. Кроме того, бессонница, вспышки гнева, изменение привычек, самоизоляция от других людей, отказ от пищи, приведение своих дел в порядок (оформление завещания, урегулирование конфликтов) могут говорить о намерениях уйти из жизни. К вышперечисленным признакам следует относиться очень внимательно, ведь нередко бывает такое, когда человек, даже не осознавая этого, своими дейст-

¹ Классификация суицидальных проявлений // Научная электронная библиотека URL: <https://monographies.ru/ru/book/section?id=3715> (дата обращения: 03.02.2021).

² Сухинин А. В., Яковлева О. А. Суицидальное поведение и его социально-психологический анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. 2012. № 1(16). С. 153.

виями просит о помощи и хочет, что бы его «вытащили» из подобного состояния. Следует, однако, учесть, что трагический исход зависит от вида суицидального поведения.

Специалисты в области психологии и суицидологи выделяют четыре вида суицидального поведения. Первый вид – демонстративный: не предполагает настоящего намерения совершить суицид. При этом попытка самоубийства изображается, как правило, с расчетом на то, что успеют спасти (порезы вен, прием безвредных лекарственных препаратов в большом количестве). Цель такого поведения – вызвать жалость, привлечь к себе внимание, манипулирование персоналом или сокамерниками. Второй вид – аффективный: попытки суицида совершаются в момент аффекта, который длится несколько минут или часов. Для такого метода характерно повешение или отравление. Третий вид – скрытый: суицид совершается в состоянии безысходности. Суицидент не находит выхода из ситуации и сознательно готов умереть. Скрытые суициденты не боятся смерти, они наоборот ждут ее прихода. Четвертый вид – истинный: суицид совершается после обдуманного, четко спланированного решения о добровольном уходе из жизни. Суицидент делает все, чтобы попытка была удачной и ему не помешали. Некоторые авторы отмечают, что самоубийству предшествует надежда на определенное решение (оправдание, условное наказание), и когда решение не соответствует ожиданиям, человек идет на крайнюю, как ему представляется, меру³.

В поведении лиц, заключенных под стражу, может проявляться любой из перечисленных видов. Среди них практически не встречается демонстративный вид, а чаще всего диагностируется четвертый. У осужденных же к лишению свободы лиц аффективный вид превалирует над другими, так как лицо, услышав приговор суда и осознав последствия этого, понимает, что его жизнь теперь не будет такой, как раньше. Например, по данным статистики в общей структуре отклоняющегося поведения содержащихся в следственном изоляторе составляет 5,1% завершенного суицида и 6,9% – суицидальных попыток. Около 25% суицидов в СИЗО совершаются после вынесения приговора суда или его вступления в законную силу. Что касается статистики смертности в местах лишения свободы, то самоубийства составляют от 41 до 68%⁴.

Опираясь на проведенное исследование, считаем, что мерами профилактики суицида в местах содержания под стражей и лишения свободы могут выступать: психологическое сопровождение указанной категории лиц, работа с психологами, психиатрами; предоставление лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы, возможности выбора среди разрешенных видов деятельности (спорт, творчество, наука); общение с представителями разных религиозных конфессий; увеличение количества часов общения с родствен-

³ Дебольский М. Г., Матвеева И. А. Суицидальное поведение осужденных, подозреваемых и обвиняемых в местах лишения свободы // Психология и право. 2013. № 3. С. 12.

⁴ Цит. по : Зотов П. Б. Суицидальное поведение заключенных под стражу и осужденных // Научно-практический журнал. 2017. № 2(27). С. 60.

никами и близкими.

Информация об авторе

Паклина Ольга Михайловна – студентка 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

664022, 89247072613, г. Иркутск, Семена Лагоды 4/2, 102.

Электронный адрес: paklina-2001@mai.ru

УДК 343.54

П 21

Д. М. Пахомов,

студент 2 курса

ИЮИ (ф) УП РФ

Онлайн груминг: основные этапы и их особенности

В статье представлены результаты исследования онлайн груминга, как противоправного явления, связанного с посягательством на половую неприкосновенность и половую свободу несовершеннолетних в сети Интернет. Выделены особенности поэтапного формирования преступных действий, имеющие значение в расследовании уголовных дел по половым преступлениям.

Ключевые слова: онлайн груминг, половая неприкосновенность и половая свобода несовершеннолетних, этапы онлайн груминга.

В последнее время более активными пользователями сети Интернет становятся дети. Они активно общаются друг с другом и часто ищут новых знакомств. Интернет предоставляет детям разнообразные возможности и, вместе с тем, содержит в себе различные угрозы и риски. Одним из наиболее серьезных угроз для подростков в сети Интернет стали сексуальные домогательства со стороны взрослых в форме так называемого «онлайн груминга».

На основании исследования работ зарубежных и отечественных авторов нами было выделено понятие онлайн груминга. Онлайн груминг – это разновидность груминга, сущность и особенность которого заключается в формировании дружеских, доверительных отношений с ребенком через социальные сети, чаты видео игр, с целью получения откровенных фото-видеоматериалов, для последующего запугивания, шантажа, вымогательства у него денег, более интимных материалов¹.

Лиц, совершающих онлайн груминг принято называть грумерами. Выделяют два вида грумеров. Для первых преступления в сети Интернет – это легкий заработок (продают фото на сайтах детской порнографии и вымогают

¹ Дозорцева Е. Г., Медведева Е. Г. Сексуальный онлайн груминг как объект психологического исследования // Психология и право. 2019. № 2. С. 253.

деньги у детей), зачастую они ведут переписку сразу с большим количеством подростков. Вторые – требуют эти материалы для личного удовлетворения. Именно они представляются наиболее опасными, поскольку зачастую не останавливаются только на фото или видеоматериалах, а настаивают на личной встрече, для того чтобы совершить с совершеннолетним противоправные действия сексуального характера.

В расследовании уголовных дел, связанных с посягательством на половую неприкосновенность и половую свободу несовершеннолетних в сети Интернет, имеет важное значение понимание особенностей осуществления конкретных действий грумеров. С этой целью исследователи выделяют этапы онлайн груминга, каждый из которых отличается особенностью действий, совершаемых в отношении несовершеннолетнего. Выделяют три основных этапа: 1) этап знакомства; 2) этап эмоциональной привязки; 3) этап интимного контакта.

Онлайн груминг начинается с этапа знакомства с несовершеннолетним в социальных сетях или в чатах популярных онлайн игр. Злоумышленники обычно делают рассылку приглашений о дружбе сотням детей, или же выбирают жертву целенаправленно, изучая информацию на его странице или в его историях для того чтобы понять его интересы и эмоциональные потребности в целях дальнейшего построения диалога. В поле зрения, как правило, попадают подростки по постам и профилю, которых ясно, что они одиноки и им не хватает внимания. Грумер специально регистрирует аккаунт в социальной сети под видом подростка, указывает интересы близкие жертве, наполняет страницу максимально правдоподобной информацией, использует чужую фотографию или картинку, выдавая себя за другую личность.

По мнению С. Крейвен и С. Браун, начальный этап знакомства можно определить как внутреннюю психологическую подготовку грумера к совершению преступления, так называемый «груминг самого себя». Данный этап может иметь длительный характер, который начинается внутренним одобрением секса с детьми и заканчивается оправданием собственных совращающих действий под различными предложениями².

Первый этап онлайн груминга носит нейтральный характер с точки зрения действующего российского законодательства, поскольку не содержит в себе признаков противоправного деяния. Однако на данном этапе раскрываются мотивы злоумышленника и это важно устанавливать в случае возбуждения уголовного дела. По мнению А. Г. Донченко, пресечь действия грумера на первом этапе достаточно трудно, хотя в научной литературе высказывается мнение о необходимости запрета систематического общения взрослого человека с несовершеннолетними³.

² Craven S., Brown S., & Gilchrist E. Sexual grooming of children: Review of literature and theoretical considerations // Journal of Sexual Aggression. 2006. Volume 12. Pp. 287–299.

³ Донченко А. Г. Ответственность за преступления, связанные с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями несовершеннолетних, в современных правовых системах // Совершенствование законодательства. 2018. № 6. С. 54–62.

Второй этап, называемый эмоциональной привязкой ребенка к грумеру, характеризуется активной коммуникацией и, как правило, продолжается от нескольких недель до нескольких месяцев. Исследователи отмечают, что злоумышленник уделяет ребенку на этом этапе много внимания, проявляет интерес к его проблемам и переживаниям. Грумер проявляет в некоторой степени «сочувствие», которое необходимо в процессе распознавания реакций у ребенка, чтобы соответствующим образом адаптировать свою стратегию⁴.

Немаловажным на данном этапе является процесс изоляции ребенка, направленный на исключение возможности появления в его жизни доверенного лица, кроме злоумышленника, которому можно будет поделиться своими проблемами или раскрыть факт общения. С этой целью грумер обращает внимание ребенка на недостатки его ближайшего окружения, например, отсутствие интереса со стороны семьи и сверстников, пытаясь выдать себя за единственного действительно близкого человека, склоняет ребенка хранить их отношения в тайне. В рамках этого этапа происходит оценка риска – преступник начинает выяснять у жертвы местоположение, расписание ребенка и расписание его родителей с целью, использовать эту информацию для снижения вероятности быть пойманным⁵.

Исследователи выделяют следующие характерные черты собеседника-грумера, которые он проявляет на втором этапе общения: стремление к быстрому укреплению отношений, контроль повседневной жизни; требование доказать важность отношений разными способами⁶.

Важно отметить, что первые два этапа онлайн груминга сходны с обычными формами развития отношений в сети Интернет, поэтому ребенку часто трудно заметить тревожные признаки в этот период. Е. Г. Дозорцева и Е. Г. Медведева отмечают, что несмотря на то, что преступник старается общаться на уровне подростка, он постоянно повышает статус жертвы до статуса взрослого⁷.

Дальнейшее общение раздвигает границы допустимого, ведет к проявлению различных форм девиантного поведения и обозначает переход к третьему этапу – интимному контакту. Грумер будет поощрять рискованное поведение жертвы и перестраивать представления несовершеннолетнего таким образом, чтобы тот стал считать сексуальные отношения благоприятными для себя.

⁴ Marshall W. L., Hamilton K., & Fernandez Y. Empathy deficits and cognitive distortions in child molesters // *Sexual Abuse: Journal of Research and Treatment*. 2001. № 13. Pp. 123–130.

⁵ Black P. J., Wollis M., Woodworth M., Hancock J.T. A linguistic analysis of grooming strategies of online child sex offenders: implications for understanding of predatory sexual behavior in an increasingly computer-mediated world // *Child Abuse & Neglect*. 2015. Volume 44. Pp. 140–149.

⁶ Соблазнение онлайн: какие угрозы поджидают детей в сети и как маньяки «по-новому» совращают малолетних // *Newsonе*. URL: <https://newsone.ua/articles/society/soblaznenie-onlajn-kakie-uhrozy-podzhidajut-detej-v-seti-i-kak-manjaki-po-novomu-sovrashchajut-maloletnikh.html> (дата обращения 04.02.2021).

⁷ Дозорцева Е. Г., Медведева Е. Г. Указ. соч. С. 253.

Прежде чем будет получено первое фото, преступник начнет приучать ребенка к идее сексуального контакта. Злоумышленник может демонстрировать порнографические материалы, делиться своим сексуальным опытом, чтобы пробудить интерес и уговорить ребенка делать фото интимного характера. Если жертва выражает недовольство, то грумер переводит разговор на другую тему или вовсе его прекращает, но тем самым отступает лишь на некоторое время, чтобы построить более доверительные отношения, прежде чем снова поднимать интимные темы. Если жертва охотно делится своими секретами, то это воспринимается грумером как «низкий риск», поскольку хранение секретов жертвы помогает укрепить ее доверие⁸.

После того, как грумер почувствует, что жертва готова продолжать общение на сексуальные темы данная тема станет основной. В дальнейшем, грумер будет настаивать на том, чтобы ребенок высылал ему фотографии простого содержания, которые будут сопровождаться большим количеством комплементов со стороны преступника, тем самым сильнее располагая к себе жертву. Затем, грумер будет просить отправить ему фотографии или видео интимного содержания, делая акцент на близких отношениях между ним и жертвой, и если ребенок будет противиться, тогда злоумышленник начнет оказывать эмоциональное давление. Как правило, в этих случаях подросток соглашается на требования грумера, поскольку тот угрожает, что его фотографии будут отправлены друзьями, родственникам, учителям. Иногда грумеры угрожают убийством ребенка или его родителей. В большинстве случаев подростки, испугавшись публичной огласки, наказания родителей или физической расправы, соглашаются на требования злоумышленника, чем еще больше ухудшают свое положение.

Данный этап существенно отличается от предыдущих тем, что именно на нем возможно пресечение деятельности грумера правоохранительными органами, так как в данных действиях содержатся признаки состава различных преступлений (ст. 132 УК РФ – насильственные действия сексуального характера, ст. 119 УК РФ – угроза убийством, ст. 163 УК РФ – вымогательство). Данный этап является наиболее опасным для несовершеннолетнего и требует принятия срочных мер.

В заключение хочется отметить, что данные этапы характеризуются цикличностью и зависят от конкретных действий определенного грумера, который сам определяет методику общения с ребенком и подбирает подходы к нему, обращая внимание на реакцию жертвы и оценивая риск, он может наращивать или же сбавлять темпы давления, переходя из одного этапа в другой. Практика правоприменения идет по пути возбуждения уголовных дел, однако установить личность грумера задача непростая. Как правило в материалах уголовного дела на первых этапах расследования фигурирует лишь никнейм (имя в сети) грумера.

⁸ Мазур А. А. Социально-криминологическое исследование интернет-груминга // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 1. С. 142–146.

Информация об авторе

Пахомов Дмитрий Михайлович – студент 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1. Электронный адрес: *Raktovdm@mail.ru*

УДК 159.9 : 34
Р 18

А. В. Райкова,

курсант 4 курса ОЮИ МВД России
имени В. В. Лукьянова

**Формирование психологической устойчивости
как профессионально важного качества в процессе обучения
в образовательной организации системы МВД России**

Психологическая устойчивость является одним из профессионально важных качеств сотрудников органов внутренних дел. Формирование этого качества происходит в процессе обучения. В статье рассматриваются понятие психологической устойчивости и возможности ее формирования в образовательных организациях системы МВД России.

Ключевые слова: психологическая устойчивость, профессиональная деятельность, профессионально важные качества личности, процесс обучения.

Профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел, многообразие решаемых ими задач, интенсивность контактов с людьми и конфликтность общения с гражданами предъявляют повышенные требования к психологическим и личностным качествам сотрудников¹. В ходе выполнения служебных задач у сотрудника органов внутренних дел часто возникают стрессовые ситуации, связанные с реальной опасностью для жизни и здоровья, как самого сотрудника, так и окружающих его людей. В таких ситуациях быстрота решения и правильность выбора определяют эффективность и успешность его действий. Кроме того, на психику сотрудника правоохранительных органов в такие моменты влияют различные негативные психологические факторы: растерянность, страх, внезапность, и неуверенность в своих силах. Профессиональные действия в такой обстановке требуют от сотрудника полиции высокой психологической устойчивости.

Цель данной статьи – определить понятие психологической устойчивости, проанализировать возможности ее развития и совершенствования в про-

¹ Кузнецова И. И. Использование активных методов обучения с учетом особенностей категории обучающихся образовательных организаций МВД России // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 3 (22). С. 95-100. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41376321> (дата обращения: 10.02.2021).

цессе обучения в образовательной организации МВД России. При проведении исследования нами использовались методы: анализ литературных источников, наблюдение, устный опрос, анализ результатов деятельности (непосредственное участие в занятиях по указанным в статье дисциплинам).

Рассматривая понятие психологической устойчивости личности, обратимся к определению авторов А. В. Липницкого и М. С. Недилько. По их представлениям, профессиональная психологическая устойчивость является таким интегральным качеством личности, которое определяет способность сотрудника надёжно осуществлять свою профессиональную деятельность в широком диапазоне ситуаций манипулятивного воздействия и другого негативного внешнего и внутреннего влияния, создающего специфические психологические нагрузки, сохраняя при этом способность к достижению необходимых результатов².

В образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации на сегодняшний день актуальной является задача развития и совершенствования психологической устойчивости у курсантов как будущих сотрудников органов внутренних дел. Так, в процессе обучения у курсантов должны выработаться профессиональные качества, необходимые ему для успешного выполнения служебных и боевых задач³: развитие психической устойчивости, морально-психологических качеств личности; формирование у курсантов высокого уровня культуры, этики и нравственных качеств; выработка у курсантов понятия ответственности; формирование правового воспитания и его компонентов: правовой культуры, правового сознания; формирование правовой идеологии, правовой психологии; формирование определенного уровня знаний юридических дисциплин; формирование основных навыков выполнения приемов борьбы, самообороны, в экстренной ситуации, при угрозе жизни и здоровья сотрудника; развитие физического состояния курсантов, уверенность в своих силах, правильности своих действий в оперативно-служебной деятельности.

Обратимся к рассмотрению физической подготовки как средства формирования психологической устойчивости личности обучающегося, обеспечения психологической готовности к выполнению служебных задач в экстремальных условиях деятельности. В рамках занятий по физической подготовке решаются задачи физического воспитания, укрепления здоровья, физических и психоэмоциональных качеств личности. Подтверждением этому яв-

² См. : Липницкий А. В., Недилько М. С. Особенности профессиональной психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. №3 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-professionalnoy-psihologicheskoy-ustoychivosti-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del> (дата обращения: 10.02.2021).

³ Кобленков А. Ю., Соловьев М. С. Опыт проведения тренинговых занятий для формирования психологической устойчивости курсантов и слушателей при стрельбе из огнестрельного оружия // Актуальные проблемы обеспечения личной безопасности сотрудников правоохранительных органов при выполнении оперативно-служебных задач: сборник материалов регионального круглого стола. 2019. С. 65–67. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41410201> (дата обращения: 10.02.2021).

ляется то, что все разнообразие упражнений, которые выполняют обучающиеся, а также суть этих упражнений максимально приближена к экстремальной (опасной) обстановке, которая может складываться при выполнении оперативно-служебных задач. На занятиях по физической подготовке формируются и совершенствуются такие составляющие психологической устойчивости как физическая и психологическая выносливость, тактическое мышление, эмоциональная уравновешенность, настойчивость в решении поставленных задач, целеустремленность, стрессоустойчивость.

Рассмотрим теперь возможность формирования психологической устойчивости при выполнении упражнений по стрельбе. Следует отметить, что психологическая уравновешенность, в первую очередь, обеспечивает меры безопасности при проведении стрельб⁴. Уравновешенность – это умение удерживать определенный уровень напряженности, преодолевать такие эмоции как страх, тревога, неуверенность. Перед стрелком в процессе обучения стоит задача освоить методы адаптации психики⁵. Физические и психологические факторы образуют общую подготовленность стрелка. Поэтому важно в тренировке учитывать не только отработку таких важных моментов в стрельбе как выведение оружия в цель, изготовка для стрельбы, прицеливание, но и психологически готовить стрелка к выполнению упражнений. Психологические особенности обучения включают в себя формирование у стрелка таких свойств как: концентрация внимания и адаптация к выстрелу; умение преодолевать волнение и неуверенность, как на огневом рубеже, так и при использовании оружия в реальной ситуации; способность за короткий промежуток времени выбрать цель и как можно быстрее её поразить. Используемые методы для развития эмоциональной устойчивости на занятиях по физической подготовке и стрельбе: моделирование экстремальных ситуаций; стрельба после интенсивной физической нагрузки; неоднократное повторение упражнений.

Формирование психологической устойчивости продолжается и на занятиях по дисциплинам «Психология» и «Психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел». Процесс психологической подготовки включает в себя, прежде всего, формирование таких профессиональных качеств как хладнокровие и оперативность мышления, т.е. умение быстро и правильно принимать решение, самообладание и выдержку, как волевые качества, которые не позволят страху и растерянности подавить логичность мыслей и правильность действий. Здесь обучающиеся могут освоить навыки аутогенной тренировки. Автором данной методики является немецкий психотерапевт Иоганн Шульц. Аутогенная тренировка заключается в том, что курсант

⁴ Об утверждении Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 23 ноября 2017 г. № 880. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Струганов С. М. Пути совершенствования профессиональных качеств сотрудников полиции при применении огнестрельного оружия в экстремальных ситуациях служебной деятельности // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Иркутск: ВСИ МВД России, 2019. С. 82–84. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38050172> (дата обращения: 10.02.2021).

в своем сознании моделирует ситуации, которые при их наличии в реальности вызывают у него волнение и даже панику. При этом следует использовать словесное внушение. Прорабатывая мысленно такие сложные для себя ситуации, в дальнейшем их необходимо воссоздать в реальности на тренировке для закрепления результата. Например, при стрельбе «вхолостую» стрелок может представить, будто он выступает на Чемпионате мира по стрельбе. Когда появится соответствующая дрожь от волнения, её нужно подавить. В этих условиях стрелок, как и при аутогенной тренировке, должен представлять мышечную модель идеального выстрела и внушать себе уверенность в достижении высокого показателя. Отработка в собственном сознании моделей, которые могут выйти из-под контроля во время стрельбы, позволяют обучающемуся понять, как он будет реагировать на то или иное условие. Аутогенная тренировка способствует проведению продуктивных тренировок как на занятиях по физической подготовке, обучению боевым приемам борьбы, так и достижению хороших результатов на огневом рубеже.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что психологическая устойчивость является сложным, интегральным качеством личности, которое позволяет сотруднику органов внутренних дел эффективно выполнять свои профессиональные обязанности в любых условиях деятельности. Психологическая устойчивость формируется и развивается в процессе обучения по таким дисциплинам, как «Психология», «Психология в деятельности сотрудников ОВД», «Огневая подготовка», «Физическая подготовка».

Информация об авторе

Анастасия Валерьевна Райкова – курсант 4 курса Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. Адрес: 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2. Электронный адрес: grebenkova-99@mail.ru.

**УДК 343.9
Р 60**

А. А. Роднёнок,
*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Психологические особенности виктимного поведения потерпевших по делам о половых преступлениях

В статье рассматриваются психологические особенности виктимного поведения потерпевших по делам о половых преступлениях. Раскрываются типологические особенности поведения потерпевших, делаются выводы о существенной роли жертв преступных посягательств в возникновении и развитии виктимологической ситуации.

Ключевые слова: виктимное поведение, потерпевшие, половые преступления, жертва.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации потерпевшим признается физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации (ст. 42 УПК РФ)¹. Потерпевшие по делам о половых преступлениях – это физические лица, половая неприкосновенность которых была нарушена путем совершения в отношении них преступлений, а половыми преступлениями считаются преступления, видовым объектом которых выступают половая свобода и половая неприкосновенность личности.

Как правило при анализе преступлений данной категории чаще всего изучается личность лица, совершившего преступления, и в меньшей степени дается оценка личности и поведению потерпевших. Между тем, поведение потерпевших может быть провоцирующим или способствующим, что важно учитывать при анализе мотивов преступления и иных обстоятельств расследуемого события. По мнению Б. В. Морозовой и А. А. Давыдовой, потерпевший может играть важную роль в провоцировании преступной ситуации².

Психологические аспекты поведения потерпевших, в том числе по половым преступлениям, изучает такая научная отрасль знаний как виктимология³. При этом виктимология оперирует не процессуальным термином «потерпевший», а термином «жертва», под которой понимается предрасположенность стать ею. Поведение жертвы в виктимологии рассматривается как виктимное поведение. Такое понятие обычно используется для обозначения неправильного, неосторожного, аморального, провоцирующего и т. д. поведения.

По мнению Е. Д. Тихомировой, кроме анализа виктимного поведения, важно учитывать также виктимологическую ситуацию, влияющую на возникновение преступных действий. Под виктимологической ситуацией автор понимает причинно-следственный комплекс, состоящий из совокупности факторов формирования личности с высоким уровнем виктимности, конкретной предпреступной ситуации, преступление и ситуацию, после свершившегося преступления⁴.

Личность потерпевших и их поведение играют существенную роль в возникновении и развитии виктимологической ситуации. С точки зрения статистической области, чаще всего жертвами половых преступлений становятся

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ : в редакции от 07 апреля 2020 года. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Морозов Б. В., Давыдова А. А. Виктимологическая характеристика негативного поведения жертв изнасилований. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 18. С. 48–49.

³ Филатов Т. Ю. Судебно-психиатрическая и виктимологическая оценка психических расстройств у потерпевших // Российский психиатрический журнал. 2009. № 4. С. 12–19.

⁴ Тихомирова Е. Д. Личность жертвы и ситуации в механизме сексуального насилия. // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2009. № 10. С. 316–325.

ся женщины и дети в силу их физической и психологической предрасположенности. С точки зрения динамической области – это определенные черты характера и поведения, особенности правосознания, жизненный опыт⁵.

В научной литературе выделяются несколько типов поведения жертвы в виктимологических ситуациях по половым преступлениям, их дифференциация имеет важное значение для понимания отношений между преступником и жертвой. К первому типу относят агрессивных потерпевших. Их поведение характеризуется провокацией к совершению преступления. В поведении таких потерпевших проявляются оскорбления, направленные в адрес виновного⁶. Это может быть унижение мужского достоинства, высказывания о половой неполноценности виновного. При этом жертва не всегда осознает возможность наступления опасных последствий в виде посягательств на ее половую неприкосновенность, которое выражается как акт мести на обиду. Во многом такое поведение жертвы зависит от ее индивидуально-психологических особенностей (низкий интеллект) или психофизиологических состояний (алкогольное или наркотическое опьянение).

Второй тип – пассивные потерпевшие. Для них характерно безответственно-безразличное поведение, которое создает объективную возможность совершения преступления (вызывающее поведение, демонстрация доступности для сексуальной связи). Такие лица не оказывают сопротивление преступнику, который проявляет интерес к ней как объекту удовлетворения половых потребностей. В данном случае жертва своими действиями создает благоприятные условия для совершения преступного посягательства, ускоряя формирование преступного намерения и облегчая его реализацию.

К третьему типу относят некритичных потерпевших. Их поведение в целом положительное и не провоцирующее, но в силу доверчивости такие потерпевшие могут стать жертвой сексуального насилия. Как правило при таком типе потерпевших половые преступления совершаются при благоприятных для преступника обстоятельствах⁷, характеризующихся внешним обоюдным согласием.

Четвертый тип – нейтральные потерпевшие, поведение которых не является провоцирующим и не влияет на выбор преступником варианта поведения. Такое поведение состоит в соблюдении правовых норм и норм морали, а также в совершении адекватных действий в условиях той или иной ситуации. Нейтральное поведение женщины может привести к совершению в отношении нее сексуального преступления только при наличии определенных обстоятельств, таких как: внезапное, неожиданное нападение.

⁵ Метелица Ю. Л. Виктимология и судебная психиатрия // Актуальные проблемы общей и судебной психиатрии: под редакцией профессора Т. Б. Дмитриевой. Москва : ГНЦ им. В. П. Сербского, 1993. С. 105–117.

⁶ Ривман Д. В. Криминальная виктимология. Санкт-Петербург : Питер, 2012. С. 63.

⁷ Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности: уголовно-правовая и криминологическая характеристика / [Д. А. Гарбатович и др.]. Москва: Юрлитинформ, 2016. С. 223.

Научный и практический интерес представляет также типология потерпевших, разработанная В. Л. Васильевым, которая может быть применена в полной мере к анализу преступлений сексуального характера. В. Л. Васильев разделяет виктимное поведение на: активное, характеризующееся агрессивностью, повышенной конфликтностью, неуважением общественных норм со стороны жертвы; пассивное, проявляющееся в том, что жертва, как правило, сама своими действиями демонстрирует привлекает в себе внимание; способствующее, проявляющееся в знакомстве со случайными людьми, бесцеремонном принятии решений куда-либо пойти с малознакомым человеком.

Подводя итог можно сделать вывод о том, что личность потерпевших и их поведение играет существенную роль в возникновении и развитии виктимологической ситуации. Иными словами, речь идет об особой роли поведения потерпевших при формировании механизма преступного поведения. Всестороннее изучение личностных особенностей жертвы, ее виктимного поведения, взаимодействие с преступником дают необходимую информацию для реализации работы по профилактике виктимного поведения потерпевших (проведение разъяснительных бесед, разработка методических рекомендаций и т.п.). Кроме того, знания о типологических виктимных особенностях потерпевших по половым преступлениям имеют важное значение в борьбе с преступностью, поскольку такие знания позволяют выявить мотивы, конфликты между потерпевшим и преступником, чем способствуют расследованию преступлений данной категории.

Исследование психологических особенностей виктимного поведения потерпевших по половым преступлениям позволило сделать выводы о том, что действия посягающего лица во многом зависит от провоцирующего, пассивного или способствующего поведения самой жертвы, а иногда и вовсе являются их причиной. Только немногие потерпевшие становятся жертвами половых преступлений, не провоцируя на это преступника, так называемые случайные жертвы.

Информация об авторе

Роднёнок Анастасия Александровна – студентка 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

664075, г. Иркутск, ул. Байкальская, 234в/4.

Электронный адрес: ms.rodnenok@mail.ru

УДК 343.98
Р 94

Ц. Б. Рыкзынова,

студентка 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ

**Возможность использования мобильных телефонов
как средства фиксации при производстве следственных действий**

В статье анализируется возможность использования камеры мобильного телефона как средство фиксации хода и результатов следственных действий и возникающие в связи с этим процессуальные проблемы. Рассматривается вопрос их оценки в качестве доказательств.

Ключевые слова: мобильный телефон, средство фиксации, уголовное судопроизводство.

В современном мире наблюдается тенденция широкого применения электронных средств коммуникации в различных сферах, в том числе и в уголовном судопроизводстве. Научно-технический прогресс обусловил необходимость перехода из бумажного к электронной форме уголовного судопроизводства¹.

Действующее законодательство предоставляет возможность применения информационно-цифровых технологий как должностным лицам, осуществляющим производство по уголовному делу, так и частным лицам, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства. К примеру, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации регламентирует возможность подачи документов в суд на бумажном носителе, так и в электронном виде, в том числе форме электронного документа. Кроме того, допускается изготовление копии судебных решений в электронном виде (ст. 474.1 УПК РФ).

Иными словами, большое внимание уделяется возможности использования электронных устройств в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем, игнорируется возможность фиксации хода и результатов следственного действия электронными устройствами, а именно мобильными телефонами.

Как показывает практика, нередко наряду с традиционными техническими средствами: «фотоаппаратом» и «видеокамерой» используются мобильные телефоны для фиксации хода и результатов следственного действия². Например, при проведении осмотра места происшествия участвующим лицам было объявлено о применении технического средства – сотового те-

¹ Панюшкин В. А. Научно-технический прогресс и проблемы разработки нового УПК России: необходимость и основные требования к правовой регламентации использования достижений научно-технического прогресса в уголовном процессе (статья 1) // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. №1. С. 18.

² Приговор по уголовному делу № 22-1902/2017 от 2 мая 2017 г. по делу № 22-1902/2017 . URL : <https://sudact.ru/regular/doc/2x0zkl2cYUoA/> (дата обращения: 01.02.2021).

лефона марки «iPhone» в корпусе серого цвета инспектором ПДН ОУУП и ПДН МО МВД России «Агинский»³.

Проведенный нами опрос среди следователей, дознавателей, оперуполномоченных МО МВД России «Агинский» и следователей МСО СУ СК России по Забайкальскому краю показал, что мобильные телефоны достаточно часто используются в качестве средств фиксации, однако в большинстве случаев в протоколе следственного действия указывается наименование фотоаппарата, находящегося на балансе следственного органа, органа дознания.

Возникает вопрос: с чем связано нежелание указывать в протоколе осмотра места происшествия фиксацию хода и результатов следственного действия мобильным телефоном?

Во-первых, это вызвано отсутствием упоминания «мобильного телефона» в уголовно-процессуальном законодательстве. Однако следует отметить, что в нормах УПК РФ упоминаются способы фиксации результатов следственного действия (фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись и др.), а конкретные технические средства, которые могут быть использованы при рассмотрении и разрешении уголовного дела не указано.

Кроме того, необходимо обратиться к научному труду Р. С. Белкина «Криминалистика», в котором автор выделяет 3 группы технико-криминалистических средств: 1) заимствованные из других областей науки и техники и применяемые в неизменном виде; 2) заимствованные из других областей знания, но преобразованные для целей расследования преступлений; 3) специально разработанные для целей исследования и раскрытия преступлений. К первой группе относятся фотоаппараты, видео- и звукозаписывающая аппаратура, но также и камеры, встроенные в мобильные телефоны⁴.

Во-вторых, это обусловлено тем, что мобильные телефоны являются собственностью частного лица, они не находятся на балансе органа предварительного расследования. Следовательно, они не сертифицированы, не имеют места хранения и могут оказаться в свободном доступе третьих лиц, соответственно, есть некоторая вероятность разглашения тайны следствия. Однако следует заметить, что уголовно-процессуальное законодательство не предъявляет каких-либо требований к сертификации технико-криминалистических средств для осуществления фотографирования, киносъемки и т. д.

Относительно возможности разглашения тайны следствия, то в качестве предложения можно предусмотреть требование об удалении, содержащихся в мобильном телефоне информации после переноса их на персональный компьютер.

Что касается оценки протоколов следственных действий, ход и результаты которых фиксировались на камеру сотового телефона, то суды не при-

³ Уголовное дело № 12001760002000448 // Архив Агинского районного суда Забайкальского края.

⁴ Белкин Р. С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов: в 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 232.

знают такие протоколы как недопустимые доказательства. Например, по уголовному делу № 1-184/2015 при проведении осмотра помещения кафе «Уралочка» на барной стойке был обнаружен полиэтиленовый пакет, в котором обнаружены и изъяты денежные средства, переданные в качестве предмета взятки О.В. Пинжениной. Согласно протоколу осмотра места происшествия видеосъемка следственного действия велась камерой мобильного телефона. При этом суд признал, что оснований, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, для признания протокола осмотра места происшествия недопустимым доказательством не имеется⁵.

Таким образом, в настоящий момент возможность использования мобильных телефонов как средство фиксации хода и результатов следственных действий представляется вполне допустимой и применимой, поскольку нормы уголовно-процессуального законодательства не устанавливают запрета на использование мобильного телефона. В дополнение, судебная практика подтверждает возможность использования мобильных телефонов при производстве следственных действий.

Представляется верным, разработать разъясняющее постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам применения на практике технических средств.

Информация об авторе

Рыкзынова Цырена Баировна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664022, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1. Электронный адрес: tsyrenar@mail.ru. Номер телефона: 89248382231.

УДК 343.953

С 13

Ю. А. Савина,

*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Ближайшее окружение и его влияние на формирование преступного поведения несовершеннолетнего

В статье рассматривается ближайшее окружение как основной фактор влияния на преступное поведение несовершеннолетнего. Показаны механизмы такого влияния и сделаны выводы о том, что формирование преступного поведения закладывается и закрепляется в случаях негативного эталонного примера значимых для человека людей.

Ключевые слова: ближайшее окружение, малая группа, первичная социализация, отчуждение личности, преступное поведение.

⁵ Приговор по уголовному делу № 1-184/2015 от 26 октября 2015 г. по делу № 1-184/2015 . URL : <https://sudact.ru/regular/doc/LPxkdbiPogYn/> (дата обращения: 01.02.2021).

На законодательном уровне понятие «ближайшее окружение» не раскрывается, что значительно затрудняет его применение. Использование же терминов «группа» или «коллектив» не во всех случаях уместно. В научной литературе понятие «ближайшее окружение» чаще всего отождествляется с малой социальной группой, что, по нашему мнению, не является верным. Понятие малой группы не отражает сущности ближайшего окружения, равно как и ближайшее окружение не всегда представляет собой малую группу. Так, Г. М. Андреева под малой группой понимает «группу, члены которой объединены общей социальной деятельностью и находятся в непосредственном личном общении»⁶. Э. Э. Линчевский отмечает, что «малая группа – это любое объединение людей, когда между ними устанавливается непосредственный личный контакт», также он указывает на то, что группы воздействуют на своих членов и обеспечивают соблюдение ими групповых норм⁷.

По нашему мнению под ближайшим окружением следует подразумевать не просто малую группу, а тех близких человеку людей, которые определяются как значимые, чье мнение является важным для него. Такую группу в психологии принято называть «референтной» группой. Референтная группа, как ближайшее окружение человека, оказывает огромное влияние на его поведение, а ее представители являются своеобразным стандартом, эталоном, образцом для подражания. При этом члены референтной группы не обязательно включены в малую группу по признаку общей деятельности или межличностного взаимодействия, они могут только догадываться о существовании друг друга. Например, родители несовершеннолетнего догадываются, что сосед по подъезду, с которым часто беседует с их ребенком, влияет на убеждения последнего, рассказывая о своих подвигах в армии. Возможно, такое влияние является положительным, а возможно и иначе.

Таким образом, ближайшее окружение – это социальная группа, выступающая для индивида в роли эталона, господствующее мнение участников которой в значительной степени влияет на формирование мировоззрения и поведение индивида.

При этом влияние ближайшего окружения бывает как позитивным, так и негативным. В первом случае ближайшее окружение влияет положительно на человека, формирует и развивает его личность, во втором случае – дает противоположные результаты. Последствием влияния любого из этих видов является то, что в будущем человек начинает сам подбирать для себя такое окружение, которое соответствует его ценностям. Поэтому поднимая вопрос о влиянии ближайшего окружения на несовершеннолетнего, есть смысл раскрыть его механизмы, показать в каких случаях оно ведет к негативным последствиям в виде формирования преступного поведения.

Так, одну из наиболее важных ролей в формировании преступного поведения играет неудачная первичная социализация несовершеннолетнего, когда

⁶ Андреева Г. М. Социальная психология. Москва : Издательство МГУ, 1980. С. 416.

⁷ Линчевский Э. Э. Психологический климат туристской группы. Москва : Физкультура и спорт, 1981. С. 111.

он бессознательно усваивает образцы и манеру поведения близких ему людей, например, типичные реакции родителей на существующие проблемы. Как показывают психологические исследования личности преступников, в зрелом возрасте человек часто воспроизводит в своем поведении то, что запечатлелось в его психике в период детства. Например, он может пытаться разрешить конфликт с помощью грубой силы, как это делали его родители. По данным исследователей, подростки, которые состоят на учете в ПДН проживают в неблагополучных семьях⁸. В случаях наличия криминальной направленности у членов ближайшего окружения несовершеннолетнего, в большинстве случаев которыми являются родители, его социализация нарушается, что является одним из определяющих факторов формирования преступного поведения.

В научной литературе считается, что семья как ближайшее окружение несовершеннолетнего по степени влияния на него стоит на первом месте. Сбор данных о семьях правонарушителей доказывает факты отсутствия примера правомерного поведения, многие «выходцы» из таких семей только в редких случаях не совершают противоправных действий. Однако родители или один из них может не входить в ближайшее окружение несовершеннолетнего по эмоциональной привязанности. Примеры эмоционального разрыва отношений у несовершеннолетних с родителями не редкость. Большая часть ученых склоняются к тому, что решающую роль играет не столько состав семьи, сколько эмоциональное отношение к ребенку, его принятие или, напротив, отвержение⁹.

Эмоциональный разрыв с родителем криминальной направленности ведет к тому, что и поведение такого родителя несовершеннолетний отвергает. По данным различных исследований имеют место подтвержденные факты, когда из неблагополучных семей, в которых несовершеннолетнего воспитывают родители с криминальными наклонностями, выходят не склонные к совершению преступлений члены общества. В таких случаях не родители, а иное ближайшее окружение выступает эталоном¹⁰.

Другим не менее важным психологическим механизмом формирования преступного поведения под влиянием ближайшего окружения является фактор отчуждения от значимых близких. Несовершеннолетний стремится влиться в круг значимых ему людей, но те не принимают его. Чаще всего такое отчуждение ведет к агрессивным формам реагирования, а в целях доказать, что он «свой», несовершеннолетний готов идти на криминальный поступок. В поведении несовершеннолетнего проявляется ложный героизм, бравада.

Можно выделить иные факторы и механизмы негативного влияния ближайшего окружения на несовершеннолетнего, ведущего к формированию преступного поведения. При этом стоит подчеркнуть, что в большинстве случаев причины преступного поведения следует искать в ближайшем окружении несо-

⁸ Рыжова О. А. Особенности преступности несовершеннолетних и меры профилактики в современных условиях // Наука. Общество. Государство. 2020. № 2. С. 136.

⁹ Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. Москва : Логос, 2004. С. 42.

¹⁰ Петрова С. И. Социальная среда и личность // Инновационная наука. 2016. № 4. С. 69.

вершеннолетнего еще и потому, что подростковый период связан с активным поиском идентичности.

Осведомленность о ближайшем окружении несовершеннолетних в работе правоохранительных органов с ними является немаловажным. Это позволяет в работе с несовершеннолетними узнать об их стремлениях, ценностях и жизненных ориентирах. Эффективная профилактика преступлений среди несовершеннолетних, являющаяся одним из существенных условий, позволяющих охранять нравственное здоровье молодого поколения, вступающего во взрослую жизнь¹¹, также во многом зависит от знаний о том, кто окружает несовершеннолетнего.

Исследование ближайшего окружения несовершеннолетнего особенно важно учитывать при подготовке к его участию в допросах, проверке показаний на месте и других следственных действиях. В ходе следственного действия законный представитель, не входящий в группу ближайшего окружения, своим присутствием только усилит дискомфорт несовершеннолетнего, не позволит ему «открыться» и предоставить достоверную информацию. Поэтому необходимо обеспечить присутствие в ходе следственных действий или в суде членов ближайшего окружения несовершеннолетнего.

В заключение необходимо отметить, что немаловажным является вопрос о том, как установить круг ближайшего окружения несовершеннолетнего. Это можно сделать с помощью специалиста психолога, обладающего методами референтометрии или установить данный круг людей по таким источникам, как социальные сети, а также посредством беседы с друзьями, педагогами или же провести беседу с самим несовершеннолетним. Следует также заметить, что необязательно член ближайшего окружения находится в тесном межличностном контакте с несовершеннолетним, им может выступать учитель или тренер спортивной секции даже в том случае, если они на «расстоянии» являются для несовершеннолетнего примером для подражания.

Информация об авторе

Савина Юлия Андреевна – студентка 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

664058, г. Иркутск, мкр. Первомайский, 30, 63.

тел. : 89501285398, Электронный адрес: yuli.svn7@gmail.com

¹¹ Вагенлейтнер О. Ю. Преступность среди несовершеннолетних // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 3. С. 4.

УДК 343.91
С 31

М. В. Сенчура,
*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Психологические особенности лиц, совершивших насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних

В статье рассматриваются психологические особенности лиц, совершивших насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних, причины и мотивы совершения данных преступлений. В заключении даются отдельные рекомендации проведения профилактической работы по данной категории правонарушений.

Ключевые слова: личность преступника, несовершеннолетние, насильственные действия сексуального характера, типология личности преступника.

Конституция Российской Федерации гарантирует свободу и личную неприкосновенность каждого гражданина РФ (ч. 1 ст. 22)¹. Половая свобода и половая неприкосновенность принадлежат человеку от рождения, они, как и другие ценности, охраняются государством. Так, половую свободу и половую неприкосновенность защищает уголовный закон Российской Федерации².

В научной литературе существуют разные мнения относительно сущности данного объекта преступных посягательств. Так, Е. В. Поддубная определяет половую свободу и половую неприкосновенность как «право каждого не подвергаться сексуальному насилию, на защищенность от сексуальных посягательств (пассивное право)»³. М. А. Степанова и Е. В. Царев говорят о половой неприкосновенности и половой свободе как об «абсолютном запрете на сексуальные контакты, распространенном в отношении определенного круга лиц»⁴. Между тем, важным является не только правовой анализ данной категории преступлений, но и психологический, главным образом направленный на изучение лица, совершившего преступление сексуального характера. При этом особый научный интерес представляют насильственные действия сексуального характера, поскольку они обусловлены в большей

¹ Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования июля 2020 года. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63–ФЗ : в редакции от 30 декабря 2020 года. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Поддубная Е. В. Изнасилование и насильственные действия сексуального характера: уголовно-правовая характеристика и квалификация : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук : 12.00.08. Москва. 2008. С. 8.

⁴ Степанова М. А., Царев Е. В. Ответственность за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних по российскому уголовному законодательству // Проблемы правоохранительной деятельности. 2012. № 2. С. 21.

степени индивидуально-психологическими особенностями преступника, находящимися на грани патологии или за ее гранью. Насильники часто выбирают в качестве объекта посягательства несовершеннолетних, что также ставит вопрос о их психической полноценности. Известно, что такая категория, как несовершеннолетние, наиболее уязвима при совершении половых преступлений в силу своего возраста и уровня психического развития. Этот факт подтверждает и статистика. Так, за период с января по июль 2020 года среди потерпевших от преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности из 126 физических лиц отмечается 102 несовершеннолетних⁵.

Исследование личности преступника, совершившего сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних, необходимо не только с точки зрения научного, но и практического интереса. Преступления данной категории сложны при их расследовании. Во многом это осложняется тем фактом, что большинство из них начинают подготавливаться в Интернете, где происходит знакомство несовершеннолетнего с преступником, поэтому установить личность последнего представляет определенные трудности. Оказать помощь в работе правоохранительных органов в борьбе с преступностью и обнаружении преступника поможет знание психологических особенностей данных лиц. К наиболее важным следует отнести психологические причины совершения преступного посягательства и типологические особенности личности преступника.

По мнению Ю. В. Антонына, М. И. Еникеева и В. Е. Эминова, психологические причины преступного поведения насильственных сексуальных преступников связаны с особенностями формирования их личности⁶. Как правило, такие лица в детстве сами пережили сексуальное насилие, в том числе со стороны близких родственников. Для ряда из них характерно наличие гомосексуального опыта в ранние годы, что отразилось на сознании будущих преступников⁷. Ранние сексуальные контакты приводили к формированию в детском возрасте чувства страха, понижению уровня самооценки, утрате доверия к людям, и позднее это повлияло на то, что данные лица сами стали совершать подобные преступления. Помимо этого, к причинам преступного поведения авторы относят половую распущенность и антиобщественный образ жизни родителей, ранний опыт употребления алкоголя и наркотических средств, желание самоутвердиться в обществе через полороловое поведение.

Анализ типологических особенностей личности сексуальных насильников показал, что единого подхода относительно него не сложилось. В ка-

⁵ По данным отчёта 3-ЕГС за январь-август 2020 г. // Архив отдела правовой статистики прокуратуры Иркутской области (дата обращения: 03.02.2021).

⁶ Антонын Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений : монография. Москва. 1996. С. 7.

⁷ Степанова О. Ю. Уголовная ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних : совершенствование законодательной регламентации и правоприменения : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.08. Санкт-Петербург. 2018. С. 94.

честве критериев деления по типам ученые отмечают способы совершения преступлений, географию преступлений, степень общественной опасности, мотивы и т.д. На наш взгляд, наибольший интерес представляет типология сексуальных насильников в зависимости от мотивов совершения преступлений. Как известно, мотивы и причины не тождественные понятия. Если причина формирует преступную направленность в целом, то мотив – связан с конкретными побуждениями, ведущими к удовлетворению потребности. Мотив всегда привязан к конкретному поступку. Н. М. Паршин отмечал, что основными мотивами преступлений, носящих сексуальный характер, являются стремление удовлетворить половую потребность и корысть (если преступления касаются сексуальной эксплуатации несовершеннолетних)⁸.

Типологию личностей преступников, исходя их мотивов преступлений, предлагали Н. А. Вакуленко и А. А. Брюхнов, выделяя такие типы, как: «насильник-родственник»; «насильник-гедонист»; «насильник-тиран»⁹. Жертвами первого типа преступников становятся родственники или дети их сожителей. Преступники пользуются беспомощностью, наслаждаются возможностью унижения несовершеннолетних. Ю. В. Зырянова отмечала, что для такого типа сексуального насильника зачастую характерно наличие различного рода психических аномалий: олигофрения, сосудистые заболевания с психическими изменениями и т.д.¹⁰. Довольно часто насильственные действия в отношении несовершеннолетних их родственниками совершаются неоднократно, на протяжении длительного времени. Для «насильника-гедониста» целью является сам процесс совершения насильственных действий, от чего он получает удовлетворение. При этом его действия могут носить извращенный, жестокий, садистский характер. А для «насильника-тирана» приоритетным является самоутверждение, повышение самооценки. Совершая насильственные действия, он стремится почувствовать свое превосходство, способность завладеть жертвой и подчинить ее себе.

Большинством ученых отмечается, что для преступников сексуальной насильственной направленности характерен низкий культурный уровень и утрата страха наказания в расчете на то, что несовершеннолетний не осознает происходящее или не станет сообщать другим лицам о произошедшем.

Стоит отметить, что лица, совершающие насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних, зачастую не умеют контролировать свои желания и действия, у них отсутствует достаточный уровень общения, стремление к ведению активной общественной жизни. Кроме того, для данных лиц характерны такие черты, как грубость, вспыльчивость, цинизм, неуважительное отношение к другим людям, распущен-

⁸Паршин Н. М. Предупреждение сексуальных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.08. Саратов. 2018. С. 65.

⁹Вакуленко Н. А., Брюхнов А. А. Характеристика преступника, совершающего сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних // Юристы-Правоведь. 2018. № 3 (86). С. 55–56.

¹⁰Зырянова Е. В. Криминологическая характеристика личности преступников, совершивших насильственные преступления против несовершеннолетних членов семьи (на примере Республики Хакасия) // Пролог. 2014. Т. 2. № 3. С. 66.

ность.

Таким образом, лиц, совершивших насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних, характеризуют сходные психологические черты. Однако у них могут быть разные психологические причины и мотивы совершения преступлений, особенности выбора жертвы и т. д. Исходя из этого, можно сделать вывод о необходимости индивидуально-го подхода к анализу личности преступников данной категории. В свою очередь такое детальное изучение психологии личности преступников сексуальной насильственной направленности позволит использовать полученные данные для розыска и установления преступников, а также в превентивных целях, для предотвращения преступности в отношении несовершеннолетних, осуществлении внимательного отбора лиц на должности воспитателей, учителей, преподавателей.

Информация об авторе

Сенчура Маргарита Викторовна – студентка 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1. Электронный адрес: *senchura_rita@mail.ru*

УДК 343.985

С 79

И. А. Степанова,

*студентка 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Особенности расследования убийств на железнодорожном транспорте, замаскированных инсценировками как проявление противодействия расследованию

В статье автор анализирует вопросы особенностей расследования убийств на железнодорожном транспорте. На основании анализа сложившейся практики в работе делается вывод о том, что использование инсценировок в качестве противодействия расследованию требует знания особенностей функционирования транспортной сферы, особой внимательность при рассмотрении дела и профессионализма следователя.

Ключевые слова: инсценировка, убийство, железнодорожный транспорт, противодействие расследованию, следователь.

Противодействие расследованию иногда встречается в процессе расследования преступлений. В.П. Лавров, под противодействием расследованию преступлений понимает «совокупность умышленных противоправных и иных действий преступников (а также связанных с ними лиц), направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по выяв-

лению, раскрытию и расследованию преступных деяний»¹¹. Обратим внимание на особенности расследования убийств на железнодорожном транспорте, замаскированных инсценировками, как одно из проявлений противодействия расследованию.

Г. Н. Мудьюгин под инсценировкой понимал: «создание преступником ряда искусственных доказательств, в своей совокупности образующих обстановку, характерную для определенного события»¹². Целью инсценировки является подтверждение ложной версии преступника. В юридической литературе применяют следующую классификацию инсценировок умышленных убийств: а) самоубийство; б) несчастный случай; в) убийство, совершенное другими лицами; г) ненасильственная смерть; д) при бесспорной их причастности к убийству - совершение убийства в состоянии необходимой обороны или причинение смерти по неосторожности.

В целом же инсценировки на железнодорожном транспорте встречаются как при совершении преступлений против личности, так и при совершении преступлений против собственности.

Практика показывает, что подвижной состав железнодорожного транспорта используется в качестве средства инсценировки в тех ситуациях, которые связаны с расследованием тяжких и особо тяжких преступлений против личности¹³. Так, обстановка на месте происшествия, поза трупа, а также характер повреждений на нем могут как случайно оказаться схожими с повреждениями, характерными для несчастного случая, так и специально инсценированными для введения следователя в заблуждение. Можно сделать вывод о том, насколько важно для следователя умение отличать признаки, характерные для разных видов насильственной смерти с учетом различных способов лишения жизни.

Анализ следственной практики указывает на то, что факт инсценировки по делам об убийствах встречается не часто.

Инсценировка в качестве способа сокрытия преступления используется в том случае, когда преступник допускает вероятность того, что он будет вынужден давать объяснения, в связи с чем и как погиб убитый им человек. Такого рода объяснения чаще всего дают убийцы, которые были как-либо связаны с потерпевшим ранее¹⁴. Встречаются случаи, когда близкие люди, совершившие преступление и уверенные в непоколебимости своей версии, скрывая убийство обращаются в правоохранительные органы для того, чтобы признать убитого пропавшим без вести. Поэтому фактором, определяющим

¹¹ Лавров В. П. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: курс лекций. М. : Академия управления МВД России, 2011. С. 13.

¹³ Антонов А. Е. Инсценировки на железнодорожном транспорте и распознавание посредством поисково-познавательной деятельности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. С. 13-17.

¹⁴ Фирсова Т. В. Особенности расследования убийств на железнодорожном транспорте, замаскированных инсценировками // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2015. С. 87-90.

выбор в качестве способа сокрытия совершенного преступления инсценировки, можно считать наличие связи между преступником и потерпевшим¹⁵.

Причина распространенности инсценировок именно железнодорожной травмы предельно проста: во время движения по рельсам поезда остановить его в кратчайшие промежутки времени не представляется возможным по причине высокой скорости движения и тяжести состава поезда. Отметим, что преступниками используется способ, при котором жертва размещается (фиксируется) на рельсах, в темное время суток.

Иногда труп убитого оставляют рядом с рельсами. Такой вариант инсценировки используется в двух случаях: когда телесные повреждения, причиненные жертве ранее при убийстве могут быть приняты за транспортную травму; когда преступник намерен инсценировать факт выбрасывания трупа из проходящего поезда.

Можно выделить обстоятельства, на которые при расследовании преступлений с инсценировкой стоит обращать особое внимание. Так, необходимо иметь в виду, что убийца практически всегда не располагает большим количеством времени для продумывания абсолютно всех деталей представляемых им обстоятельств смерти убитого, в связи с этим он неосознанно упускает те или иные детали, допускает несообразность, которая не согласуется с навязываемой им следователю версией. Основываясь на выше сказанном, сложно переоценить значимость тщательного всестороннего осмотра места происшествия. Так, при производстве следственных действий рекомендуется не ограничиваться доскональным изучением железнодорожного полотна, а также осмотреть близлежащие территории, прилегающие с обеих сторон к железнодорожному полотну¹⁶. Железнодорожные повреждения характерны грубые и обширные разрушения костей, а также внутренних органов, тело погибшего размято и расчленено на части, на коже трупа в местах пореза колесами поезда остается широкая полоса осаднения буровато-коричневого цвета¹⁷.

При обнаружении трупа локомотивная бригада сообщает об этом дежурному по станции. Далее необходимо установить членов локомотивной бригады, потому что они на начальном этапе расследования являются единственными свидетелями происшедшего и допрос данных лиц поможет установить обстоятельства произошедшего.

Личность же потерпевшего устанавливается в территориальных органах полиции, на основании заявлений родственников о пропаже потерпевшего, или путем опроса жителей с предъявлением фотографии потерпевшего.

¹⁵ Кирьянов В. Деятельность органов внутренних дел на транспорте на железнодорожных вокзалах Москвы // Профессионал. 2012. № 6. С 34–37.

¹⁶ Абраменкова В. С., Стрелец С. В. Некоторые особенности расследования убийств на железнодорожном транспорте, замаскированных инсценировками // Сибирский Юридический Вестник. 2001. № 2. С 45–50.

¹⁷ Грибунов О.П., Комаров И. М. Противодействие расследованию, совершаемое в форме сокрытия преступлений против собственности на железнодорожном транспорте // Библиотека криминалиста. 2016. № 2 (25). С. 192–202.

Также выясняется, чем занимался, где мог проводить время потерпевший в день происшествия, то есть, применить усилия для выяснения наиболее точного маршрута движения потерпевшего в указанный период.

Версии самоубийства или убийства потерпевшего лицами, которых допрашивает следователь. Так, если большинство родственников исключают возможность самоубийства, а один или несколько из их числа указывают на вероятность этой мысли, стоит заострить внимание на причастности данного лица к совершению. Когда версию поддерживает сразу несколько человек, важно установить, кто из них является ее автором, а также выяснить обстоятельства, указывающие на факт убийства. Также преступниками любим прием «психологического алиби», когда, планируя убийство кого-либо из близких, они изменяют свое поведение для создания у окружающих ложного впечатления о прекрасном отношении преступника к будущей жертве, что позволяет отвести от себя возможные подозрения в дальнейшем.

Таким образом, несмотря на сложность расследования преступлений, которые содержат элементы инсценирования, знание особенностей функционирования транспортной сферы, особая внимательность при рассмотрении дела и профессионализм позволят сделать деятельность, направленную на выявление признаков инсценировок намного эффективнее.

Информация об авторе

Степанова Ирина Алексеевна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1. Электронный адрес: irastepanov2017@yandex.ru

УДК 343.98

Т 80

Д. А. Трушина,

*студентка 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Проблемы аутентичности фонограммы при производстве судебной фоноскопической экспертизы

В статье анализируются некоторые проблемы, связанные с установлением аутентичности либо нарушением аутентичности фонограмм при производстве судебной фоноскопической экспертизы. Рассматриваются способы нарушения аутентичности фонограммы, с более подробным уклоном на фальсификацию фонограмм с использованием новейших цифровых технологий. Предложены возможные методы выявления нарушений аутентичности фонограмм.

Ключевые слова: судебная фоноскопическая экспертиза, аутентичность фонограммы, способы нарушения аутентичности фонограммы, изме-

нение голоса, синтез речи

Современные реалии диктуют необходимость использования цифровых технологий во всех сферах жизни. При общем положительном влиянии цифровизации на упрощение повседневной рутины в части быстрой связи, поиска информации, взаимодействия государственных структур, есть и негативные тенденции – преступная деятельность также активно развивается, всё больше уходя в IT-сферу. По данным статистики с каждым годом увеличивается число преступлений, в которых используются информационно-телекоммуникационные технологии¹. Отвечая современным угрозам преступной деятельности, цифровизация происходит и в судебно-экспертной деятельности. В условиях захватившего страну кибермошенничества и укorenившихся анонимных звонков с сообщениями об актах терроризма большое значение приобретает проведение судебных фоноскопических экспертиз.

Судебная фоноскопическая экспертиза изучает звуковые следы, в частности, устную речь для идентификации и диагностики их источника. Человек, которому принадлежит устная речь, является идентифицируемым объектом, а идентифицирующим объектом выступает фонограмма речи². Посредством проведения экспертизы решается круг вопросов, касающихся: идентификации личности, определения количества участвующих в разговоре лиц, установления содержания разговора, определения происхождения иных звуков, присутствующих на записи, установления фальсификации фонограммы или ее монтажа и иные.

При назначении судебной фоноскопической экспертизы помимо указания границ фрагментов фонограмм, подлежащих исследованию, и предоставления записи в неизменном состоянии, необходимо предоставлять оборудование, на котором проводилась запись, информацию о нем и об условиях записи³. При производстве фоноскопического исследования эксперту первоначально необходимо установить аутентичность фонограммы – отражение реально происходившего акустического события. Для этого проверяется непрерывность, непосредственность записи звуковых сигналов от первоисточника звука, одновременность записи речевых и иных сигналов от различных источников, соблюдение временной и линейной последовательности записи сигналов, полнота отображения речевого события как критерии аутентично-

¹ URL: <https://rg.ru/2020/01/28/rezko-vyroslo-chislo-prestuplenij-sovershaemyh-s-pomoshchiu-it-tehnologij.html> (дата обращения: 02.02.2021).

² Галяшина Е. И. Современные проблемы экспертного исследования звуковых следов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 36.

³ Письмо ФССП России от 18.09.2014 № 00043/14/56151-ВВ «О Методических рекомендациях» (вместе с «Методическими рекомендациями по порядку назначения и производства судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования преступлений, подследственных Федеральной службе судебных приставов», утв. ФССП России 15.09.2014 № 0004/22) . Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

сти⁴.

В условиях научного прогресса проверка аутентичности и достоверности записи значительно усложнилась, так как разработаны способы редактирования и монтажа аудиозаписи практически без оставления следов. Среди таких способов нарушения аутентичности можно выделить следующие: искажение речевого сигнала, монтаж фонограммы, голосовой синтез речи, маскировка и модификация голоса и речи и иные. В целом, все они характеризуются использованием специальных программно-технических средств, но при этом целью является достижение разных результатов, для отражения чего представляется целесообразным использовать классификацию, предложенную Е. И. Галяшиной.

Так, в зависимости от количества и качества трансформации информации в аудиозаписи Е. И. Галяшиной выделены такие способы и результаты нарушения аутентичности:

– искусственное уменьшение количества или ухудшение качества значимой информации (стирание, выборочная запись; нарушение непрерывности записи; искусственная маскировка речи шумом, музыкальной помехой; искажение голоса, в том числе с помощью приборов типа voice-changer, и т.д.);

– искусственное увеличение количества значимой информации (монтаж методом вставки или продолжения; дополнение речевого сигнала вербальной или акустической информацией; микширование и т.д.);

– искусственная полная или частичная замена речевой информации (инсценировка; речевой синтез; имитация голоса и речи; и т.д.);

– искусственное изменение линейной последовательности и компоновка речевой информации в определенном порядке (в том числе посредством монтажа в паузах между репликами)⁵.

Большинство данных способов не требуют каких-либо особых технических возможностей и средств. Процедура монтажа, микширования, стирания или любое снижение качества записи может реализовываться с помощью программ, которые может скачать себе и использовать любой пользователь.

Интерес в настоящее время вызывает фальсификация фонограмм с использованием самых новых цифровых технологий. Обратим внимание на два таких способа фальсификации – изменение голоса и синтез речи.

Изменение голоса заключается в трансформации некоторых характеристик голоса, в частности, тона голоса. Для этого существуют программы, которые работают как с уже записанной аудиодорожкой – постобработка, так и в режиме реального времени – перед поступлением звука в канал записи, например, при записи голосового сообщения в социальной сети сразу же будет создаваться аудио с модифицированным голосом. Причем, это совершенно

⁴ Галяшина Е. И. Судебная фоноскопическая экспертиза: проблемы диагностики аутентичности фонограмм // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3. С. 16.

⁵ Галяшина Е. И. Судебная фоноскопическая экспертиза: проблемы диагностики аутентичности фонограмм. С. 17.

доступный способ: достаточно скачать соответствующее приложение на смартфон или иную технику. Главная проблема при производстве экспертизы в данном случае заключается в том, что выявить такую фальсификацию крайне затруднительно, так как при преобразовании голоса создается новый «чистый» речевой сигнал, но фонограмма не становится аутентичной, так как не содержит действительной информации о речевом событии. Возможный способ выявления фальсификации – проверка метаданных файла (анализ бинарной структуры, поиск информации о применении конкретного программного обеспечения)⁶.

Невероятно интересным является также такой способ нарушения аутентичности фонограммы как голосовой синтез речи, представляющий собой технологию, преобразовывающую письменный текст в устную речь и наоборот. Голосовой синтез осуществляется посредством работы нейронных сетей (нейросетей). Нейросеть является программой-алгоритмом. Человек такие алгоритмы решает интуитивно, на что и направлено действие нейросети – самостоятельное решение ей различных заданных ситуаций (технологии искусственного интеллекта). Для создания нейронной сети необходимо её «обучить», для чего создаются пары примеров, состоящие из письменного текста и аудио-файла, в котором воспроизведен этот текст. Далее эти пары загружаются в модель нейросети, которая анализирует поступившую информацию. После настройки нейросети получается обученная система, которую можно встраивать в инфраструктуру. Нейронные сети сейчас прочно вплетены во многие сферы, но общеизвестным примером именно голосового синтеза является работа голосовых помощников – «Алиса», «Siri» и другие.

Разобрав принцип действия нейросетей, можно применять его в криминальной сфере. Становится возможным создание и обучение нейросети «под конкретного человека» для того, чтобы в дальнейшем имитировать речевое событие, в том числе, чтобы обвинить непричастное лицо в совершении какого-либо поступка, к которому он не имеет отношения. Конечно, возникает сложность в поиске эмпирического материала, но такая проблема исключается, если объектом будет медийное лицо. Также, например, компания «Яндекс» при синтезе голоса использует подход Unit Selection, что дополнительно дает возможность выбора эмоциональной окраски голоса при озвучивании текста, а также возможность анализа всего текста, а не отдельных предложений, что влияет на качество синтеза речи⁷.

Отметим, что методические подходы для распознавания фальсификации фонограммы путем синтеза речи в настоящее время ещё не разработаны, что свидетельствует о необходимости модернизации программного обеспечения и аппаратно-программных комплексов для производства судебной фоноскопической экспертизы. Выходом из указанной ситуации, на наш взгляд, на сегодняшний день может являться сравнение фонограммы синтеза речи со сравни-

⁶ Лебедева А. К. Проблемы производства судебной фоноскопической экспертизы в свете развития цифровых технологий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 6. С. 67.

⁷ URL: <https://cloud.yandex.ru/docs/speechkit/> (дата обращения: 04.04.2021).

тельными образцами идентифицируемого человека. Для этого необходимо собрать достаточное количество сравнительного материала с разными текстами, интонациями и проанализировать на точечные расхождения с фонограммой. Из-за сложности обучения нейросети могут быть учтены не все характерные черты речи человека, например, выбор ударения в словах со свободной нормой, либо расхождение показаний паузации в конкретных случаях и другие противоречия, которые поставят аутентичность фонограммы под сомнение.

Таким образом, развитие цифровых технологий влечет трансформацию преступности, в частности, разработку новых способов нарушения аутентичности фонограмм, что является толчком к необходимому совершенствованию материально-технической базы и повышению уровня методических разработок проведения судебных фоноскопических экспертиз.

Информация об авторе

Трушина Дарья Александровна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ), 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1. Электронный адрес: dtrushina11@gmail.com

**УДК 343.34
Ф 45**

А. А. Фетисова,
*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Психологические особенности деятельности организованных преступных групп

В статье тезисно раскрываются основные психологические особенности организованной преступности. Автор приходит к выводу о необходимости исследования данного явления через такие его стороны, как деятельность и групповые процессы, позволяющие увидеть содержательную сущность современной организованной преступности.

Ключевые слова: организованная преступность, деятельность организованной преступной группы, структура организованной преступной группы.

На сегодняшний день в Российской Федерации одной из основных задач является борьба с организованными преступными группами. Современные тенденции их формирования во многом связаны с процессами глобализации мировой экономики, появлением и развитием новых коммуникационных технологий, уровнем противодействия правоохранительным органам.

В научной литературе выделяют различные взгляды на сущность организованной преступности. А. В. Мудрик делает акцент на экономическую и предпринимательскую деятельность организованной преступности, при этом

считает, что организованную преступность нельзя рассматривать в качестве части экономической преступности¹. Соглашаясь с этим мнением, также полагаем, что исследовать организованную преступность необходимо в широком смысле, при котором к организованной преступности относятся не только экономические стороны противоправной деятельности, но и коррупцию, бандитизм, грабежи, торговлю людьми, вандализм, незаконное изготовление, хранение оружия и т. д.

А. А. Христюк под организованной преступностью понимает «негативное социальное явление, которое представляет собой преступную деятельность для получения, приумножения и легализацию (отмывание) преступных доходов, а также совокупность иерархически построенных организованных преступных формирований, использующих для достижения поставленных целей коррупционные связи и обладающих наивысшей степенью латентности в результате функционирования собственной системы нейтрализации всех форм социального контроля»². В. Л. Васильев под организованной преступностью понимает систему связей, которые ведут к монополизации отдельных видов преступной деятельности, систему с различными связями между группами, осуществляющими преступную деятельность для обеспечения своей безопасности с помощью коррупции и подкупа³.

Исходя из вышесказанного следует, что исследователи в основном подходят к анализу организованной преступности с позиции деятельности, а также групповых феноменов. В связи с этим представляет интерес психологический взгляд на данные стороны организованной преступности.

Деятельность представляет собой динамическую систему взаимодействия субъекта с миром, как специфически человеческую, регулируемую сознанием внешнюю и внутреннюю активность. Исследование деятельности преступных групп важно, например, в криминалистических целях, когда преступная деятельность является объектом познания⁴.

Любая деятельность имеет свои мотивы. Мотивы деятельности организованных преступных групп различны: устранение конкурентов, уничтожение лиц, отказавшихся сотрудничать с преступной группировкой и которые выступают против той или иной организованной преступной группы⁵.

В рамках деятельностного подхода также рассматриваются цели преступной деятельности, основной из которых является обогащение членов преступной группы и трата этих денег на удовольствия. К целям можно также отнести проникновение организованных преступных групп в государст-

¹ Цит. по : Староверов А. В. К вопросу о понятии организованной преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 172.

² Христюк А. А. Понятие и признаки организованной преступности. Организованная преступная деятельность // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 335. С. 109–112.

³ Васильев В. Л. Юридическая психология : учебник. Москва : Юридическая литература, 1991. С. 213.

⁴ Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. Москва : Мегатрон XXI, 2000. С. 63.

⁵ Чернова О. Е. Участие подростковой молодежи в уличных криминальных группировках: причины и мотивация // Вестник Удмуртского университета. 2019. С. 4.

венный аппарат, выход на международные экономические связи. В деятельности, кроме того, выделяют ее результаты. В организованной преступной деятельности, как правило, основной результат сводится к подрыву жизнеспособности общества и атмосфере страха.

Исследуя психологические особенности организованной преступной деятельности, стоит отметить, что она включает в себя связи между участниками. В этой связи представляет интерес психологический анализ групповых процессов организованной преступной деятельности. Психология исследует особенности образования преступной группы, ее структуру, распределение ролей и психологические механизмы управления. Отличительной особенностью организованной преступной группы являются устойчивость, иерархическая структура и защищенность⁶. Рассматривая любую группу, можно сказать, что это образование людей, находящихся вместе, занимающихся определенной совместной деятельностью и осознающих свою принадлежность в этом образовании.

Организованная преступная группа отличается, как правило стабильностью личного состава, в ней вырабатываются групповые нормы поведения и ценностные ориентации. Поведение каждого участника организованной преступной группы обуславливается его личностными качествами, чертами характера, умственными качествами. Нередко в организованные преступные группы вливаются подростки в силу романтизации криминального образа жизни.

К примеру, Г. М. Бреслав считает, что подростки и молодые люди вступают в преступные группы в связи с особенностями процесса их нарушенной социализации, которая, соответственно, влечет личностные и психологические деформации, и является основой для психопатической акцентуации, формирующей склонности к делинквентному поведению⁷.

Организованная преступная группа имеет свою иерархичную структуру, где главным идейным вдохновителем является главарь, а остальные выполняют различные поручения. Структура преступной группы включает в себя следующие роли: главаря, авторитета (ов), исполнителей, аутсайдеров и социальную микросреду. Каждая роль в преступной группе имеет свои функции. Знание о них позволяет разработать оперативные мероприятия, осуществить оперативное внедрение.

С. Д. Гринько указывает на важность исследования организованной преступности с учетом нового времени. Он отмечает, что масштабность борьбы с организованной преступностью определяет необходимость опережающего прогноза развития криминальной ситуации на территории Российской Федерации. Для того чтобы достичь точности в определении основных целей и задач в борьбе с организованной преступностью, необходимо установить интен-

⁶ Джулай Д. И. Криминологические и социально – психологические аспекты соучастия в преступлении (на примере Мурманской области) // Вестник Пермского университета. 2012. № 17. С. 211.

⁷ Бреслав Г. М. Эмоциональные особенности формирования личности в детстве: Норма и отклонения. Москва : Педагогика, 2010. С. 43.

сивность мер профилактики и уголовно–правового воздействия⁸.

В заключение отметим, что борьба с организованными преступными группами важное направление в вопросах сохранения безопасности государства. Привлечение знаний психологии, исследование организованной преступности в ее социально-психологическом аспекте, является важной составляющей этой борьбы.

Информация об авторе

Фетисова Анастасия Андреевна – студентка 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: anastasia.fet02@gmail.com; 79041168542

⁸ Гринько С. Д. Особенности организованной преступности. Москва : Закон и право, 2019. С. 2.

УДК 159.9
Ф 45

М. В. Феттер,

*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Положительные девиации и критерии их допустимости

Статья посвящена анализу положительных девиаций как явлению, с одной стороны, противоположному отрицательным девиациям, и, с другой стороны, также противоречащему существующим социальным нормам. Автор задается поиском критериев их допустимости.

Ключевые слова: девиации, положительные девиации, критерии допустимости положительных девиаций.

Девиация – явление, характеризующее отклонением от социальных норм. Как известно, девиации могут быть как негативными, например, наркомания, алкоголизм, токсикомания и др., так и положительными (героизм, творческие новации, реформаторские идеи, проекты и достижения в науке и др.).

В научной литературе отсутствует единое мнение о сущности положительных девиаций, в юридической же – данное явление в целом не рассматривается. Между тем считаем, что девиации с положительным знаком, а именно их исследование, может иметь для правовой теории и практики важное значение. Например, в виде прогнозирования значимых для общества изменений, требующих законодательной поддержки. Как произошло это со свободным оборотом иностранной валюты, которая в советский период запрещалась под страхом уголовного наказания. Она же, как показало время, имеет важное значение в развитии международных отношений.

По мнению П. И. Остапенко, положительные девиации – это деятельность, направленная на преодоление сопротивления консервативных и реакционных сил для способствования прогрессивному развитию общества, социальных систем»¹. Можно сказать, что положительными считаются такие девиации, которые несут в перспективе благоприятные последствия для общества.

Основное отличие положительных девиаций от отрицательных заключается в том, что данное отклонение от общепринятых в обществе норм тем не менее положительно оценивается обществом или ее частью. Между тем, статистического значения придать данному явлению, по мнению Р. О. Агавеляна и А. А. Малика, не представляется возможным, так как об-

¹ Остапенко П. И. Положительные девиации как элемент развития современного российского общества // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. № 85. С. 638.

щество всегда развивается динамично, меняется его нравственный и моральный облик, общественные ценности и ориентиры². Таким образом, в разные периоды общественного развития одно и то же явление может приобретать либо отрицательный, либо положительный смысл.

Дихотомическое единство противоположных девиаций наглядно показано в работах Э. Дюркгейма. В частности, Э. Дюркгейм подчеркивал, что в такой негативной девиации, как самоубийство вполне можно разглядеть и положительные стороны. Им было выделено две формы самоубийства: эгоистическое и альтруистическое. В эгоистических самоубийствах причиной является крайний индивидуализм как реакция на ослабление уз человека с социумом. В альтруистическом же самоубийстве, причиной является напротив недостаточная индивидуальность. Альтруистическое самоубийство совершается ради защиты чести (религиозные убеждения), обязанности нести долг перед обществом, воспитавшим человека (участие в войне). Однако такой «обязательный альтруистический тип самоубийства», не всегда совершается добровольно, это возможно через принуждение со стороны общества. Поэтому Э. Дюркгейм указывал на недостаточную индивидуальность субъекта суицида, т.е. выраженную подчиняемость внешним стимулам (религиозным догмам, авторитетам и т.д.). Такое самоубийство как бы удостаивается общественной премии и становится в определенных условиях позитивной девиацией, поощряемой обществом³.

Ч. Ломброзо в качестве положительной девиации рассматривал проявление гениальности и наблюдал ее наличие у страдающих психическими расстройствами лиц – помешанных. Уникальные идеи приходят к таким людям на бессознательном уровне, однако эти идеи чаще носят отрицательную направленность. Ч. Ломброзо писал: «Гениальность и помешательство – бедствия человечества»⁴. Только в исключительных случаях, по его мнению, гениальность как положительная девиация являются следствием психических расстройств. Гениальность – такая же крайность, которая может быть как положительной, так и направить на ложные выводы.

Значение положительных девиаций нельзя недооценивать. По мнению Э. В. Снимщикова, положительная девиация – есть способ наиболее эффективной адаптации в обществе⁵. Положительные девиации представляют собой результат самореализации, саморазвития личности, то есть достижение акме⁶, вершины развития личности, которая достигается за счет субъектив-

² Агавелян Р. О., Малик А. А. Норма и девиации: соотношение понятий // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 6. С. 25.

³ Дюркгейм Э. Самоубийство. Москва : Союз, 1998. 284 с.

⁴ Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. Москва : Эксмо, 2018. 92 с.

⁵ Снимщикова Э. В. Творчество как вариант проявления позитивных девиаций поведения // Общество: политика, экономика, право. 2009. № 1–2. С. 118.

⁶ Соматическое, физиологическое, психологическое и социальное состояние личности, которое характеризуется зрелостью ее развития, достижением наиболее высоких показателей в деятельности, творчестве.

ной активности и творческого начала⁷.

В психологии считается, что данное явление помогает нейтрализовать негативные эмоции человека, за счет возможности развития его экзистенции, свободы воли. Между тем, проблема заключается не столько в том, что существуют запреты на конкретное творчество, сколько в их отсутствии. Проблема положительных девиаций заключается именно в сопротивлении запретам (существующими стандартами и нормами), и гениальный человек видит в этом смысл своего творчества. В нем он противопоставляет себя существующим социальным нормам, совершенствует себя, развивается как личность, полагает, что его дело получить широкую поддержку. Не будь запретов, не будет и смысла в его творчестве, которое не противоречит принятым нормам и стандартам, но принимаемась обществом и поэтому отнесено к положительным девиациям.

По мнению З. Фрейда положительные девиации важны в излечении неврозов. Цель культуры, – писал З. Фрейд, – заключается в обеспечении сдерживания и подавления свойственной для человека агрессии посредством свободы творчества⁸. Выражаясь в творчестве (научном, художественном и т.д.) человек как бы снимает напряжение, нивелирует агрессию. Подавление свободы творчества ведет к выражению агрессии в иных формах. Соглашаясь в целом с таким выводом, полагаем, что важна и мера свободы, поскольку граница между положительными и отрицательными девиациями, как было указано ранее, достаточно подвижна. Например, разрешая творчество на темы полового поведения и не определяя границы меры, мы тем самым рискуем нанести вред психике несовершеннолетних зрителей. Здесь важны критерии эротики и порнографии.

По мнению другого психоаналитика – Э. Фромма, положительные девиации – есть сокрытие истинных эмоций от окружающих. Определенный творческий вклад поощряется, иной не допускается, тем самым создается шаблон допустимого образа мышления и возможных реакций, которым необходимо отдать предпочтение для признания социумом и интеграции в общество, даже при несоответствии истинных чувств со стандартами. Конформизм и стремление быть «своим» управляет поступками, обеспечивает устойчивое функционирование общества, но в то же время ограничивает человека в его мыслях, проявлении эмоций, лишает его уникальности⁹. Соглашаясь с теорией Э. Фромма, между тем полагаем, что в его видении сущности положительных девиаций отсутствует основной признак – несоответствие существующим социальным нормам. Конформизм не есть то, что противоречит им, даже если конформизм вынужденный.

Таким образом, положительные девиации – важные для исследования

⁷ Ильин В. А., Майсак Н. В. Психолого-акмеологические девиации представителей социэкономических профессий // Психологический журнал. 2019. № 1. С. 60.

⁸ Франц С. В., Франц Н. А. Фрейдистская теория девиантного поведения // Наука и современность. 2011. № 8–3. С. 131.

⁹ Фромм Э. Бегство от свободы. Москва : АСТ, 2020. С. 231–237.

явления, в том числе для юридической теории и практики. Юристы могут использовать знания о них, как средства регулирования общественных отношений при наличии научно обоснованных критериев допустимости. Главным при этом должен быть принцип – не навреди. Полагаем, что разработка критериев меры творческой свободы (научной, художественной, журналистской, экспертной, свободы слова и печати и т.д.) задача разрешимая.

Информация об авторе

Феттер Мария Викторовна – студентка 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: fetter66@bk.ru

УДК 343. 85

Ф 53

А. Д. Филимонов,

студент 2 курса
ИЮИ (ф) УП РФ

Кибер-аддикция у подростков: последствия и меры профилактики

В статье исследуется проблема кибер-аддикции у современных подростков. Рассматриваются виды и причины данного явления, а также последствия, носящие личностный и общественный характер. Обобщаются меры и стратегии профилактики кибер-аддикции у подростков.

Ключевые слова: кибер-аддикция, интернет, профилактика кибер-аддикции.

Аддикция (с англ. *addiction* – зависимость, пагубная привычка) – это ощущаемая человеком навязчивая потребность в определенной деятельности¹⁰. К различным формам аддикции относят: наркозависимость, игроманию, интернет-зависимость, шопоголизм и др. Термин «киббер-аддикция» используется как синоним интернет-зависимости. Она чаще всего характерна

¹⁰ Свенцицкий А. Л. Краткий психологический словарь. Москва : Проспект, 2011. С. 11.

для подростков в силу пластичности их психики, отсутствия у них устойчивого самоопределения в социуме. По мнению Е. В. Тарасовой, кибер-аддикция представляет собой разнообразные формы зависимостей и пристрастий в сфере интернет-технологий¹. Ряд других авторов под кибер-аддикцией понимают форму психологической зависимости, проявляющуюся в навязчивом увлечении компьютерными играми, подчиненности своего выбора внешней ложной цели, достижению прогресса в виртуальной игровой реальности².

На сегодняшний день в науке выделяют немало разновидностей кибер-аддикции. Так, Е. В. Тарасова выделяет два основных вида данного явления. Во-первых, это зависимость от Интернета, которая проявляется в постоянном желании нахождения в социальных сетях и неумении с ними расставаться и, во-вторых, – от виртуальных игр, в которых особенно подростки проводят много времени, пытаясь самореализоваться в этой среде³. Другие исследователи дают более расширенную классификацию видов кибер-аддикции: игроманию, подразделяющуюся на ролевую зависимость и неролевую; сетеголизм; киберсексуальную и киберкоммуникативную зависимость⁴.

Причины кибер-аддикции разнообразны и проявляются по-разному. По мнению исследователей к ним можно отнести: эмоциональную неустойчивость и резкие колебания настроения, сложности в принятии своего физического «Я», чувство одиночества и негативизм, заниженную самооценку, избегание проблем и ответственности⁵; недостаток общения со значимыми людьми; постоянное психологическое напряжение, способом ослабления которого становится компьютерная игра; трудности в какой-либо сфере жизни, особенно в социальной; в качестве возможной причины отмечают низкую или завышенную самооценку подростка⁶.

К чему приводит кибер-аддикция? Вопрос важный не только с точки зрения вреда, приносимого здоровью подростка, но и профилактики девиантных форм поведения, к которым зачастую переходит всякая аддикция. Во-первых, как было отмечено, кибер-аддикция пагубно отражается на здоровье подростка, поскольку последний проводит много времени за компьютером. Вследствие чего нарушается осанка, портится зрение, возникают головные боли. Теряя чувство времени, подросток, как правило, забывает о потребно-

¹ Тарасова Е. В. Кибердевиации в интернет-пространстве как новая форма отклоняющееся поведения. Специфика и вопросы предупреждения // Трансформация права в информационном обществе : сборник трудов конференции / под ред. О. А. Пучкова. Екатеринбург, 2019. С. 220.

² См., напр., Поздняков А. В. Психологическая и социально-педагогическая поддержка преодоления компьютерной зависимости подростков // Политика. Экономика. 2014. № 1 (20). С. 18–25 ; Щербачева П. П., Устинова Н. А. Влияние кибераддикции на личность подростка. // Гуманитарный научный журнал. 2017. № 1. С. 94.

³ Тарасова Е. В. Указ. соч. С. 220.

⁴ Чулкова А. В., Чулкова Е. А. Психологическая коррекция и профилактика интернет-зависимого поведения у подростков : монография. Петрозаводск, 2019. С. 91–107.

⁵ Щербачева П. П., Устинова Н. А. Указ. соч. С. 97.

⁶ Лихван А. В., Мозговая Н. Н. Особенности психологического пространства личности школьников, зависимых от компьютерных игр // Инновационная наука. 2017. № 1–2. С. 193–196.

сти во сне и даже еде⁷.

Во-вторых, наиболее серьезным последствием является потеря способности отличать реальность от так называемой «виртуальной реальности»⁸. Образы и поведение из компьютерной игры переносятся в реальность, теряется чувство безопасности и элементарного защитительного страха. В-третьих, кибер-аддикция может привести к психической инфляции – состоянию расширения границ своей личности, в результате которой субъект испытывает чувство идентичности, например к игровому персонажу. Идентифицируя себе с персонажем, игрок принимает на себя эту маску, что препятствует личностному развитию⁹. По мнению А. В. Позднякова данный вид зависимости можно сравнить с наркотической зависимостью¹⁰, подросток нуждается в виртуальном образе, спешит забыться в игре и отвлечься от повседневных забот и волнений. Своеобразное бегство от реальности.

Е. В. Тарасова выделяет в качестве последствия кибер-аддикции проявление агрессии в Интернете и таких ее видов, как «троллинг», «интернет моббинг» и «буллинг»¹¹. По мнению Р. А. Внебрачных, троллинг проявляется в возможности проявляющего агрессию человека взбудоражить целый ряд сообществ, умело сталкивая их между собой и используя проекции публичности в СМИ для привлечения внимания широкой общественности¹², что в свою очередь приводит к конфликтам, выходящим в том числе на уровень как отдельного государства, так и на межгосударственный уровень.

Проявление агрессии в случае кибер-аддикции проявляется не только в Интернете, но и в реальной жизни этого человека. Например, в Челябинской области 15-летний подросток совершил убийство своей матери в ответ на запреты в онлайн игры¹³; в Новосибирской области школьник совершил убийство другого подростка, причиной которого стал конфликт из-за компьютерной игры¹⁴; в Миассе (Челябинская область) подросток совершил убийство своих родителей после запрета играть в компьютерные игры¹⁵. Данные случаи становятся частными в судебной практике и заставляют задуматься о данном явлении как большой социальной проблеме, требующей применения мер профилактики.

⁷ Ученые раскрыли последствия развития зависимости от компьютерных игр // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20160510/1430525727.html> (дата обращения: 01.11.20).

⁸ Стала известна игра, виноватая в массовых убийствах // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20200226/1565235707.html> (дата обращения: 01.11.20).

⁹ Щербачева П. П., Устинова Н. А. Указ. соч. С. 97.

¹⁰ Поздняков А. В. Указ. соч. С. 18–25.

¹¹ Тарасова Е. В. Указ. соч. С. 221.

¹² Внебрачных Р. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского университета. Серия философия. Психология. Педагогика. 2012. № 1. С. 36–39.

¹³ В Челябинской области 15-летний подросток зарезал свою мать, которая запретила ему онлайн-игры // Новости. Первый канал. URL: https://www.1tv.ru/news/2015-10-05/9937-v_chelyabinskoy_oblasti_15_letniy_podrostok_zarezal_svoyu_mat_kotoraya_zapretila_emu_onlayn_igry (дата обращения: 01.11.20).

¹⁴ Новосибирский школьник убил подростка из-за компьютерной игры // Комсомольская правда. URL: <https://www.nsk.kp.ru/daily/24105/330559/> (дата обращения: 01.11.20).

¹⁵ Игроман-потрошитель из Миасса показал полиции, как убивал родную мать // НТВ.RU. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1546768/> (дата обращения: 01.11.20).

Профилактические меры кибер-аддикций, по мнению исследователей, должны проводиться при комплексном подходе и взаимодействии ведущих социальных институтов: семьи, школы, вузов, медицинских учреждений, правоохранительных органов, органов местного самоуправления, федеральных органов власти и т. д. Профилактическая работа, по мнению Т. П. Филатовой, должна включать в себя следующие этапы:

1. Информационное просвещение, направленное на информирование подростков о факторах риска в Интернете.

2. Формирование ценностно-смыслового образа мира у подростков посредством создания и развития социальных навыков и стратегий поведения с помощью привития здорового образа жизни в реальных школьных и иных группах, вовлечение в общественно-полезные работы – создание волонтерских движений; осуществление патриотического воспитания – проведение военно-спортивных игр и т. д.

3. Проведение диагностики игровой аддикции, позволяющей выявить эффективность вышеуказанных профилактических методов, а также определить подростков, у которых уже сформирована кибер-аддикция¹⁶.

К мерам профилактики также относят некоторые стратегические мероприятия профилактической работы с компьютерной зависимостью: положительный пример родителей, ограничение времени работы за компьютером; использование компьютера как элемента эффективного воспитания, только в качестве поощрения; обращение внимания на жанр игр; обращение к психологам, в случае невозможности справиться самостоятельно с проблемой и т. д.¹⁷.

Между тем, не со всеми рекомендациями исследователей, по нашему мнению, можно согласиться. В частности, использование компьютера в качестве поощрения как средство профилактики может привести к не менее глубоким проблемам, нежели интернет-зависимость. На основе такого подкрепления – компьютера как средства поощрения – возможно формирование внешней мотивации в ущерб истинным интересам к учебе, способам манипуляции близкими людьми для достижения личных целей.

На основании вышеизложенного приходим к следующим выводам. Кибер-аддикция у подростков – одна из распространенных современных проблем. Причинами данной зависимости является невозможность найти себе место в реальной жизни, реализовать себя, установить контакт с окружающими. По справедливому замечанию Д. Д. Миронова, «... необходимо дать ребенку недостающее в реальном мире ощущение счастья, спокойствия, уверенности, которое он ищет в виртуальном»¹⁸. Кибер-аддикция необходимо

¹⁶ Филатова Т. П. Особенности организации и проведения первичной психолого-педагогической профилактики компьютерной игровой аддикции среди подростков // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2015. № 47. С. 37–45.

¹⁷ Фоменко А. И., Семенцова И. А. Профилактика кибераддикции как основа предотвращения преступного поведения подростков с пограничным состоянием психики // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 2 (186). С. 113–118.

¹⁸ Миронов Д. Д. Кибердевиация несовершеннолетних как вид отклоняющегося поведения // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2017. № 1. С. 4–8.

требует профилактических мер комплексного характера с участием ведущих социальных институтов, в которые так или иначе включен подросток.

Информация об авторе

Филимонов Аркадий Дмитриевич – студент 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: filimonovarkadiyu@rambler.ru

УДК 343.985

Ч 75

М. П. Чобан,

студентка 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ

Адвокат как субъект противодействия расследованию

В статье рассмотрена возможность отнесения адвоката к субъектам противодействия расследованию. Соотнесены явление противодействия расследованию и принцип состязательности в уголовном процессе. Определены принципы деятельности адвоката в рамках криминалистической теории о противодействии расследованию и раскрытию преступлений.

Ключевые слова. Адвокат, противодействие расследованию, принцип состязательности, криминалистическая тактика.

С недавних пор явление противодействия раскрытию и расследованию преступлений стало ключевым в науке, ведь на сегодняшний день 83,8 % опрошенных следователей видят в нем механизм, позволяющий преступникам влиять на деятельность по расследованию и ее итоги¹.

Изучив предложенные в науке определения, мы приходим к выводу, что в общепринятом понимании противодействие расследованию можно определить как умышленную деятельность с целью воспрепятствовать расследованию и, в конечном итоге, установлению истины по уголовному делу².

С нашей точки зрения, наиболее интересным для рассмотрения является положение защитника в уголовном процессе, поскольку он, находясь в рамках состязательного процесса нередко в конфликтной ситуации со следствием и будучи связанными обязательствами с допрашиваемым, не должен в стремлении защитить его и отстоять его интересы воспрепятствовать установлению истины по делу, создавать трудности и помехи при его расследовании и раскрытии³.

¹ Рахматуллин Р. Р. Проблемы криминалистической тактики. Казань : Казанский федер. ун-т, 2014. С. 25.

² Аверьянова Т. В. Криминалистика : учебник для вузов. М., 2003. С. 973.

³ Кодекс профессиональной этики адвоката : принят первым Всероссийским съездом адвокатов 31 янв. 2003 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Однако в науке и среди правоприменителей мнения насчет возможности отнесения адвоката-защитника к субъектам противодействия разнятся. Так, например, И. А. Цвохребова считает постановку такого вопроса невозможной, ввиду того что появление исследований по данному вопросу ущемляет права адвокатуры и является антинаучным⁴. А. С. Глушенков утверждает, что противодействие в рамках УПК является правом обвиняемого на защиту⁵.

По мнению же А. А. Павлова есть все основания расценивать действия защитника в качестве противодействия. Более того, он отмечает, что по большинству уголовных дел адвокаты не нарушают норм уголовного и процессуального законодательства. Е. А. Вишницкий, будучи практиком, также считает, что противодействие со стороны защитников имеет место быть, и самым распространенным способом при этом является умышленное затягивание ознакомления с материалами уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 217 УПК РФ. Например, в рассматриваемом Южно-Сахалинском городском судом случае следователь доказал недостоверность сведений, предоставленных адвокатом, служивших основанием для продления срока ознакомления, и как результат в Сахалинской области сложилась положительная практика, позволяющая органам следствия противодействовать недобросовестным адвокатам⁶.

На этом этапе возникает резонный вопрос о том, как относиться к противодействию проведения расследования посредством использования адвокатом средств, не выходящих за рамки закона.

Одной из причин возникновения противоречий является неверное восприятие закрепленного ст. 15 УПК РФ принципа состязательности как конкурентной игры со стратегическими противниками в лице обвинителя и защитника, что искажает понимание целей сторон в уголовном процессе. Обращаясь к результатам исследований, мы обнаруживаем, что 70 % адвокатов, опрошенных на условиях конфиденциальности, признали, что основной целью своей деятельности они видят не установление истины по делу, а в разрушении системы доказательств по делу, их дискредитации и оправдании ожиданий подзащитного любыми способами⁷.

⁴ Цвохребова И. А. Допустимо ли относить адвоката-защитника к субъектам противодействия расследованию // Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы : сборник научных трудов. М., 2007. С. 413–414.

⁵ Малышкин П. В. Понятие и сущность противодействия расследованию со стороны адвоката-защитника // «КиберЛенинка» : научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-protivodeystviya-rassledovaniyu-prestupleniy-so-storony-advokata-zaschitnika> (03.02.2021).

⁶ Вишницкий Е. А. Адвокат-защитник или противник следствию // Проблемы противодействия расследованию преступлений и пути их преодоления : сборник материалов Межведомственного научно-практического семинара. Хабаровск, 2017. С. 13-16.

⁷ Тишутина И. В. К вопросу об адвокатах как о субъектах противодействия расследованию // Расследование и противодействие ему в состязательном уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические вопросы : сборник научных трудов. М., 2007. С. 396.

По нашему мнению, следовать принципу состязательности необходимо при условии обращения к криминалистической теории о противодействии расследованию. Так возникает общий интерес обеих сторон к установлению объективной истины по уголовному делу. Подразумевается, что тактика профессиональной защиты должна не только отвечать требованиям закона, но и не допускать двоякого его толкования, соблюдать требования этичности. Другими словами, можно ли считать признаком профессионализма защитника организацию его работы по принципу поиска пробелов в законодательстве и работе следствия? Стоит заметить, что упорное выискивание малозначительных ошибок в работе следователя для заявления ходатайств о признании таких доказательств недопустимыми исключительно с целью затягивания процесса не отвечает уровню профессионализма адвокатуры, который предполагается идеей принципа состязательности. В таком случае происходит не следование закону и его идеям, а «формалистское» злоупотребление, позволяющее повернуть ход игры в свою пользу.

Как показывает практика, привлечение адвоката к уголовной ответственности – нередкий случай. Причем оно возможно как при осознанном нарушении адвокатом норм права, так и при проявлении им невнимательности и неосмотрительности. Так, например, резонансным оказалось возбуждение в июле 2016 г. уголовного дела в отношении адвоката Николая Русинова по ч. 3 ст. 294 УК РФ. По версии следствия Русинов, «преследуя цель вынесения оправдательного приговора, неоднократно обращался к судье и активно навязывал ему мнение о невиновности подзащитного без фактического рассмотрения судом уголовного дела в отношении него». Николай Русинов был задержан на двое суток, затем помещен под домашний арест. Уголовное дело прекратили только спустя полтора года с момента его возбуждения⁸.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что защитника- адвоката можно считать субъектом противодействия расследованию. Основной сложностью в борьбе с данным явлением является то условие, что защитник может эффективно противодействовать не выходя за рамки закона, а сформулировать в норме права критерии злоупотребления правом достаточно сложно. Соответственно, единственным упоминанием на данный счет в законодательстве является обязанность адвоката честно, разумно и добросовестно исполнять свои обязанности, придерживаясь правил адвокатской этики.

Информация об авторе

Чобан Мария Петровна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: chobanmariya1999@mail.ru

⁸ Кузнецов Г. Прекращено преследование адвоката, обвинявшегося во вмешательстве в деятельность суда // Адвокатская газета : специализированное юридическое издание. URL : <https://www.advgazeta.ru/novosti/prekrashcheno-presledovanie-advokata/> (03.02.2021).

УДК 343.95 + 159.9
Ш 65

Р. О. Шишкин,
студент 2 курса
ИЮИ (ф) УП РФ

**Вандализм как форма девиантного поведения молодежи:
причины возникновения и меры профилактики**

В статье изложены основные особенности вандализма как формы девиантного поведения молодежи. Рассмотрены причины возникновения вандализма, приведены результаты исследований по оценке данного явления. В заключении предложены отдельные меры профилактики вандализма с целью воспитания молодого поколения.

Ключевые слова: вандализм, девиантное поведение, профилактика вандализма.

Вандализм представляет собой одну из форм разрушительного поведения человека. Данное явление рассматривается как девиантное (отклоняющееся), противоречащее установленным в обществе правовым нормам, создающее угрозу общественному порядку и нарушающее социальное равновесие. По мнению Е. В. Змановской, «оно включает любые действия или бездействия, запрещенные законодательством»¹ и формируется под воздействием разных факторов, включая социальный статус индивида и его ценностные ориентации².

В девиантологии вандализм рассматривается в широком смысле и включает в себя как мелкие разрушения окружающих предметов и вещей (повреждение баннеров), так и более крупные и опасные разрушения (погромы магазинов во время массовых беспорядков). Данное явление в большей степени характерно для молодежи: детей и юношей, средний возраст которых составляет от 8 до 27 лет. Ранний возраст совершения актов вандализма накладывает определенный характерный отпечаток. В частности, согласно данным исследований Ле Блана, ущерб имуществу чаще всего причиняется под действием эмоционального фона. Подростки преимущественно воспринимают вандализм как игру, при этом чувствуя страх и волнение. Их действия в основном носят спонтанный характер, а орудие совершения правонарушения используется из-за неуверенности. «Важная характеристика подросткового вандализма – присутствие сообщников»³.

¹ Змановская Е. В. Девиантология : (Психология отклоняющегося поведения) : учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Москва : Издательский центр «Академия», 2008. С. 21.

² Новаковская В. С., Мамедова Л. В. Психолого-педагогическая работа с детьми и подростками с девиантным поведением : учебное пособие. Нерюнгри : Технический институт (ф) СВФУ, 2011. С. 14.

³ Волкова Л. А. Вандализм и граффити как одна из форм проявления девиации среди молодежи // Психология и педагогика: методика и проблемы. 2004. № 2. С. 122–123.

Исследователи выделяют различные элементы вандализма. Так, А. Голдштейн указывает на преднамеренность деяния, деструктивность и «право собственности» на разрушенный объект. Хотя в части преднамеренности как признаке вандализма мнения исследователей расходятся. Соглашаясь с такой критикой, полагаем, что вандализм среди молодежи может быть не только преднамеренным, но и проявиться вследствие невнимательности, отсутствия аккуратности, неосознанности. Однако во многих эмпирических исследованиях намеренные и ненамеренные разрушения не различаются, и оцениваются лишь по одинаковому результату – материальному ущербу и деградации окружающей среды⁴. По мнению Ю. А. Клейберга, трудность в определении вандализма состоит прежде всего в том, что индивидуальные, групповые и социальные нормы расходятся в понимании того, какие именно разрушения имеют деструктивный для общества характер»⁵.

Одной из важных задач в исследовании вандализма является выявление причин его возникновения. Вандализм как одна из его форм «часто предстает бесцельным, бессмысленным, немотивированным поведением», отмечает М. И. Еникеев⁶. Независимо от этого вандализм имеет свои причины, а их установление является важной составляющей в понимании сущности данного явления. Вандализм преимущественно объясняется ошибками семейного воспитания – «гиперопекой или крайне жестким обращением, неблагоприятным влиянием микросреды»⁷.

Наиболее известную из устоявшихся типологий причин вандализма, в основу которой заложен «доминирующий мотив разрушения» составил С. Коэн. По его мнению в основе возникновения вандализма лежат шесть основных мотивов: 1) Вандализм как способ приобретения – в качестве мотива совершения противоправных действий выступает материальная выгода; 2) Тактический вандализм – разрушительные действия девианта служат лишь одним из шагов к достижению настоящей цели; 3) Идеологический вандализм – в данном типе девиант преследует социальные или политические цели, при этом придавая своим действиям символическую окраску. Например, в 2020 г. в США в связи с гибелью афроамериканца Джорджа Флойда от рук белого полицейского движение BLM (Black Lives Matter) совершило ряд актов вандализма по сносу памятников, посвященных рабовладельцам, а также основателям США в знак протеста⁸; 4) Вандализм как мщение – разрушительные действия носят в первую очередь личный характер и являются закономерным ответом за ущемление чести и достоинства; 5) Вандализм как игра – совершение вандальных действий подростками ради достижения более вы-

⁴ Скороходова А. С. Вандализм // Социологический журнал. 1999. № 3–4. С. 67.

⁵ Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения: учебное пособие для вузов. Москва : ТЦ Сфера, при участии «Юрайт-М». 2001. С. 68.

⁶ Клейберг Ю. А. Указ. соч. С. 69.

⁷ Еникеев М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии: учебник для вузов. Москва : Норма, 2005. С. 197.

⁸ Убийство Джорджа Флойда: похороны в Хьюстоне и призывы к реформе полиции // BBC News Русская служба. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-52986528> (дата обращения: 03.02.2021).

сокого положения в группе сверстников за счет проявления силы, ловкости, смелости; б) Злобный вандализм – разрушительные действия, мотивируемые обидой, завистью к людям, пренебрежительным отношением к ним, часто направленные на получение удовольствия от причинения вреда⁹.

Характерным мотивом вандализма у подростков является желание развлечься, привлечь внимание к своей личности. Для удовлетворения данной потребности «молодой человек может залезть на телевизионную башню или украсть у учителя из сумки записную книжку»¹⁰.

Я И. Гишинский справедливо отмечает, что вандализм не только дезорганизует социальную систему, подрывает ценностные устои общества и институт собственности, но и формирует устойчивую преступную личность¹¹. Постепенно такой субъект переходит к более опасным преступлениям, таким как погромы, разбой, нанесение иного существенного ущерба общественной или частной собственности.

Авторским коллективом Уральского государственного университета было проведено исследование, направленное на выявление отношения граждан к вандализму. В ходе исследования было выяснено, что вандализм воспринимается как безусловно негативное, связанное с разрушительными для общества последствиями¹². Однако понимание того, какие деяния можно отнести к вандализму оказалось весьма узким. Респонденты отметили в данном качестве наиболее очевидные вандальные акты, упуская наиболее безобидные деяния, тем не менее признаваемые законом запрещенными по причине их общественной вредности. Граждане не осуждают подобные поступки по причине их укрепления в практике и, как следствие, придания им мнимой формы правомерности. Таким образом, «значительная часть молодежи производит вандальные действия, не отдавая себе в этом отчета и не подозревая, что это и есть акт вандализма»¹³.

Подобные действия, характеризуемые как «формы предпреступного поведения»¹⁴, со временем укрепляются и становятся привычными. Личность вырабатывает признаки асоциального поведения, которое в отдельных случаях может принять антисоциальный характер. Согласно исследованию Л. Шэннона, подростки, совершавшие правонарушения в более раннем возрасте, к 21 году имели более серьезную преступную карьеру¹⁵.

Для предотвращения формирования девиантного поведения у молодежи

⁹ Терехина О. А. Социальные характеристики лиц, склонных к вандализму // Инновационная наука. 2016. № 10. С. 141–142.

¹⁰ Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения : учебное пособие. Санкт–Петербург : Речь, 2005. С. 77.

¹¹ Менделевич В. Д. Указ. соч. С. 77.

¹² Руденкин Д. В. Молодежный вандализм в среде мегаполиса: границы нормы и девиации // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 2. С. 137.

¹³ Руденкин Д. В. Указ. соч. С. 139.

¹⁴ Еникеев М. И. Указ. соч. С. 197.

¹⁵ Скороходова А. С. Граффити: значение, мотивы, восприятие // Психологический журнал. 1998. № 1. С. 147.

жи (особенно, в наиболее опасных формах) необходимо принимать меры профилактики и воспитательного воздействия. Как нам представляется, основной мерой в данном случае является вовлечение подростка в коллективные виды деятельности¹⁶, в которых самореализация заменит потребность в разрушениях. Одно из центральных мест занимает применение правового просвещения. Проработка с подопечными в ходе профилактических работ отдельных частей законодательства в части защиты материальных объектов и охраняемых законом культурных ценностей. Воспитание бережливости к окружающей среде, раскрытие смыслового значения отдельных предметов для людей, а также раскрытие психологических причин вандализма.

Таким образом, вандализм в целом рассматриваются как разновидность молодежной девиантности. Вандализм представляет собой серьезную угрозу нормальному нравственному развитию молодежи и, как следствие, обществу в целом. Необходимо обращать внимание на воспитание молодого поколения, проводя профилактику вандализма на ранней стадии.

Информация об авторе

Шишкин Роман Олегович – студент 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: romanshishkin1602@mail.ru

¹⁶ Новаковская В. С., Мамедова Л. В. Указ. соч. С. 53.

Научное издание

Проблемы становления гражданского общества

***IX Международная научная студенческая
конференция***

Иркутск, 19 марта 2021 года

Часть III

Подписано в печать 17.03.2021.
Формат 60x84 1/16. Уч.-изд. л. 20,7.
Усл. печ. л. 21,3. Тираж 10 экз.

Иркутский юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации
664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.